А. БЕБЕЛЬ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Складъ изданій:
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. ЕФИМОВА.
1907.

А. Бебель.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: МОСКВА,
Моховая, д. Бенкенцорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова.
1906.

МОСКВА.
Типографія П. К. Прянишникова, Цвѣтной бульваръ, д. № 21.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это сочиненіе не имѣетъ притязанія быть научнымъ изслѣдованіемъ; для этого, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно возникло, у меня не было никакихъ средствъ.

Фактическая сторона взята преимущественно изъ сочиненія Циммермана „Исторія великой крестьянской войны“. Для характеристики Мюнцера, Гёца фонъ-Берлихингена и Вендель Хиплера, — трехъ лицъ, игравшихъ въ крестьянскихъ войнахъ самыя вліятельныя роли,—въ моемъ распоряженіи находились нѣкоторыя другія сочиненія. Остальной историческій матеріалъ взятъ изъ сочиненій, извѣстныхъ всякому мало-мальски начитанному въ области исторіи человѣку, ихъ не стоитъ перечислять.

Въ это сочиненіе я включилъ описаніе событій и состояній, которыя, отчасти, не имѣютъ никакого отношенія къ крестьянскимъ войнамъ, отчасти, имѣютъ только весьма отдаленное. Произошло это, такъ какъ передо мной стояла задача дать сжатую картину важнѣйшихъ освободительныхъ войнъ угнетенныхъ классовъ въ средніе вѣка, потому что читатели, для которыхъ я преимущественно писалъ это сочиненіе, рабочіе, не имѣютъ ни средствъ ни

времени заниматься изученіемъ обширныхъ и дорогихъ историческихъ сочиненій, и для нихъ имѣетъ особую цѣнность изложеніе соціальныхъ движеній среднихъ вѣковъ въ связи съ теперешнимъ движеніемъ.

Конечно, отъ меня далека мысль этимъ сочиненіемъ включить себя въ цехъ „историковъ". Для меня дѣло шло о томъ, какъ использовать возможно полезнѣе въ интересахъ той партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, девятимѣсячный, вынужденный отдыхъ въ тюрьмѣ Цвикау, къ которому я былъ присужденъ за „оскорбленіе Величества"; къ тому же мнѣ казалось, что крестьянскія войны и остальныя здѣсь затронутыя средневѣковыя движенія являются въ томъ отношеніи для всѣхъ весьма полезнымъ матеріаломъ, что изъ нихъ можно почерпнуть ту еще, столь часто непризнаваемую истину, что *общественныя* отношенія различныхъ классовъ *по необходимости* вызвали всю эту борьбу и всѣ эти движенія. Точка зрѣнія, которую я въ немъ провожу, есть соціалистически-матеріалистическая, она разсматриваетъ лицъ и общественный порядокъ, какъ естественный продуктъ наличныхъ условій существованія общества.

Тюрьма Цвикау, конецъ марта 1875 года.

А. Бебель.

ВВЕДЕНІЕ.

Самымъ важнымъ событіемъ средневѣковой исторіи Германіи являются крестьянскія войны. Плохой признакъ, что громадное большинство нашихъ историковъ столь мало удѣляетъ вниманія ходу общественнаго развитія, что событій крестьянскихъ войнъ касаются обыкновенно только мимоходомъ, или пытаются представить ихъ какъ произвольный взрывъ крестьянской грубости и крестьянскаго своеволія. Недостатокъ знанія и пониманія хода общественнаго развитія объясняетъ намъ то ложное и въ высшей степени одностороннее представленіе объ историческихъ событіяхъ, которымъ вообще обладаютъ вышеуказанные ученые.

Въ обыденной жизни очевидно для всякаго, способнаго мало-мальски мыслить критически, что матеріальное положеніе отдѣльныхъ лицъ имѣетъ рѣшающее значеніе для ихъ физическаго и интелектуальнаго развитія и всего ихъ жизненнаго положенія. Считаютъ чѣмъ-то необычайнымъ, исключеніемъ изъ общаго правила, если человѣкъ изъ низшихъ слоевъ общества добивается духовной и матеріальной самостоятельности и вліянія. Не существуетъ также сомнѣній въ томъ, что ступень

соціальной лѣстницы, на которой находится человѣкъ, будитъ въ немъ интересы и желанія, опредѣляющіе всю его частную и общественную дѣятельность, все его мышленіе и всѣ его поступки. Все, что справедливо относительно отдѣльныхъ лицъ, правильно и по отношенію къ общественнымъ группамъ. Стоящіе на одинаковой ступени соціальной лѣстницы образуютъ сословія и классы, объединенные опредѣленными идеями и интересами. Единообразіе интересовъ побуждаетъ людей къ объединенію для защиты своихъ интересовъ и въ случаѣ какихъ-либо посягательствъ для борьбы за нихъ. Ихъ соціальная, политическая, религіозная, какъ и вся ихъ духовная дѣятельность постоянно направлена къ достиженію своей цѣли возможно полнаго удовлетворенія своихъ интересовъ; они пытаются наложить на все общество печать своихъ сословныхъ или классовыхъ интересовъ, свои сословные или классовые интересы превратить въ интересы, какъ бы господствующіе надъ всѣмъ обществомъ.

Отсюда ясно, что никто не можетъ правильно освѣтить извѣстное время, или извѣстное историческое событіе, если нѣтъ прежде всего возможно точнаго знанія соціальнаго положенія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, существовавшихъ въ то время и игравшихъ въ томъ или иномъ событіи активную или страдающую роль. Но обыкновенно въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ мы напрасно стали бы искать изслѣдованія и изложенія соціальныхъ основаній, т.-е. общественныхъ и особенно экономическихъ отношеній людей

въ различныхъ историческихъ періодахъ. Въ результатѣ ничтожное количество источниковъ, касающихся этого вопроса, которые къ тому же оставляютъ желать многаго въ отношеніи ясности и опредѣленности.

Одностороннее толкованіе исторіи имѣетъ своимъ источникомъ то обстоятельство, что въ историческомъ развитіи не видятъ результата опредѣленныхъ законовъ, находящихся внѣ власти отдѣльныхъ личностей, какъ бы могущественны и геніальны они не были, но что господствуетъ мнѣніе, согласно которому историческое развитіе носитъ такой характеръ, какой заблагоразсудится ему придать отдѣльнымъ могущественнымъ и умственно выдающимся лицамъ. Отъ добродѣтелей и пороковъ этихъ отдѣльныхъ выдающихся людей будто бы зависитъ тотъ или иной ходъ, хорошіе или дурные результаты историческаго и тѣсно съ нимъ связаннаго культурнаго развитія всего народа.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого способа мышленія является культъ героевъ и великихъ людей отталкивающія формы котораго одинаково широко проникли, какъ въ наши историческія книги, такъ и въ обыденную жизнь, который отдѣльныхъ выдающихся людей превозноситъ въ ущербъ общимъ силамъ и общей духовной мощи всего народа, который не признаетъ личность случайнымъ орудіемъ въ рукахъ все двигающей и рѣшающей силы народа, а въ самой личности видитъ силу, которая какъ своего рода Провидѣніе руководитъ и ведетъ народъ по своему благоусмотрѣнію.

Такое пониманіе исторіи находится во внутренней связи со спиритуалистическимъ міровоззрѣніемъ и въ противорѣчіи съ матеріалистическимъ. Оно покоится на искусственномъ отдѣленіи того, что называется духомъ времени, отъ тѣла народа; оно приписываетъ этому духу времени возникновеніе внѣ зависимости отъ матеріальныхъ условій существованія народа; оно произвольно приписываетъ его возникновеніе руководителямъ народа и время отъ времени такъ же произвольно даетъ ему новое направленіе помощью такъ называемыхъ великихъ людей. Такое пониманіе исторіи переворачиваетъ всѣ событія по сравненію съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ вверхъ ногами. Въ его глазахъ все случайно, все развитіе человѣчества есть только продуктъ дѣятельности отдѣльныхъ, совершенно исключительно одаренныхъ личностей, которыхъ человѣчество, конечно, не можетъ въ достаточной мѣрѣ отблагодарить и, молясь на которыхъ, оно должно валяться въ пыли и ползать на брюхѣ.

Такое пониманіе исторіи, покоящееся на вѣрѣ въ авторитетъ, возникло въ экономически неразвитомъ и, слѣдовательно, въ умственно отсталомъ обществѣ; его доселѣ учатъ, о немъ заботятся, ему покровительствуютъ, *такъ какъ оно является условіемъ существованія властвующихъ*. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ съ арены исторіи вѣры въ авторитетъ, вмѣстѣ съ признаніемъ, что условія жизни и прогресса человѣчества вообще и каждаго отдѣльнаго народа въ частности обусловливаютъ также и политическое развитіе, исчезли всѣ безъ исключенія

авторитеты, окончился культъ отдѣльныхъ личностей и народъ взялъ въ свои руки свою судьбу.

Потому-то историки, вѣрующіе въ авторитеты и проповѣдующіе ихъ, такъ энергично идутъ рука объ руку съ религіей. Исторія, нуждающаяся въ авторитетахъ, исходитъ, какъ и религія, изъ одного и того же источника,—изъ невѣжества *). Обѣ онѣ насильственно поддерживаются въ настоящее время противъ лучшаго познанія и насильственно распространяются въ народѣ, такъ какъ обѣ служатъ одной и той же цѣли—господству и эксплуатаціи. Какимъ врагомъ истиннаго прогресса человѣчества является всякій учитель религіи, такимъ же врагомъ является и историкъ, защищающій авторитеты.

Это—опасные плевелы въ народной пшеницѣ, которые необходимо выполоть.

Выше мы умышленно сказали, что обычное пониманіе исторіи покоится на спиритуалистическомъ, слѣдовательно не на идеалистическомъ міровоззрѣніе. Идеализмъ, поскольку онъ выражаетъ стремленія къ достиженію возможно совершеннаго состоянія, стремленія къ высшему усовершенствованію человѣчества—а это одно можетъ быть его истиннымъ содержаніемъ — совершенно не находится

*) Мы не подразумѣваемъ здѣсь подъ религіей такъ называемыя основныя положенія морали, или этику отношеній человѣка къ человѣку, человѣка къ природѣ и къ вселенной. Эта этика отношеній не есть религія и не имѣетъ къ ней абсолютно никакого отношенія. Религія означаетъ на нашъ взглядъ почитаніе какого-нибудь такъ называемаго высшаго существа, сопровождаемое или несопровождаемое какими-либо внѣшними формами.

въ противорѣчіи съ матеріализмомъ. Истинный идеализмъ только и можетъ быть принятъ въ расчетъ съ точки зрѣнія матеріализма, такъ какъ послѣдній учитъ и стремится къ дальнѣйшему развитію человѣчества, покоющемуся на разумныхъ соціальныхъ и природныхъ законахъ. Идеализмъ, поскольку онъ противополагается матеріализму, есть спиритуализмъ и въ своемъ крайнемъ утопизмѣ,– фантазерство.

Не нужно, конечно, разъясненій, что подъ матеріализмомъ и матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ не подразумѣвается грубая страсть къ наслажденіямъ, каковой отличается теперешняя буржуазія, не характеризующая ее дикая жадность къ деньгамъ и богатству, а воззрѣніе, согласно которому матерія является основой всей жизни и всего движенія, согласно которому отъ матеріальныхъ условій существованія зависитъ дальнѣйшее развитіе живыхъ существъ, а слѣдовательно также человѣка и человѣчества.

Растеніе для существованія нуждается въ свѣтѣ, въ воздухѣ и почвѣ, содержащей въ достаточномъ количествѣ тѣ питательныя вещества, которыя необходимы для его произрастанія. Если почва по сравненію съ его потребностями слишкомъ бѣдна, или ему не достаетъ воздуха и свѣта, то оно гибнетъ, если почва слишкомъ тучна, то оно вырождается въ траву и быстро подпадаетъ процессу гніенія. Подобно растеніямъ дѣло происходитъ и съ людьми, съ цѣлыми классами и народами человѣчества. Что для растеній мать земля, то для человѣка экономическое положеніе, въ которомъ онъ

живетъ, свѣтъ и воздухъ для него государственныя учрежденія, которыя его окружаютъ. Плохо экономическое положеніе человѣка, враждебны ему государственныя учрежденія,—а то и другое обыкновенно идетъ въ жизни народа рука объ руку,—народъ гибнетъ. Наоборотъ, слишкомъ хорошо экономическое положеніе человѣка, владѣетъ онъ большими матеріальными средствами, чѣмъ онъ можетъ употребить при нормальномъ образѣ жизни, заботится государство только о немъ, т.-е. о томъ классѣ, къ которому онъ принадлежитъ, тогда онъ впадаетъ въ роскошь и развратъ, онъ вырождается, какъ и растеніе въ траву, подвергается растлѣнію и гніетъ. Это подтверждаетъ знакомство съ господствующими и угнетенными классами всѣхъ народовъ.

Всякій господствующій классъ стремится и долженъ стремиться скрыть отъ угнетенныхъ все, что можетъ подорвать его авторитетъ, авторитетъ господствующаго класса. Эта необходимость, коренящаяся въ природѣ самаго господства, объясняетъ намъ, почему въ наше время, далеко ушедшее по пути нужныхъ изслѣдованій и открытій, еще находитъ подъ собой почву и пользуется такимъ вліяніемъ столь устарѣлое пониманіе исторіи. Сторонники его всѣ безъ исключенія друзья какой-нибудь формы господства, защитники власти и той или иной религіи. Классовое господство, историческая вѣра въ авторитеты и религія тѣсно связаны слѣдовательно между собой, господствуютъ и падаютъ вмѣстѣ. Съ измѣненіемъ каждой фазы классоваго господства измѣняются по крайней мѣрѣ, хотя внѣш-

нія формы вѣры въ политическіе авторитеты и религія. При каждой борьбѣ съ существующимъ классовымъ господствомъ поэтому происходитъ борьба и съ существующей вѣрой въ политическіе авторитеты и съ существующей религіей, и въ результатѣ всякая борьба противъ классоваго господства ведетъ за собою борьбу противъ вѣры въ политическіе авторитеты и противъ религіи. При наличности тѣсной связи соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ учрежденій не было и не можетъ быть чисто политическихъ и религіозныхъ революцій или реформацій, всѣ движенія происходили и происходятъ на почвѣ соціальныхъ причинъ.

Такимъ образомъ и реформація была въ дѣйствительности только точно соотвѣтствующимъ религіознымъ выраженіемъ соціально-политическаго движенія, которое въ концѣ концовъ, во время великихъ крестьянскихъ войнъ, было доведено самымъ многочисленнымъ и угнетеннымъ классомъ, крестьянствомъ, до насильственнаго взрыва. Поэтому согласно нашему пониманію самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи Германіи среднихъ вѣковъ является не церковная реформація, а далеко непонятыя большинствомъ нашихъ историковъ, а потому и мало ихъ интересующія крестьянскія войны.

Вмѣстѣ съ подавленіемъ германскихъ крестьянъ понесла пораженіе и реформація, съ этого момента она превратилась въ орудіе въ рукахъ князей. Послѣдніе выиграли больше всего въ борьбѣ того времени; свою власть они поставили на мѣсто тысячеголовой власти мелкаго дворянства и духовенства,

и положили этимъ первыя основанія политической централизаціи, которая была необходима для развитія новѣйшей буржуазіи, медленно нарождавшейся въ то время. Крестьянское сословіе, пытавшееся создать вмѣсто территоріальныхъ централизацій княжеской власти единую централизованную имперскую власть, не достигло поставленной цѣли, потому что было слишкомъ неразвито въ экономическомъ отношеніи, а дворянство и духовенство въ союзѣ съ князьями по сравненію съ нимъ слишкомъ могущественно, города же, единственные союзники, на которыхъ крестьянство могло разсчитывать, стали въ силу многообразія ихъ матеріальныхъ интересовъ его друзьями только наполовину, держались благосклоннаго нейтралитета, но нерѣдко вступали даже въ ряды его враговъ.

Различныя положенія, которыя заняли во время крестьянскихъ войнъ разнообразные сословные слои средневѣкового общества, даютъ самыя интересныя доказательства въ пользу того взгляда, что если не считать отдѣльныхъ личностей, возвышающихся надъ классовыми предразсудками и классовыми интересами, какъ идеалистовъ, выступающихъ за угнетенныхъ,—политическій и религіозный характеръ партій опредѣляютъ только матеріальные, слѣдовательно сословные и классовые интересы.

Конечно, *возможность* экономическаго развитія народа зависитъ прежде всего отъ характера почвы, ея плодородія, климата и географическаго положенія страны, которую онъ населяетъ. Эти факторы образуютъ такъ сказать первичную матерію, кото

рая только и дѣлаетъ возможнымъ существованіе человѣчества и препятствуетъ или способствуетъ его дальнѣйшему развитію. Отъ этихъ факторовъ зависитъ главнымъ образомъ природа и характеръ народа. Но разъ только стало возможнымъ экономическое развитіе, оно уже опредѣляетъ соціальное разслоеніе и обусловливаетъ соотвѣтствующія ему формы государства и религіи.

До тѣхъ поръ, пока исторія не поставитъ себѣ задачей основательное изслѣдованіе соціальныхъ отношеній параллельно съ изученіемъ географическаго и климатическаго положенія, характера почвы и плодородія страны, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о правильномъ представленіи и полномъ пониманіи исторической жизни какого-нибудь народа.

Согласно всему этому первой задачей этого сочиненія должна быть попытка обрисовать ходъ экономическаго развитія классовъ, сыгравшихъ свою роль въ крестьянскихъ войнахъ.

Крестьянскія войны въ Германіи.

I.

Крѣпостные и зависимые, дворянство и духовенство.

Кто „говоритъ о первоначальной свободѣ“ и счастливомъ состояніи, въ которомъ будто бы находились наши предки въ древности, тотъ раздѣляетъ точку зрѣнія библіи, которая утверждаетъ, что люди нѣкогда пользовались всѣми благами и радостями жизни, но, изгнанные изъ рая по ихъ собственной винѣ, становились все несчастнѣе и несчастнѣе, и что теперь нашей ближайшей задачей должно быть стремленіе,—воротить „доброе старое время“. Нѣтъ, истинной свободы еще не было никогда на землѣ, она можетъ быть только слѣдствіемъ равенства, такого строя, при которомъ никто не господствуетъ, никто не эксплуатируется, и равное благосостояніе всѣхъ является руководящимъ принципомъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Но такой строй возможенъ лишь въ обществѣ, которое уже пережило всѣ фазы классоваго развитія и, во всеоружіи высокой культуры, въ состояніи доставить каждому своему члену возможность въ достаточной

мѣрѣ пользоваться наслажденіями и богатствами жизни.

Въ обществѣ же, гдѣ земледѣліе является важнѣйшимъ занятіемъ народа, только что вступившаго въ періодъ осѣдлой жизни, и образуетъ главный источникъ его существованія, гдѣ земля обрабатывается самыми первобытными орудіями и требуетъ особенно большого напряженія физическихъ силъ, тамъ у сильнѣйшаго всегда достаточно мотивовъ, заставить болѣе слабаго служить себѣ, захватить уже обработанную или болѣе плодородную землю, чтобы облегчить себѣ трудъ и, закрѣпивъ такимъ образомъ создавшееся положеніе, превратить его въ постоянное господство. Тамъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ и всеобщемъ благосостояніи. Тамъ рабство въ земельныхъ отношеніяхъ является необходимымъ слѣдствіемъ.

И дѣйствительно, оказывается, что въ Германіи, согласно первымъ достовѣрнымъ источникамъ о внутренней ея жизни, такой порядокъ существовалъ въ ярко выраженной формѣ уже въ первые вѣка нашей эры. Все населеніе страны рѣзко распадалось на два обособленныхъ класса. Господствующій классъ составляли свободные: они дѣлились на знатныхъ или абелитовъ и просто свободныхъ. Угнетенный классъ состоялъ изъ несвободныхъ людей, вся масса которыхъ въ свою очередь распадалась на крѣпостныхъ или литовъ и на рабовъ. Свободны были владѣющими, несвободные — работающими и служащими классами. Свободные были завоеватели, покорившіе подъ начальствомъ своихъ герцоговъ коренное на-

селенiе, завладѣвшiе его землей и поработившiе жившiя тамъ народности, накинувъ на нихъ крѣпостное ярмо. Рабами были также захваченные въ плѣнъ во время военныхъ походовъ представители чужихъ народовъ и племенъ. Всякое изъ этихъ сословiй отличалось отъ другого рѣзко отграниченнымъ правовымъ положенiемъ *).

Стоитъ только человѣку ограбить другого, лишить его собственности и свободы, какъ у него тотчасъ же является потребность своему насилiю придать характеръ правового поступка. Онъ пытается создать такiя правовыя нормы, которыя оправдываютъ его дѣятельность. Такимъ образомъ человѣкъ даже на низшихъ ступеняхъ культуры, обладаетъ сознанiемъ, что насилiе не есть право, а сила съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть примѣнена и по отношенiю къ нему.

Чтобы избѣжать послѣдняго, онъ старается представить свой насильственный поступокъ, какъ поступокъ, основанный на правѣ и свершенный въ законномъ порядкѣ, и воспитать въ покоренномъ убѣжденiе въ „святости" и неприкосновенности этого порядка.

Рабъ былъ вещью, товаромъ, его можно было, какъ всякую другую вещь и товаръ, продать, обмѣнить и заложить. И дѣйствительно, въ первыя столѣтiя, когда торговля людьми была весьма распространена, рабу часто приходилось переживать по-

*) Изложенiе Бебеля въ этомъ пунктѣ довольно путанно. Онъ мѣшаетъ классовыя развитiя разныхъ эпохъ.

Прим. ред. перев.

добную судьбу. Существовали рынки, на которыхъ ежедневно выставлялось для купли продажи до 7000 рабовъ. Въ таможнѣ на рабовъ была назначена, какъ и на всякій другой товаръ, вполнѣ опредѣленная пошлина. Господинъ, въ полной власти котораго онъ находился, имѣлъ право его безнаказанно истязать, калѣчить и даже убить. Нерѣдко въ наказаніе рабовъ дѣлали скопцами; побои и пытки примѣнялись за ничтожнѣйшіе проступки. Характерной чертой ихъ правового положенія въ обществѣ было безправіе; ихъ приравнивали къ скотинѣ, и, соотвѣтственно этому, мы находимъ слѣдующее мѣсто въ саксонскомъ правѣ: „Если рабъ или рабыня, лошадь, волъ или какое-либо другое животное убѣжитъ, то"... Если рабъ искалъ въ бѣгствѣ выхода изъ своего отчаяннаго положенія, ему отказывали въ гостепріимствѣ, которое по отношенію къ свободному было свято и проводилось съ педантичной добросовѣстностью, его выдавали безъ всякаго милосердія прежнему мучителю для наказанія. Безправнымъ и безчестнымъ считался онъ передъ судомъ. Ему не вѣрили, согласно существовавшему праву, если онъ на судебномъ слѣдствіи, съ неопровержимыми доказательствами на рукахъ, обвинялъ своего господина.

Крѣпостной отличался отъ раба въ томъ отношеніи, что не могъ быть проданъ или обмѣненъ, какъ какая-нибудь вещь, по усмотрѣнію своего господина, и не переходилъ по наслѣдству въ руки дочерей, которыя по древне-германскому закону были лишены права наслѣдовать недвижимость. Онъ

былъ прикрѣпленъ къ своему тяглу, получалъ отъ господина клочекъ земли для обработки, за что долженъ былъ платить оброкъ и отбывать повинности и барщину. Господинъ являлся на судѣ представителемъ его интересовъ. За сверщенное преступленіе крѣпостной подвергался подобно рабу тѣлеснымъ наказаніямъ и лишенію жизни, между тѣмъ, какъ свободный могъ откупиться отъ любого наказанія путемъ уплаты такъ называемаго вергельда, денежной пени. Отсюда видно, что различіе въ наказаніи богачей и бѣдняковъ, которое играетъ громадную роль и въ современномъ уголовномъ уложеніи, причемъ богачъ отвѣчаетъ денежнымъ штрафомъ, а бѣднякъ—тюрьмой и жизнью, установлено не теперь. Классовое господство всегда и всюду порождаетъ одинаковыя явленія.

Безправію угнетенныхъ противустояли привилегіи господъ. Народомъ были только свободные. Они издавали законы, отправляли правосудіе и держали въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ. Только свободный могъ выступать обвинителемъ противъ равнаго себѣ и быть его судьей, только онъ обладалъ правомъ носить оружіе и не платить государственныхъ налоговъ и только его личностъ была неприкосновенна. Тамъ же, гдѣ ему не удавалось очиститься по обвиненію въ какомъ-нибудь преступленіи клятвой своей и своихъ свидѣтелей, онъ откупался денежной пеней. Не существовало преступленія, не исключая и убійства, которое не могло бы быть искуплено цѣной золота.

Въ семейной жизни и родовыхъ отношеніяхъ также

проводилось строгое различіе между свободнымъ и несвободнымъ. Дѣти свободнаго и женщины, принадлежавшей къ крѣпостному сословію, становились крѣпостными, дѣти свободнаго и рабыни причислялись къ сословію послѣдней. Такое же правило соблюдалось и по отношенію къ дѣтямъ свободной женщины, выходившей замужъ за крѣпостного или раба, что же касается ея самой, то родители ея получали право убить ее или продать. Исключенія дѣлались только въ томъ случаѣ, если свободный, собираясь жениться на крѣпостной или рабынѣ, заранѣе отпускалъ ее на волю или, если она принадлежала другому господину, предварительно выкупалъ ее. Для свободныхъ же женщинъ не существовало никакихъ исключеній, онѣ считались находящимися подъ опекой мужчинъ неполноправными членами общества, а потому во всякомъ случаѣ становились несвободными. Дѣти, рожденныя внѣ брака отъ свободнаго и несвободной, причислялись къ сословію матери.

Въ отношеніяхъ между этими двумя классами постольку наступали нѣкоторыя отклоненія, поскольку отдѣльнымъ рабамъ удавалось получить свободу, благодаря ли милости своихъ господъ или выкупу; но эти отклоненія были столь незначительны, что не могли повліять на общій характеръ отношеній свободныхъ къ несвободнымъ. Потомки послѣднихъ, получившихъ свободу, уравнивались въ правахъ свободными только въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. Свобода приносила, впрочемъ, мало пользы рабу, если онъ въ то же время не былъ въ состояніи

пріобрѣсти земельную собственность. Только съ ростомъ городовъ положеніе вольноотпущенныхъ измѣнилось къ лучшему: ремесло стало средствомъ къ существованію. Съ другой стороны отношенія между свободными настолько обострились, что многіе изъ низшихъ слоевъ свободнаго сословія постепенно перешли на положеніе оброчнаго собственника, или даже на положеніе крѣпостного человѣка. Причина того явленія заключалась въ различіи положенія высшаго дворянства и низшаго, владѣтельныхъ родовъ и просто — свободныхъ. Высшее дворянство было немногочисленно, но весьма состоятельно. Только 12 знатныхъ фамилій перечисляетъ одинъ древній историкъ у могущественнаго саксонскаго племени и 6 такихъ же фамилій у баварцевъ. Изъ среды этого дворянства выбирались герцоги и короли, и оно все болѣе и болѣе расширяло свою власть и свое вліяніе. Высота денежной пени служила прекраснымъ средствомъ для этой цѣли. За поврежденія или оскорбленія, нанесенныя члену знатной фамиліи, требовалась уплата несравненно болѣе значительной суммы чѣмъ та, которая полагалась за тѣ же преступленія по отношенію къ свободному. Знатные, совершившіе преступленіе по отношенію къ свободнымъ, отдѣлывались легко, но свободные, сдѣлавшіе то же по отношенію къ знатнымъ—очень тяжело. Денежная пеня для просто свободнаго человѣка достигала иногда такой высоты и взималась съ такой строгостью, что въ конецъ разоряла не только виновника, но и его родственниковъ, которые, въ случаѣ несостоятельности пер-

ваго, отвѣчали за него по существовавшему праву своимъ имуществомъ. Должность высшаго судьи и перваго государственнаго сановника находилась всегда въ рукахъ знатныхъ фамилій, допускала полнѣйшій произволъ. Грабежи и всевозможныя насилія довершали паденіе менѣе знатныхъ просто свободныхъ людей. Такимъ образомъ эксплоатація крѣпостного сословія и рабовъ, доведенная до жестокости низшимъ дворянствомъ, находила нѣкоторое возмездіе въ отношеніи высшаго дворянства къ низшему. Угнетеннымъ отъ этого, конечно, было нисколько не легче.

Что касается количественнаго соотношенія обоихъ классовъ свободныхъ и несвободныхъ, то по этому вопросу у насъ нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ. Виртъ въ своей „Исторіи германскаго народа" опредѣляетъ число свободныхъ людей обѣихъ категорій въ 4 или 5 процентовъ всего населенія. Это число удивительно точно совпадаетъ съ процентнымъ отшеніемъ имущихъ классовъ къ неимущимъ, которое Лассаль далъ для современнаго общества.

Къ высшему и низшему дворянству присоединилось новое сословіе, которое оченъ скоро подобно первымъ принялось сосать кровь угнетеннаго народа и во много разъ увеличило его страданія. Это сословіе было христіанское духовенство. Христіанство, продуктъ разложенія древняго міра, постепенно проникло въ Германію съ юга и запада и овладѣло грубымъ и невѣжественнымъ народомъ. Борьба со старыми богами была во всякомъ случаѣ не легка. Но высшее дворянство, обладая удивительно

тонкимъ чутьемъ, которымъ вообще отличаются классы всѣхъ временъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о средствѣ для вѣрнѣйшаго порабощенія массъ, скоро поняло какое прекрасное подкрѣпленіе явилось ему въ лицѣ христіанскаго духовенства. Дворянство не преминуло воспользоваться имъ.

Выдающіяся услуги, оказанныя христіанствомъ, какъ господствующей религіей, восточному римскому государству со временъ Константина, были хорошо извѣстны франкскимъ королямъ изъ дома Меровинговъ. Они послѣдовали римскому примѣру, принявъ христіанство. Бѣдный, измученный народъ, стонавшій подъ бременемъ налоговъ, барщины и варварскаго обращенія, отданный во власть грубаго произвола настроеній и страстей своихъ благородныхъ мучителей, терявшій свои поля и хижины во время продолжительныхъ семейныхъ войнъ и вторженій завоевателей, скоро началъ серьезно прислушиваться къ проповѣди вѣры, проникшей къ нему подъ видомъ религіи бѣдныхъ и страждущихъ и, какъ казалось, обѣщавшей освобожденіе отъ рабства. Жрецы же новой вѣры, поселившись среди только что обращеннаго народа, настроили монастырей, церквей, часовенъ, завладѣли помѣстьями, людьми и скотомъ, которыми съ удивительной щедростью награждали ихъ князья; низшій слой—свободные шли за ними, подъ вліяніемъ убѣжденій проповѣдниковъ, надѣясь такимъ путемъ получить мѣсто въ царствѣ небесномъ. Они передавали добровольно свое имущество въ монастырское или церковное владѣніе,

самихъ же себя и свое потомство въ добровольное подчиненіе Церкви. Съ своей стороны послѣдняя употребляла все свое вліяніе, чтобы добиться отъ князей освобожденія рабовъ; но эти послѣдніе не получали полной свободы, выходя изъ подчиненія праву, переводились, подобно духовенству подъ сферу дѣйствія римскаго права и были обязаны отбывать барщину Церкви. Этотъ даровой трудъ много способствовалъ увеличенію богатства и вліянію послѣдней. Не гуманность, а выгода побудила духовенство къ этому шагу. Имѣнья Церкви постепенно достигли такого размѣра, что только путемъ эксплоатаціи крѣпостного труда она могла обезпечить себѣ необходимое количество рабочей силы. Вообще нѣтъ ничего неправильнѣе утвержденія нѣкоторыхъ историковъ, будто бы духовенство способствовало облегченію и уничтоженію крѣпостничества и рабства. Факты доказываютъ какъ разъ противное.

Намъ неизвѣстны случаи, когда бы духовенство предприняло освобожденіе своихъ собственныхъ крѣпостныхъ и рабовъ, а вѣдъ это было бы его первой обязанностью. Всегда и всюду съ громадной энергіей способствовало оно подчиненію массъ и съ этой цѣлью охотно оказывало услуги власти. Постоянно и неуклонно стремилось оно убѣжденіемъ, хитростью и обманомъ къ умноженію своего имущества, къ увеличенію оброковъ, усиленію барщины и пыталось отнять у раба и крѣпостного даже то немногое, что принадлежало ему по существовавшему праву. Какіе мотивы могли побудить его къ иному образу дѣйствій? Религія, которую оно ис-

повѣдало? Во-первыхъ, духовенство менѣе, чѣмъ кто-либо, слѣдовало основнымъ положеніямъ нравственности, воспринятой христіанствомъ, а затѣмъ вѣдь эта религія какъ разъ и имѣла цѣлью скрасить земное рабство и утѣшить угнетенныхъ, убаюкивая ихъ надеждой на царство небесное. Многочисленныя изреченія изъ стараго и новаго завѣта служили для оправданія рабства. Впослѣдствіи въ этомъ отношеніи особенно выдѣлился Лютеръ; онъ пытался доказать крестьянамъ, опираясь на библію и приводя многочисленные тексты, что они поступаютъ несправедливо, предъявляя требованія и подымая возстанія противъ своихъ господъ. Крестьяне же въ свою очередь оправдывали себя, опираясь на ту же библію.

Духовенство было господствующимъ сословіемъ, религія—средствомъ и орудіемъ его господства, а природѣ всякаго господства, подъ какимъ бы покровомъ оно не выступало, противорѣчитъ стремленіе къ освобожденію тѣхъ, кто является объектомъ этого господства.

Нельзя требовать, чтобы волкъ пощадилъ ягненка, или лиса—голубя, это противорѣчитъ ихъ хищной натурѣ. Вопросъ существованія заставляетъ волка растерзать овцу и побуждаетъ лису покончить съ голубемъ. Точно такъ же нельзя требовать отъ господствующаго класса, чтобы онъ уничтожилъ самъ себя, давъ порабощеннымъ добровольно права свободныхъ людей. Въ согласіи съ ученіемъ библіи, которая требуетъ отъ раба покорности и послушанія своему господину, Церковь запретила рабамъ

подъ угрозой отлученія добиваться свободы собственными силами. Она даже запрещала отпускать рабовъ на волю, если это наносило ущербъ церковному имѣнію или уменьшало церковные доходы. Она пользовалась своей духовной властью, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для увеличенія числа своихъ рабовъ и крѣпостныхъ. Такъ, между прочимъ, существовало правило, что ребенокъ, найденный передъ церковными дверями, безъ всякихъ околичностей отдается въ рабство Церкви. Въ 1294 году во времена папы Целестина V, объясняя десять заповѣдей, учили: „Христіанинъ можетъ имѣть рабомъ еврея или язычника, но онъ не можетъ ему препятствовать принять христіанство, но и послѣ этого онъ продолжаетъ оставаться рабомъ“.

Неосмотрительность, съ которой духовенство въ продолженіи среднихъ вѣковъ пользовалось своей властью для порабощенія народа, сдѣлало его ненавистнѣйшимъ сословіемъ изъ всѣхъ господствующихъ сословій. Такая ненависть со стороны угнетенныхъ станетъ намъ понятна, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Въ средніе вѣка духовенство являлось въ то же время и сословіемъ ученыхъ, хотя ученые его труды весьма незначительны и сильно переоцѣнены и преувеличены, но знаніе письма и грамоты исключительно духовенствомъ, вело за собой необходимость для князей выбирать себѣ совѣтниковъ и довѣренныхъ лицъ изъ этой среды и поручать имъ составленіе всевозможныхъ актовъ и договоровъ. Пользуясь такимъ положеніемъ, духовенство свершило цѣлый

рядъ важныхъ подлоговъ, какъ въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ своихъ довѣрителей... Оно составляло акты по содержанію противоположные тѣмъ, какими они должны были быть. И если впослѣдствіи люди, считавшіе свои права нарушенными, себя чрезмѣрно притѣсненными, обращались въ судъ, ссылаясь на заключенные договоры, то оказывалось, что содержаніе ихъ совершенно иное, чѣмъ они полагаютъ.

Такимъ образомъ, одна сторона теряла всѣ свои права и преимущества. Особенно сильно изощрялось духовенство въ подлогахъ при составленіи положеній о государственныхъ учрежденіяхъ, положеній, которыя въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ постепенно замѣнили изустныя преданія. Королевская власть стремилась къ расширенію и къ освобожденію отъ тягостной опеки и контроля честолюбиваго дворянства. Короли и духовенство были въ данномъ случаѣ естественными союзниками. Первые, основывали большія епископства и аббатства и передавали ихъ любезнымъ ихъ сердцу священникамъ. Многіе знатные дворяне, разорившись или лишившись власти и имущества въ силу закона о первородствѣ, охотно предлагали свои услуги и были согласны стать покорными слугами короля, лишь бы только получить съ титуломъ архіепископа, епископа или аббата въ свои руки управленіе этими богатыми церковными имѣніями.

Для утвержденія свой неограниченной власти короли располагали еще другимъ средствомъ. Они имѣли право, какъ высшіе представители государ-

ства, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государственными имуществами — обширными помѣстьями, лѣсами и другими земельными угодьями, назначать туда чиновниковъ подъ именемъ маркграфовъ, фальцграфовъ, лауграфовъ и ландграфовъ, фогтовъ, которые являлись тамъ представителями короля, управляли имѣніями, судили жителей и за извѣстныя обязанности по отношенію къ государству получали эти помѣстья на правахъ леннаго владѣнія. Такимъ путемъ было положено начало ленному или феодальному строю, который получалъ все болѣе широкое распространеніе.

Сначала королевскіе лены жаловались исключительно на срокъ, на періодъ занятія опредѣленной должности. Но съ теченіемъ времени привилось пожизненное назначеніе на должности, а слѣдовательно и пожизненное же пользованіе должностными ленными имѣніями или бенефиціями. Обычай, согласно которому должность переходила отъ отца къ сыну, привелъ вскорѣ къ наслѣдственной передачѣ и должностей и помѣстій. Ленники, или вассалы, заинтересованые въ такой наслѣдственной передачѣ, поддерживали другъ друга въ своихъ притязаніяхъ. Стремленіе князей превратить свою власть также въ наслѣдственную власть благопріятствовало этимъ планамъ. Если еще Карлу, такъ называемому, Великому удавалось положить предѣлъ попыткамъ вассаловъ къ независимости, то его слабымъ преемникамъ эта задача оказалась уже не посиламъ. При нихъ прежніе высшіе государственные сановники стали независимыми князьями, присвоили себѣ коро-

левскія права, а именно: право взимать пошлины и налоги, чеканить монету, творить судъ, карать смертью, и уже съ своей стороны старались создать многочисленныя кадры вассаловъ. Междуусобныя войны, разгоравшіяся все сильнѣе, насилія сильныхъ надъ слабыми создали вскорѣ такое положеніе, что ни одинъ свободный человѣкъ не былъ въ состояніи защитить свое имѣніе отъ разгрома болѣе могущественнаго сосѣда. Поглощеніе крупнаго производства мелкимъ въ наше время является въ результатѣ сложнаго экономическаго процесса, въ средніе вѣка такое поглощеніе происходило путемъ ничѣмъ не не прикрытаго насилія. Менѣе знатные свободные люди добровольно покорялись своимъ могущественнымъ сосѣдямъ и владѣли уже тогда своими имѣніями не на правахъ свободныхъ собственниковъ, а на правахъ ленниковъ—вассаловъ, присягавшихъ феодалу на вѣрность, обязанныхъ защищать его и нести военную службу, взамѣнъ этого получавшихъ съ его стороны обѣщаніе защиты на случай нападенія третьихъ лицъ. Если же свободный человѣкъ не согласился вступить въ ленныя отношенія, то онъ до тѣхъ поръ подвергался всевозможнымъ насиліямъ, до тѣхъ поръ чрезмѣрно обременялся всевозможными государствеными повинностями, пока не предпочиталъ положенія вассала положенію независимаго свободнаго человѣка. Подобно свѣтскимъ властителямъ поступали и духовные владыки. Число епископствъ и аббатствъ стало весьма значительнымъ. Одинъ Карлъ Великій основалъ не менѣе восьми епископствъ и даровалъ имъ большія привилегіи.

Управляя государствомъ, онъ держался правила пользоваться могуществомъ духовнаго сословія для борьбы съ дворянствомъ; онъ же является истиннымъ основателемъ свѣтской власти папы. При его слабыхъ преемникахъ положеніе совершенно измѣнилось, не духовенство уже являлось орудіемъ въ рукахъ королей, а короли стали орудіемъ духовенства. Римскій титулъ императора, принятый Карломъ Великимъ, сдѣлался той приманкой, которой пользовалось папство по отношенію къ королямъ. Въ длившейся вѣками борьбѣ между духовной и свѣтской властью расплачиваться, какъ всегда, приходилось народу. Ослабленіе императорской власти, какъ результатъ этой борьбы, было какъ разъ на руку свѣтскимъ и духовнымъ владыкамъ. Они смотрѣли на народъ, только какъ на объектъ своей эксплоатаціи, изъ котораго пытались выжать возможно больше соковъ; народу приходилось платиться новыми поборами и новыми обязанностями за каждый шагъ по пути прогресса, обусловленнаго ростомъ народонаселенія, улучшенными способами земельной культуры и развитіемъ торговли продуктами земледѣлія и промышленности. Роскошь и расточительность дворянства и духовенства росла съ каждымъ десятилѣтіемъ, политическое же безправіе и невѣжество массъ оставалось прежнимъ.

Большая часть дворянства и духовенства по своей грубости и невѣжеству немногимъ отличалась отъ массы народонаселенія; у класса, которому не приходится вести борьбу за власть и у котораго по-

этому нѣтъ достаточныхъ основаній способствовать развитію образованія, потребность къ образованію выражена обыкновенно весьма слабо. Стремленіе къ образованію ради самаго образованія присуще только отдѣльнымъ, богато одареннымъ натурамъ. Господствующіе классы всегда обладаютъ вполнѣ естественнымъ желаніемъ не дѣлать общимъ достояніемъ даже то образованіе, которымъ они пользуются и которое вполнѣ удовлетворяетъ ихъ потребности, потребности господствующаго класса. Этимъ объясняется то обстоятельство, что все средневѣковое дворянство, господствовавшее въ теченіе многихъ поколѣній и насчитывающее въ своемъ составѣ милліоны людей, ни на шагъ не подвинуло дѣло культурнаго развитія человѣчества. Если бы было возможно вычеркнуть изъ исторіи существованіе дворянства, то при этомъ ничего не было бы потеряно, ибо ничего полезнаго оно не создало. Его существованіе было естественно-необходимо, какъ естественно-необходимо все, что существуетъ, хотя ни въ коемъ случаѣ не разумно, какъ утверждаетъ Гегель. Это сословіе являлось естественнымъ продуктомъ простыхъ экономическихъ отношеній, и его господство могло кончиться только съ исчезновеніемъ того общественнаго строя, который его породилъ. И въ этомъ заключается и объясненіе и оправданіе его существованія. Добродѣтели и пороки дворянства являются также естественными слѣдствіями обстановки, обусловившей существованіе этого сословія. Рыцарская храбрость и отвага взяла свое начало изъ страсти къ грабежу,

завоеваніямъ и угнетенію; богобоязненность, поскольку вообще о ней можно говорить, существовала только какъ продуктъ невѣжества; невѣжество же и распутство являлись слѣдствіемъ полнаго отсутствія необходимости личныхъ усилій для поддержанія своего существованія и для занятія опредѣленнаго положенія въ обществѣ; это положеніе зависѣло только отъ принадлежности къ извѣстному сословію и рѣдко выраженнымъ животнымъ качествамъ храбрости и отваги.

Духовнымъ безплодіемъ отличался и тотъ періодъ жизни дворянства, который, по мнѣнію историковъ, бредящихъ романтизмомъ, должно разсматривать, какъ блестящій періодъ, именно время миннезенгеровъ, т.-е. пѣвцовъ любви, въ XII и XIII столѣтіи. Дѣятельность этихъ миннезенгеровъ заключалась главнымъ образомъ въ воспѣваніи въ поэтической формѣ внѣшней женской прелести и красоты; для возбужденія рыцарскаго сладострастія серьезныя темы ихъ не интересовали. Онѣ не имѣли никакого отношенія къ предмету рыцарски-романтическихъ фантазій, склонностей и страстей. Кому такое мнѣніе показалось бы не вѣрнымъ, тому мы напоминаемъ, что періодъ миннезенгеровъ какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда разбой въ Германіи достигъ полнаго разцвѣта, сталъ ремесломъ дворянства и назывался кулачнымъ правомъ; когда грабежъ купеческаго имущества, устройство заставъ на дорогахъ и водныхъ путяхъ для взиманія безсмысленныхъ пошлинъ, когда постоянныя распри дворянъ между собой и борьба съ развивавшимися городами, истин-

ными носителями средневѣковой культуры, являлись преимущественнымъ занятіемъ дворянства. О крѣпостныхъ и рабахъ одинъ изъ миннезенгеровъ пѣлъ въ XII столѣтіи, конечно, въ полномъ согласіи со всѣмъ сословіемъ. Крестьяне и свиньи для меня одинаковы: они не могутъ воспринять любви. Конечно! Дворянство въ сообществѣ съ духовенствомъ позаботилось о томъ, чтобы отравить бѣдняку даже любовь и семейную жизнь. Оно не довольствовалось тѣмъ ужаснымъ экономическимъ гнетомъ, который производился на народъ, а дополняло его нравственными пытками, чтобы убить въ подчиненномъ послѣднюю искру человѣческаго достоинства. Женитьба крѣпостного или раба зависила отъ согласія помѣщика, косвенно отъ фогта или управляющаго. Такое разрѣшеніе въ лучшемъ случаѣ женихъ могъ купить, уплативъ такъ называемый налогъ на женитьбу или бракъ, который попеременно назывался налогъ на кровать, налогъ на шиллингъ, на рубашку, дѣвичья подать, налогъ съ передника и т. д. Этотъ выкупъ былъ еще облегченіемъ, такъ какъ по старому существовавшему еще праву владѣтель имѣнія могъ изъявить притязаніе на jus primae noctis, т.-е. на право первой ночи. Правомъ этимъ обладали какъ духовные, такъ и свѣтскіе властители и пользовались имъ въ удобныхъ для нихъ случаяхъ. Оба сословія—дворянство и духовенство предавались всевозможнымъ нравственнымъ порокамъ—духовные отцы, вслѣдствіе неестественнаго безбрачія (целибатъ) при праздной и роскошной жизни еще сильнѣе, чѣмъ свѣтскіе владыки. Сооб-

раженія чести и стыда для нихъ не существовали. Подобное положеніе дѣлъ—позоръ для человѣчества. Оно лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ унизительномъ положеніи, до котораго господствующій классъ довелъ подчиненный. Строго говоря, нашъ вѣкъ не имѣетъ никакихъ основаній возмущаться безнравственностью средневѣковья. Потому что нельзя забывать, что хотя мы отдѣлены многими столѣтіями отъ того печальнаго времени, хотя рабство, какъ и крѣпостничество давно уничтожены, и рабочій классъ, какъ классъ „свободный", можетъ продавать свою рабочую силу, хотя нигдѣ не существуетъ „права" на первую ночь, но въ дѣйствительности имъ достаточно часто пользуются. Кто хоть разъ заглянулъ въ мастерскія и фабрики, гдѣ работаютъ женщины, или знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ нашихъ большихъ имѣніяхъ, тотъ знаетъ, что среди фабрикантовъ, помѣщиковъ и ихъ служащихъ немало лицъ, которыя ведутъ себя такъ, какъ будто считаютъ, что вмѣстѣ съ рабочей силой женщины они купили и ея честь. Таковы естественныя слѣдствія классоваго господства.

Раньше было указано насколько безплодно было дворянство по отношенію къ общему культурному развитію, было и должно было быть, и утверждалось, что духовенство сдѣлало немногимъ болѣе. Этотъ взглядъ противорѣчитъ обычному представленію, по которому средневѣковое духовенство обладаетъ значительными заслугами въ сферѣ просвѣщенія. Какъ выше было сказано, духовенство во всякомъ случаѣ въ то время являлось и сословіемъ

ученыхъ; въ первыя столѣтія только въ его средѣ находились лица, умѣвшія писать и читать; знаніе латинскаго языка, который въ средніе вѣка являлся языкомъ всего міра и языкомъ ученыхъ, было неразрывно связано съ положеніемъ духовенства, такъ какъ на этомъ языкѣ велось благослуженіе и были написаны библія и писанія отцовъ Церкви. Эти механическія знанія не даютъ еще основаній признать, что духовенство въ высокой степени способствовало развитію культуры: эти знанія были въ извѣстномъ родѣ орудіями, при помощи которыхъ духовенство только и могло исполнять свои обязанности; необходимо выяснить себѣ цѣль, для которой оно пользовалось своими знаніями и тогда можно рѣшить, приносила ли его дѣятельность пользу или вредъ. Какова же была цѣль его дѣятельности? Оказывается, что оно за единичными исключеніями пользовалось превосходствомъ своихъ знаній для достиженія власти и вліянія, стремясь встать, какъ господствующій классъ, рядомъ съ дворянствомъ или выше его. Его властолюбіе запрещало ему, какъ и всякому господствующему классу, употреблять свои познанія и свое искусство на всеобщую пользу, для прогресса человѣчества.

Къ тому же запасъ его знаній былъ несравненно меньше, чѣмъ это утверждаютъ его защитники. Большая часть духовенства пребывала даже въ глубокомъ невѣжествѣ, отъ чего не были свободны и высокопоставленные духовные владыки. Доказательствомъ можетъ послужить тотъ фактъ, что на Халкидонскомъ соборѣ, въ 451 году по нашему стилю,

нашлись 40 епископовъ, которые не умѣли ни читать, ни писать. Карлъ Великій въ свое время сильно огорчался невѣжествомъ большей части монаховъ, полнымъ пренебреженіемъ своими обязанностями и ихъ распутствомъ. Въ концѣ девятаго вѣка англійскій король Альфредъ Великій жаловался, что отъ Гумбера до Темзы нельзя найти ни одного священника, который зналъ бы литургію на родномъ языкѣ, или умѣлъ бы перевести самыя легкія мѣста съ латинскаго языка, и при этомъ онъ добавлялъ, что духовенство южной части Англіи отъ Темзы и до моря еще невѣжественнѣе. Въ 855 году аббатъ Лупусъ фонъ-Ферріеръ просилъ папу дать ему списокъ «Оратора» Унцерона, такъ какъ во всей Франціи нельзя найти ни одного полнаго экземпляра этого сочиненія. Монастырь Фонтевро продалъ одному мелкому торговцу какъ старый пергаментъ полный экземпляръ сочиненій Ливія. Въ другомъ монастырѣ нашли Проперція въ видѣ подстилки подъ бочкой вина. Петрарка (1304—1374), найдя въ Люттихѣ двѣ до тѣхъ поръ неизвѣстныя рѣчи Цицерона, былъ принужденъ обѣжать весь городъ, включая сюда и монастыри, чтобы получить немного чернилъ. Еще цѣлый рядъ фактовъ могутъ охарактеризовать стремленіе къ образованію высшаго и низшаго духовенства. Понимая и вполнѣ правильно, что образованіе и наука несовмѣстимы съ религіей, епископъ Геофилъ въ 381 году, какъ послѣдній варваръ, велѣлъ уничтожить большую и знаменитую библіотеку въ Александріи, въ которой находились сотни тысячъ томовъ произведеній поэтовъ и писателей, фи-

лософовъ и ученыхъ древности. Папа Григорій, который получилъ имя Великаго, издалъ около 600 года приказъ, сжечь всюду всѣ произведенія Цицерона, Ливія и Тацита. Фанатическій преслѣдователь мавровъ въ Испаніи кардиналъ Хименесъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія велѣлъ предать огню сотни тысячъ произведеній, которыя находились въ библіотекѣ въ Гранадѣ. Число произведеній, которыя уничтожилъ Хименесъ, указывается его собственными защитниками въ полтора милліона томовъ. Въ монастырѣ сенъ-Галленѣ, который вмѣстѣ съ монастырями Гиршау, Рейхенау, Вейсенбургъ и Карвэ прославленъ какъ центръ средневѣковой культуры, въ концѣ XII столѣтія аббатъ со всей братіей не могъ написать ни единой строчки; нѣсколько столѣтій спустя въ томъ же монастырѣ нашли всю библіотеку въ подвальномъ помѣщеніи, на половину испорченную пылью и плѣсенью.

Извѣстно также, что, когда приготовляемая арабами бумага стала рѣже и дороже, часто незамѣнимое содержаніе старыхъ пергаментовъ соскребалось, выцарапывалось и свитки наполнялись святыми исторіями и легендами или даже употреблялись для переплетовъ. Наука и религія несовмѣстимы; признавая это соборы двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтія, какъ и папскія буллы, запрещали духовнымъ лицамъ подъ страхомъ строгаго наказанія чтеніе сочиненій по естествознанію. Поэтому въ концѣ XI столѣтія подвергся ожесточеннымъ преслѣдованіямъ такой человѣкъ, какъ Абеляръ; Арнольдъ Бретіанскій былъ сожженъ, какъ еретикъ, въ серединѣ XII столѣтія;

Рожера Бекона обвинили въ концѣ XIII столѣтія въ колдовствѣ и заточили на много лѣтъ въ ужасную тюрьму.

Если у духовенства, какъ сословія, отсутсвовало стремленіе къ идеальнымъ цѣлямъ и къ улучшенію участи подчиненныхъ, то тѣмъ дѣятельнѣе примѣняло оно свои незначительныя знанія для достиженія какъ разъ противоположныхъ цѣлей и личнаго матеріальнаго благополучія. Производство подложныхъ документовъ превратилось въ болѣе позднія времена средневѣковья въ форменное торговое предпріятіе, существовали монастыри, гдѣ подобные документы производились какъ бы ремесленнымъ путемъ. Если въ монастыряхъ очень рѣдко находили научную книгу, при томъ обыкновенно въ несоотвѣтствующемъ ей мѣстѣ, то тѣмъ чаще тамъ находили вмѣстѣ съ тщательно сохраненными документами, которыми нѣкогда свободные люди и ихъ потомства превращались въ слугъ Церкви, замѣтки, перечислявшія обязанности и барщину, которую крѣпостные и рабы должны были выполнить для Церкви, затѣмъ громадные списки, въ которыхъ тщательно и обстоятельно перечислялось: сколько мѣръ хлѣба, сколько гусей, куръ и яицъ, сколько возовъ вина, какую часть скота и что вообще еще должны были доставлять ежегодно подданные монастыря для удовлетворенія его житейскихъ потребностей.

Немногія лица, которыя выдѣлились въ духовномъ сословіи, составляли исключеніе изъ общаго правила. Сословіе въ цѣломъ было и должно было быть враждебно просвѣщенію и культурѣ, потому что его

существованіе обусловивалось невѣжествомъ и некультурностью. Но если сословіе, пользуясь властью и всѣми связанными съ ней благами, не ставитъ себѣ идеальныхъ облагораживающихъ человѣчество цѣлей, а скорѣе принуждено враждебно относиться и нетерпимо преслѣдовать всякое культурное начинаніе, то оно по необходимости погружается въ пресыщеніе и пороки: пьянство, развратъ, роскошь и мотовство. Это характерныя черты каждаго господствующаго сословія, каждаго господствующаго класса, которые достигли своей цѣли. Мы видимъ такую картину у владѣтелей латифундій и замѣстителей государственныхъ должностей въ древнемъ Римѣ, мы видимъ это у дворянства и духовенства въ средніе вѣка, и, наконецъ, теперь мы видимъ это явленіе какъ бы вновь подтвержденнымъ у нашей современной буржуазіи. Съ 1849 года, который создалъ для нея конституціонную эру, т. е. государственную форму для привилегированнаго капитала, въ идеальныхъ стремленіяхъ буржуазіи наступилъ переломъ, съ 1866 года началась ихъ предсмертная агонія и съ 1870 они умерли. Старческій маразмъ этого класса теперь ясенъ для всего міра. „Назадъ, назадъ, донъ Родриго“, это его лозунгъ въ настоящій моментъ: на распутство, утонченную роскошь и чувственныя наслажденія устремлено все вниманіе буржуазіи. Она гніетъ и уже около двухъ десятилѣтій валяется въ сорной кучѣ исторіи. Все болѣе возрастающія жалобы на всеобщее огрубѣніе и одичаніе находятся въ тѣснѣйшей связи съ моральнымъ состояніемъ господствующаго класса.

Буржуазія поглупѣла, изнѣжилась и огрубѣла, своимъ гніеніемъ она заражаетъ и низшіе классы. Таково же было положеніе во времена Римской имперіи и при гибели средневѣковья. Но низшіе классы обладаютъ слишкомъ большой жизненной живучестью, чтобы не быть въ состояніи удалить эту болѣзнетворную заразу и взять на себя задачу возрожденія общества. Духовенство, которое вслѣдствіе простоты общественныхъ отношеній, ограниченности и необразованности массъ, скоро достигло господства, очень рано впало въ состояніе разложенія и упадка. Уже первый христіанскій императоръ, императоръ Константинъ, умершій въ 337 году, жаловался въ одномъ обращеніи къ епископамъ: „Вы дѣлаете все, что ведетъ къ раздору и ненависти, даже, говоря прямо, все, что приведетъ къ гибели человѣческаго рода". Василій Великій, умершій въ 379 году, восклицаетъ: „Наименѣе достойные становятся епископами"! Въ то же время Кириллъ Іерусалимскій обвиняетъ духовенство въ распутной и роскошной жизни. Григорій Турскій, ум. въ 595 году, жалуется на безмѣрное пьянство духовенства. Карлъ Великій писалъ епископамъ и аббатамъ, чтобы они по совѣсти объяснили, что значатъ слова, которыми они часто пользуются: „Отрѣшиться отъ міра", и по какому признаку можно отличить отрѣшившихся отъ міра отъ тѣхъ, которые не отрѣшались; развѣ только по тому, что первые не носятъ оружія и не состоятъ открыто въ бракѣ. И онъ кидаетъ имъ обвиненіе въ грабежахъ и въ хищничествѣ. Карлъ Великій, который такъ же мало заслужилъ свое по-

четное прозвище, какъ и большинство королей, обладающихъ имъ, былъ во всякомъ случаѣ не тотъ человѣкъ, который имѣлъ право возбуждать подобныя обвиненія. Онъ самъ не уклонялся отъ грабежей и разбоя, не останавливался передъ жестокостями, среди которыхъ выдается гнусное избіеніе 4500 беззащитныхъ саксонцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при *Вердахъ*, его собственный образъ жизни, какъ и образъ жизни его дочерей, оставлялъ желать многаго, его резиденція немногимъ отличалась отъ дома терпимости. Жалобы на образъ жизни духовенства съ теченіемъ времени становились все серьезнѣе. Одинъ современникъ императора Генриха IV пишетъ: „Среди священниковъ восхваляется болѣе всѣхъ тотъ, который имѣетъ роскошнѣйшій столъ, прекраснѣйшую одежду и самыхъ красивыхъ любовницъ. Люттихскій епископъ хвалился въ 1273 году во время публичнаго обѣда, что онъ имѣетъ наложницей прекрасную игуменью и что у него отъ другихъ женщинъ родилось въ продолженіе двухъ лѣтъ 14 человѣкъ дѣтей“. Петрарка описывалъ жизнь папскаго двора въ XIV вѣкѣ такимъ образомъ: „Воздержанность считалась крестьянской добродѣтелью, цѣломудріе—позоромъ. Чѣмъ порочнѣе и нечестивѣе кто-нибудь былъ, тѣмъ большей славой онъ пользовался. Я не говорю о распутствѣ, похищеніи женщинъ, прелюбодѣяніи и кровосмѣшеніи—эти преступленія были въ сравненіи съ сладострастіемъ духовенства сущими пустяками“... Въ это же время въ Германіи мужскіе и женскіе монастыри превратились въ настоящіе преступные вертепы,—тамъ безъ мѣры

предавались разврату и пьянству. Дѣвичьи монастыри служили дворянству нерѣдко публичными домами; естественными послѣдствіями такого образа жизни являлось частое дѣтоубійство и другія преступленія. Въ XII столѣтіи одна игуменья, послѣ того, какъ она установила, для чего должны служить Церкви, писала: „Что же происходитъ теперь во многихъ церквахъ? Не религіозныя церемоніи, не священнодѣйствія, а богохульства и развратъ, производимые съ юношески-дерзскимъ безстыдствомъ. Переодѣвшись воинами пріѣзжаютъ духовныя лица. Между священниками и солдатами нѣтъ разницы. На распутныхъ сборищахъ духовенства и мірянъ Церковь оскверняется обжорствомъ и пьянствомъ, скоморошествомъ, грязными шутками, открытой игрой, бряцаньемъ оружія, присутствіемъ извѣстныхъ блудницъ, мірской суетой и всевозможнымъ безпорядкомъ. Подобныя собранія никогда не кончаются безъ ссоръ, какъ бы мирно они не открывались". Въ XV столѣтіи особенно прославились своимъ распутствомъ женскіе монастыри въ Швабіи (южной Германіи). Въ монастырѣ Зофлингенъ подъ Ульмомъ въ 1484 большая часть монашенокъ были беременны. Предпринятый въ Австріи въ 1563 году осмотръ монастырей далъ слѣдующіе результаты: 387 монаховъ содержали при себѣ 237 наложницъ и 49 замужнихъ женщинъ, 36 монашенокъ имѣли 50 своихъ дѣтей, вообще же было на лицо 412 человѣкъ дѣтей. Епископы разрѣшали подчиненному имъ духовенству содержать любовницъ, по внесенію за то опредѣленнаго налога. Констанцкій епископъ Гуго-фонъ-Ланденбергъ превра-

тилъ этотъ налогъ въ обильный источникъ доходовъ и самъ обложилъ имъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя заявляли, что не содержатъ любовницъ. На ихъ отказъ платить налогъ онъ возражалъ, что то обстоятельство, что они не имѣютъ любовницъ, его совершенно не касается; онъ не можетъ терять свои доходы потому только, что иной священникъ не хочетъ пользоваться его разрѣшеніемъ. Ежегодный доходъ отъ этого налога упомянутаго выше епископа оцѣнивали въ 6000 или 7500 гульденовъ. Вслѣдствіе такого положенія въ южной Германіи и Швейцаріи въ средніе вѣка во многихъ мѣстахъ привился обычай, по которому прихожапе ставили условіе вновь пріѣзжавшему священнику привезти съ собой свою наложницу, въ противномъ случаѣ, они назначали ему таковую. Крестьяне боялись и вполнѣ основательно за честь своихъ женъ и дочерей, которыя несмотря на это часто находились въ опасности отъ сладострастныхъ священниковъ.

Въ разореніи народа, роскошной жизни и распутствѣ съ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ состязались и рыцарскіе ордена (рыцари, давшіе обѣтъ монашества), возникшіе со временъ крестовыхъ походовъ и соединившіе въ себѣ дурныя качества обоихъ сословій. Особенно прославились испорченностью рыцари Тевтонскаго ордена. Систематическое обольщенье женщинъ и дѣвушекъ, изнасилованіе дѣвушекъ, даже растлѣніе малолѣтнихъ составляло самое обычное явленіе; многіе члены ордена доходили даже до такого скотскаго состоянія, что изъ помѣщеній ордена приходилось удалять всѣхъ живот-

ныхъ женскаго пола. Озлобленіе, которое крестьяне проявили по отношенію къ этому ордену во время крестьянскихъ войнъ, было вполнѣ заслуженно.

Такова отвратительная картина, которую представляло изъ себя за немногими исключеніями средневѣковое духовенство. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы общество состояло изъ дворянства, духовенства и втоптаннаго въ грязь, поруганнаго и разореннаго крестьянскаго сословія, оно должно было бы погибнуть. Господствующія сословія дворянства и духовенства находились въ такомъ умственномъ и нравственномъ состояніи, которое исключало всякую возможность возрожденія общества при помощи ихъ. Сельское населеніе было настолько принижено вѣковымъ гнетомъ, оно прозябало въ такомъ состояніи духовной незрѣлости, общее его развитіе было настолько ограничено, что оно не обладало достаточной силой и волей, чтобы завоевать себѣ свободу и независимость. Нуженъ былъ элементъ, который хотя и находился въ зависимомъ и подчиненномъ положеніи, но экономическія условія существованія котораго все-таки позволяли бы ему развиваться духовно и физически, и своимъ развитіемъ поддержать и послужить опорой угнетенному классу; элементъ, который сломилъ бы силу противника и создалъ бы для сельскаго населенія условія существованія, которыя дѣлали бы для него возможнымъ возрожденіе и борьбу за человѣческую жизнь.

Этимъ прогрессивнымъ элементомъ являлись бюргеры, образовавшіе въ феодальномъ обществѣ новое сословіе, которое хотя и вступило въ жизнь нарав-

нѣ съ крестьянами, какъ угнетенное сословіе, но которому постепенно удалось и не могло не удасться достигнуть сравнительно съ крестьянствомъ большей доли свободы и самостоятельности.

Культурно-историческое значеніе, котораго достигли горожане, во всякомъ случаѣ не является ихъ „заслугой", какъ это имъ часто приписываютъ. Никакое сословіе и никакой классъ не обладаютъ свободной волей, они — продуктъ соціальныхъ отношеній, и они дѣйствуютъ только въ интересахъ своего сословія или класса, не спрашивая, приноситъ ли ихъ дѣятельность пользу или вредъ всему обществу, способствуетъ ли она культурному развитію или нѣтъ. Благотворное вліяніе, которое горожане оказали на положеніе земледѣльческаго населенія, въ свою очередь принесло не мало пользы ихъ собственному развитію.

За возбужденіе умственныхъ интересовъ у сельскаго населенія, за поднятіе культуры земли, достигнутой благодаря имъ, они обрѣли въ сельскомъ населеніи союзника для борьбы противъ дворянства и духовенства. Союзника, которому впрочемъ не всегда платили добромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ реформація и крестьянскія войны.

II.

Возникновеніе городовъ, городского сословія и вліяніе этого факта на развитіе страны.

Первые нѣмецкіе города были римскаго происхожденія. Мы ихъ находимъ въ видѣ римскихъ колоній вдоль по Рейну и южнѣе Дуная. Вмѣстѣ съ паденіемъ римскаго государства остановилось и ихъ процвѣтаніе. Начавшееся въ концѣ четвертаго вѣка переселеніе народовъ покончило съ ихъ своеобразной жизнью. Только по возстановленіи до извѣстной степени урегулированныхъ отношеній въ пятомъ и шестомъ столѣтіи они начали вновь оживать, главнымъ образомъ какъ мѣстопребыванія королевскихъ придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ и епископовъ. Имъ удалось сохранить въ новыхъ условіяхъ существованія небольшую часть своего прежняго муниципальнаго устройства, и оно служило образцомъ для молодыхъ городовъ, возникавшихъ постепенно въ различнѣйшихъ частяхъ государства, вокругъ королевскихъ дворцовъ и бурговъ, какъ мѣстопребыванія многочисленныхъ чиновниковъ съ ихъ челядью, или вокругъ монастырей и мѣстожительствъ епископовъ, какъ пунктовъ частыхъ, регулярныхъ и большихъ стеченій народа. Первоначальнымъ занятіемъ горожанъ, въ образовавшихся вокругъ бурговъ и епископствъ посадахъ, была торговля. Дни публичныхъ судовъ, народныя собранія, на которыя имѣли доступъ, правда, только свободные люди, церковныя богослуженія и религіозныя процессіи по воскреснымъ и

праздничнымъ днямъ создавали благопріятныя условія для развитія этой торговли. Въ первыхъ столѣтіяхъ торговлей занимались исключительно чужестранцы—именно итальянцы (ломбардцы) и западные франки: они вымѣнивали золото, серебро, украшенія, церковную утварь, оружіе и тому подобныя вещи на звѣриныя шкуры, скотъ, гусиныя перья, а также и на рабовъ. Вокругъ церквей и бурговъ расположились лавки, въ которыхъ купцы, мелкіе торговцы, мясники, булочники и трактирщики выставляли свои товары. Эти лавки въ теченіе слѣдующихъ столѣтій составили торговые ряды, распадавшіеся на опредѣленныя отдѣленія, которыя отводились какъ привилегированныя мѣста для отдѣльныхъ ремеслъ и сохранились отчасти до нашего времени. Ярмарки не могли происходить въ любомъ мѣстѣ. Для этого требовалась спеціальная королевская привилегія, такъ называемое право на рынокъ. И такъ какъ право торговли на такомъ рынкѣ покупалось за извѣстную сумму денегъ, то отсюда образовался обильный источникъ дохода. Право на открытіе рынка скоро сдѣлалось привилегіей, которой добивались многіе. Съ этимъ правомъ вскорѣ стало соединяться право на взиманіе пошлинъ и затѣмъ по большей части право на чеканку монеты. Евреи уже въ раннія времена играли важную роль въ торговлѣ, они преимущественно занимались денежными и кредитными дѣлами, находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля и платили за это покровительство особый налогъ. Евреи были піонерами въ дѣлѣ развитія торговли

между городами; ихъ цивилизація, насчитывавшая уже столѣтія и возникшая еще подъ римскимъ владычествомъ, въ связи съ законодательнымъ запрещеніемъ пріобрѣтать въ собственность земельныя угодья превратила ихъ въ ловкихъ купцовъ.

Къ торговлѣ присоединилось ремесло. Ремесленныя работы въ дворянскихъ имѣніяхъ исполнялись крѣпостными. Когда стала расти потребность на болѣе искусныя произведенія ремесла, то всѣхъ крѣпостныхъ начали дѣлить на два класса: одни занимались исключительно обработкой земли, другіе — ремесленнымъ трудомъ и домашними работами. Тотъ фактъ, что большая производительность и болѣе искусная работа достигается одностороннимъ упражненіемъ, привелъ къ дальнѣйшему раздѣленію труда. Вскорѣ каждый долженъ былъ заниматься только вполнѣ опредѣленнымъ трудомъ. Къ 580 году уже существовали вполнѣ опредѣлившіеся ремесленники, какъ, напримѣръ: кузнецы, портные, сапожники и т. д.

Въ соотвѣтствіи съ феодальнымъ духомъ времени всякая дѣятельность была наслѣдственной, напримѣръ, сынъ кузнеца становился опять кузнецомъ; подраздѣленіе крѣпостныхъ на упомянутые выше два класса передавалось по наслѣдству. Искусные ремесленники настолько поднялись въ цѣнѣ, что пеня за убійство ремесленника—въ три раза превышала пеню, полагавшуюся за обыкновеннаго крѣпостного.

Въ королевскихъ бургахъ и дворцахъ, въ мѣстожительствахъ епископовъ и въ монастыряхъ прежде,

чѣмъ гдѣ-либо явилась потребность на ремесленниковъ. Тамъ нуждались въ оружіи, сѣдлахъ и принадлежностяхъ къ нимъ, въ шорномъ приборѣ и всевозможной утвари.

Тамъ поэтому были поселены крѣпостные, занимавшіеся ремесленнымъ трудомъ; они составили вокругъ монастырей и замковъ и отчасти внутри ихъ многочисленное населеніе, занятое исключительно своимъ ремесломъ. Дальніе помѣщики вскорѣ стали позволять своимъ крѣпостнымъ-ремесленникамъ, для которыхъ они не имѣли достаточнаго количества работы, селиться вокругъ замковъ, монастырей и мѣстожительствъ епископовъ. Ремесленники платили помѣщику изъ вырученнаго заработка опредѣленную сумму и были обязаны являться къ нему въ назначенное время и производить работы, необходимыя для его собственнаго обихода. Увеличеніе этихъ поселеній вызвало необходимость въ организованномъ управленіи.

Это управленіе попало въ руки королевскихъ слугъ или министеріаловъ. Хотя они и происходили по большей части изъ крѣпостного сословія, но уже получили свободу. Изъ ихъ среды назначался городской фогтъ, который обладалъ правомъ именемъ короля карать смертью, они же завѣдывали чеканкой монеты и взиманіемъ пошлинъ и податей. Потомки этихъ королевскихъ слугъ образовали впослѣдствіи въ городахъ знатные роды или патриціатъ, составъ котораго усилился какъ обѣднѣвшими дворянами, такъ и тѣми, которые, владѣя въ городѣ земельною собственностью, селились въ немъ. Они одни со-

ставляли до одиннадцатаго вѣка слой полноправныхъ гражданъ, тогда какъ всѣ остальные городскіе жители были свободны только наполовину или совсѣмъ несвободны.

Бюргерство впослѣдствіи отчасти перешло къ промысламъ обычнымъ для жителей городовъ, а именно повело выгодную торговлю, устроило пивоварни, и вообще стало заниматься промыслами, приносящими большую прибыль.

Но главнымъ образомъ оно жило насчетъ остального населенія. Патриціи обременяли его налогами и всевозможными взысканіями и высасывали изъ него соки подобно тому, какъ земельное дворянство и духовенство обирало крестьянское сословіе.

И все-таки положеніе несвободныхъ въ городѣ было несравненно лучше ихъ положенія въ деревнѣ, именно по слѣдующей причинѣ: въ городѣ имъ удавалось гораздо легче скрыть свое имущество, состоявшее главнымъ образомъ изъ денегъ и товаровъ, или сырыхъ матеріаловъ,—въ городѣ трудно было ихъ контролировать. Увеличившаяся роскошь, которая развиласъ среди господствующихъ классовъ, и органазація торговли создали условія для такого заработка, который далъ ремесленникамъ возможность откупиться отъ обязанности исполнять работы на своего господина, разъ навсегда единовременнымъ взносомъ или ежегодными уплатами опредѣленной денежной суммы. Императоры вскорѣ увидѣли какую важную для нихъ опору представляютъ изъ себя города въ ихъ борьбѣ противъ высшаго дворянства, стремившагося къ независимости отъ

государственной власти, и они снабдили города правами и привилегіями, которыя принесли пользу также и несвободной части городского населенія. Особенно благосклонно относился къ городамъ Генрихъ I, умершій въ 936 году. Онъ не только основалъ значительное число ихъ въ сѣверной и восточной Германіи, приказавъ построить бурги, и повелѣвъ каждому девятому человѣку сельскаго служилаго сословія поселиться въ немъ, а остальнымъ восьми доставлять ему средства къ существованію, но и позаботился также о томъ, чтобы огородить городъ для защиты отъ нападеній извнѣ и сдѣлалъ живущихъ въ городѣ крѣпостныхъ до извѣстной степени правоспособными гражданами.

Затѣмъ онъ распорядился, съ цѣлью поднять торговлю и сношенія съ городами, чтобы всѣ народѣныя собранія и празднованіе государственныхъ торжествъ были перенесены въ города. Большая независимость, которой такимъ путемъ достигли города, и потребность на рабочую силу въ связи съ болѣе благопріятными условіями жизни явились причиной, побудившей многихъ крѣпостныхъ и рабовъ бѣжать съ земли своего господина; они находили въ городахъ радушный пріемъ. Правда, помѣщики имѣли право требовать выдачи бѣглецовъ, они такъ и поступали, гдѣ могли, но городскія власти, довольныя ростомъ работоспособнаго, а слѣдовательно могущаго платить подати и налоги населенія, не очень-то спѣшили исполнять эти требованія. Слѣдующее правило постепенно стало даже зако-

номъ: бѣглецъ, проживщій въ городѣ годъ и одинъ день, получалъ права городского жителя.

Уже довольно рано ремесленники, еще находившіеся въ зависимости отъ своихъ господъ, образовали цехи, во главѣ которыхъ съ именемъ старшины или мастера стояли слуги знатныхъ господъ; эти старшины впослѣдствіи назывались обманны, абхерры, моргеншпрехеры, или въ связи съ исполненіемъ ими почетныхъ обязанностей въ Церкви, керценмейстеры. Возраставшая независимость городовъ способствовала постепенному развитію общественной и цеховой жизни, хотя это развитіе происходило не безъ упорной борьбы. Во-первыхъ, знатные городскіе роды, или патриціи видѣли въ организаціи цеховъ опасность для своей неограниченной власти въ управленіи городами, затѣмъ императоры, а также владѣтельные князья въ городахъ подчиненной имъ мѣстности усматривали въ цехахъ не только ремесленные, но и политическіе союзы, относились къ нимъ недовѣрчиво и не разъ запрещали ихъ.

Такимъ образомъ часто случалось, что императоръ бралъ назадъ привилегіи, которыя даровалъ его предшественникъ. Но постепенное паденіе императорской власти и наступившая для нея съ теченіемъ времени необходимость обезпечить себѣ поддержку городовъ, какъ союзниковъ въ борьбѣ съ стремленіемъ князей къ независимости принудило ее постепенно расширить привилегіи городовъ и цеховъ.

Патриціи городовъ не только стремились получить

какъ можно больше императорскихъ привелегій, они добивались также свободы и независимости отъ власти мѣстныхъ князей, высшаго дворянства и духовенства, какъ то, архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ, они ставили себѣ задачу быть непосредственными или полноправными членами имперіи.

Въ этомъ пунктѣ интересы патриціевъ совпадали съ интересами несвободныхъ горожанъ. Для достиженія поставленной цѣли, умѣнье обращаться съ оружіемъ стало необходимостью для всѣхъ горожанъ. Ихъ главнымъ оружіемъ являлось копье, отсюда имя копейщикъ по-нѣмецки въ переносномъ смыслѣ значитъ мелкій горожанинъ, мѣщанинъ, между тѣмъ какъ рыцарскіе роды образовывали конницу и были вооружены мечомъ и панцыремъ.

Горожане въ свою очередь распадались на двѣ части, на имѣвшихъ право образовывать цехи и не обладавшихъ этимъ правомъ. Послѣдніе по понятіямъ своего времени считались „безчестными“, къ нимъ въ большинствѣ городовъ принадлежали: мельники, цырульники, сапожники, ткачи полотняныхъ матерій, затѣмъ сборщики пошлинъ, флейтисты, трубачи, метельщики улицъ, ночные сторожа, надзиратели за нищими и прислуга. Послѣднія категоріи, какъ показываютъ ихъ имена, составляли низшій служебный персоналъ, слѣдившій также за чистотой и безопасностью въ городѣ.

Посадскими называлась та часть городскихъ жителей, которая жила собственно за оградой города, состоявшей въ прежнее время изъ частокола. Посадскіе считались только людьми, которымъ городъ

обѣщалъ защиту, а не полноправными горожанами; ихъ число пополнялось главнымъ образомъ бѣжавшими изъ дворянскихъ имѣній рабами и крѣпостными; они занимались сельскимъ хозяйствомъ, огородничествомъ и культурой винограда, если не знали никакого ремесла.

Императоръ Фридрихъ II, умершій въ 1250 году, запретилъ образованіе посадовъ, подобно тому, какъ онъ, а также и его замѣститель на время пребыванія Фридриха въ Италіи король Генрихъ VII, издали рядъ указовъ, которыми ограничивалось политическое вліяніе и права городовъ, но впослѣдствіи онъ опять былъ вынужденъ отмѣнить всѣ эти указы.

Евреи жили въ тѣ времена подъ именемъ императорскихъ „каммеркнехтовъ" подъ спеціальной защитой короля въ отведенныхъ имъ городскихъ кварталахъ.

Многоголовое господство имѣло слѣдствіемъ еще другія особенности въ жизни городовъ. Часть земли въ городѣ часто оказывалась господской землей, которая принадлежала или епископу, или князю, или дворянину, или монастырю. Ремесленникъ, который строилъ себѣ на такой господской землѣ домъ и селился въ немъ, вступалъ въ извѣстнаго рода крѣпостныя отношенія къ господину этой земли. По смерти ремесленника его наслѣдники должны были уступать часть своего наслѣдства владѣтелю земли подъ названіемъ смертный случай въ „служебной рукѣ"; если умиралъ господинъ, то ремесленникъ былъ обязанъ отдать часть своего имуще-

ства его преемнику, какъ смертный случай въ господской рукѣ. Эти ремесленники подлежали также насильственной женитьбѣ и выплачивали рядомъ съ ежегоднымъ оброкомъ владѣтелю земли всѣ городскіе налоги и подати. Такое положеніе полукрѣпостныхъ ремесленниковъ въ городахъ создаетъ представленіе о томъ, какова картина была въ то время (XI столѣтіе) въ деревнѣ.

Съ одиннадцатаго до тринадцатаго столѣтія большей части городовъ удалось освободиться отъ податей и ограниченій, вытекавшихъ изъ крѣпостныхъ отношеній и отношеній подданныхъ къ своимъ владыкамъ. Они получили постепенно полное самоуправленіе и могли, поскольку были имперскими городами, находившимися непосредственно подъ покровительствомъ императора, принимать участіе въ имперскихъ съѣздахъ; если же они считались только княжескими городами; т.-е. находились подъ покровительствомъ мѣстныхъ князей, то имѣли право посредствомъ своихъ представителей участвовать въ созываемыхъ послѣдними ландтагахъ или мѣстныхъ территоріальныхъ съѣздахъ.

Этотъ ростъ политическаго могущества и независимости явился здѣсь, какъ и всюду, слѣдствіемъ поднявшагося матеріальнаго благосостоянія. Экономическое могущество служитъ основаніемъ политической власти, экономическое же могущество городовъ было въ то время сравнительно весьма велико.

Въ промышленности выдающееся положеніе заняло изготовленіе шерстяныхъ матерій и сукноткаче-

ство. Ткачи сукна въ большей части городовъ образовали значительные и важные цехи. Рука объ руку съ тканьемъ сукна развивалось и крашенье его. Большая роскошь, царствовавшая въ церквахъ по отношенію къ золотой и серебряной церковной утвари и священнической одеждѣ, способствовала расцвѣту и высокому развитію искусства среди золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ отраслей художественной промышленности. При наличности большого спроса часто на дорогіе доспѣхи и оружіе всякаго рода, число оружейныхъ мастеровъ должно было стать не только значительно, но и достигнуть извѣстнаго благосостоянія. Большое потребленіе кожи на перчатки, ремни и сѣдельную сбрую, портупей и т. д. создало много работы кожевникамъ, перчаточникамъ, шорникамъ и сѣдельникамъ. Роскошь на мѣховые товары сдѣлала значительнымъ занятіе скорнячествомъ. Варка пива и меда, при склонности къ безмѣрнымъ попойкамъ и частымъ пиршествамъ, находила богатый сбытъ и приносила большой доходъ. Начавшаяся въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіи постройка прекрасныхъ церквей и соборовъ, стремленіе патриціевъ и богатыхъ купцовъ замѣнить ратуши и частные дома, построенные до сихъ поръ по большей части изъ земли и дерева, каменными строеніями, способствовала образованію массы строительныхъ рабочихъ.

Нѣмецкіе строительные рабочіе вскорѣ достигли европейской извѣстности. Въ связи съ строительнымъ искусствомъ развился цѣлый рядъ художе-

ственныхъ ремеслъ, какъ, напримѣръ, скульптура и рѣзьба, гравюра по мѣди, рѣзьба по дереву, рѣзьба медалей, художественная столярная работа и токарное искусство. Торговля шла рука объ руку съ развитіемъ ремеслъ. Черезъ южную Германію, вдоль по Рейну шла главная торговая дорога въ Нидерланды и къ морскому берегу для товаровъ съ востока, изъ Малой Азіи и Италіи. Богатство главныхъ торговыхъ домовъ, какъ, напримѣръ, Фуггеровъ и Вельзеровъ, въ Аугсбургѣ было необычайно велико. Въ сѣверныхъ нѣмецкикъ приморскихъ городахъ образовался въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка ганзейскій союзъ (Ганза), который вскорѣ сталъ обладать самымъ большимъ флотомъ того времени и держалъ въ своихъ рукахъ всю сѣверную торговлю. Большая часть нижне-германскихъ внутреннихъ городовъ, какъ Кельнъ, Зоестъ, Падерборнъ, Брауншвейгъ, Гельмштедтъ, Магдебургъ и другіе присоединились къ Ганзѣ. Наконецъ, и горное производство было весьма развито. Рудники въ Мейсенѣ, въ Мансфельдѣ, въ Гарцѣ близъ Гослара, въ Фихтельгебиргѣ и Рудныхъ горахъ, въ Зальцбургѣ и Тиролѣ давали работу многимъ тысячамъ рудокоповъ, которые впослѣдствіи играли вліятельную роль въ крестьянской войнѣ. Это матеріальное благосостояніе большей части городскихъ жителей должно было производить давленіе на всѣ стороны общественной жизни.

Дворянство, желая подражать въ роскоши богатымъ горожанамъ, впало въ долги, а такъ какъ денегъ можно было достать только у горожанъ, то

оно закладывало у нихъ свои имѣнья. Такимъ образомъ города отчасти завладѣли большими помѣстьями съ жившими тамъ крѣпостными и рабами. Но дворянство пыталось охранить себя отъ этой опасности другимъ средствомъ. Завистливое и раздраженное богатствомъ городовъ, оно занялось главнымъ образомъ нападеніемъ на сушѣ и водѣ на торговые караваны купцовъ, ихъ грабежомъ и расхищеніемъ, а также требованіемъ тяжелаго выкупа со взятыхъ въ плѣнъ. Купцы увидѣли себя вынужденными охранять свои торговые караваны вооруженной стражей, и такимъ путемъ возникла между дворянствомъ и городами непрерывная война, которая велась съ обѣихъ сторонъ съ озлобленіемъ и жестокостью. Небезопасность сношеній по торговымъ дорогамъ принудила города заключить союзы, чтобы взаимно поддерживать другъ друга и обезпечить себѣ безопасный проѣздъ. Союзы городовъ вызвали къ жизни союзы дворянъ, которые въ противоположность городскимъ союзамъ, направленнымъ къ самозащитѣ и отраженію, ставили себѣ цѣлью организованный грабежъ.

Дворянство образовало рыцарскіе союзы, носящіе названіе Рыцарей Льва, Мартиновыхъ птицъ, Шиглеровъ и проч.

Время съ 1250—1273 года, называемое временемъ междуцарствія или отсутствія императора, было какъ разъ той эпохой, когда справляли свои оргіи рыцарское кулачное право и разбой, возведенный на степень рыцарскаго ремесла. Бѣдный человѣкъ въ деревнѣ терпѣлъ невыразимыя страданія отъ не-

урядицъ въ дворянской средѣ. Когда рыцарь завязывалъ другъ съ другомъ распрю, она начиналась грабежомъ и сжиганіемъ крестьянскихъ дворовъ и домовъ противника, уничтоженіемъ посѣвовъ, опустошеніемъ полей, а если время года позволяло, то сжиганіемъ кормовыхъ травъ и хлѣба на корню. Подобныя же опустошенія производились рыцарями, врывавшимися въ городской округъ, и городами, мстившими за это набѣгомъ на дворянскія имѣнія. Что дѣло не ограничивалось однимъ грабежомъ, что при этомъ убивали и калѣчили людей, обрѣзали имъ носы и уши, насиловали женщинъ, это понятно само собой въ связи съ тогдашнимъ уровнемъ культуры. Только съ выборомъ германскимъ императоромъ Рудольфа Габсбургскаго въ 1273 году, наступилъ нѣкоторый порядокъ въ государствѣ. Рудольфъ заставилъ князей въ 1289 году заключить клятвенный договоръ о всеобщемъ мирѣ, и затѣмъ разрушилъ большое число разбойничьихъ замковъ. Въ одной Тюрингіи ихъ было уничтожено до 60 и 30 рыцарей повѣшены, какъ извѣстные разбойники.

Но дальнѣйшее паденіе императорской власти, послѣ смерти Рудольфа, породило еще болѣе опаснаго врага для городовъ, чѣмъ дворянство. Этотъ врагъ были мѣстные князья, которые, страстно желая воспользоваться богатствомъ городовъ, пытались подчинить ихъ себѣ. Уже въ продолженіе многихъ столѣтій прежніе государственные вассалы, ставшіе независимыми, прилагали всѣ усилія ослабить императорскую власть и расширить могущество своихъ

собственныхъ домовъ. Это съ помощью папства имъ отчасти и удалось. Теперь они набросились на имперскія земли, на имперскія фогтства и присвоили ихъ себѣ.

Князья производили въ большомъ размѣрѣ то, что дворянство и монастыри дѣлали въ маломъ масштабѣ. Первые тащили имперскія имущества, вторые—общинныя.

Князья еще болѣе окрѣпли въ своемъ стремленіи къ полной независимости отъ имперской власти, когда въ 1355 году императоръ Карлъ IV призналъ въ такъ называемой золотой буллѣ (императорское уложеніе) семь имперскихъ курфюрстовъ независимыми владѣтельными князьями и передалъ имъ императорскую судебную власть, права короны на чеканку монеты, на рудники и таможенныя пошлины.

Въ концѣ XIV вѣка образовались въ Швейцаріи, у верхняго теченія Рейна и Эльзасѣ, во Франконіи и Швабіи союзы между городами для защиты противъ воинственныхъ плановъ князей, но недальновидность бюргеровъ рѣдко доводила дѣло до совмѣстныхъ и согласныхъ выступленій.

Первое пораженіе потерпѣлъ швабскій союзъ городовъ въ 1372 году вблизи Ульма отъ вюртенбергскаго графа и соединенныхъ рыцарей. Въ 1377 году, во вторичномъ походѣ, города выиграли битву при Ретлингенѣ, къ этой побѣдѣ присоединилось въ 1386 году ужасное пораженіе герцога австрійскаго Леопольда, нанесенное ему въ 1388 году Швейцарскимъ Союзомъ при Земпахѣ; другая побѣда при Нефельсѣ освободила швейцарцевъ отъ господства

Габсбурговъ, но войско швабскаго городского союза было разбито во время третьяго похода въ рѣшительномъ сраженіи при Деффингенѣ въ 1388 году. Чтобы, гдѣ это возможно, совершенно подчинить города князьямъ, императоръ Венцеславъ запретилъ въ 1389 году образованіе союзовъ между городами. Но сломить и покорить послѣдніе было не такъ-то легко. И въ серединѣ слѣдующаго столѣтія между городами и князьями возникла вновь жестокая борьба. Такъ, въ 1444 году австрійскій домъ вторично воевалъ съ союзными швейцарскими городами, и выписалъ себѣ для этой войны отъ французскаго короля войско въ 50 тысячъ арманьяковъ, представлявшее изъ себя сбродъ настоящихъ разбойниковъ и убійцъ. Австрія и ея союзники были вновь разбиты, и когда, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ и ужасныхъ опустошеній, произведенныхъ арманьяками въ Эльзасѣ, былъ заключенъ въ 1447 году миръ, то швейцарцы сохранили за собой все, чѣмъ владѣли раньше. Иной результатъ получился отъ новой войны, начавшейся между швабскими и франконскими городами съ одной стороны и вюртенбергскимъ графомъ, бранденбургскимъ и баденскимъ маркграфомъ, австрійскимъ эрцгерцогомъ и майнцскимъ архіепископомъ съ другой стороны. Города были побѣждены. Съ этого момента — начиная медленно, но неотвратимо попадали они одинъ за другимъ во власть князей; защищались только большіе, пока, наконецъ, и они, по большей части послѣ начала реформаціи и подавленія крестьянской революціи, не стали жертвой княжескаго могущества.

Покоренію городовъ, а также и подчиненію дворянства князьямъ въ XV столѣтіи много способствовалъ новый способъ веденія войны. Примѣненіе для военныхъ цѣлей пороха, ставшаго извѣстнымъ въ Германіи съ средины прошлаго столѣтія, повело за собой организацію наемнаго войска, которое все болѣе вытѣсняло конницу, состоявшую изъ рыцарей. Рыцарскіе замки и стѣны городовъ не могли болѣе противостоять тяжелымъ орудіямъ. Чтобы пріобрѣсти самимъ орудія, рыцари, а часто и города не обладали достаточными средствами; также недоступно было для нихъ и содержаніе наемнымъ войскъ. Въ силу всего этого для рыцарства не оказалось иного выхода, какъ поступить на службу къ князьямъ. Внѣшнее могущество, потерянное мелкимъ дворянствомъ, оно пыталось возмѣстить усиленнымъ гнетомъ по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Большая часть городовъ была тоже не въ состояніи, какъ и низшее дворянство, завести у себя новое, весьма дорогое вооруженіе и боевые припасы. Съ мелкимъ дворянствомъ и городами произошло тогда то же самое, что теперь происходитъ съ маленькими государствами по отношенію къ имперіи, ихъ подавили требованія, которыя ставило военное дѣло. Эти требованія средневѣковые города не могли удовлетворить тѣмъ болѣе, что къ концу XV вѣка замѣчается сильное паденіе ихъ благосостоянія. Развитіе Голландіи и Англіи, какъ торговыхъ государствъ, ослабило нѣмецкую торговлю; ростъ турецкой державы въ Азіи, завоеваніе турками Константинополя въ 1453 году, и послѣдовавшее затѣмъ

полное разореніе и покореніе Византіи заперло важные пути подвоза для торговли нѣмецкихъ городовъ. Открытіе Америки и морского пути въ Индію, открытія, принесшія пользу прежде всего Испаніи и Португаліи, повели за собой дальнѣйшее паденіе германской торговли, которое стало особенно чувствительно въ началѣ XVI вѣка и ускорило революціонное движеніе этого столѣтія.

Если нѣмецкимъ городамъ путемъ внѣшнихъ войнъ въ промежутокъ съ XI до XIII вѣка и удалось достигнуть независимости и той степени благосостоянія, которая была выше указана, то въ то же время эти обстоятельства не могли не оказать значительнаго вліянія на ихъ внутреннюю жизнь. Уже раньше было указано, что управленіе городами находилось въ рукахъ патриціевъ. Они сдѣлали всевозможное для достиженія независимости городовъ, для пріобрѣтенія ими привилегій, короче говоря, энергично боролись за все, что способствовало росту внѣшняго могущества городовъ, потому что этотъ ростъ совпадалъ съ ихъ интересами, но каждая господствующая партія обладаетъ естественннымъ стремленіемъ господстововать одной и устранять неудобныхъ ей соперниковъ. Патриціи пытались управлять внутренней жизнью городовъ такъ же независимо, какъ независимо они выступали въ вопросахъ внѣшней ихъ жизни. Но тутъ они вступили въ рѣзкій конфликтъ со стремленіями остальныхъ горожанъ.

Господство естественно сопровождается гнетомъ. Гнетъ никогда не заключается только въ лишеніи

политическихъ правъ, съ нимъ всегда неразрывно связана экономическая эксплоатація. Первое является для послѣдняго неизбѣжнымъ средствомъ. Таково же было положеніе и въ городахъ подъ владычествомъ патриціевъ. Они занимали городскія должности, засѣдали въ судѣ шеффеновъ, опредѣляли всѣ налоги, подати и повинности, себя же считали свободными отъ обязанности уплачивать что-либо въ пользу города. Они управляли и распоряжались по своему усмотрѣнію городскимъ имуществомъ, обогащались на счетъ города, заключали займы, которые приходилось выплачивать горожанамъ и посадскимъ, и отказывались давать о всемъ управленіи какія-либо свѣдѣнія или отчеты. Они подлежали суду только своего сословія, который ихъ часто оправдывалъ при наличности даже очевидной вины. Производилъ членъ такой фамиліи какое-нибудь преступленіе, его жилище считалось неприкосновеннымъ; спасался онъ въ жилище своего товарища по сословію, онъ не могъ быть арестованъ безъ согласія послѣдняго. Не платить ремесленнику за исполненныя работы они часто считали своей привилегіей, на исполненіе своихъ обязанностей смотрѣли, какъ на благодѣяніе съ ихъ стороны. Осмѣливался ремесленникъ требовать уплаты долговъ отъ своего благороднаго должника, или, не желая переносить всевозможныя злоупотребленія съ его стороны, обращался въ судъ — ему рѣдко удавалось добиться своихъ правъ. Вымогательства при заключеніи поставокъ и соглашеній, взятки за оправданіе по суду являлись общепринятымъ обычаемъ. Налоги и подати, которые

взимались, назначались, какъ и новѣйшей буржуазіей, на самые необходимые предметы потребленія, на сырые матеріалы и на ремесленныя издѣлія. На улицахъ и площадяхъ городовъ довольно часто происходили кровавыя столкновенія между различными знатными фамиліями; эти событія нарушали всю городскую жизнь. Соблазны и насилія по отношенію къ женамъ и дочерямъ ремесленниковъ были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, и потерпѣвшій не находилъ ни удовлетворенія, ни защиты.

Между тѣмъ ремесленники въ достаточной мѣрѣ познали свою силу, чтобы спокойно переносить такой гнетъ. Съ XIII столѣтія начались всюду въ городахъ движенія, направленныя противъ знатныхъ родовъ и часто противъ находившагося въ союзѣ съ ними духовенства. Но духовенству предъявлялись тѣ же обвиненія, что и патриціямъ. Въ епископскихъ городахъ, гдѣ высшая власть находилась въ рукахъ архіепископа, епископа или аббата, управленіе было не лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ неограниченно правили знатные роды. Кромѣ того, во всѣхъ городахъ находилась масса церквей и монастырей, владѣвшихъ громаднымъ имуществомъ и взимавшихъ съ него большой оброкъ и большіе поборы. Духовныя лица, какъ и знатные роды, были освобождены отъ всѣхъ городскихъ повинностей: десятину и арендную плату, которую они взимали въ видѣ предметовъ первой необходимости, т.-е. всевозможныхъ овощей, мяса, вина, и которую они при всей роскоши жизни не могли потребить, они продавали въ монастыряхъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой, при на-

личности высокихъ податей не могли торговать торговцы жизненными припасами. Это давало поводъ къ горькимъ жалобамъ и обвиненіямъ. Наглость духовенства, его въ высшей степени безнравственный образъ жизни, превращеніе церквей и монастырей въ дома терпимости, особенно сильно возбуждали ненависть народа.

Борьба между горожанами, ремесленниками и знатными родами или патриціями продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ болѣе двухъ столѣтій и часто рѣшалась силой оружія. Если пораженіе терпѣли знатные роды, они призывали себѣ на помощь свою родню изъ деревни или княжескую власть и пытались съ ихъ поддержкой вновь завоевать прежнее положеніе. На большой промежутокъ времени цехи нигдѣ не добились рѣшительнаго преобладанія. Иногда захватывали они въ свои руки управленіе городомъ, тогда богатые и сильные цехи, которымъ удавалось занять господствующее положеніе, начинали въ свою очередь притѣснять своихъ болѣе бѣдныхъ товарищей, такъ называемыхъ „безчестныхъ" ремесленниковъ и посадскихъ людей, лишенныхъ всякаго права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Къ концу XV столѣтія этотъ споръ находился въ такомъ положеніи, что въ большинствѣ городовъ цехи дѣлили власть съ знатными родами, причемъ послѣдніе почти вездѣ сохранили за собой преобладающее значеніе; этого они достигали если не числомъ, то вліяніемъ, которымъ пользовались при наличности раскола между богатыми и бѣдными цехами.

Исключеніе изъ подобнаго режима дѣленія власти надъ городомъ между знатными родами и цехами представляли изъ себя города, входившіе въ составъ ганзейскаго союза. Здѣсь знатные роды, по большей части богатые купцы, сохранили свое господство въ полномъ объемѣ. Въ ганзейскомъ союзѣ существовало правило исключать изъ союза тѣ города, гдѣ верхъ одерживали цехи. Такая судьба временно постигла: Висмаръ, Роштокъ, Гальберштадтъ, Брауншвейгъ и Зестъ. Когда въ Любекѣ въ 1408 году цехамъ удалось добиться раздѣленія власти надъ городомъ съ знатными родами, то по постановленію союза Любекъ былъ лишенъ высшаго руководства дѣлами союза и оно было передано Гамбургу. Но уже въ 1416 знатнымъ родамъ Любека удалось возстановить прежній порядокъ.

Подобный же переворотъ произошелъ около этого времени и въ другихъ городахъ, исключенныхъ изъ союза, почему они вновь были приняты въ его составъ. Когда впослѣдствіи цехи подняли новыя возстанія въ Брауншвейгѣ, Бременѣ, Госларѣ, Люнебургѣ и Мюнстерѣ, эти возстанія были подавлены и залиты кровью при помощи вооруженныхъ силъ союза. Знатные роды сохранили въ городахъ сѣверной Германіи свою неограниченную власть, сила торговыхъ интересовъ, находившихся на ихъ сторонѣ, побѣдила интересы ремесла.

Совѣтъ въ средне-вѣковыхъ городахъ назывался „почетной коллегіей“. Къ ней причислялись всѣ члены знатныхъ фамилій и всѣ бюргеры, имѣвшіе право на участіе въ совѣтѣ. Почетная коллегія въ

средне-вѣковыхъ городахъ занимала по отношенію къ цеховымъ ремесленникамъ то же положеніе, которое въ наше время занимаетъ крупная буржуазія по отношенію къ мелкой.

Едва ремесленное сословіе, соединенное въ цехи, добилось участія въ политической жизни города и достигло высшей точки своего могущества, какъ тотчасъ же среди него начался процессъ разложенія. Еще недавно угнетенное сословіе, оно начинаетъ теперь играть роль угнетателя. Оно издаетъ законы, затрудняющіе приливъ жителей въ города и достиженіе правъ горожанина. Послѣднее находилось въ тѣсной связи съ полученіемъ званія цехового мастера какого-нибудь ремесла; полученіе и того и другого права становится все дороже. Оно издало ограниченія относительно числа мастеровъ каждаго ремесла, числа подмастерьевъ, которое могло быть занято у одного мастера, относительно числа учениковъ и времени ихъ выучки, относительно цѣнъ за работу, даже относительно качества или работы товаровъ, которые въ лучшемъ случаѣ могъ производить мастеръ. Строгіе ремесленные уставы отдавали подмастерьевъ во власть мастеровъ, особыми правилами регулировалась заработная плата, которая въ лучшемъ случаѣ доставалась на ихъ долю, такія же правила предусматривали и другія требованія, которыя подмастерья могли возбудить.

Женитьба была имъ запрещена; имъ назначали мастера или мастерицу, у которыхъ они могли получить работу; они находились подъ домашнимъ надзоромъ мастера. Наконецъ, возникъ цѣлый рядъ

поборовъ и взиманій, которые приходилось уплачивать каждому, прежде чѣмъ онъ получалъ права горожанина и право на занятія какимъ-либо ремесломъ.

Всѣ эти насильственныя ограниченія привели *ремесленную* жизнь постепенно къ окостененію, они сдѣлали нѣмецкое бюргерство неспособнымъ выдержать конкуренцію другихъ націй и завоевать міровой рынокъ, но они создали такъ же многочисленный классъ недовольныхъ, который былъ готовъ присоединиться къ каждому мятежному движенію.

Рука объ руку съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія какого-либо класса идетъ его стремленіе къ политической самостоятельности и умственной независимости. Стремленіе горожанъ къ политической самостоятельности было уже описано, каковы же были ихъ умственные интересы? Духовенство царило не только въ духовной, но и умственной жизни того времени съ свойственной этому сословію и его господству односторонностью и ограниченностью. Борясь противъ политическаго господства духовенства, городское сословіе по необходимости должно было коснуться тѣхъ юридическихъ основаній, на почвѣ которыхъ духовенство строило свое господство, т.-е. основныхъ положеній его ученія. Въ своемъ стремленіи къ взысканію новыхъ путей для сбыта товаровъ, въ своихъ сношеніяхъ съ чужими странами и народами долженъ былъ расшириться кругозоръ бюргерства, явиться сомнѣніе въ вѣрности того міросозерцанія, которому учило духовенство. Глубокая тревога вселилась въ умы, мыслители принялись копаться и искать отвѣтовъ

на возникшіе вопросы. Библія, отцы Церкви и духовныя писанія не удовлетворяли болѣе, они не просвѣтляли и не поучали духа, стремившагося къ знанію, а ставили передъ нимъ только рядъ противорѣчій и загадокъ. Чего не давали христіанскія писанія, то, казалось, находилось въ древнихъ языческихъ сочиненіяхъ. Всѣ съ жадностью кинулись къ изученію греческихъ и римскихъ классиковъ, извлеченныхъ изъ забвенія, въ которомъ они находились доселѣ. Нѣтъ болѣе уничтожающаго свидѣтельства для пресловутой цѣнности „христіанской культуры и цивилизаціи“, чѣмъ тотъ фактъ, что, когда послѣ тысячелѣтняго неограниченнаго господства христіанства, вновь сталъ пробуждаться человѣческій духъ, это пробужденіе явилось энергичной реакціей противъ христіанства. Такъ называемая „языческая“ культура стала опорой, съ помощью которой оправился человѣческій духъ, она явилась первоисточникомъ новѣйшей культуры.

Такое оппозиціонное настроеніе по отношенію къ христіанству было замѣтно уже нѣсколько столѣтіями раньше въ странахъ, болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи, именно во Франціи и Италіи, въ Германіи же оно начало пробуждаться, хотя вначалѣ и медленно, только въ XIII столѣтіи. Альбертъ Великій въ Кельнѣ, умершій въ 1280 году, былъ первымъ значительнымъ нѣмецкимъ ученымъ, который занимался между прочимъ и естественными науками и въ силу богатства своихъ знаній считался многими современниками за колдуна и слылъ за еретика. Въ XIV столѣтіи возникли первые нѣмецкіе

университеты, которые постепенно распространились по всей Германіи и, хотя находились вначалѣ подъ руководствомъ духовенства, но все-таки создавали благопріятныя условія для научныхъ занятій.

Университеты возникли въ Прагѣ въ 1348 году, въ Вѣнѣ въ 1365 году, Гегельбергѣ въ 1387 году, Кельнѣ въ 1388 году, Эрфуртѣ въ 1392 году, Лейпцигѣ въ 1409 году, Роштокѣ въ 1419 голу, Фрейбургѣ въ 1452 году, Грейфейвальдѣ въ 1456 году, Базелѣ въ 1460 году, Ингольштадтѣ и Майнцѣ въ 1471 году, Тюбингенѣ 1477 году, Виттенбергѣ въ 1502 году.

Въ XIV и XV столѣтіи появились въ городахъ школы, конечно, не для народа, а исключительно для сыновей болѣе богатыхъ горожанъ. Изъ этихъ школъ между прочимъ выходили и лѣтописцы, обязанности которыхъ раньше исполняли только духовныя лица.

Отношеніе бюргерства къ религіознымъ дѣламъ уже въ то время не могло радовать духовенства. Такъ въ 1326 году Франкфуртъ на Одерѣ былъ присужденъ къ отлученію отъ Церкви и лишенію богослуженія за то, что горожане цѣлый годъ держали въ заключеніи епископа, возбуждавшаго поляковъ противъ города. Слѣдствіемъ натравливаній епископа было опустошеніе поляками городскихъ огородовъ и пашней. Горожане Франкфурта не обращали вниманія въ продолженіи 28 лѣтъ на отлученіе отъ Церкви и лишеніе ихъ богослуженій, и когда, наконецъ, ихъ освободили отъ этого наказанія, они уже настолько отвыкли отъ церковныхъ обрядовъ и церемоній, что смѣялись надъ ними.

Съ начала XV столѣтія все серьезнѣе становятся жалобы духовенства на еретическій духъ. И какъ разъ Аугсбургъ выдѣлился своими насмѣшками надъ попами. Въ одной пѣснѣ поется про аугсбургцевъ: „Они учредили школу церковнаго пѣнія и во главѣ ея поставили тѣхъ, кто ругалъ поповъ". Въ началѣ XV столѣтія Іоаннъ Гусъ началъ въ Прагѣ и Богеміи свою реформаторскую дѣятельность.

Соціально-политическихъ идей, которыя лежатъ въ основаніи ученія Гуса и которыя рѣзче всего выступили въ Гуситскихъ войнахъ, мы коснемся впослѣдствіи. Гусъ былъ приглашенъ въ 1415 году на Констанцскій соборъ и тамъ сожженъ, какъ еретикъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ и единомышленникомъ Іеронимомъ Праженни. Такимъ образомъ пали первые значительные дѣятели церковной реформаціи, но ихъ идеи остались живы и распространялись все шире.

Въ области математическихъ наукъ въ XV вѣкѣ также появились выдающіеся учителя; такъ, Георгъ Пеирбахъ, умершій въ 1461 году, и Іоаннъ Мюллеръ, называемый иначе Регіомактанусъ, изъ Кенигсберга во Франконіи, умершій въ 1476 году. Пульсъ всюду пробуждавшейся умственной жизни, сталъ биться скорѣе; и послѣдняя получила болѣе широкое распространеніе съ появленіемъ на сцену книгопечатанія, изобрѣтеннаго въ 1440 году; за нимъ послѣдовало изобрѣтеніе льняной или тряпичной бумаги, которая замѣнила дорогой папирусъ и пергаментъ. Основаніе первыхъ почтовыхъ учрежденій къ концу того же столѣтія дало дальнѣйшій толчокъ къ раз-

витію умственной жизни. Выступленіе гуманистовъ имѣло важное значеніе для революціоннаго движенія XVI столѣтія. Гуманисты были люди, посвятившіе себя, какъ и ихъ предшественники въ Италіи, изученію классической литературы древности, выступившіе противъ хитросплетеній и дурачествъ схоластиковъ, философской школы, царствовавшей надъ умами въ продолженіе всего средневѣковья и пытавшейся обосновать разумомъ всѣ нелѣпости христіанства и церковнаго ученія; безпощадно разрушавшіе предразсудки своего времени и расчищавшіе путь жившей среди массъ жаждѣ къ освобожденію изъ своего приниженнаго положенія. Выдающимися гуманистами были: Григорій Геймбургскій, умершій въ 1472 году, Іоаннъ Везельскій, Рудольфъ Агрикола, занимавшійся преподаваніемъ въ Гейдельбергѣ и умершій въ 1485 году, Іоаннъ Рейхлинъ, умершій въ 1522 году, Конрадъ Цельтесъ, умершій въ 1598 году, Эразмъ, умершій въ 1536 году. Перечисленныя лица пользовались вліяніемъ главнымъ образомъ въ ученыхъ и духовныхъ кругахъ. Къ нимъ примыкаютъ Генрихъ Бебель, профессоръ въ Тюбингенѣ, бичевавшій въ сатирическихъ произведеніяхъ дѣятельность духовенства, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, народный политическій писатель, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, затѣмъ разсказчикъ Себастіанъ Брандтъ, радикальный и свободный мыслитель, „Корабль дураковъ“ котораго вмѣстѣ съ вновь появившемся на сценѣ „Рейнекэ Лисъ“ пользовался большимъ успѣхомъ въ городскихъ кругахъ и имѣлъ на нихъ сильное вліяніе.

Рядомъ съ сатирическими произведеніями Генриха Бебеля и Себастіана Брандта нужно поставить „Тилля Эйленшпигеля“, напечатаннаго впервые въ 1483 году; своими грубоватыми насмѣшками надъ князьями и духовенствомъ онъ также много способствовалъ пробужденію оппозиціоннаго настроенія. Тилль Эйленшпигель сдѣлался настоящей народной книгой, проникшей при помощи странствующихъ евреевъ и „офеней“ въ самые темные уголки городской и деревенской жизни. Въ то время уже повсюду въ деревнѣ существовали отдѣльныя лица, знавшія кое-какъ грамоту; они-то и читали внимательно слушавшей массѣ сочиненія, приспособленныя къ народному пониманію. Не было чтеца въ деревнѣ, тогда ихъ обязанности исполняли случайные проѣзжіе на постоялыхъ дворахъ или бродившие въ то время въ большомъ числѣ повсюду фокусники и скоморохи. Такимъ же путемъ получали распространеніе въ деревнѣ и многочисленные революціонные летучіе листки, появившіеся во время реформаціи. Наконецъ, слѣдуетъ еще указать, что уже къ концу XV столѣтія, слѣдовательно, задолго до перевода Библіи Лютеромъ, существовали ея переводы, которые при важности религіозныхъ вопросовъ для того времени, усердно читались, объяснялись и комментировались. Все это вмѣстѣ способствовало тому, что существовавшія до того времени представленія были разрушены, положеніе же привелигированныхъ сословій расшатано.

Чтобы дополнить картину умственной жизни, которая была въ концѣ XV и XVI столѣтія въ обществѣ

сильнѣй, чѣмъ когда-либо, и одновремено показать, какой переворотъ обнаруживался во всѣхъ областяхъ жизни, нагонявшій на однихъ ужасъ, другихъ же наполнявшій надеждой и радостью, нужно перечислить еще имена выдающихся людей въ области искусства и родственныхъ ему областяхъ.

Варѳоломей Цейтбломъ, Мартынъ Тёнгауеръ, Гансъ Бургкмейеръ и особенно Альбрехтъ Дюреръ, Гансъ Гольбейнъ и Лука Кранахъ являлись представителями новаго теченія въ живописи; Петеръ Фишеръ выдѣлился какъ даровитый мастеръ литейнаго искусства; Вейтъ Штоссъ и Уоргъ Симусъ считались выдающимися рѣзцами по дереву; Гансъ Заксъ, сапожникъ изъ Нюрнберга, прославился какъ поэтъ городского сословія; наконецъ, Теофрастъ Парацельсъ сдѣлался знаменитымъ врачомъ, изслѣдователемъ природы и первымъ профессоромъ, который училъ съ кафедры на нѣмецкомъ языкѣ.

* * *

Теперь посмотримъ каково было вліяніе, оказанное на деревню возникновеніемъ и процвѣтаніемъ городовъ и неразрывно связаннымъ съ ними умственнымъ пробужденіемъ.

Большое количество населенія въ городахъ, требованія, предъявленныя промышленной и общественной жизнью, прежде всего оказали вліяніе на культуру земли. Помѣщикамъ стало выгодно обрабатывать большое количество земли, вводить улучшенные способы обработки ея, вырубать лѣса и сушить

болота. Легкость, съ которой крѣпостные находили пріемъ въ городахъ, принудила помѣщиковъ уничтожить рабство въ чистомъ видѣ и надѣлить рабовъ землей для ихъ собственной обработки. Различіе между крѣпостными и рабами стало менѣе рѣзкимъ. Улучшенная культура почвы, большее количество земли, отданное въ руки крѣпостныхъ и рабовъ, много способствовало поднятію ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Частое посѣщеніе сельскимъ населеніемъ городовъ во время ярмарокъ, воскресныхъ и праздничныхъ дней расширило его міросозерцаніе; тамъ оно познакомилось съ новыми порядками, тамъ у него родились новыя, неизвѣстныя ему доселѣ потребности.

То обстоятельство, что оно не могло удовлетворить, или, если и могло, то не въ примѣръ труднѣе горожанъ, только усиливало его недовольство. Вѣдь горожане были нѣкогда тоже крѣпостными и рабами. Для господина нѣтъ ничего опаснѣе, какъ если покоренный начинаетъ дѣлать сравненія. Параллельно—съ развитіемъ самосознанія каждое притѣсненіе становилось чувствительнѣй, а господа ясно давали чувствовать свой гнетъ. Такъ какъ поступленіе поземельныхъ доходовъ было единственнымъ источникомъ существованія для дворянства и духовенства и такъ какъ ихъ роскошь и мотовство росли непрерывно, то они пытались обложить бѣдный народъ все новыми и новыми налогами. Они считали, что имѣютъ право отнять у крѣпостныхъ то, чего послѣдніе добились увеличеніемъ прилежа-

нія при наличности благопріятныхъ общественныхъ условій.

Число налоговъ возрасло до невѣроятія. Существовали большая и малая десятина, налогъ на курицъ, налогъ на очаги, женитьбу, наслѣдство, напитки и т. д. При томъ существовали еще: барщина, т.-е. крѣпостные обязаны были безвозмездно работать на помѣщика въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, выѣзжать на работу часто съ лошадью и телѣгой; поборы, которые взимала Церковь для всевозможныхъ цѣлей; обманъ, который практиковали вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ владѣтельные князья съ мѣрами вѣса, объема и монеты; государственная, земская и военная подать, которая полностью перелагалась на простого человѣка. Прибавьте къ этому частыя опустошенія полей, уничтоженія всего имущества, какъ результатъ распрей между дворянствомъ и частыхъ войнъ между владѣтельными князьями, вредъ, который наносила чрезмѣрно охраняемая дичь, запрещеніе охоты, рыбной ловли, рубки лѣса подъ угрозой тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній и даже смертныхъ казней, затѣмъ мелкія притѣсненія, какъ, напримѣръ, принужденіе собирать ягоды и улитковыя скорлупки, и вы получите представленіе о положеніи сельскаго населенія того времени.

Въ деревнѣ прибавился новый недовольный элементъ. Это были свободные крестьяне, владѣтели земельной собственности, предки которыхъ принадлежали нѣкогда къ сословію низшихъ свободныхъ людей, но не были достаточно богаты, чтобы войти въ составъ рыцарскаго сословія, образовавшагося

въ X вѣкѣ. Они жили, какъ свободные хозяева на своей землѣ, и такъ какъ лично занимались земледѣліемъ, то дворяне, ихъ бывшіе товарищи, называли ихъ съ презрѣніемъ „мужики“. Имя, которымъ впослѣдствіи стали обозначать все земледѣльческое населеніе. Эти свободные крестьяне были собственно имперскими подданными, т.-е. находились подъ непосредственной защитой императора. Но съ ослабленіемъ императорской власти исчезла и для нихъ возможность остаться независимыми. Тамъ, гдѣ они не жили большими обществами близко другъ къ другу и не могли общими силами противиться стремленію владѣтельныхъ князей подчинить ихъ себѣ, тамъ имъ приходилось пережить эту участь. Они или сами добровольно вступали какъ бы въ феодальныя отношенія къ территоріальнымъ владыкамъ— князьямъ, графамъ, епископамъ, аббатамъ, или принуждались къ этому. Находясь въ такомъ положеніи они обязаны были выплачивать въ теченіе года оброкъ, за что территоріальный владыка съ своей стороны обѣщалъ имъ защиту имущества и личности. Они были свободны и жили въ своихъ имѣніяхъ, какъ свободные оброчные крестьяне; живя въ противоположность дворянству просто, они по большей части обладали извѣстнымъ достаткомъ. Но ихъ матеріальное благосостояніе какъ разъ и возбуждало зависть ихъ покровителей. Эти пытались обложить ихъ податями и налогами, которые послѣдніе по документальнымъ даннымъ не обязаны были выплачивать, или даже дѣлали попытки вполнѣ подчинить ихъ и сдѣлать крѣпостными или рабами. Впослѣд-

ствіи мы увидимъ, какими средствами это дѣлалось и какихъ результатовъ удалось добиться. Большое число такихъ свободныхъ крестьянъ жило въ сѣверной Германіи вдоль сѣвернаго моря и въ Ганноверѣ, затѣмъ на югѣ въ простыхъ мѣстностяхъ, какъ старой Баваріи, Тироліи, Австріи и Швейцаріи, гдѣ сама природа мѣстности покровительствовала ихъ независимости, и, наконецъ, въ отдѣльныхъ частяхъ Швабіи, вдоль по Рейну и въ Вестфаліи, слѣдовательно въ мѣстностяхъ, гдѣ существовало много значительныхъ городовъ.

Въ началѣ XV столѣтія ко всѣмъ указаннымъ причинамъ и къ элементамъ, способстовавшимъ пробужденію сельскаго населенія, присоединился новый элементъ. Именно—ландскнехты, т.-е. наемные солдаты. Введеніе пороха совершенно измѣнило военное дѣло, вмѣсто конницы стали пользоваться все больше пѣхотой, которая не представляла изъ себя, какъ теперь, постояннаго набраннаго со всего народа войска, а нанималась спеціально для каждой войны. Деревня и городъ составляли въ изобиліи матеріалъ для этихъ войскъ. Наемники были по большей части никуда не годный народъ; набирали безпутныхъ субъектовъ, которыхъ влекла разгульная жизнь и надежда на разбой и добычу. Но среди нихъ попадались ловкія и умныя головы, которыя посвящали себя военному ремеслу изъ жажды приключеній, или изъ желанія посмотрѣть свѣтъ. Если кончалась война и не было случая тотчасъ же поступить къ другому господину, тогда эти наемники частью бродили повсюду и составляли разбойничьи

шайки, частью же возвращались на родину и приступали къ мирнымъ занятіямъ, употребляя съ пользой пріобрѣтенное добро. Эта послѣдняя часть какъ разъ и вносила свѣтъ и возбуждала недовольство въ средѣ сельскаго населенія. Эти люди путешествовали много и далеко, видѣли чужіе страны и чужіе народы, знали ихъ обычаи и образъ жизни и всѣмъ этимъ дѣлились на родинѣ съ земляками. Также ландскнехты впослѣдствіи по большей части становились во главѣ крестьянскихъ возстаній.

Много основаній для жалобъ создавало римское право, пріобрѣтавшее въ XV столѣтіи все большее значеніе и вытѣснявшее открытое и устное нѣмецкое судопроизводство. Старое германское право покоилось на простыхъ отношеніяхъ народа, жившаго исключительно обработкой земли. Возникновеніе феодальнаго дворянства сдѣлало необходимымъ воспріятіе лангобарскаго леннаго права.

Съ образованіемъ и развитіемъ городовъ, торговли и промышленности, вполнѣ развитаго денежнаго хозяйства и большого движимаго имущества, старая правовая система оказалась безусловно неудовлетворительной. Право, выросши изъ обычая, было слишкомъ многообразно и произвольно. Нужно было создать всеобщее нѣмецкое уголовное и гражданское право, но для этого не было на лицо необходимой централизаци, у императоровъ не было силы и желанія заняться этимъ дѣломъ. Духовенство же издревлѣ пользовалось римскимъ правомъ. Въ университетахъ за отсутствіемъ нѣмецкаго права изучали римское. Это имѣло рѣшающее значеніе и

римское право было постепенно введено. Университеты стали мѣстами подготовки для новыхъ судей, которые, какъ доктора римскаго права постепенно вытѣснили, или подчинили себѣ необразованныхъ судей изъ свободнаго сословія.

Мѣсто до сихъ поръ всюду принятаго устнаго и открытаго судопроизводства и рѣшенія тяжбъ заняло судопроизводство письменное, весьма сложное и при томъ тайное. Законы, составленные на латинскомъ языкѣ, были непонятны обыкновенному человѣку. Сложность ихъ и возможность двоякаго толкованія создавала богатую почву для мелкаго крючкотворства и обмановъ. Судопроизводство стало необыкновенно продолжительнымъ и дорогимъ, прямо недоступнымъ для бѣднаго человѣка, которому уже и раньше трудно было надѣяться на справедливый приговоръ, такъ какъ судьи принадлежали къ господствующему сословію.

Всѣ эти неурядицы и притѣсненія, доведенныя до крайности, рано или поздно должны были привести къ взрыву недовольства и, дѣйствительно, возстанія не замедлили разразиться.

III.

Предшественники и предвѣстники нѣмецкой крестьянской войны.

Въ странахъ южнѣе Альпъ, которыя лежатъ вокругъ Средиземнаго моря, обладаютъ нѣжнымъ климатомъ и плодородной почвой, цивилизація до-

стигла высокаго развитія, прежде чѣмъ перекинулась черезъ Альпійскій хребетъ и рѣку Рейнъ въ Германію; послѣдняя развивалась гораздо медленнѣе вслѣдствіе суроваго климата и не столь плодородной почвы. Когда, послѣ разложенія и разрушенія древней греческо-римской культуры, постепенно стала нарождаться новая цивилизація, то страны, какъ Италія, Франція и даже Англія, пользуясь благопріятными условіями своего положенія, климата и качества почвы, стали развиваться гораздо скорѣе. Тѣ общественныя условія, которыя только что были обрисованы по отношенію къ Германіи, въ основныхъ чертахъ воспроизводились въ только что перечисленныхъ странахъ. Дворянство и духовенство составляли и тамъ господствующія сословія, но только ихъ власть уже оспаривалась городскимъ классомъ, достигшимъ высокой степени развитія.

Болѣе раннее развитіе этихъ странъ должно было естественно раньше вызвать тамъ и революціонныя движенія, хотя эти движенія и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ позднѣйшимъ возстаніямъ въ Германіи, но они во всякомъ случаѣ интересны по однородности формы и цѣлей, которыя ихъ составили. Всѣ они принимали религіозную форму въ силу ограниченности понятій своего времени, когда никакое соціальное движеніе не могло надѣяться на успѣхъ, не опираясь на религію и не выводя изъ нея свои требованія и свои права.

Затѣмъ для этого существовало еще одно основаніе. Духовенство, несмотря на его старанія внушить всѣмъ о себѣ иное представленіе, фактиче-

ски являлось свѣтскимъ сословіемъ; поборы и налоги, которые оно взимало, были весьма осязаемы, житейскія вещи. Что же касается гнета и высасыванія соковъ изъ массъ, то въ этомъ отношеніи оно могло поспорить о первенствѣ съ князьями и дворянствомъ, свою дѣятельность и свое поведеніе оно оправдывало передъ темными массами ссылками на религію и божественные законы, представителями и исполнителями которыхъ оно считалось. Отсюда вполнѣ понятно, что оппозиція должна была искать самое дѣйствительное оружіе противъ существовавшаго строя въ области, гдѣ находился ея самый опасный врагъ, именно въ области религіозной. Поэтому оппозиція выставляла ученіе духовенства, какъ ученье „ложное“, свои же соціальныя и политическія цѣли, какъ чистое и истинное толкованіе слова Божьяго. И главная книга христіанскаго ученія, библія шла въ этомъ отношеніи навстрѣчу оппозиціи, потому что она, какъ извѣстно, отличается той удобной особенностью, что содержитъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ противорѣчивыхъ и двусмысленныхъ мѣстъ такія положенія, которыя въ рукахъ оппозиціи являлись весьма подходящимъ оружіемъ. Послѣднее было тѣмъ дѣйствительнѣе, что имъ прекрасно можно было воспользоваться для пробужденія естественнаго чувства справедливости, для пробужденія мысли о равенствѣ всѣхъ людей. Въ силу всего этого религіозный характеръ соціальнаго движенія среднихъ вѣковъ настолько бросался въ глаза, что большинство историковъ видѣло только религіозную его сторону и только по ней судило объ этомъ движе-

ніи. Сущность движенія считалась побочнымъ обстоятельствомъ, форма же его—его сущностью.

По внѣшнему характеру соціальныя движенія можно раздѣлить на три категоріи. Соціальныя движенія среднихъ вѣковъ всѣ представляются движеніями религіозными, такъ какъ духовенство являлось ихъ главнымъ врагомъ, и такъ какъ религія господствовала надъ всѣми умами; соціальныя движенія позднѣйшаго времени являлись движеніями политическими: такъ. они усматривали своего главнаго врага въ неограниченности князей и всемогуществѣ государства, и только соціальныя движенія послѣдняго времени выступаютъ какъ чисто соціальныя движенія, потому что стало ясно какое рѣшающее значеніе имѣетъ соціальный строй общества для культурнаго развитія человѣчества. Въ соотвѣтствіи съ этимъ они нападаютъ на всѣ учрежденія стараго общества, религіозныя, политическія и соціальныя. Приходится удивляться инстинкту массы: она всегда знаетъ, куда нужно направить главный ударъ.

Грубая коммунистическая организація, которую выдвинуло христіанство при своемъ первомъ выступленіи противъ стараго, покоившагося на рабствѣ общества, явилась тѣмъ идеаломъ, къ которому стремились почти всѣ революціонныя движенія среднихъ вѣковъ. Разобщенность, въ которой жили люди, громадный гнетъ, который тяготѣлъ надъ ними, ограниченность и невѣжество, въ которомъ они находились, должны были сообщить ихъ революціоннымъ стремленіямъ религіозно-сектантскій и утопическій характеръ.

Сравнительно очень рано, а именно къ концу X вѣка такія секты возникли въ Италіи и Франціи и распространились до Рейна. Называли ихъ общимъ именемъ „Катары“. Ихъ протестъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ духовной іерархіи, которую онѣ не признавали христіанскимъ учрежденіемъ. Онѣ требовали возстановленія апостольской простоты; въ связи съ этимъ протестовали противъ церковныхъ церемоній, употребленія въ пищу мяса и вина и даже противъ брака. Онѣ нигдѣ не достигли большого распространенія, которое могло бы показаться опаснымъ для существовавшаго строя; отдѣльныя, фанатически-настроенныя банды бродили по странѣ, опустошали церкви и убивали духовенство. Преслѣдуемыя безъ милосердія, онѣ не могли продержаться долго и постепенно исчезли. Имя, которое имъ дали и которое собственно значитъ „чистые“, впослѣдствіи постольку имѣло значеніе, поскольку изъ него произошло слово „еретикъ“ (нѣмецкое Ketzer), которымъ обозначали всѣхъ людей, мыслящихъ несогласно съ ученіемъ церкви.

Бо́льшее значеніе пріобрѣло соціально-религіозное движеніе, возникшее въ началѣ XI столѣтія въ плодородной южной Франціи, теперешнемъ Провансѣ, которая издавна находилась подъ вліяніемъ греческо-римской, а затѣмъ и арабской культуры. Центромъ этого движенія былъ городъ Альби, откуда его сторонники и получили имя Альбигойцевъ. Ихъ ученіе совпадало съ ученіемъ катаровъ; ихъ яростныя нападки направлялись противъ духовенства, которое вело особенно роскошную и распут-

ную жизнь въ тѣхъ богато-одаренныхъ природой мѣстностяхъ. Но такъ какъ наиболѣе радикальныя среди нихъ лица проповѣдывали „христіанское равенство“ и всеобщее дѣленіе имущества, то альбигойцы возстановили противъ себя не только папу и все духовенство, но и свѣтскихъ властителей. Правда, часть рыцарства примкнула къ нимъ изъ вражды къ духовенству и князьямъ, но большинство осталось ихъ смертельными врагами. Церковь и свѣтская власть рѣшили уничтожить секту. Мирные переговоры, которые вначалѣ были начаты съ альбигойцами, не привели къ цѣли, между тѣмъ число сторонниковъ альбигойцевъ росло непрерывно: къ нимъ примыкали горожане и сельское населеніе. Тогда всякія сношенія съ альбигойцами были прерваны и папа сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ нихъ. Дѣйствительное и надежное средство того времени, которое тотчасъ же поставило на ноги рыцарей, искателей приключеній, князей, жаждущихъ завоеваній и всякій сбродъ, ищущій добычи; все это пользовалось войной, назначенной для спасенія души, чтобы съ тѣмъ меньшимъ угрызеніемъ совѣсти убивать, жечь и грабить. Война, которая началась въ 1178 году и длилась съ нѣкоторыми болѣе или менѣе продолжительными перерывами до 1228 года, скоро превратились въ войну за существованіе и независимость Прованса, и окончилась послѣ ужасныхъ опустошеній и жестокостей подчиненіемъ страны и населенія французской коронѣ. Особенно ясно свидѣтельствуетъ о той злобѣ, съ которой Церковь преслѣдовала еретиковъ,

взятіе въ 1209 году штурмомъ Безьера. Когда наемники папы и князей вторглись въ городъ, они спросили присутствовавшаго при этомъ папскаго легата: какъ они могутъ отличить истинно вѣрующихъ отъ еретиковъ. Легатъ отвѣтилъ „Убивайте всѣхъ, Богъ отличитъ своихъ". Такой отвѣтъ привелъ къ убійству до 20,000 человѣкъ; изъ нихъ 7,000 были сожжены въ церкви. „Месть Господа Бога свирѣпствовала необыкновенно" сообщилъ объ этомъ благочестивый легатъ римскому папѣ.

Это былъ геройскій подвигъ христіанско - поповской кровожадности и жестокости; объяснить его можно только тѣмъ презрѣніемъ къ человѣку, которому учитъ христіанство. Религія и жестокость близко родственны другъ другу; обѣ процвѣтаютъ лучше всего тамъ, гдѣ царствуетъ грубость нравовъ, невѣжество—мать той и другой.

Цѣли, родственныя альбигойцамъ, преслѣдовало и христіанское братство, основанное Петромъ Вальдусомъ, ліонскимъ купцомъ, въ 1170 году, члены этого братства назывались по имени своего основателя Вальденземи. Они также подверглись жестокимъ гоненіямъ и бѣжали на востокъ въ Альпы и въ Піемонтъ, гдѣ живутъ изгнанниками еще и теперь.

Въ Италіи революціонное движеніе началось во второй чертверти XII вѣка. Здѣсь во главѣ его стоялъ Арнольдъ изъ Брестіи. Онъ выступилъ противъ господства папства, ратовалъ за уничтоженіе всѣхъ должностей и имуществъ духовенства и свободное избраніе духовныхъ чиновъ прихожанами; онъ объ-

явилъ себя врагомъ княжеской власти, требовалъ отмѣны крѣпостничества и рабства, проповѣдывалъ всеобщее равенство. Въ Римѣ его ученіе нашло такое сочувствіе, что народъ возсталъ, свергнулъ папу и провозгласилъ республику. Изгнанный изъ Италіи, явился Арнольдъ въ 1139 году въ Констанцъ и Цюрихъ и тамъ проповѣдывалъ тѣ же основныя положенія своего ученія до 1144 года.

Возвратившись въ Италію, онъ въ 1155 году попалъ въ руки императору Фридриху Барбароссѣ, и „благородный" Бантауфенъ, которому рабскія душенки курили и курятъ фиміамъ и который въ дѣйствительности является тщеславнымъ хвастуномъ, безхарактернымъ и жестокимъ деспотомъ, который ненавидѣлъ возникшее городское сословіе и въ войнѣ противъ итальянскихъ городовъ, особенно Милана, находившихся подъ императорскимъ протекторатомъ, заявилъ себя такими варварскими жестокостями, — онъ выдалъ, конечно, ненавистнаго республиканца, врага рабства и крѣпостничества папѣ, который поспѣшилъ его сжечь въ Римѣ.

Послѣдователь Арнольда изъ Греціи былъ Дольчино, сынъ священника изъ сѣверной Италіи, который стоялъ во главѣ секты „апостольскихъ братьевъ", пріобрѣлъ большое количество послѣдователей и открыто выступилъ противъ папства и княжеской власти послѣ того, какъ основатель этой секты Герардъ Сегарелли былъ сожженъ, какъ еретикъ. Цѣлью Дольчино была республика, основанная на простотѣ нравовъ и воздержаніи. Преслѣдуемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ папами, дво-

рянствомъ и богатыми горожанами, онъ бросился болѣе чѣмъ съ 6 тысячами человѣкъ въ Альпы сѣверной Ломбардіи, покрытыя въ продолженіе большей части года снѣгомъ и льдомъ. Здѣсь защищался онъ въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, энергично поддерживаемый своей женой Маргаритой, женщиной выдающейся какъ по красотѣ, такъ и по уму и твердости воли. Только въ 1308 году онъ былъ побѣжденъ подавляющей силой своихъ противниковъ, которые провозгласили объявить противъ него крестовый походъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и по обычаю того времени сожженъ, какъ еретикъ.

Во Франціи въ 1350 году вновь дѣло дошло до революціонныхъ возстаній. Прежде всего въ Парижѣ, затѣмъ среди сельскаго населенія, движеніе котораго поддержала часть жителей мелкихъ городовъ. Франція въ это время вела упорную войну съ Англіей, войну, которая принесла ей не одно тяжелое пораженіе; одинъ французскій король былъ даже взятъ въ плѣнъ англичанами.

Такимъ положеніемъ страны и правительства пытались воспользоваться горожане Парижа, чтобы освободиться отъ произвола королей и обезпечить за собой соотвѣтствующее ихъ силѣ вліяніе въ управленіи государствомъ. Теперь использованіе такого тяжелаго положенія властителей страны назвали бы измѣной родинѣ, въ средніе же вѣка угнетенный народъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы добиться своихъ правъ.

Дофинъ (наслѣдникъ) Карлъ, назначенный регентомъ, воспротивился вначалѣ требованію самоупра-

вленія со стороны горожанъ, затѣмъ въ 1357 году онъ былъ принужденъ уступить, но было слишкомъ поздно, революціонное движеніе слишкомъ сильно охватило Парижъ. Купеческій старшина Этгеннъ Марсель, стоявшій во главѣ народной партіи, одержалъ побѣду надъ другими партіями города, именно партіей Дофина и партіей короля Наварры. Самъ Дофинъ попалъ во власть народа. Ему и его придворнымъ толпа народа надѣла въ февралѣ 1358 года на головы вмѣсто барета шапки городскихъ парижскихъ цвѣтовъ—синяго и краснаго. Этотъ случай можно считать предвѣстникомъ 1792 года, когда Людовикъ XVI долженъ былъ надѣть красную шапку якобинцевъ.

Парижъ провозгласилъ себя независимой коммуной. Между тѣмъ многочисленные и могущественные враги такого строя въ городѣ приложили всѣ усилія, чтобы уничтожить его, и это было имъ не такъ трудно, ибо дворъ пользовался большой привязанностью среди народа.

Въ августѣ 1358 года возникло большое волненіе, во время котораго одинъ измѣнникъ изъ бывшихъ друзей Марселя, кинувшись на него сзади, раскроилъ ему черепъ. Народная партія была побѣждена, Парижъ опять долженъ былъ подчиниться королевской власти.

Одновременно съ первой парижской коммунальной революціей крестьяне, жестоко угнетаемые дворянствомъ, потерпѣвшіе ужасныя опустошенія отъ войны, поднялись массами въ окружности Парижа и на сѣверовостокѣ Франціи. Сотни тысячъ кресть-

янъ являлись толпами передъ замками своихъ благородныхъ мучителей, грабили и жгли ихъ. Сотни замковъ были уничтожены въ короткій промежутокъ времени. Но возстаніе не имѣло ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго руководства. Никакая идея не руководила имъ, только чувство злобной мести побуждало массы дѣлать со своими угнетателями то же, что они дѣлали съ народомъ.

Общая опасность, которую видѣли передъ собою обѣ партіи, именно партія Дофина и партія короля Наварры, быстро примирила ихъ, они выступили въ походъ противъ общаго врага и даже дворянство изъ Лангедока пришло на помощь своимъ товарищамъ по сословію, находившимся въ опасности. Организованная сила дворянства побѣдила нестройныя банды крестьянъ. За жестокость, которую проявило озлобленное крестьянство по отношенію къ своимъ мучителямъ, наступила ужасная расплата. Дворянство купалось въ крови. Черезъ шесть недѣль возстаніе было подавлено и крестьяне вновь надѣли старое ярмо.

Это крестьянское возстаніе носитъ въ исторіи названіе жакеріи; это названіе произошло отъ Жакъ-Простакъ, которымъ дворяне, какъ ругательнымъ прозвищемъ, окрестили всѣхъ крестьянъ.

Въ Англіи положеніе дѣлъ для бѣднаго человѣка было не лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Дворянство и поповское сословіе давило его и высасывало изъ него соки. Городское сословіе отличалось своимъ благосостояніемъ, оно пользовалось правомъ посылать представителей въ парламентъ. Государствен-

ныя тяготы несъ на своихъ плечахъ по большей части крестьянинъ, и эти тяготы по мѣрѣ того, какъ становились тяжелѣе, взимались все съ большей жестокостью. Папы и дворянство владѣли громадными богатствами, развратничали и жили въ роскоши и счастьи, масса же народа бѣдствовала и голодала.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ должны были пользоваться большимъ сочувствіемъ краснорѣчивыя проповѣди монаха, Джона Болля *), который горячо выступилъ противъ бѣлаго и чернаго духовенства, дворянства и богачей, оспаривалъ наслѣдственность всякой власти, требовалъ общаго владѣнія землей и призывалъ народъ, опираясь на библію, къ основанію государства христіанской свободы и равенства. Стихотвореніе, которымъ онъ часто пользовался въ своихъ проповѣдяхъ сдѣлалось любимой поговоркой крестьянъ. Оно гласило:

„Когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто былъ тогда дворяниномъ?"

Четырьмя годами позднѣе Джона Болля выступилъ Джонъ Виклефъ, профессоръ Оксфордскаго университета, который въ своемъ ученіи былъ гораздо умѣреннѣе монаха, но все-таки много содѣйствовалъ воз-

---

*) Большинство вождей средневѣковыхъ революцій принадлежали къ духовному сословію. Это подтверждаетъ старинное наблюденіе, гдѣ угнетенные всегда находятъ вождей въ рядахъ владѣющихъ классовъ. Это идеалисты, которые, презрѣвъ выгоды привилегированнаго положенія, употребляютъ образованіе и широкіе взгляды, пріобрѣтенные благодаря привилегированному положенію, на освобожденіе угнетенныхъ.

бужденію народа; онъ основалъ общество „бѣднаго духовенства“, члены котораго бродили по странѣ и проповѣдывали его ученіе. Приглашенный въ 1377 году къ церковному суду, Джонъ Виклефъ сдѣлалъ въ соціальной части своего ученія цѣлый рядъ ограниченій и оговорокъ, которыя спасли его отъ осужденія; много помогла ему также защита высокопоставленныхъ покровителей дворянскаго происхожденія. Джонъ Болль, напротивъ, коммунистическое ученіе котораго стало опаснымъ, былъ схваченъ въ 1380 году и посаженъ въ тюрьму. Новые налоги, которыми обложили народъ, въ связи съ жестокостью и безчеловѣчностью ихъ взиманія, вызвали возстаніе. Во главѣ его сталъ кирпичникъ по имени Уотъ Тайлеръ. Джонъ Болль былъ освобожденъ своими приверженцами. Онъ выступилъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, и требовалъ отмѣны всѣхъ налоговъ, раздѣла собственности и уничтоженія всѣхъ богачей и господъ. Крестьяне, ремесленники и рабочіе соединились, массами ходили по странѣ, грабили дворянскія имѣнія, сжигали всѣ документы и убивали тѣхъ чиновниковъ, которые выдѣлились своей жестокостью и безчеловѣчностью. Почти достигнувъ Лондона, вожаки возстанія Уотъ Тайлеръ, Джонъ Болль и Джэкъ Страу, также изъ духовнаго сословія, потребовали чтобы къ нимъ явился король. Король согласился и спустился внизъ по Темзѣ, но его свита отсовѣтовала ему сойти на берегъ. Озлобленный этимъ народъ двинулся на Лондонъ, добился отъ городскихъ властей съ помощью части лондонскаго населенія открытія городскихъ воротъ,

отомстилъ части своихъ угнетателей и уничтожилъ ихъ имущество. Король бѣжалъ въ Тауэръ, гдѣ его осадили. Наконецъ, король согласился на личные переговоры, во время которыхъ онъ заявилъ, что согласенъ на отмѣну для всей страны подушной подати, на уничтоженіе крѣпостничества и барщины, на разрѣшеніе охоты и рыболовства и на многое другое. Во время этихъ переговоровъ народъ завладѣлъ Тауэромъ, убилъ архіепископа, главнаго казначея королевства, королевскаго духовника и еще трехъ другихъ лицъ изъ его свиты. Народъ объявилъ, что онъ уйдетъ не раньше, чѣмъ король документально засвидѣтельствуетъ свои обѣщанія. Послѣдній выѣхалъ затѣмъ изъ Тауэра, подъ предлогомъ открыто договориться съ народомъ, на самомъ же дѣлѣ, чтобы произвести по отношенію къ послѣднему гнусное предательство. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ народа онъ остановился со своей свитой и пригласилъ къ себѣ одного Уота Тайлера. Послѣ нѣкотораго колебанія, послѣдній подошелъ къ свитѣ короля, но въ то время, когда онъ былъ занятъ переговорами съ королемъ, лордъ-мэръ Вальвартъ вонзилъ ему мечъ въ горло, другія лица изъ свиты короля добили его. Народъ, озлобленный этим убійствомъ, намѣревался отомстить за своего убитаго вождя, но хитрый король поскакалъ ему навстрѣчу, объявилъ, что онъ хочетъ стать его вождемъ и назвалъ Тайлера измѣнникомъ и грабителемъ. Народъ, озадаченный и смущенный, позволилъ себя надуть и былъ выведенъ королемъ изъ города въ чистое поле. Здѣсь на него накинулись хорошо

вооруженные горожане, отрядъ рыцарей и наемниковъ; часть народа была перебита, остальная разсѣяна. Затѣмъ начались преслѣдованія. Джонъ Болль и Джекъ Страу вмѣстѣ со многими другими покончили свою жизнь на висѣлицѣ; власти вывѣсили напоказъ тѣла первыхъ двухъ, заковавъ ихъ въ цѣпи. Менѣе замѣшанные испытали долгіе годы тюрьмы, остальные понесли различныя иныя наказанія. Возстаніе кончилось, бѣдный народъ остался въ прежнихъ тискахъ.

Джонъ Виклефъ проповѣдывалъ свое ученіе среди сочувствующаго ему городского сословія еще до 1384 года, когда онъ умеръ. Его приверженцы подъ именемъ Бельгардовъ проникли въ Нидерланды, а оттуда въ Германію, гдѣ мы еще встрѣтимся съ ихъ ученіемъ.

***

Первыя крестьянскія войны въ Германіи были по своей природѣ не революціоннаго, а консервативнаго характера, здѣсь дѣло шло не о проведеніи въ жизнь новыхъ идей, не о попыткахъ дальнѣйшаго преобразованія политическаго и соціальнаго положенія, а о сохраненіи стараго порядка или о достиженіи вновь тѣхъ правъ, которыми крестьянство уже нѣкогда обладало. Здѣсь отсутствовалъ также религіозный фанатизмъ, которымъ были пропитаны всѣ революціонныя войны средне-вѣковья.

Первыя нѣмецкія крестьянскія войны разыгрались вдоль по берегу сѣвернаго моря, гдѣ Фризы и Дитмаршенцы съ давнихъ временъ уже жили, распав-

шись на цѣлый рядъ мелкихъ племенъ. Своеобразныя особенности этой мѣстности, которая вся была изрѣзана болотами, плотинами и каналами, много способствовали сохраненію независимости ея жителей. Болота, плотины и каналы ставили непреодолимыя препятствія для непріятельскихъ вторженій, особенно для вторженій кавалерійскихъ массъ. Эти прибрежные жители находились въ особомъ положеніи сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, и это послужило причиной, почему въ ихъ средѣ сохранились въ неприкосновенномъ видѣ древнегерманскіе нравы и обычаи. Феодальный строй былъ имъ чуждъ, у нихъ рядомъ съ многочисленнымъ сословіемъ свободныхъ людей, существовали полусвободные или литы, но не было, напримѣръ, крѣпостныхъ. Къ тому же мирно-патріархальная совмѣстная жизнь въ продолженіе многихъ тысячелѣтій сгладила до неузнаваемости различія между сословіями. Непрерывная тяжелая борьба съ водной стихіей, отъ кокоторой приходилось защищать отвоеванную почву молами и плотинами, уничтожила тамъ борьбу человѣка противъ человѣка. Литы считали себя свободными и какъ равноправные принимали участіе въ государственной жизни. Насколько своеобразенъ былъ тамъ государственный и соціальный строй, настолько же своеобразны были и религіозныя воззрѣнія; христіанство не захватило глубоко жителей, они жили скорѣе его внѣшними формами, у нихъ сохранилось многое изъ древнегерманскихъ вѣрованій, а потому они считались у христіанскихъ фанатиковъ „язычниками". Этотъ строй, эти нравы

и обычаи были для Церкви и феодальнаго дворянства бѣльмомъ на глазу. Послѣдніе прежде всего набросились жадными руками на область Дитмаршенцевъ, которые жили между Эйдеромъ и Эльбой, и понастроили тамъ укрѣпленныхъ замковъ съ цѣлью подчинить себѣ весь народъ. Тогда Дитмаршенцы въ 1144 поднялись подъ предводительствомъ крестьянина Юргена, взяли укрѣпленный замокъ Бокленбургъ, убили владѣтеля этого замка и его жену, которая однажды сказала слѣдующее: „Мужики должны бы носить на шеѣ ярмо и вообще всю сбрую, какъ носитъ скотина". Послѣ многихъ тщетныхъ возстаній Дитмаршенцы завоевали, наконецъ, въ 1228 году себѣ независимость.

Вторая крестьянская война, которая протекла менѣе счастливо, была начата Штедингцами, жившими въ Ольденбургской и частью въ Бременской области.

Феодальное рыцарство постепенно проникло въ мѣстность, заселенную Штедингцами, возымѣло желаніе построить свои гнѣзда на холмахъ, которые отчасти были созданы искусственно. Но крестьяне не допустили этого, они поднялись и кровавая война окончилась не въ пользу дворянства,—крестьяне уничтожили замки вмѣстѣ съ рыцарями. Но едва Штедингцы справились съ дворянами, какъ у нихъ возникъ споръ съ духовенствомъ. Они точно такъ же не желали подчиняться епископу и духовенству соборной Церкви съ ихъ церковнымъ судомъ, какъ и рыцарству. Бременскій архіепископъ отлучилъ ихъ отъ Церкви и выступилъ противъ нихъ въ походъ

съ отрядомъ рыцарей и наемной конницы. Но онъ потерпѣлъ позорное пораженіе, при чемъ былъ убитъ его братъ графъ фонъ-Липпе. По настоянію архіепископа папа принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, и въ 1232 году началъ проповѣдывать крестовый походъ противъ крестьянъ. Въ первый годъ новой войны, именно въ 1233 г., Штедингцы убили графа Ольденбургскаго вмѣстѣ съ двумя стами рыцарей. Но затѣмъ противъ нихъ двинулось войско въ 40,000 человѣкъ подъ предводительствомъ многихъ князей. Штедингцы поставили на ноги 11,000 человѣкъ всѣхъ кого могли и рѣшили помѣряться силами, хотя были сравнительно съ рыцарями незначительны по числу и плохо вооружены. При Альтенемѣ въ 1137 году дѣло дошло до рѣшительной битвы. Крестьяне сражались какъ львы, они перебили до 4000 всадниковъ, многихъ князей, но должны были въ концѣ концовъ уступить громадному превосходству силъ. 6000 крестьянъ нашли свою смерть на полѣ битвы или въ рѣкѣ Везерѣ, остатки бѣжали къ сосѣдямъ, Рустингцамъ, землей же ихъ завладѣлъ архіепископъ бременскій. Въ этой войнѣ Штедингцевъ съ достаточной опредѣленностью выступила та ошибка, которая впослѣдствіи сыграла роковую роль въ большой крестьянской войнѣ, именно недостатокъ общихъ дѣйствій и выступленій сосѣднихъ племенъ. Въ то время, какъ противъ Штедингцевъ единодушно выступило все сѣверное нѣмецкое дворянство, князья и духовенство, позабывъ о междоусобныхъ распряхъ, Рустингцы и другія племена спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ и хладнокровно наблюдали,

какъ рѣзали ихъ братьевъ и товарищей. Партикуляризмъ и обособленность подавила всякое чувство общности интересовъ.

Въ это же время, когда крестьянство на сѣверѣ Германіи сражалось за сохраненіе своей прежней независимости, на югѣ Германіи возникла подобная же война. На сѣверѣ своеобразное образованіе поверхности, нанесенной моремъ, и непрерывная борьба противъ этой стихіи, обусловили постоянство соціальнаго строя, нравовъ и обычаевъ тамошняго населенія, и то же постоянство мы встрѣчаемъ при совершенно иныхъ условіяхъ образованія земной поверхности въ старыхъ кантонахъ Швейцаріи. Необыкновенно гористая мѣстность съ немногими узкими долинами, удобными для земледѣлія, принудила населеніе искать главный источникъ своего существованія въ первобытномъ занятіи скотоводствомъ: здѣсь не было условій, необходимыхъ для развитія торговли и промышленности, которыя могутъ процвѣтать только въ городахъ и при извѣстной густотѣ населенія. Населеніе оставалось бѣднымъ. Гористая мѣстность, заставлявшая человѣка селиться только тамъ, гдѣ это позволяла природа, обусловливала разбросанность населенія по всей странѣ; эта разбросанность затрудняла покореніе народа, такъ такъ приходилось подчинять безконечное число отдѣльныхъ поселеній и даже отдѣльныхъ лицъ, она же затрудняла соединеніе всей массы въ общество и вытекающее отсюда движеніе по пути культурнаго развитія. Но что особенно препятствовало покоренію страны, это часто полная неприступность

жилищъ и легкость, съ которой преслѣдуемый могъ скрыться отъ преслѣдователя. Здѣсь, несмотря на наличность господствующихъ сословій, не могло быть такого подчиненія и такой эксплоатаціи массъ, какую развивали князья и дворянство среди обширныхъ и плодородныхъ равнинъ. Подобно тому, какъ на берегу сѣвернаго Нѣмецкаго моря, такъ и тутъ между различными сословіями господствовали патріархальныя отношенія, обусловленныя суровостью природы и тѣми опасностями, которыя она ставила человѣку на каждомъ шагу. Такъ, въ старыхъ кантонахъ Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ уже въ концѣ XIII столѣтія крѣпостные допускались до занятія должности судьи и пользовались правомъ голоса въ сельскихъ общинахъ, т.-е. фактически были свободные люди. Названные кантоны считались имперскими фогствами (намѣстничествами) и управлялись имперскими фогтами отъ имени императора. Но домъ Габсбурговъ, который въ это время владѣлъ императорской короной и родовыя имѣнія котораго находились въ Швейцаріи, рѣшилъ присоединить къ своимъ владѣніямъ эти три имперскихъ фогства. Чтобы помѣшать этому, мѣстные кантоны заключили въ 1291 году союзъ. Въ отвѣтъ на это императоръ Альбрехтъ сталъ поощрять по отношенію къ кантонамъ самый необузданный произволъ фогтовъ, надѣясь такимъ путемъ склонить къ добровольному подчиненію своему дому. Расчетъ оказался невѣренъ. Кантоны поднялись въ 1308 году, изгнали фогтовъ, разрушили укрѣпленные замки и заключили между собой союзъ подъ именемъ Присяжнаго Со-

юза (Eidgenosenschaft). Императоръ Генрихъ XVII подтвердилъ ихъ вольности. Въ 1315 году кантоны вновь вступили въ войну съ Австріей и выиграли битву при Маргартенѣ. Въ 1353 году къ нимъ присоединились города: Цюрихъ, Люцернъ, Бернъ, Гларусъ и Цугъ, которые въ войнѣ противъ верхнегерманскихъ князей образовали верхнеаллеманскій союзъ. Въ 1386 и 88 году побѣдоносными сраженіями при Земпахѣ и Нефельсѣ они завоевали себѣ признаніе независимости отъ Австріи. Союзъ расширялся все болѣе и болѣе. Въ 1481 году въ составъ его вошли Фрейбургъ и Золотурнъ и послѣ того какъ въ 1498 году противъ него безрезультатно велъ войну императоръ Максимиліанъ, онъ былъ освобожденъ отъ подсудности высшему имперскому суду и отъ имперскаго матрикула. Базель и Шафгаузенъ вступили въ составъ швейцарскаго союза въ 1501 году.

Но кромѣ старыхъ кантоновъ, нигдѣ не было на лицо демократическаго самоуправленія. Власть въ городахъ союза, подобно тому какъ и въ городахъ остальной части государства, находилась въ рукахъ знатныхъ родовъ господствовавшихъ надъ сельскимъ населеніемъ; крестьяне, частью крѣпостные городовъ, частью признавшіе въ городахъ своихъ защитниковъ властителей, обязаны были выплачивать имъ налоги и подати. Союзъ свободный отъ связей съ имперіей, раскинутый преимущественно въ мѣстности, не допускавшей по своимъ природнымъ особенностямъ быстраго роста населенія, надолго остановился въ своемъ развитіи на средневѣковомъ, мелко-бюргерскомъ и крестьянскомъ общественномъ

строѣ и только въ послѣднее время необыкновенное развитіе сосѣднихъ государствъ, особенно Франціи, столкнуло его съ этой ступени общественнаго развитія. Принимая во вниманіе отношенія сельскаго населенія къ городамъ и знатнымъ родамъ, господствовавшимъ въ нихъ, намъ станетъ понятнымъ враждебное настроеніе послѣднихъ къ возстаніямъ южно-германскаго крестьянства, возникшимъ впослѣдствіи близъ самой границы союза. Города боялись за свою власть надъ своими собственными крестьянами.

Нейтральное положеніе, которое швейцарскій союзъ въ силу своей естественной обособленности могъ соблюдать во всѣхъ европейскихъ войнахъ начиная съ XVI вѣка, и ореолъ храбрости, который окружалъ населеніе, со временъ войнъ за свою независимость противъ Австріи и остальныхъ сосѣднихъ государствъ, послужили причиною явленія, которое въ продолженіе многихъ столѣтій лежало чернымъ пятномъ на „свободной“ Швейцаріи. Именно, господствующіе роды поставляли за хорошую плату всѣмъ европейскимъ государствамъ, особенно же Франціи и папѣ, тысячи солдатъ изъ швейцарскихъ уроженцевъ. Между Франціей и управленіями Цюриха, Люцерна, Золотурна, Аарау, Базеля и т. д. существовали форменные договоры, и самые вліятельные члены этихъ управленій тайно получали процентъ за отвратительную торговлю людьми. Съ XVI столѣтія во всѣхъ войнахъ, имѣвшихъ цѣлью подчиненіе или покореніе, „свободные“ швейцарцы оказывались вѣрными слугами насилія, и такая ихъ роль

кончилась только сравнительно недавно. Отсюда ясно, что отсутствіе властителей въ странѣ не создаетъ истинной свободы, послѣднюю можетъ родить только состояніе всеобщаго соціальнаго равенства.

Упорную войну со своими духовными господами и мучителями вели крестьяне Аппенцельскаго круга въ 1400 году. Ихъ господиномъ былъ князь—аббатъ богатаго монастыря Сенъ-Галленъ, они были обязаны платить ему подати, налоги и отбывать барщину.

Аббатъ взималъ всѣ налоги съ большой суровостью и притомъ собирался ихъ еще увеличить; онъ посягнулъ на тѣ ничтожныя свободы и права, которыя даровали аппенцельцамъ отдѣльные императоры. Тогда всѣ общины заключили между собой союзъ и прогнали управителей аббата. Послѣдній обратился за помощью къ сосѣднимъ городамъ и владѣтельнымъ князьямъ. Эти, хорошо зная настроеніе своихъ крестьянъ и боясь роста возстанія, готовы были ему помочь. Города: Констанцъ, Иберлингенъ, Бухгорнъ (теперь Фридрихгафенъ), Линдау, Вангенъ и Равенсбургъ попытались выступить посредниками между спорящими сторонами; затѣмъ они перешли на сторону аббата. Аппенцельскіе крестьяне, возмущенные этимъ, обратились за помощью къ своимъ сосѣдямъ изъ Швица, эти обѣщали имъ ее. Города же прислали аббату вооруженные отряды, чтобы вновь запречь въ ярмо его крестьянъ. Но союзное войско господъ было разбито въ 1403 году при Фогелискѣ. Два года спу-

стя дѣло дошло до новой битвы; вторично побѣдили крестьяне и вторглись въ 1406 году въ долину рѣки Рейна, въ Саргансъ и часть Тургау, взяли болѣе 60 замковъ и нѣсколько городовъ. Боязнь потерять прекрасные доходы отъ поземельной подати отъ оброка и барщины своихъ крестьянъ, побудила въ 1407 г. города вновь притти на помощь аббату и дворянству. Аппенцельцы попали въ затруднительное положеніе; ихъ спасло посредничество императора и привело въ слѣдующемъ году къ заключенію выгоднаго для нихъ мира. Три года спустя они вступили въ швейцарскій союзъ, но не какъ полноправные его члены.

* * *

Религіозныя и соціальныя ученія англійскихъ реформаторовъ и революціонеровъ были занесены бѣглецами въ Германію, именно въ Богемію; еще раньше здѣсь поселились бѣжавшіе альбигойцы и вальденцы. Секты средневѣковья вообще находили въ Богеміи много сторонниковъ. Такъ, въ 1257 году тамъ появились бичеватели, или флагеланты, которые проникали и въ другія нѣмецкія страны. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія нашли въ Богеміи большое количество приверженцевъ бегарды или бегины, имъ приписывали слѣдующее вѣроученіе: дароприношеніе—ни къ чему ненужная забава, крещеніе имѣетъ не больше значенія, чѣмъ простое купанье, исповѣдываться и каяться можетъ каждый мірянинъ передъ другимъ міряниномъ, освященная

гостія (причастіе), есть не что иное, какъ испеченный изъ хлѣба богъ и т. д. Къ этимъ религіознымъ ученіямъ примѣшались еще соціальныя объ общности имущества и о необходимости ниспроверженія какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго господства. Сторонники такихъ мнѣній немилосердно преслѣдовались свѣтской и духовной властью, но достигнуть полнаго ихъ уничтоженія все-таки не удалось.

Общее состояніе Богеміи въ основныхъ чертахъ ничѣмъ не отличалось въ то время отъ состоянія остальной Германіи; только дворянство, кажется, было еще грубѣе и еще ненасытнѣе въ грабежѣ, поповское же сословіе, если это только можно себѣ представить, еще развратнѣе и циничнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной части государства. Богемское дворянство страшно ненавидѣло духовенство, въ продолженіе многихъ столѣтій оно находилось съ нимъ въ непрерывной враждѣ и распряхъ. Господство духовенства надъ народомъ, его вліяніе на правительство, его необычайное богатство были причинами этой ненависти. Но дворянство боролось не только противъ духовенства, оно боролось также противъ королевской власти, не желая ей подчиниться, видя, что послѣдняя пытается ограничить его свободу и его могущество. Народъ же находился въ глубокомъ рабствѣ и невѣжествѣ. Крестьяне, за немногими исключеніями, были крѣпостными или рабами, городское сословіе находилось, правда, въ лучшемъ положеніи, но и ему приходилось не мало переносить отъ произвола и грубости князей, необузданности и страсти къ грабежу дворянства

и надменности и испорченности духовенства. Слѣдовательно, горючій матеріалъ для революціоннаго движенія имѣлся въ избыткѣ.

Но, чтобы быть въ состояніи правильно понять факты послѣдующихъ войнъ, необходимо вкратцѣ коснуться того положенія, которое Богемія занимала тогда по отношенію къ Германіи. Населеніе ея состояло преимущественно изъ славянъ, чеховъ. Тогда ихъ было даже больше, чѣмъ теперь. Нѣмцы жили только въ пограничныхъ областяхъ, въ перемѣшку съ чехами, и въ городахъ, особенно въ Прагѣ, гдѣ они были переселенцами. Между обѣими національностями существовала съ давнихъ временъ глубокая ненависть, которая, конечно, не могла быть смягчена безчисленными войнами, сопровождавшимися грубыми звѣрствами. Богемія противъ своего желанія входила въ составъ государства, къ которому она была присоединена Карломъ Великимъ, и не разъ ея короли не признавали своихъ ленныхъ отношеній къ императорамъ. Въ ней нѣмцы сравнительно поздно добились права на занятіе общественныхъ должностей. Въ 1130 году, напримѣръ, богемскій сеймъ рѣшилъ, что ни одинъ германецъ или иностранецъ подъ угрозой потери носа, не имѣетъ права занимать какую-нибудь свѣтскую или духовную должность. Свирѣпая національная ненависть въ законахъ начала XV столѣтія, правда, не даетъ себя чувствовать уже въ столь дикой формѣ, какъ въ XII вѣкѣ, но тѣмъ не менѣе она не исчезла, и достаточно было какого-нибудь внѣшняго повода, чтобы она вырвалась наружу. Отношенія между

національностями стали болѣе сносными, когда въ началѣ XIV столѣтія вымерла старая богемская королевская фамилія, и на тронъ вступила Люксембургская династія. Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, королемъ Богеміи былъ Венцеславъ IV, который подъ именемъ Венцеславъ I былъ также императоромъ Германіи; грубый, ограниченный, одержимый страстью къ вину, тиранъ, находившійся въ постоянной распрѣ съ властолюбивымъ духовенствомъ, онъ доходилъ до того, что позволялъ народу нѣсколько разъ грабить и опустошать отдѣльныя имѣнія и дома послѣдняго. Такое отношеніе короля къ духовенству объясняетъ ту терпимость, которую онъ проявилъ въ первые годы къ выступленію Гуса. Въ 1400 году Венцеславъ четырьмя духовными курфюрстами былъ лишенъ императорскаго престола, но сохранилъ за собой титулъ императора. Въ 1401 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ духовенствомъ своей страны, а въ 1402 году своимъ собственнымъ братомъ, впослѣдствіи германскимъ императоромъ Сигизмундомъ, но бѣжалъ оба раза и остался королемъ.

Сочиненія Виклефа попали изъ Англіи въ Германію и возбудили въ мірѣ ученыхъ большое вниманіе. Іоаннъ Гусъ профессоръ пражскаго университета и проповѣдникъ въ Вихленской часовнѣ занялся серьезнымъ изученіемъ сочиненій Виклефа, въ 1398 году выступилъ съ публичной диссертаціей на эту тему и горячо защищалъ ее. Пражскій университетъ былъ въ то время самымъ значительнымъ въ Германіи.

И тотъ фактъ, что одинъ изъ выдающихся ученыхъ этого университета рѣшился открыто выступить противъ Церкви и папства, произвелъ громадное впечатлѣніе. Въ своемъ ученіи онъ нападалъ на папу, какъ на мнимаго замѣстителя Христа и преемника Петра и называлъ его преемникомъ Искаріота. Онъ считалъ недопустимой инквизицію и преслѣдованія изъ-за догматовъ вѣры, боролся противъ отпущенія грѣховъ, противъ злоупотребленій, творимыхъ съ обрядами, мощами и святыми и стоялъ за конфискацію духовныхъ имѣній. Этими основными положеніями своего ученія онъ прежде всего привлекъ на свою сторону городское сословіе и дворянство, враждебно настроенное по отношенію къ духовенству. Король Венцеславъ изъ мести къ папѣ и духовенству предоставилъ полную свободу Гусу. Когда духовенство стало ему жаловаться, онъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „Покуда онъ нападалъ на насъ міряпъ, вы радовались, а мы терпѣливо переносили это; теперь очередь дошла и до васъ, и вамъ нѣтъ основаній выражать недовольство".

Пражскій архіепископъ лишилъ Гуса священническаго мѣста и велѣлъ публично сжечь сочиненія Виклефа. Это привело къ еще худшимъ результатамъ. Гусъ сталъ ѣздить повсюду и проповѣдывать передъ народомъ, принимавшимъ его восторженно. Іеронимъ Пражскій, другъ Гуса, присоединился къ нему по всѣмъ пунктамъ его ученія. Университетъ избралъ его ректоромъ. Во время занятія этой должности у Гуса возникла распря съ

многочисленными нѣмцами, посѣщавшими университетъ; эта распря придала всему движенію специфически-національный характеръ и помѣшала тому, чтобы Гусъ уже въ то время сдѣлался для Германіи тѣмъ, чѣмъ сталъ для нее Лютеръ сто лѣтъ спустя. Университетъ былъ подраздѣленъ на такъ называемыя четыре землячества: Богемію, Баварію, Саксонію, Польшу, и каждое изъ нихъ имѣло при обсужденіи дѣлъ одинъ голосъ.

Гусъ съ чехами провели постановленіе, по которому Богемія получала три голоса, а всѣ остальныя національности вмѣстѣ только одинъ голосъ. Это вызвало страшную борьбу, въ результатѣ которой многія тысячи германскихъ студентовъ покинули университетъ вмѣстѣ со своими профессорами. Они оклеветали Гуса въ Германіи, обвинили его въ ереси, и въ силу такого отзыва была исключена возможность всякой симпатіи и поддержки его стремленій со стороны Германіи; при иномъ стеченіи обстоятельствъ его ученіе навѣрное возбудило бы къ себѣ сочувственное отношеніе. Властителямъ, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго сословія, была на руку эта борьба національностей, они разжигали ее всѣми силами, чтобы въ ней потопить опасность новаго лжеученія. Нѣмцы выступили въ силу національной ненависти противъ Гуса; загорѣвшаяся также и на чешской сторонѣ яркимъ пламенемъ національная ненависть объясняетъ, почему городскіе и дворянскіе круги, стоявшіе, правда, на сторонѣ Гуса, присоединились впослѣдствіи къ революціонному народу, несмотря на полную про-

тивоположность интересовъ первыхъ съ интересами послѣдняго. Выступленіе Гуса создало массу народныхъ проповѣдниковъ, которые въ своихъ требованіяхъ шли гораздо дальше Гуса и склоняли на свою сторону низшіе слои городского и сельскаго населенія.

Такимъ образомъ появились табориты, названные по имени горы Таборъ, на которой они впервые собрались и члены этой секты набирались главнымъ образомъ изъ низшихъ слоевъ городского населенія и рабочихъ горной промышленности и хоривы или орфаниты, состоявшіе преимущественно изъ крестьянъ; совершенно эксцентричную и слабую секту образовывали адамиты, которые ходили голыми, какъ въ раю. Приверженцы Гуса, состоявшіе главнымъ образомъ изъ горожанъ и низшаго дворянства, назывались гуситами, имя которымъ теперь обыкновенно обозначаютъ всю массу недовольныхъ въ Богеміи, которая стремилась къ реформамъ; приверженцевъ Гуса называли еще иначе каликстинами (чашники), производное слово оть каликсъ (чаша), потому что они требовали при причастіи какъ тѣла, такъ и крови Господней, или еще утраквистами.

Табориты, орфаниты и остальные сектанты придерживались, какъ и многіе христіанскіе мечтатели и утописты, главнымъ образомъ ветхаго завѣта, который они толковали по своему; они стояли за уничтоженіе королевской власти, сословій и возстановленіе древне-библейскаго патріархальнаго государственнаго строя. Король Венцеславъ, пораженный

силой движенія, сталъ преслѣдовать съ 1412 года сектантовъ.

Въ Прагѣ между сторонниками Гуса и его противниками дѣло дошло до настоящихъ сраженій. Враждебное положеніе, которое Константскій Соборъ занялъ по отношенію къ новому движенію, сожженіе, въ концѣ концовъ, Гуса и Іеронима Пражскаго (1415 и 16), нарушеніе изъ ненависти къ мятежнику Гусу императоромъ Сигизмундомъ даннаго ему слова, что онъ обезпечитъ ему свободный отъѣздъ съ собора, еще болѣе усилили броженіе и стала уже грозить странѣ всеобщая революція. Но громадное количество приверженцевъ, завербованныхъ даже въ предмѣстьяхъ Праги революціонной партіей, во главѣ которой стояли бывшие монахи и вообще духовныя лица, запугало бюргерство. Вожди приверженцевъ Гуса, пражскіе профессора, выпустили въ 1417 году объясненіе, въ которомъ они протестовали противъ радикальныхъ требованій сектантовъ. „Чортъ часто принимаетъ обликъ святости,—такъ начинилось это поученіе,—чтобы ему тѣмъ легче было возбудить вражду между братьями и добиться презрѣнія къ божественнымъ законамъ", и затѣмъ они перечисляли все, что считали лжеученіемъ. Невольно, кажется, что слышишь Лютера, выступившаго сто лѣтъ спустя съ громовыми проповѣдями противъ Мюнцера и крестьянъ. Прошли еще два года, движеніе росло и распространялось въ ширь. Тогда въ 1419 году Венцеславъ запретилъ гуситамъ и сектантамъ отправленіе богослуженій. Запрещеніе только уси-

лоло броженіе. Лѣтомъ того же года возбужденный народъ собрался въ количествѣ 42000 на внушительную демонстрацію на гору Гридиштъ вблизи Лутницъ. Собраніе превратилось во всеобщій политически-религіозный народный праздникъ; участники называли себя народомъ Бога, родомъ Іуды, всякіе сословныя различія были уничтожены, крестьянинъ и дворянинъ называли другъ друга братьями. Празднество протекло въ примѣрномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ недоразумѣній и излишествъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого въ Прагѣ, въ новомъ городѣ, городскимъ совѣтомъ и стоявшей на его сторонѣ частью горожанъ, было нанесено оскорбленіе народной процессіи.

Озлобленный народъ тотчасъ же поднялъ возстаніе, онъ взялъ штурмомъ помѣщеніе городского совѣта и выбросилъ въ окно семь совѣтниковъ вмѣстѣ съ городскимъ писцомъ. Народъ, стоявшій внизу на улицѣ, подхватилъ ихъ на пики и тутъ же убилъ. Одноглазый Янъ Жижка, знаменитый полководецъ, бросилъ королевскую службу и сталъ во главѣ возстанія, которое быстро распространилось по всей странѣ. 29 сентября и 11 ноября того же года были устроены два слѣдующія народныя празднества, которыя протекли подобно первому безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Большинство городовъ осталось чуждо революціонному движенію. Нѣмцы же, горожане этихъ городовъ, выступили его открытыми врагами; они стали на сторону папы и короля, которымъ въ то время былъ Сигизмундъ,

такъ какъ Венцеславъ незадолго до этого умеръ. Ненависть къ горожанамъ глубоко проникла въ революціонныя массы. Жижка призвалъ крестьянъ и рабочихъ къ оружію; его военному таланту быстро удалось сорганизовать и дисциплинировать массы, превратить ихъ въ опаснаго, даже непобѣдимаго противника. Жижка взялъ Прагу, причемъ были разбиты умѣренные гуситы вмѣстѣ съ рыцарями, Пильзенъ, взятый также вскорѣ повстанцами и при этомъ разрушенный, онъ велѣлъ вновь выстроить; серьезную помощь получили повстанцы въ лицѣ рудокоповъ, которые за исключеніемъ нѣмцевъ всѣ присоединились къ движенію. Непримиримое положеніе, занятое преемникомъ Венцеслава Сигизмундомъ, исключившее всякую возможность переговоровъ даже для умѣренной партіи, толкнуло и ее въ лагерь революціонеровъ. Сигизмундъ, поддержанный папой, князьями и вообще всѣмъ духовенствомъ, объявилъ отъ имени германскаго императора войну противъ гуситовъ, папа же сталъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ. Это разожгло національную ненависть въ Богеміи, всѣ партіи, за исключеніемъ нѣмецкой, соединились для совмѣстной защиты. Сигизмундъ собралъ войско болѣе, чѣмъ въ 100000 человѣкъ, но предпринятый имъ штурмъ Праги былъ побѣдоносно отраженъ. За жестокости, которыя позволилъ себѣ Сигизмундъ во время вторженія въ Богемію, гуситы отплатили той же монетой; вся война съ обѣихъ сторонъ вылилась въ форму ужасныхъ опустошеній и звѣрствъ. Цѣлые города и безчисленное количество деревень

сжигались какъ той, такъ и другой стороной, жителей калѣчили и убивали сотнями и тысячами. Гуситы, непрерывными пораженіями, которыя они наносили противникамъ, нагнали на нихъ такой страхъ, что ни одно войско не могло имъ противостоять, многіе же отряды обращались въ бѣгство при одномъ слухѣ объ ихъ приближеніи. Жижка, подобно тому какъ Кромвель въ Англіи и Карно и генералы французской республики, ввелъ совершенно новый способъ военнаго искусства, которому не могли противостоять его противники. Подъ его руководствомъ развились военные таланты обоихъ Прокоповъ, которые стали во главѣ возстанія, когда въ 1424 году Жижка умеръ отъ чумы. Послѣ смерти Жижки въ средѣ гуситовъ начались недоразумѣнія между отдѣльными партіями, но по отношенію къ общему врагу они оставались единодушными и нагоняли на него попрежнему ужасъ и страхъ. Наступательная война, начатая имперіей противъ гуситовъ, давно уже превратилась въ оборонительную. Гуситы оказались непобѣдимы. Они предприняли въ продолженіи слѣдующихъ лѣтъ побѣдоносные походы въ Баварію и Франконію до Нюреберга; въ Саксонію, гдѣ они дошли черезъ Лейпцигъ до Наумбурга; въ Лаузицъ и дальше на сѣверъ до Кюстрина, одна банда достигла даже Данцига и восточнаго моря; въ Силезіи они дошли до воротъ Бреславля, пригороды котораго они сожгли; въ Моравіи, наполненной ихъ бандами, къ нимъ присоединилось родственное сельское населеніе; они вторглись въ Венгрію и достигли Кремница, въ южномъ же на-

правленіи Вѣны. Отвсюду они уносили громадную добычу, съ 1427—29 года они взяли слишкомъ 700 укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ 1430 году Прокопъ Большой,—его такъ называли, потому что онъ ростомъ превосходилъ своего брата, котораго по этой же причинѣ называли Малымъ,—двинулся во Франконію не менѣе чѣмъ съ 20000 всадниковъ и 70000 пѣхоты.

Безспорная побѣда, которую одержали гуситы надъ всѣми своими врагами, тѣмъ болѣе должна была бы побудить ихъ къ основанію новаго порядка. Но здѣсь-то какъ разъ и выступила наружу вся ихъ слабость. Побѣду надъ врагами они одержали благодаря единодушному и дружному выступленію, но какъ только дѣло коснулось внутренняго устроенія государства и положенія сословій, рѣзко обнаружилась противоположность интересовъ; столковаться не было никакой возможности. Дворянство и горожане при необходимости могли бы еще сговориться, но развѣ представлялась какая-нибудь возможность примирить ихъ интересы съ интересами сельскаго и низшихъ слоевъ городского населенія? Дворянство и горожане не были настолько сильны, чтобы справиться съ массой, масса же въ свою очередь не могла возмѣстить числомъ ту потерю внутренней духовной силы и соціальнаго могущества, которую принесла за собой эта распря. Только открытіе переговоровъ съ врагами создавало для дворянства и горожанъ выходъ изъ этой дилеммы, и шаги въ этомъ направленіи были ими сдѣланы въ 1432 году. Имперія испытала слишкомъ много бѣдствій

отъ войны съ гуситами, чтобы не пойти на переговоры, и ту же самую потребность чувствовала и потерпѣвшая много вреда церковь. Прокопъ Большой и два другихъ предводителя отправились въ сопровожденіи большой свиты на соборъ въ Базелѣ. Что Прокопъ, глава радикальной народной партіи, рѣшился на это дѣло, объясняется многими причинами. Во-первыхъ, должны же были вожди понять, что ихъ цѣль врядъ ли достижима, и во-вторыхъ, Прокопъ надѣялся стать намѣстникомъ Богеміи.

Послѣ трехмѣсячныхъ безрезультатныхъ переговоровъ посольство уѣхало домой. Враги гуситовъ познали ихъ слабость, для нихъ стало очевиднымъ ихъ внутреннее разложеніе, поэтому они и были такъ упорны. Умѣренная партія, горожане и дворянство, скорѣе склонная подчиниться императору и папѣ, чѣмъ народу, продолжала переговоры на свой рискъ и въ слѣдующемъ 1433 году заключила соглашеніе, добившись ничтожныхъ уступокъ. Это соглашеніе послужило сигналомъ для открытой насильственной борьбы между партіями.

При Чешскомъ Бродѣ въ 1434 году дѣло дошло до кровопролитной битвы, которая окончилась неудачно для радикальныхъ элементовъ: конный полкъ Прокопа измѣнилъ, крестьяне же позволили выманить себя изъ хорошо укрѣпленнаго военнымъ обозомъ и окопами лагеря. Оба Прокопа пали на полѣ битвы вмѣстѣ съ тысячами своихъ приверженцевъ.

Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ пораженій усталые и ослабленные гуситы заключили въ 1435 году

миръ. Городское сословіе скоро увидѣло, какъ плохо исполнялись со стороны императора и короля тѣ условія мира, на которыхъ оно положило оружіе. Низшее городское и сельское населеніе попало въ прежнее рабство. Фанатическія революціонныя секты были разсѣяны и подавлены, но члены ихъ, разбѣжавшись повсюду, продолжали работать въ тиши и проникли въ другія части имперіи, напримѣръ, въ Саксонію, Тюрингію и Франконію. Но въ Богеміи безпощадныя преслѣдованія не дали имъ возможности достигнуть сильнаго распространія. Во время крестьянскихъ войнъ въ Германіи, ихъ идеи вновь всплыли наружу, хотя и приняли нѣсколько иную форму.

Гусъ и гуситы во многихъ отношеніяхъ являются прообразомъ реформаціи и крестьянскихъ войнъ. Гусъ былъ, подобно Лютеру, представителемъ городского сословія (горожанъ), классы, которые стояли на сторонѣ перваго, встали впослѣдствіи и на сторону второго, партіи же Мюнцера въ крестьянской войнѣ соотвѣтствуютъ въ возстаніи гуситовъ фанатическія секты, во главѣ которыхъ стояли оба Прокопа. Характеръ національной войны, который сумѣли придать этой борьбѣ князья, господствующіе классы и поповское сословіе, и который въ полномъ соотвѣтствіи съ узостью понятій того времени навязали ей и гуситы, — этотъ характеръ препятствовалъ пропагандѣ революціонныхъ идей и ограничилъ движеніе предѣлами Богеміи и родственной ей Моравіи. Не будь такого ограничивающаго національнаго характера движеніе охватило бы уже тогда

Германію, и послѣдующія войны оказались бы ненужными или приняли бы иной характеръ. Но каждый историческій періодъ рождаетъ только тѣ событія, для которыхъ онъ вполнѣ созрѣлъ; часъ для Германіи еще не пробилъ, но она приближалась къ нему гигантскими шагами.

* * *

Ученія фанатическихъ сектъ въ Богеміи проникли во Франконію и здѣсь нашли благодарную почву, особенно въ области Вюрцбургскаго епископа, строгаго властителя, страшно ненавидимаго своими подчиненными. Уже въ 1446 году тамъ были арестованы по приказу епископа 130 человѣкъ какъ приверженцы Гуса. Въ бамбергской же области еретическія идеи нашли столь сочувственный пріемъ, что съ подданныхъ взяли клятвенное обѣщаніе не поддерживать новыхъ теченій. Это произошло еще за нѣсколько лѣтъ до преслѣдованій сторонниковъ новыхъ ученій въ вюрцбургской области. Но идеи, коренящіяся въ соціальныхъ отношеніяхъ своего времени, не могутъ быть уничтожены; временно подавленныя, незамѣчаемыя въ продолженіе многихъ лѣтъ онѣ обыкновенно неожиданно выплываютъ вновь на поверхность жизни, обладая уже гораздо большей силой, чѣмъ раньше. Такъ произошло и здѣсь. Въ странахъ, разоренныхъ попами и дворянствомъ, появился въ 1476 году пророкъ по имени Гансъ Бегаймъ изъ Никласгаузена, по своей профессіи литаврщикъ, прозванный еще Ванюша-свистунъ. Въ

продолженіе многихъ лѣтъ онъ игралъ на своей литаврѣ на храмовыхъ праздникахъ и на крестьянскихъ свадьбахъ, но теперь бросилъ свою профессію и началъ среди крестьянъ проповѣдь о необходимости покаянія. Онъ призывалъ всѣхъ забыть о нарядахъ и украшеніяхъ, бороться съ грѣховными и злыми страстями. Онъ звалъ всѣхъ на поклоненіе къ Дѣвѣ Маріи въ Никласгаузенъ, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Къ новому пророку со всѣхъ сторонъ стекались крестьяне, мужчины и женщины. Онъ въ своихъ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ останавливался не только на необходимости покаянія и строгаго, благочестиваго образа жизни: онъ рисовалъ такими правдивыми красками пороки и высокомѣріе сильныхъ міра сего, гнетъ и страданія бѣднаго народа, что его слушатели, полные воодушевленія, не спускали съ него глазъ. Съ каждой проповѣдью росло число его сторонниковъ. Слава о немъ распространялась все шире, черезъ Франконію она проникла въ Баварію, Швабію и Оденвальдъ, достигда даже Рейна, отовсюду прибывали толпы паломниковъ, чтобы посмотрѣть его и послушать его проповѣди. Количество слушателей, собиравшееся вокругъ него по воскреснымъ днямъ достигало 30 или 40,000 человѣкъ. Гансъ не ограничился проповѣдями и доказательствомъ ненужности властителей міра сего, а перешелъ къ изложенію тѣхъ мѣръ, которыми можно было бы уничтожить всю несправедливость существующаго порядка и помочь бѣдному человѣку. Онъ говорилъ: „Нужно основать новое государство царство Божіе, гдѣ господство-

вала бы справедливость, гдѣ не было бы императоровъ, князей, папы и вообще какой-либо другой свѣтской или духовной власти, гдѣ всѣ должны стать братьями, добывать собственными руками свой хлѣбъ и поровну дѣлить между собой. Всѣ подати, оброки и пошлины, барщина, всѣ налоги и повинности должны быть уничтожены разъ навсегда; лѣсъ, вода и пастбища должны перейти въ свободное пользованіе всѣхъ“.

Духовенство, которое естественно охватила ненависть къ новому пророку, тщетно пыталось оттолкнуть отъ него народъ. Оно заклеймило его именемъ еретика и обманщика, который собирается совратить народъ съ пути истиннаго и передать его въ руки чорта. Злоба и неистовство духовенства не улучшили дѣла, настроеніе противъ нихъ и свѣтскихъ властителей становилось все хуже.

Два рыцаря Вюрцбургскаго епископства, Кунцъ фонъ-Тунсфельдъ и его сынъ вмѣстѣ съ священникомъ изъ Никласгаузена заключили союзъ съ Гансомъ. Они вмѣстѣ обсудили вопросъ о томъ, какимъ образомъ довести движеніе до удачнаго исхода, и какъ прежде всего завладѣть Вюрцбургскимъ епископомъ. Было рѣшено передать военное руководство возстаніемъ обоимъ рыцарямъ

Гансъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ сумѣлъ своими проповѣдями поднять настроеніе и сдѣлать его надежнымъ, онъ предложилъ своимъ слушателямъ въ концѣ своей проповѣди въ воскресенье предъ святымъ Киліаномъ разойтись по домамъ и хорошенько обдумать, что онъ имъ сообщаетъ отъ

имени Богородицы, а затѣмъ собраться въ слѣдующую субботу, оставивъ дома стариковъ, женщинъ и дѣтей и приведя съ собой своихъ братьевъ и всѣхъ своихъ друзей. „Приходите, но только не съ посохомъ, а съ оружіемъ,—совѣтовалъ онъ,—въ одной рукѣ свѣча, въ другой—копье и мечъ, и Святая Дѣва откроетъ вамъ тогда свою волю, и вы послѣдуете за ней“.

Вѣсти о мятежныхъ проповѣдяхъ Ванюши-свистуна, о томъ сочувствіи, которое онѣ находили, конечно, очень скоро дошли до слуха Вюрцбургскаго епископа. Грозный призывъ къ крестьянамъ показалъ ему о чемъ шла рѣчь, и онъ рѣшилъ предупредить событія. Въ ночь передъ днемъ собранія онъ поручилъ своимъ рыцарямъ схватить безпечнаго пророка и привезти его въ свой замокъ въ Вюрцбургъ. На другой день вооруженные крестьяне до 34000 человѣкъ стали со всѣхъ сторонъ подходить къ Никласгаузену. Тутъ съ ужасомъ они узнали, что произошло. Всѣ пали духомъ, большая часть тотчасъ же повернула обратно, но 16000 человѣкъ подъ вліяніемъ настойчивыхъ убѣжденій своихъ вождей остались и рѣшили отправиться къ Вюрцбургскому замку подъ предводительствомъ Кунца фонъ-Тунсфельда и его сына, чтобы освободить литаврщика. Обѣщаній епископа, что плѣнникъ находится подъ хорошей охраной, что ему не грозитъ смерть или какія-либо иныя тѣлесныя наказанія, что всѣ жалобы крестьянъ онъ тщательно обсудитъ, всего этого го было достаточно, чтобы отрядъ отступилъ отъ замка. Но едва только крестьяне успѣли немного

разсѣяться, какъ на нихъ предательски накинулась конница епископа, многихъ переколола, другихъ взяла въ плѣнъ. Рыцарю Кунцу и его сыну удалось бѣжать, Гансъ былъ сожженъ какъ еретикъ и его пепелъ брошенъ въ рѣку Майнъ, два другихъ зачинщика были обезглавлены. Рыцарь Кунцъ только тогда получилъ прощенье, когда передалъ все свое имущество епископству. Такимъ путемъ было подавлено и это возстанiе.

Но уже пришло время, народъ проснулся и началъ сознательно относиться къ окружающему; все находилось въ броженiи, всѣ чувствовали, что приближается какая-то катастрофа, но никто не зналъ, что и какъ произойдетъ.

Императоръ Максимилiанъ въ восьмидесятыхъ годахъ пятнадцатаго столѣтiя велъ въ Нидерландахъ, обладавшихъ для того времени очень развитой промышленностью, цѣлый рядъ войнъ, которыя крайне озлобили тамошнее населенiе, жившее раньше въ довольно большой независимости. Тяжелые военные налоги особыми распоряженiями были увеличены до невозможности ихъ уплачивать; тамошнiе плохiе денежные знаки потеряли треть своей номинальной стоимости. Въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ тяжеломъ положенiи каждый домъ былъ обложенъ новымъ налогомъ въ два гульдена. Большая дороговизна 1491 года, вслѣдствiи плохого урожая, еще болѣе ухудшила положенiе. Все это довело народъ

до отчаянія, и онъ поднялъ знамя возстанія. Первый подалъ примѣръ городъ Гентъ, за нимъ послѣдовала вся Фландрія, въ Кеннемерландѣ и Ватерландѣ у Фризовъ также вспыхнуло возстаніе. Повстанцы собрались подъ знаменемъ, на которомъ въ видѣ символа былъ нарисованъ плохой ячменный хлѣбъ и зеленый сыръ, откуда они и получили имя „Сырные братья". Генералъ-штатгальтеръ императора герцогъ саксонскій Альбрехтъ былъ принужденъ двинуться противъ нихъ съ большимъ войскомъ. Послѣ различныхъ незначительныхъ столкновеній, повстанцы были разбиты на голову въ битвѣ при Гемскеркѣ и возстаніе подавлено въ короткій промежутокъ времени. Если бы это возстаніе продолжалось нѣсколько дальше, навѣрно бы поднялись крестьяне по Мозелю и Рейну, до такой степени возбужденное состояніе замѣчалось у нихъ.

Одновременно съ возстаніемъ въ Нидерландахъ, произошли отдѣльныя вспышки недовольства и на югѣ имперіи, именно въ Верхней-Швабіи, въ аббатствѣ Кемптенъ, въ Шварцвальдѣ и Эльзасѣ; онѣ показывали внимательному наблюдателю, что наступило время, когда народъ, уставъ нести тяжелое ярмо, рѣшилъ вырваться на волю.

Въ аббатствѣ Кемптенъ дѣло дошло до серьезныхъ недоразумѣній между подданными монастыря и настоятелемъ послѣдняго. Аббатство Кемптенъ принадлежало къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ до послѣдняго времени существовало много свободныхъ крестьянъ, находившихся подъ непосредственной защитой императора и обязанныхъ ему только военной службой.

Постепенно аббатство принудило ихъ уплачивать извѣстный *оброкъ*. Какъ оброчные крестьяне они оставались лично свободными, могли составлять завѣщанія, наслѣдовать не только по завѣщанію, но и по праву родства, заключать договоры, вообще свободно распоряжаться своей собственностью и ѣздить куда имъ вздумается, но они обязаны были, какъ уже было указано, выплачивать только ежегодный оброкъ и еще извѣстную сумму за защиту, которую бралъ на себя аббатъ. Они были свободны отъ барщины, отъ обязанности отдавать лучшую голову своего скота и часть наслѣдуемаго имущества и отъ другихъ подобныхъ налоговъ. Только при смерти оброчнаго крестьянина или крестьянки приходилось отдавать лучшую ихъ одежду, въ качествѣ пошлины.

Но эта относительная свобода оброчныхъ крестьянъ не давала покоя вообще всѣмъ властителямъ; они пытались постоянно перевести ихъ въ сословіе подвластныхъ имъ людей. Въ аббатствѣ Кемптенъ рядомъ съ налогомъ за смертный случай настоятель сталъ брать съ крестьянъ уже и лучшую голову скота. Дальнѣйшіе шаги въ этотъ направленіи облегчали то обстоятельство, что оброчные крестьяне брали въ ленное владѣніе монастырскія земли, и должны были поэтому выплачивать монастырю подати, налоги, отбывать для него барщину, какъ настоящіе подвластные ему крестьяне, въ сословіе которыхъ ихъ черезъ нѣсколько времени и записывали. Въ такое положеніе попали многіе оброчные крестьяне, такъ какъ большая часть земельной собственности самыми разнообразными путями попала

въ руки монастыря, и оброчные крестьяне были принуждены пользоваться ею на условіяхъ леннаго владѣнія. Кто не предъявлялъ протеста противъ обращенія съ нимъ со стороны монастыря, какъ съ несвободнымъ человѣкомъ, тотъ могъ быть увѣренъ, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ попадетъ въ списки крѣпостныхъ и съ нимъ будутъ обращаться, какъ обращаются съ послѣдними.

Первое право, котораго лишались оброчные крестьяне, вступавшіе въ ленныя отношенія съ монастыремъ, было право свободной женитьбы. Имъ запрещали вступать въ бракъ съ совершенно свободными людьми, такъ какъ по *алеманнскому* праву дѣти отъ такого брака считались также свободными. Напротивъ ихъ браки съ крѣпостными поощрялись, такъ какъ дѣти отъ такого брака становились несвободными людьми, а крѣпостными. Противъ подобныхъ систематическихъ притѣсненій свободные и оброчные крестьяне запротестовали уже въ началѣ пятнадцатаго столѣтія На это тогдашній настоятель предъявилъ поддѣльный документъ, по которому будто бы еще со временъ императора Карла Великаго эти, возбудившія теперь споры права, были пожалованы монастырю.

Всѣ протесты не принесли никакой пользы. Третейскій судъ, состоявшій изъ дворянъ и горожанъ, предложилъ въ 1423 году настоятелю разрѣшить споръ клятвой. Послѣдній долженъ былъ поклясться, что всѣ спорные и взимаемые до сихъ поръ насильственнымъ путемъ подати, налоги и барщина принадлежатъ монастырю по праву. Если настоятель

даетъ такую клятву, то два наиболѣе знатныхъ участника этого третейскаго суда должны будутъ подтвердить опять-таки клятвой правильность его утвержденія. Настоятель и участники третейскаго суда не остановились, конечно, передъ предложенными имъ клятвами, и крестьяне такимъ путемъ были обойдены въ своихъ правахъ.

Подобно тому какъ здѣсь, въ Кемптенѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ нѣкогда свободные крестьяне попали въ крѣпостные.

Аббатъ Кемптенскій занявшій это мѣсто въ 1480 году былъ еще хуже своего предшественника; онъ прилагалъ всѣ усилія сдѣлать послѣдняго свободнаго крестьянина оброчнымъ, а послѣдняго оброчнаго—крѣпостнымъ. Кто противился этому, того привлекали къ церковному суду, заковывали въ кандалы, сажали въ башню или выгоняли изъ его имѣнія. Подъ вліяніемъ такихъ насилій большинство уступило и дало клятвенное обѣщаніе не мстить за нанесенное оскорбленіе, не искать чужой защиты, платить пошлины и налоги, отбывать барщину, признать право монастыря на плату за каждый смертный случай, на лучшую голову скота и на курицъ къ масленицѣ. При смерти крѣпостного половина его имущества пиреходила въ руки настоятеля; у сиротъ отнималось ихъ наслѣдство; дѣти, находившіяся подъ опекой, принуждались приписаться къ сословію крѣпостныхъ. Въ оправданіе всѣхъ этихъ насилій настоятель монастыря говорилъ, что онъ поступаетъ такъ же, какъ поступаютъ другіе помѣщики.

Въ 1489 году на югѣ Германіи возникла боль-

шая дороговизна, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ и дала себя знать въ Недерландахъ. Кемптенскій аббатъ, принявъ во вниманіе это обстоятельство, нашелъ возможность обложить крестьянъ новымъ налогомъ. Тогда 15 ноября 1491 года всѣ крестьяне этого монастыря собрались въ Луибасѣ, въ старомъ мѣстѣ судебныхъ сборищъ, и подняли вопросъ о необходимости объединенія, съ цѣлью добиться общими силами на основаніи старыхъ документовъ своихъ правъ. Семь дней спустя они собрались въ лагерѣ при Дурахѣ, поклялись крѣпко стоять другъ за друга и рѣшили прежде же всего обратиться къ Швабскому союзу съ просьбой быть судьей между ними и монастыремъ. Они выбрали своимъ начальникомъ Іоргъ Гуга изъ Унтерасрида, котораго аббатъ назвалъ „Гусъ изъ Унтерасрида“.

Здѣсь нужно отмѣтить, что Швабскій союзъ, который кемптенскіе крестьяне призвали на мѣсто судьи, и который игралъ выдающуюся роль какъ въ послѣдующихъ крестьянскихъ возстаніяхъ, такъ и въ собственно крестьянской войнѣ, состоялъ изъ союза швабскихъ городовъ и владѣтельныхъ князей, соединившихся въ 1488 году. Его цѣль заключалась въ поддержаніи внутренняго мира и въ проведеніи въ жизнь имперскихъ постановленій; его дѣятельность была слѣдовательно направлена главнымъ образомъ противъ разбоевъ и распрей мелкаго дворянства и рыцарства, поэтому послѣднія являлись его злѣйшими врагами.

Союзъ съ самаго начала насчитывалъ въ своемъ составѣ 22 имперскихъ города; изъ князей впо-

слѣдствіи между прочимъ числился въ немъ герцогъ Ульрихъ Вюртенбергскій, начавшій править въ 1503 году; но въ 1512 году онъ былъ вынужденъ выйти изъ состава союза, такъ какъ присвоилъ себѣ помѣстья графа фонъ-Лаинингенъ.

Кемптонскіе крестьяне нашли плохой пріемъ у заправилъ Швабскаго союза, въ областяхъ котораго недовольство среди крестьянъ охватило уже довольно большія массы. Только послѣ неотступныхъ просьбъ они приняли на себя роль третейскаго судьи. Приговоръ вновь оказался благопріятнымъ для аббата. Крестьяне, правда, сложили оружіе но послали гонца къ императору, надѣясь хоть тамъ добиться большаго вниманія къ своимъ нуждамъ. Аббатъ велѣлъ устроить засаду и предательски умертвить гонца. Второй посолъ былъ счастливѣе. Когда уже всѣ потеряли надежду на его возвращеніе, онъ явился съ вѣстью, что аббатъ будетъ призванъ къ императору. Но попа нисколько это не запугало, онъ продолжалъ измываться надъ крестьянами такъ, что они вторично взялись за оружіе. Тогда аббатъ обратился за помощью къ Швабскому союзу, и этотъ рѣшилъ: „Такъ какъ при дальнѣйшемъ послабленіи этого движенія опасность грозитъ всей аристократіи и всѣмъ властямъ, то нужно силой принудить крестьянъ къ повиновенію; прежде всего схватить зачинщиковъ и наказать ихъ; если же крестьяне и тогда не успокоятся и не станутъ послушными, то начать войну противъ нихъ“.

Дѣйствительно, союзъ стянулъ свои военныя силы въ Гюнцбургъ; въ Миндельгеймѣ стояли наемники

аббата Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, аббатъ и города вполнѣ сознательно не производили нападеній, надѣясь, что крестьяне станутъ болѣе самоувѣренны и безпечны. Расчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ. Вечеромъ, въ день святого Михаила, союзныя войска неожиданно напали на крестьянскія деревни; захватили въ плѣнъ часть крестьянъ, остальныхъ перебили; ихъ имущество было разграблено и дома сожжены. Вожаки, взятые въ плѣнъ, попали въ темницу; сотни крестьянъ бѣжали въ Швейцарію. Послѣ кровавого усмиренія, союзъ, какъ бы въ насмѣшку, назначилъ въ Меммингерцѣ день для разбора дѣла крестьянъ съ монастыремъ. Приговоръ гласилъ: все остается по старому. Налоги, оброкъ, подати, право лучшей головы скота, право на часть имущества въ извѣстныхъ случаяхъ и все, что еще должны были дѣлать и доставлять крестьяне, остается до тѣхъ поръ, пока они докажутъ, что не обязаны этимъ монастырю. Князю аббату было милостиво предложено не жаловаться дальше на своихъ подданныхъ крестьянамъ же рекомендовано не искать для разрѣшенія будущихъ недовольствъ иного пути, какъ третейскій судъ. Прошлое должно быть забыто обѣими сторонами, изгнанникамъ позволено въ продолженіи извѣстнаго времени безнаказанно вернуться обратно; наконецъ, плѣнные по принятіи договора отпущены. Небольшое число бѣглецовъ возвратилось обратно и покорилось, большинство крестьянъ не приняло договора. Тѣ, которые подчинялись, дѣлали это въ надеждѣ, что наступитъ то время, когда они добьются своихъ правъ.

Продолжительная дороговизна и послѣдовавшій за ней голодъ, который привелъ къ возстанію въ Нидерландахъ и который послужилъ ближайшей причиной для возмущенія кемптенскихъ крестьянъ, побудилъ также въ Эльзасѣ угнетенный народъ соединиться въ 1493 году и образовать союзъ Лаптя: лапоть имѣлъ для средневѣковыхъ крестьянъ то же самое значеніе, которое имѣетъ для новѣйшаго пролетаріата красное знамя. Это знамя возникло потому, что рыцари, какъ признакъ своего сословія, носили сапоги, крестьяне же, какъ знакъ своей зависимости, лапти, которые привязывались ремнями, начиная отъ лодыжки кверху.

Членами союза Лаптя въ Эльзасѣ съ самаго начала состояли люди различныхъ сословій. Большинство составляли крестьяне, но къ нимъ присоединились и многіе горожане, причемъ даже занимавшіе городскія должности, а также и конные наемники. Союзъ быстро распространялся; очагомъ движенія являлась мѣстность около Шлетштадта. Ночью потайными дорогами собирались заговорщики на такъ-называемую голодную гору у Шлетштадта. Здѣсь возникали и разрабатывались тѣ планы, которые желательно было провести въ жизнь.

Программа союза въ основныхъ ея чертахъ представляла изъ себя слѣдующее: уничтоженіе церковнаго суда и королевскаго суда въ Ротвейлѣ, отмѣна пошлинъ, налоговъ на предметы потребленія и другихъ поборовъ, самоуправленіе общинъ, судъ присяжныхъ, право народа давать, или не давать согласія

на обложеніе его тѣми или иными податями, отмѣна тайной исповѣди, назначеніе одного священника на каждый приходъ, ограниченіе ежегодныхъ доходовъ священника суммой въ 50 или 60 гульденовъ, разграбленіе еврейскаго имущества и въ нѣкоторыхъ случаяхъ истребленіе ихъ самихъ. Евреи въ продолженіи всего средневѣковья были ненавистны народу за ихъ барышничанье и умѣнье сосредоточивать въ своихъ рукахъ большія богатства, они часто подвергались тяжелымъ гоненіямъ, связаннымъ съ ужасными жестокостями.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ нѣмецкихъ крестьянъ, соединившихся не только для защиты старыхъ правъ, но и выкинувшихъ опредѣленную политическую программу, которая ясно и понятно излагала цѣли, поставленныя движенію.

Крестьяне поняли, что не будетъ для нихъ никакой пользы въ томъ, если они добьются согласія со стороны господъ на отдѣльныя свои требованія, поняли, что необходимъ цѣлый рядъ глубокихъ преобразованій. Что же касается ихъ религіозныхъ требованій, то они заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Нужно твердо помнить, что въ то время въ Германіи еще не появилось ни одного крупнаго церковнаго реформатора, и пунктъ объ отмѣнѣ тайной исповѣди имѣлъ громадное значеніе. Начиная съ этого момента, всѣ крестьянскія движенія выступаютъ съ болѣе или менѣе подробно разработанной программой, которая достигаетъ своего высшаго развитія въ Двѣнадцати статьяхъ крестьянской войны.

Планъ заговора считалъ необходимымъ прежде

всего завладѣть укрѣпленнымъ городомъ Шлетштадтомъ, превратить его въ опорный пунктъ дальнѣйшихъ операцій и конфисковать богатыя кассы городскую и монастырскую, чтобы получить деньги, столь необходимыя для веденія войны. Если бы оказалось, что союзъ одинъ не въ состояніи достигнуть своей цѣли, то было рѣшено призвать на помощь швейцарскій союзъ. Въ началѣ страстной недѣли предстояла первая попытка завладѣть Шлетштадтомъ.

Но всѣ мѣры предосторожности принятыя противъ измѣны, всѣ угрозы не спасли союзъ отъ нея. Незадолго до времени, назначеннаго для открытаго выступленія, все дѣло рухнуло. Масса союзниковъ подверглась неожиданному нападенію, горожане Шлетштадта, состоявшіе въ союзѣ пытались спастись въ Базель, но были перехвачены, приведены обратно и четвертованы; другимъ участникамъ этого союза отрубили головы, третьихъ выслали за предѣлы страны, четвертымъ искалѣчили руки или пальцы. Аристократическая часть горожанъ соединилась съ владѣтельными князьями съ цѣлью выслѣдить всѣ неблагонадежные элементы и сдѣлать ихъ безвредными. Союзъ былъ разсѣянъ, его намѣренія не удалось привести въ исполненіе, но духъ, жившій въ немъ, обстоятельства породившія его остались.

* * *

Въ то время, когда крестьяне въ Эльзасѣ, Оберальманніи и Швабіи пытались освободиться отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета, другому германскому

племени, жившему далеко на сѣверѣ, приходилось защищать свою старую свободу противъ княжескихъ и дворянскихъ притязаній. Это были Дитмаршенцы, освободительная борьба которыхъ въ XIII столѣтіи описана уже выше.

Въ то время дворянство было частью изгнано изъ страны, частью же, отказавшись отъ своихъ привилегій, должно было войти въ составъ свободныхъ сельскихъ общинъ на равныхъ правахъ съ крестьянами. Земля была такимъ образомъ раздѣлена, что обезпечено было равное удовлетвореніе интересовъ и положено препятствіе господству отдѣльныхъ личностей и ихъ преобладающему вліянію. Въ соотвѣтствіи съ этимъ весь государственный строй покоился на полномъ равенствѣ всѣхъ его членовъ. Всякій, достигшій совершеннолѣтія, принималъ участіе въ выборахъ правительства, которое состояло изъ совѣта сорока восьми. Правительство управляло, наблюдало за исполненіемъ законовъ и наказывало за преступленія. Законы же издавалъ самъ народъ.

Эта крестьянская республика, находившаяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора, была, конечно, ненавистна князьямъ и дворянству. Къ тому же у нея не было недостатка въ распряхъ съ дворянствомъ сосѣднихъ странъ, какъ напримѣръ, съ герцогами Голштинскими и королями Датскими, нерѣдко эти споры вели за собой войны и вторженія въ предѣлы республики, но о храбрости и единодушіи это маленькаго народа, умѣвшаго прекрасно пользоваться особенностями почвы своей страны противъ тяжело вооруженныхъ рыцарей раз-

бивалось высокомѣріе дворянства. Во время одного изъ такихъ вторженій, одинъ изъ герцоговъ Гольштинскихъ поплатился жизнью за свое легкомысліе.

Датскій король Христіанъ I, попытался хитростью завладѣть этой страной. Онъ требовалъ, чтобы она заключила съ нимъ договоръ, который давалъ бы право свободнаго прохода черезъ нее его войскамъ. Крестьяне отвергли это требованіе, и въ 1476 г. датскій король попытался силой достичь того, чего ему не удалось добиться хитростью. Нападеніе было побѣдоносно отбито въ сраженіи при Гейдѣ. Независимость Дитмаршенцевъ была вновь спасена. Тогда они рѣшили возможно лучше обезпечить себя отъ будущихъ нападеній. Они усовершенствовали свое вооруженіе, использовавъ для этой цѣли огнестрѣльное оружіе и пушки, еще въ то время не нашедшія примѣненія въ войскахъ дворянства, и построили крѣпость около деревни Геммингсштадтъ, прекрасно расположенной для этой цѣли. Ихъ заботы оказались не излишними. Христіанъ I умеръ въ 1481 году, его сынъ Іоаннъ наслѣдовалъ ненависть своего отца къ крестьянской республикѣ. Послѣ счастливаго окончанія войны противъ шведовъ, ему показалось, что наступилъ моментъ для сведенія счетовъ съ крестьянами.

Въ 1499 году на рейхстагѣ въ Рендсбурѣ, въ которомъ принимало участіе все дворянство Гольштиніи и Шлезвига, было рѣшено начать войну противъ крестьянской республики для полнаго ея уничтоженія. Многочисленное дворянство Мекленбурга, Помераніи, Бранденбурга, Ольденбурга обѣщало

свою помощь. Въ отвѣтъ на эти усиленные сборы дворянства Дитмаршенцы напрягли всѣ свои силы, и обратились за помощью къ своимъ союзникамъ, свободнымъ городамъ Гамбургу и Любеку, съ которыми у нихъ былъ заключенъ договоръ. Но торговый народъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы. Въ февралѣ 1500 года дворянское ополченіе въ количествѣ 16.000 человѣкъ, которому Дитмаршенцы въ лучшемъ случаѣ, могли противопоставить 6.000 человѣкъ, двинулось противъ Мельдорна, главнаго мѣстечка страны. Замерзшая почва облегчала вначалѣ движеніе дворянскаго войска. Но всѣ мѣстечки и отдѣльные дома, которыхъ оно достигало, всѣ какъ бы вымерли. Въ Мельдорнѣ находилось нѣкоторое количество старцевъ, женъ и дѣтей, которыхъ не удалось увезти изъ-за сильнаго холода; полное злобы дворянство перебило ихъ всѣхъ и зажгло городъ. Красное зарево пожара было видно изъ крѣпости при Геммингсштадтѣ, гдѣ собрались и окопались крестьяне. Послѣ трехдневной стоянки въ Мельдорнѣ, — король полагалъ, что уже крестьяне готовы при видѣ столь блестящаго войска подчиниться ему и просить о милости,—послѣдовало его дальнѣйшее движеніе. Но къ ночи погода измѣнилась, морозъ смѣнили потоки дождя сдѣлавшіе дороги непроходимыми, густой туманъ окуталъ всю мѣстность, вдали ничего не было видно. Только съ трудомъ, по колѣно въ грязи, подвигалось впередъ дворянское ополченіе по единственной дорогѣ, ведшей въ Геммингсштадтъ. Оно охотно вернулось бы обратно, но это было бы невозможно, такъ какъ мѣшали глу-

бокія канавы съ водой по обѣимъ сторонамъ дороги. Крестьяне хорошо освѣдомленные о положеніи своихъ враговъ рѣшили предпринять на нихъ нападеніе. Въ ночь съ 19 на 20 февраля, они перегородили дорогу окопомъ, поставили тамъ лучшую свою пушку и большое количество народу. 20 февраля послѣ полудня безпечно подошло вражеское войско почти къ самому окопу въ густомъ туманѣ и подъ проливнымъ дождемъ, бившемъ ему прямо въ лицо. Тогда навстрѣчу приближающимся неожиданно раздался залпъ, онъ внесъ въ ихъ ряды смерть, ужасъ и смятѣніе. Войско сильно разстраивается, новый залпъ вноситъ еще большій безпорядокъ. Тогда крестьяне вооруженные аллебардами и пиками выскочили изъ окопа. Часть ихъ бросилась на враговъ спереди, въ то время, какъ другіе, пользуясь знаніемъ мѣстности, перепрыгивая съ помощью длинныхъ палокъ, спеціально для этого приспособленныхъ, черезъ рвы, охватили оба фланга вражескаго войска и устроили ему кровавую баню. Въ это же время съ запада съ шумомъ катились черезъ плотины, разобранныя крестьянами, морскія волны и еще болѣе затрудняли отступленіе дворянскому войску. Большая часть рыцарей пала. Датскій король и герцогъ Гольштинскій бѣжали, съ ними бѣжали всѣ, кто только могъ. Наступившая ночь прекратила сраженіе, преслѣдованіе же крестьянами своего врага продолжалось до самой границы. Потери княжескаго войска простирались 7000 человѣкъ, у крестьянъ же было убито только 80 человѣкъ. Такимъ образомъ, рес-

публика была вновь спасена и стала грознѣе, чѣмъ когда-либо.

Но почти сто лѣтъ спустя послѣ этого, она все-таки пала жертвой усилившейся княжеской власти.

Немного лѣтъ спустя послѣ выступленія союза Лаптя въ Эльзасѣ, вспыхнула война между швабской аристократіей, поддержанной императоромъ Максимиліаномъ и швейцарцами. Причины ея были самыя разнообразныя; не послѣдней, конечно, было то обстоятельство, что бѣглецы - крестьяне изъ аббатства Кемптенъ и изъ Эльзаса нашли радушный пріемъ въ Швейцаріи. Демократическое управленіе, господствовавшее по крайней мѣрѣ въ старыхъ кантонахъ, являлось такимъ страшилищемъ для властвующихъ, что они охотно бы разъ навсегда его уничтожили. Рѣчи, какъ, напримѣръ: „Мы поищемъ у швейцарцевъ за пазухой коровій хвостъ", или: „Мы устроимъ въ странѣ коровъ такой пожаръ, что самъ Богъ, сидя на радугѣ, зажмурится отъ дыму и огня и подожметъ ноги", были самымъ обычнымъ явленіемъ среди союза швабской аристократіи. Но борьба протекала не такъ. какъ это хотѣлось бы этимъ господамъ, они терпѣли одно пораженіе за другимъ, одно позорнѣе другого.

Неудачи аристократіи дали поводъ ихъ собственнымъ крестьянамъ поднять возстаніе. Гогау, Брегенцскій лѣсъ, все Вальгау примкнули къ швейцарцамъ, масса дворянскихъ замковъ и крѣпостей была взята, разрушена и сожжена. Не будь швейцарцы пропитаны узкимъ кантонскимъ духомъ и мелочнымъ

эгоизмомъ, - недостатками, которые, конечно, объясняются неразвитостью общественныхъ отношенiй и которые еще до сихъ поръ не вполнѣ исчезли, то они сумѣли бы сойтись съ крестьянами сосѣднихъ мѣстностей, призвать ихъ къ возстанiю и совершенно уничтожить господство дворянъ. Вмѣсто этого они грабили и истребляли имущество дружески къ нимъ настроенныхъ княжескихъ крестьянъ, мстя за тѣ опустошенiя, которыя произвело дворянство при вторженiи въ ихъ страну, и озлобили этихъ крестьянъ.

Такой мелочный эгоизмъ и узость швейцарцевъ сыграли при всѣхъ послѣдующихъ крестьянскихъ возстанiяхъ гнусную роль; за деньги они согласились даже помочь герцогу Ульриху, изгнанному изъ своей страны, вновь завоевать послѣднюю. Только съ цѣлью выяснить характеръ тогдашнихъ швейцарцевъ коснулись мы этой войны, называемой ими швабской, ихъ противниками швейцарской войной, такъ какъ строго говоря она не имѣетъ никакого отношенiя къ революцiоннымъ движенiямъ нѣмецкихъ крестьянъ того времени. При заключенiи мира, какъ уже раньше было указано, швейцарцы добились освобожденiя отъ подсудности высшему имперскому суду и отъ имперскихъ матрикулъ.

Союзъ Лаптя, разгромленный въ Эльзасѣ вновь образовался въ 1502 году въ Унтергрумбахѣ въ Брухрайнѣ, вблизи отъ Брухсаля, принадлежавшаго къ епископству Шпейеръ. Въ короткiй промежутокъ времени въ союзъ вступило болѣе 7000 мужчинъ и около 400 женщинъ. Вообще женщины при-

нимали во всѣхъ возстаніяхъ самое живое и дѣятельное участіе и часто своей отвагой и рѣшительностью превосходили мужчинъ. Имъ приходилось переносить еще большія притѣсненія и приставанія господъ. Порочнымъ наклонностямъ своихъ господъ онѣ должны были безпрекословно подчиняться; а если ихъ мужьямъ приходилось сопровождать своего господина слугой на войну, или если ихъ заключали за ничтожнѣйшій поступокъ на недѣли и мѣсяцы въ крѣпость, или наказывали какимъ-нибудь инымъ способомъ, то въ это время на нихъ лежалъ двойной гнетъ; имъ приходилось отбывать барщину и вообще исполнять всѣ обязанности своихъ мужей по отношенію къ помѣщику.

Осторожность побудила союзъ создать лозунгъ, по которому участники его могли бы узнавать другъ друга. „Угадайте, въ чемъ заключается теперь главное зло?“ былъ вопросъ, отвѣтъ на который гласилъ такъ: „Мы не можемъ никогда выздоровѣть при наличности поповъ и дворянства“. Основныя пункты союза заключали въ себѣ слѣдующія требованія: отмѣна крѣпостничества; отказъ отъ дальнѣйшей уплаты князьямъ, дворянству или попамъ всякаго оброка, пошлинъ, налоговъ или десятины; свобода и доступность для всѣхъ охоты, рыбной ловли, пастбища и лѣса, конфискація всѣхъ имѣній духовенства, раздѣлъ ихъ между народомъ; признаніе главой и господиномъ —только императора. Всѣ единодушно сознавали, что свободы можно добиться только силой.

Было рѣшено сдѣлать нападеніе на городъ Брух-

саль, большая половина жителей котораго находилась въ согласіи съ союзомъ, завладѣть имъ и удержать его въ своихъ рукахъ, въ качествѣ опорнаго пункта. Главный отрядъ долженъ былъ вторгнуться въ маркграфство Баденъ и попытаться склонить мужское населеніе всѣхъ мѣстечекъ присоединиться къ движенію и примкнуть къ отряду, въ крайнемъ случаѣ рѣшено было принуждать его къ этому силой, но нигдѣ не оставаться болѣе 24 часовъ. Союзъ надѣялся постепенно присоединить къ себѣ всѣхъ крестьянъ и горожанъ.

Все было уже прекрасно приготовлено, какъ одинъ изъ заговорщиковъ на исповѣди неосторожно подѣлился со своимъ духовникомъ планомъ возстанія. Этотъ, конечно, передалъ его властямъ, а тѣ поспѣшили принять мѣры пресѣченія. Императоръ Максимиліанъ, извѣщенный о предположенномъ возстаніи, настолько испугался, что далъ приказъ затопить его въ крови и не останавливаться передъ самыми строгими преслѣдованіями и наказаніями участниковъ этого союза. Конфисковать имущество каждаго вступившаго въ заговоръ, изгнать изъ страны его жену и дѣтей; если онъ попадется самъ, то четвертовать его; если онъ принадлежитъ къ главарямъ движенія, то привязать его къ хвосту лошади и притащить такимъ образомъ на мѣсто казни для четвертованія. Таковы были приказанія „благороднаго“ Максимиліана, который однажды, еще не будучи на престолѣ, поклялся быть защитникомъ народа.

Въ городѣ Шлетштадтѣ собралось значительное

число лицъ, посланныхъ князьями, властителями и городами, чтобы обсудить какимъ образомъ лучше всего уничтожить союзъ. Эта медлительность позволила вождямъ союза во время спастись бѣгствомъ. Когда же, наконецъ, войско князей появилось въ селеніяхъ, то всѣ выдававшіеся своимъ живымъ участіемъ въ союзѣ, уже исчезли. Часть членовъ союза подверглась пыткамъ, съ цѣлью вымучить у нихъ признаніе, многіе повѣшены. Въ остальномъ же господа рѣшили не приводить въ исполненіе кровавыхъ приказаній императора. они можетъ быть поняли, что эта кровь только подыметъ волну озлобленія, а затѣмъ кто сталъ бы платить за участниковъ движенія пошлины, оброкъ и налоги, отбывать барщину, если бы они обезлюдили селенія? Къ милосердію склоняло ихъ и сознаніе побѣды.

Неудача, постигшая и второй заговоръ въ связи съ болѣе бдительнымъ отношеніемъ господъ ко всѣмъ движеніямъ среди крестьянъ, заставила послѣднихъ успокоиться на нѣкоторое время. Бѣглецы направились въ Швейцарію, Шварцвальдъ, въ Брейсгау и Вюртенбергскую область, всюду они нашли друзей и единомышленниковъ, которые имъ помогали скрываться и съ которыми они могли обсуждать выполненіе своихъ плановъ въ будущемъ.

Среди людей, которыхъ не могло смутить никакое пораженіе, не могла запугать никакая грозящая опасность и которые неутомимо стремились къ своей цѣли, выдавался Іосъ Фрицъ. Родомъ изъ Унтергрумбаха, онъ являлся главнымъ основателемъ союза Лаптя въ Брухрайнѣ; послѣ провала этого

союза онъ бѣжалъ. Іосъ Фрицъ былъ отваженъ, энергиченъ, ловокъ и хитеръ, заговорщикъ по натурѣ. Онъ умѣлъ привязывать къ себѣ людей, приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ и извлекать выгоду изъ всего, что только могло принести пользу его дѣлу. Привлекательная внѣшность, даръ слова, которымъ онъ умѣло пользовался, чрезвычайно сильно облегчали его задачу. Какъ солдатъ, принимавшій участіе во многихъ походахъ и битвахъ, онъ отличался значительными военными познаніями, которыя принесли движенію большую пользу.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ проживалъ около Баденскаго озера въ Ленцкирхѣ и Штокахѣ, гдѣ онъ и женился, а также въ Баденскомъ и Вюртенбергскомъ Шварцвальдѣ, сѣя всюду сѣмена недовольства и заводя связи. Въ 1512 году онъ поселился въ деревнѣ Легенъ около Фрейбурга. Здѣсь онъ получилъ мѣсто лѣсничаго и началъ свою агитаторскую дѣятельность съ большимъ искусствомъ и энергіей, сохраняя въ то же время полную тайну. Онъ умѣлъ говорить съ людьми такъ безыскуственно, такъ увлекательно, что каждому казалось, что съ этой минуты онъ уже сталъ богатъ и счастливъ. Какъ будто самъ чортъ совращалъ съ пути истиннаго, гласитъ показаніе одного изъ его сторонниковъ найденное въ матеріалахъ слѣдствія по этому дѣлу.

Подготовивъ достаточно почву, онъ пригласилъ нѣсколькихъ лицъ на тайное собраніе въ Гартматту, уединенный лугъ по ту сторону Дрейзама. Здѣсь онъ повелъ рѣчь въ духѣ программы Брухрайнскаго союза Лаптя.

Необходимо улучшить наше положеніе, говорилъ онъ, не нужны намъ въ будущемъ никакіе помѣщики, никакіе властители, кромѣ императора и папы; судьи должны допрашивать и судить каждаго въ мѣстности его жительства, а не заставлять его ѣздить къ себѣ, какъ бы далеко онъ не жилъ. Ротвейльскій судъ долженъ быть уничтоженъ, церковному же суду должны быть подсудны только религіозныя дѣла. Затѣмъ нужно обуздать злоупотребленія духовенства въ приходахъ, уменьшить пошлину и налоги, запретить разъ навсегда всѣ дворянскія распри, установить постоянный миръ для всего христіанства, свободу для всякаго простого человѣка, лѣсъ, пастбище, воду и охоту сдѣлать общей собственностью, изъ монастырскихъ богатствъ помочь бѣдному люду. Іосъ выступилъ здѣсь сообразно съ обстоятельствами съ большой осторожностью, но все-таки многимъ дѣло показалось сомнительнымъ, когда онъ предложилъ основать союзъ Лаптя. Крестьяне рѣшили посовѣтоваться съ ихъ сельскимъ оракуломъ, мѣстнымъ священникомъ, отцомъ Іоганномъ. Этотъ уже давно былъ въ тайномъ соглашеніи съ Фрицомъ; онъ объявилъ крестьянамъ, что дѣло, которое имъ предложено, дѣло не плохое; Богъ самъ хочетъ этого; по священному же писанію выходитъ, что оно будетъ имѣть успѣхъ. Это заявленіе имѣло рѣшающее значеніе. То обстоятельство, что религія, учившая ихъ до сихъ поръ всегда только подчиненію, какъ бы это имъ тяжело не было, признала необходимость возстанія, повліяло сильно на нихъ и устранило послѣднія сомнѣнія.

Іосъ имѣлъ массу помощниковъ, которые повсюду агитировали, набирали сторонниковъ союза и знакомили ихъ съ основными его требованіями. Онъ же самъ завязалъ вновь всѣ свои старыя связи въ епископствѣ Шпейеръ, по обѣимъ сторонамъ Рейна, въ Шварцвальдѣ, маркграфствѣ Баденъ и въ Вюртенбергѣ. Въ Вальдкирхѣ, въ Шварцвальдѣ велъ пропаганду другой выдающійся дѣятель Фельтлинъ, называемый еще Штоффель изъ Фрейбурга. Нѣсколько человѣкъ изъ мелкаго дворянства находились въ союзѣ. Тайная организація постепенно распространилась по всему Эльзасу, Брейсгау, маркграфству Баденъ, Шварцвальду, Верхней-Швабіи, верхнему Крайхгау, гдѣ центромъ являлся городъ Бреттенъ, нижнему Крайхгау или Брухрайну, гдѣ центромъ былъ Брухсаль. Въ Вюртенбергской области у союза существовали связи, главнымъ образомъ, въ долинѣ рѣки Ремсъ и въ Цабергау. Собранія происходили въ уединенныхъ трактирахъ или постоялыхъ дворахъ, на нихъ присутствовали только члены союза отдѣльныхъ областей. Для встрѣчъ и сборищъ союзъ пользовался храмовыми праздниками и ярмарками. Въ видѣ тайнаго знака, по которому посвященные могли узнавать другъ друга, они носили на грудномъ платкѣ латинскую букву Н изъ чернаго сукна, пришитую къ красному щитку, другіе имѣли на рукавѣ правой руки три крестообразныхъ прорѣза.

Тайный лозунгъ союза остался неизвѣстнымъ.

Основные пункты, опредѣлявшіе цѣли союза и принятые послѣ долгихъ обсужденій, кратко сфор-

мулированные гласили такъ: 1) никто не долженъ признавать иного господина, кромѣ Бога, императора и папы; 2) никто не долженъ ѣздить на судъ въ какую-нибудь иную мѣстность, кромѣ той, гдѣ онъ самъ живетъ; Ротвейльскій королевскій судъ долженъ быть уничтоженъ, церковный судъ ограниченъ духовными дѣлами; 3) проценты, уплаченные въ такомъ размѣрѣ, что въ суммѣ они равняются занятому капиталу, должны считаться неподлежащими дальнѣйшей уплатѣ и расписки уничтожены; 4) съ процентами, гдѣ одинъ гульденъ платится за капиталъ въ 20 гульденовъ, должно поступить, какъ указываетъ и повелѣваетъ божественное право; 5) ловля рыбъ и птицъ, дрова, лѣсъ и пастбище должны быть свободной общей собственностью бѣдняковъ и богачей; 6) священникъ долженъ имѣть только одинъ приходъ; 7) число монастырей должно быть ограничено, ихъ излишнее богатство конфисковано и изъ него образована военная касса союза; 8) всѣ несправедливые пошлины и налоги отмѣнены; 9) *всюду, гдѣ царствуетъ христіанство, долженъ быть провозглашенъ постоянный миръ, кто нарушитъ это постановленіе будетъ убитъ, кто непремѣнно хочетъ воевать, того необходимо послать при первой возможности противъ турокъ и невѣрныхъ;* 10) кто принадлежитъ къ союзу, тому должна быть обезпечена неприкосновенность личности и имущества; кто нарушитъ это постановленіе долженъ быть наказанъ; 11) если удастся захватить въ свои руки хорошій городъ или крѣпость, то она должна послужить главнымъ опорнымъ пунктомъ всего предпріятія;

12) каждый членъ союза долженъ уступить часть своего имущества въ пользу союза, такъ какъ для выполненія его предначертаній необходимы средства; 13) какъ только соединятся отдѣльные отряды, необходимо извѣстить его императорское величество о цѣляхъ и требованіяхъ возстанія, и 14) если его императорское величество не удовлетворитъ эти требованія, то обратиться за помощью къ швейцарскому союзу и попытаться заключить съ нимъ договоръ.

Отсюда видно, что крестьяне знали чего они хотѣли, только, какъ впослѣдствіи оказалось, они ошибались въ своихъ надеждахъ на поддержку со стороны швейцарскаго союза, истинный характеръ котораго они себѣ ясно не представляли.

Совершенно своеобразныхъ сочленовъ нашелъ союзъ въ лицѣ профессіональныхъ нищихъ и бродягъ, которые въ то время въ большомъ количествѣ странствовали по всей Германіи, и подобно другимъ профессіямъ были организованы какъ бы въ цехи, во главѣ которыхъ стояли выборные начальники, называемые королями нищихъ. Іосъ Фрицъ часто пользовался этими союзами нищихъ, посылая при помощи ихъ извѣстія и заставляя ихъ шпіонить. Но имъ предназначалась еще и иная роль въ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Имъ предстояло въ день ярмарки въ Эльзасъ-Цабернѣ, находящемся вблизи Розена, собраться въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ, и завладѣть городомъ. Одновременно они должны были произвести поджоги въ маркграфствѣ Баденъ, въ Брейсгау

и въ Эльзасѣ, возникшимъ отсюда всеобщимъ смятѣніемъ хотѣли воспользоваться заговорщики. За 2000 гульденовъ вожди нищихъ согласились собрать свой народъ и выполнить требуемыя отъ нихъ услуги. Въ Эльзасъ-Цабернѣ имъ были указаны различные заговорщики какъ внутри, такъ и внѣ города, подъ команду которыхъ они обязаны были встать въ назначенный день.

Эльзасцамъ, членамъ союза, предстояло, какъ только вспыхнетъ возстаніе въ Брейсгау, переправиться при Буркгеймѣ черезъ Рейнъ, на берегу котораго должно было бы развѣваться знамя союза. Для жившихъ около Легена задача заключалась въ томъ, чтобы найти союзниковъ среди цеховъ города Фрейбурга и захватить его въ свои руки. На случай, если бы это предпріятіе не удалось, спрятать знамя союза—которое считалось священнымъ — до болѣе благопріятнаго момента за *Альтфоглейномъ* при Легенѣ, спрятать такъ, чтобы каждую минуту его можно было найти.

Послѣ того, какъ все было весьма тщательно приготовлено, Іосъ Фрицъ отправился въ путешествіе, съ цѣлью найти кого-нибудь, кто бы нарисовалъ знамя союза. Опасное предпріятіе, на которое несоглашался ни одинъ живописецъ, и во время котораго Фрицу не разъ грозила опасность быть опознаннымъ. Въ Гейльбронѣ на рѣкѣ Некарѣ удалось ему, наконецъ, склонить на это дѣло одного живописца. Но въ то время, когда Іосъ Фрицъ находился уже на обратномъ пути, весь заговоръ былъ преданъ баденскому маркграфу неудачной

вербовкой новыхъ членовъ и единовременно съ этимъ двумя измѣнниками изъ союза. Маркграфъ поспѣшно извѣстилъ совѣтъ Фрейбурга, послы быстро понеслись во всѣ стороны, неся городамъ и господамъ предупрежденія и указанія. Между тѣмъ и до заговорщиковъ донесся слухъ о грозящей имъ опасности. Въ ночь послѣ измѣны Киліанъ Майеръ, одинъ изъ вождей союза, созвалъ тайное собраніе заговорщиковъ на Гартматтѣ при Легенѣ и сообщилъ имъ объ измѣнѣ. Было рѣшено успокоиться и остановить всѣ приготовленія. Нужно было, какъ можно скорѣе разойтись. Еще въ ту же ночь 200 вооруженныхъ горожанъ Фрейбурга вторглись въ Легенъ, захватили альтфогта Гансъ Эндерлина, его сына, жену Іоса Фрица и увезли ихъ въ Фрейбургъ. Киліанъ Майеръ и нѣсколько другихъ важныхъ заговорщиковъ были схвачены во время бѣгства. Самъ Фрицъ, предупрежденный во-время, спасся въ Швейцарію, туда же бѣжали еще многіе. Взятыхъ въ плѣнъ подвергли пыткамъ, съ цѣлью вырвать у нихъ откровенное признаніе, но они оказались достаточно мужественными и или молчали, или сообщали то, что не могло скомпрометировать ихъ союзниковъ. Этимъ объясняется, что пострадали сравнительно немногіе, но имъ пришлось тяжело поплатиться. Гансъ Эндерлинъ альтфогтъ, его сынъ и еще нѣкоторые подверглись четвертованію, другіе, между ними Киліанъ Майеръ были казнены, менѣе сильно замѣшаннымъ отрубили указательный палецъ. Жену Іоса, державшуюся очень мужественно и отрицавшую всякое участіе въ этомъ дѣлѣ, отпустили на волю, послѣ

того, какъ она дала клятвенное обѣщанiе не мстить за понесенное оскорбленiе и возмѣстила расходы за свое содержанiе.

Въ Эльзасѣ же, гдѣ австрiйскому правительству въ Энзисгеймѣ удалось узнать значительно большее число членовъ союза, дѣло приняло болѣе кровавый оборотъ. Тамъ колесовали и рубили головы, кровь лилась потоками; менѣе виновныхъ пытали, калѣчили, сажали въ крѣпость, изгоняли изъ страны, или наказывали большимъ денежнымъ штрафомъ.

Сосѣднiе швейцарскiе владѣтельные господа, не мѣшавшiе до сихъ поръ бѣглецамъ искать спасенiе въ предѣлахъ своей страны, на этотъ разъ приняли противъ нихъ крайнiя мѣры. Они охотно оказывали полицейскiя услуги агентамъ императора и Фрейбурга, выслѣживали и хватали тѣхъ бѣглецовъ, имена и признаки которыхъ имъ были извѣстны. При такихъ неблагопрiятныхъ условiяхъ попались еще многiе, и имъ пришлось испытать всѣ прелести пытокъ; Iосъ Фрицъ о присутствiи котораго донесли властямъ, все-таки опять успѣлъ скрыться. Онъ не успокоился, прошли годы и въ Шварцвальдѣ то тутъ то тамъ находили слѣды его пребыванiя, но какъ только дѣлались попытки схватить его, онъ исчезалъ такъ же неожиданно, какъ и появлялся

Ревностныя преслѣдованiя, которымъ подвергались члены союза Лаптя со стороны городскихъ властей Швейцарiи, имѣли хорошiя послѣдствiя. Мы уже указывали, что въ Швейцарiи за исключенiемъ

трехъ лѣсныхъ кантоновъ съ демократическимъ строемъ, во всѣхъ остальныхъ властью пользовались знатные городскіе роды, притѣснявшіе какъ сельское, такъ и городское населеніе. Всевозможный произволъ, гнетъ и обманъ пробудили среди бѣднаго населенія злобу къ своимъ властителямъ, лѣтомъ 1513 года броженіе, наконецъ, вылилось наружу, слѣдовательно моментъ возстанія въ Швейцаріи совпалъ съ приготовленіями къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ союза Лаптя во всей верхней Германіи. Прежде всего поднялись крестьяне города Люцерна, затѣмъ Золотурна и, наконецъ, Берна. Бернскіе крестьяне воспользовались тѣмъ временемъ, когда ихъ господа веселились, справляя храмовой праздникъ въ Кюлшцѣ, ворвались толпами въ городъ, захватили дома своихъ ненавистнѣйшихъ и знатнѣйшихъ враговъ, разграбили и перепортили ихъ имущество и всѣ запасы. Бернскіе господа попытались отвлечь крестьянъ отъ разрушенія своихъ домовъ, предпринявъ походъ въ деревни, но имъ не удалось одурачить озлобленныхъ крестьянъ. Тогда остался только одинъ выходъ — уступить; часть господъ была лишена на публичномъ собраніи своихъ должностей и почестей и предана уголовному слѣдствію, ихъ мѣста заняли надежныя лица, пользовавшіяся всеобщимъ довѣріемъ.

Двухъ совѣтниковъ казнили, другихъ пытали и наказали лишеніемъ правъ и имущества. Крестьяне добились уступокъ и свободы.

Въ мѣстности, подвластной городу Люцерну, возстаніе началось въ области Виллизау. Когда господа

собрались отвѣтить на это вооруженной силой, крестьяне созвали всѣ сельскія общины, области и заключили въ Русвилѣ союзъ. Масса крестьянъ изъ Бернскаго и Золотурнскаго кантона поспѣшила на помощь своимъ сосѣдямъ. Въ количествѣ 6000 человѣкъ подошли они въ день святого Ульриха къ Люцерну. Они требовали отмѣны новыхъ налоговъ, уничтоженія договоровъ съ чужими правительствами,— договоровъ, которыхъ мы уже касались, и въ которыхъ рѣчь шла о поставкѣ за хорошія деньги пушечнаго мяса; они стоили многимъ изъ крестьянъ потери своихъ братьевъ и сыновей и вся страна кишѣла вдовами и сиротами; крестьяне требовали чтобы нѣкоторая часть денегъ, полученныхъ отъ другихъ государствъ, была отдана имъ за ихъ службу. Наконецъ, чтобы имъ выдали тѣхъ, кто виноватъ въ произвольномъ управленіи и въ растратѣ общаго имущества, именно городского старосту и его сына.

Властители Люцерна, казалось, рѣшили вначалѣ защищаться, но затѣмъ сочли лучшимъ обратиться за посредничествомъ къ сосѣднимъ кантонамъ. Эти добились соглашенія, которое крестьяне приняли весьма неохотно. Ихъ основныя требованія были удовлетворены, нѣкоторое число совѣтниковъ смѣщено и предано суду, фогтъ Русвиля повѣшенъ.

Но едва только отступили крестьяне отъ Люцерна, какъ господа нарушили договоръ и оставили все попрежнему.

Вновь взялись крестьяне за оружіе и успокоились только, получивъ достаточныя гарантіи въ исполненіи своихъ требованій.

Въ Золотурнскомъ кантонѣ крестьяне, собравшись въ количествѣ 4000 человѣкъ, добились отмѣны всѣхъ стѣснительныхъ для нихъ постановленій въ сравнительно короткій промежутокъ времени и безъ особыхъ усилій.

***

Союзъ Лаптя, выступившій въ 1503 году въ Брухрайнѣ, проникъ между прочимъ и въ Вюртенбергскую область. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо были на лицо всѣ основанія соединиться крестьянамъ и горожанамъ, чтобы освободиться отъ правительства, которое сосало, какъ говорится, мозгъ изъ костей своего народа и позволяло себѣ такой произволъ, который казался дикимъ, даже въ то время.

Въ Вюртенбергѣ тогда правилъ герцогъ Ульрихъ, вступившій на престолъ въ 1503 году мальчикомъ 16 лѣтъ, властитель выдѣлявшійся даже среди нѣмецкихъ князей того времени, своей расточительностью, развратностью и деспотизмомъ, а это уже значитъ очень много.

Правленіе Ульриха достойно болѣе подробнаго знакомства, тѣмъ болѣе, что правленіе другихъ князей отличалось отъ него только нѣсколько большей мягкостью.

Вся дѣятельность Ульриха ограничивалась устройствомъ турнировъ, карнаваловъ, маскарадовъ, охотъ на медвѣдей, военныхъ походовъ и иногда блестящихъ путешествій, связанныхъ со всевозможными удовольствіями. Пѣвицы и танцовщицы выписывались имъ со всѣхъ концовъ Европы. Его охотники и со-

кольничіе, его лошади и собаки все возбуждало удивленіе. Роскошь и блескъ его двора были настолько велики, что гораздо болѣе могущественные князья не пытались съ нимъ тягаться. Въ 1511 г. онъ женился на дочери герцога Баварскаго, на его свадьбѣ присутствовало до 7000 знатныхъ гостей, которые пировали въ продолженіе четырнадцати дней; это пиршество стоило, конечно, громадныхъ денегъ. При его дворѣ тотъ назначался на лучшія мѣста, кто обладалъ богатой фантазіей въ дѣлѣ устройства дорогихъ удовольствій; богатѣйшие приходы перепадали священникамъ, лучше всѣхъ игравшимъ на музыкальныхъ инструментахъ. Вся свора придворныхъ не знала мѣры въ расточеніи средствъ народа. Чужіе и мѣстные дворяне не останавливались ни передъ какимъ насиліемъ по отношенію къ народу; они безнаказанно убивали или калѣчили горожанъ и занимались уличнымъ грабежомъ и насиловали женщинъ сколько душѣ угодно. Подвергался такой дворянинъ случайно какому-нибудь наказанію, герцогъ спѣшилъ его амнистировать.

Чиновники смотрѣли на свои должности, какъ на средство для безнаказаннаго воровства и вымогательствъ; къ тому же они отличались невѣжествомъ, грубостью, надменностью и необузданнымъ произволомъ. Часто занимались еще торговлей виномъ и хлѣбомъ, или какимъ-либо инымъ прибыльнымъ промысломъ. Отчетовъ никакихъ не существовало. Въ противорѣчіи съ закономъ они были освобождены отъ всякихъ налоговъ и поборовъ. Дворъ и дворян-

ство подъ вліяніемъ минутной прихоти опустошали пашни и виноградники какъ крестьянъ, такъ и горожанъ, которымъ уже и такъ наносили неисчислимый вредъ стаи дичи, особенно стада дикихъ свиней. Если собственникъ пытался осенью защищать свой виноградникъ отъ птицъ, посѣвы и жатву своихъ полей отъ дичи, стрѣляя въ нихъ, тогда онъ подвергался самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Суммы, предназначенныя для помощи бѣднякамъ, присваивали себѣ чиновники. Сборъ сушняка, издревле неотъемлемое право бѣдняковъ, былъ запрещенъ имъ, этотъ сушнякъ теперь продавали съ аукціона лѣсники и вырученныя деньги клали себѣ въ карманъ. Сельскія должности, которыя община имѣла право замѣщать по свободному выбору, заняты были ставленниками высшихъ чиновниковъ и придворныхъ, они пользовались для своихъ нуждъ общественными доходами и присваивали себѣ общественную собственность.

Ко всему этому злу присоединилось еще введеніе римскаго права, это право необычайно удорожило судебное производство: тамъ, гдѣ раньше достаточно было 10 пфенниговъ, теперь приходилось платить 10 гульденовъ. Мясо, мука и вино были обложены опредѣленнымъ налогомъ; съ каждаго центнера мяса полагалось вносить въ кассу герцога три шиллинга, съ каждаго бочонка вина—шестую часть, съ муки также опредѣленную часть. Кромѣ того, въ продолженіе 12 лѣтъ съ каждаго гульдена приходилось выплачивать ежегодно одинъ пфен-

нигъ *). Мѣры объема и вѣса были уменьшены, чеканка монетъ ухудшена.

Списокъ притѣсненій и способовъ присвоенія народнаго богатства мы могли бы еще продолжить, но приведеннаго я думаю достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ правленія герцога Ульриха. Всѣхъ получаемыхъ такими способами доходовъ, не хватало для покрытія расходовъ двора, Ульрихъ попутно сдѣлалъ долговъ на сумму одинъ милліонъ гульденовъ.

У бѣднаго человѣка въ Вюртенбергѣ не было недостатка въ поводахъ, достаточныхъ для того, чтобы ему опостылѣло тяготѣвшее надъ нимъ иго. И то, что онъ сдѣлалъ попытку сбросить его, вполнѣ естественно; нужно было бы удивляться, если бы дѣло приняло иной оборотъ.

Съ 1503 года образовалась въ долинѣ рѣки Ремсъ у подножія Гогенштауфена развѣтвленіе брухрайнскаго союза Лаптя называвшее себя „Бѣдный Конрадъ“ или „Бѣдный Концъ“. Это названіе союзъ получилъ въ честь одного изъ его веселыхъ сочленовъ, имя котораго было Конрадъ. Между шутками и смѣхомъ союзники ловко скрывали серьезныя цѣли своего начинанія.

Въ первые годы въ братство принимались только голяки, круглые бѣдняки, жизнь которыхъ дѣйствительно была горька; болѣе состоятельные, какъ, напримѣръ, нищіе и бродяги были исключены изъ числа желательныхъ членовъ. Ударивъ по рукамъ, прини-

*) Пфеннигъ въ то время имѣлъ значительно большую цѣнность.

малъ атаманъ вновь привлеченныхъ въ союзъ и надѣлялъ ихъ въ юмористической формѣ пашнями и виноградниками, находившимися во владѣніи общества на „лунѣ“, на „полевомъ откосѣ“, на „голодной горѣ“, на „нищенской полосѣ“, на „отсутствующей родинѣ“ и въ другихъ несуществующихъ мѣстностяхъ. На знамени союза выдѣлялся крестъ на голубомъ фонѣ, передъ которымъ стоялъ на колѣняхъ крестьянинъ, а внизу была надпись „Бѣдный Конрадъ“.

Центромъ союза являлся Бейтельшпрахъ, гдѣ жилъ и атаманъ Петръ Гейсъ. Самые вліятельные члены жили въ Шорндорфѣ. Здѣсь въ составъ его входили даже важные горожане; всѣ они собирались въ домѣ у Прецигеровъ. Тамъ же помѣщалась канцелярія „Бѣднаго Конрада“, секретаремъ которой былъ стряпчій Ульрихъ Энкенмайеръ.

Въ нѣсколько лѣтъ союзъ достигъ значительной силы. То обстоятельство, что въ 1514 году была назначена новая подать, то возбужденіе и недовольство, которое она создала, дали поводъ союзу выступить открыто. Въ большомъ собраніи на открытомъ полѣ глава „Бѣднаго Конрада“, одѣтый въ бѣлую холщевую крестьянскую блузу съ войлочной шляпой на головѣ, взялъ лопату, очертилъ ей большой кругъ, сталъ въ середину его и сказалъ:

Бѣднымъ Конрадомъ зовутъ меня,
Имъ я и останусь;
Кто не хочетъ заплатить новой гнусной дани,
Тотъ пусть вступитъ внутрь кольца.

Этому предложенію тотчасъ же послѣдовали до 2000 горожанъ и крестьянъ; возстаніе было провозглашено. Вскорѣ предстояло введеніе новыхъ мѣръ вѣса. Тогда Петръ Гейсъ предложилъ съ уменьшенными мѣрами вѣса произвести испытаніе водой: „поплывутъ они,—правъ герцогъ, потонутъ—правъ народъ", говорилъ онъ. Оригинальное предложеніе было принято съ восторгомъ. 15 апрѣля въ субботу наканунѣ пасхи, въ день введенія новыхъ мѣръ вѣса предстояло произвести любопытное испытаніе. Съ барабаннымъ боемъ и свистомъ отправилась толпа, съ вождемъ во главѣ къ рѣкѣ Ремсъ. Тамъ Петръ Гейсъ взялъ новыя гири и бросилъ ихъ въ воду, воскликнувъ: „Правы крестьяне,—падайте на дно, правъ герцогъ—плывите". Конечно, гири потонули, народъ же ликовалъ: „Мы побѣдили".

Изъ Бейтельшпраха толпа отправилась въ Геппахъ и тамъ произвела тотъ же опытъ, всюду по ея пути внизъ по долинѣ присоединялись къ ней народныя массы. Одновременно съ этой ватагой, другая во главѣ съ Шлехтлинъ-Клаусомъ двигалась вверхъ по долинѣ рѣки Ремсъ и всюду производила то же испытаніе водой.

Въ тотъ же вечеръ крестьяне въ количествѣ 3000 человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ подошли къ Шорндорфу, чтобы побудить городъ къ вступленію въ союзъ. Въ этомъ городѣ штадтгальтеръ и фогтъ герцога пользовались любовью народа, они вышли къ толпѣ, успокоили ее, напоили, накормили и затѣмъ убѣдили разойтись.

Герцога Ульриха не было въ Штутгартѣ въ мо-

ментъ этого движенія, растерявшіеся совѣтники поспѣшно вызвали его. Второго мая онъ самъ явился въ долину рѣки Ремса, но все уже успокоилось. Прибывъ въ Шорндорфъ, онъ счелъ нужнымъ письменно обратиться къ сельскимъ властямъ, обѣщая отмѣнить новый налогъ и разсмотрѣть жалобы населенія на ландтагѣ.

Затѣмъ онъ даже призвалъ къ себѣ всѣхъ должностныхъ лицъ. Часть ихъ явилась и просила прощенія, говоря, что они сами не знаютъ какъ и кѣмъ они были втянуты въ движеніе. Ульрихъ простилъ ихъ.

Наступившая тишина не остановила необыкновенно дѣятельной и энергичной работы заговорщиковъ, они продолжали раздувать пламя недовольства и недовѣрія къ герцогу и его совѣтникамъ, пытавшимся обмануть крестьянъ. Во всѣ области страны были отправлены комиссары для приглашенія всѣхъ единомышленниковъ на собраніе 28 мая въ Унтертюркгеймъ, гдѣ въ этотъ день происходило всегда большое стеченіе народа по случаю храмового праздника. Туда явились представители слѣдующихъ округовъ: Беблингена, Леонберга, Бакнанга, Винненлена, Морваха, Маркгрӧнингена, Ураха и даже изъ глухихъ мѣстъ Альпъ,—всѣ они отъ имени крестьянъ обѣщались быть наготовѣ для выступленія съ оружіемъ въ рукахъ.

Конрадъ Гризингеръ и Зингергансъ обязались собрать крестьянъ по сю сторону Альпъ въ Гехингенѣ и завладѣть городами Урахъ и Мунзингенъ. Бантельгаксъ изъ Диттеингена обѣщалъ помощь крестьянамъ долинъ Эмса и Эцаха.

Въ теченіе восьми дней послѣ храмового праздника въ Тюрнгеймѣ Бантельгансъ, состоятельный человѣкъ, служившій раньше долгое время въ войскахъ, сумѣлъ склонить на свою сторону весь Диттенгенъ, выбравшій его старшиной. День и ночь разъѣзжалъ онъ по Альпамъ и ихъ долинамъ, всюду агитируя и возбуждая народъ. Подобно ему дѣйствовалъ въ Мунзингскихъ Альпахъ Зингергансъ и сумѣлъ найти друзей и единомышленниковъ въ городахъ Урахѣ и Мунзингенѣ. При возвращеніи его изъ Мецингена, на него и Конрада Гризенгера напалъ фогтъ Стефанъ Вейлеръ съ своими конными наемниками, Гризингеръ бѣжалъ, Зингергансъ былъ взятъ, посаженъ въ тюрьму въ Урахѣ и подвергнутъ мучительному допросу, но ни въ чемъ не признался. Фогтъ несмотря на это не выпустилъ его на волю. Крестьяне поднявшіеся при вѣсти объ его арестѣ, ничего не могли предпринять противъ хорошо охранявшагося города.

Между тѣмъ волненіе народа въ округахъ Бакнангѣ, Маркгренингенѣ, Вайблингенѣ, Браккенгеймѣ, Марбахѣ, Вейсбергѣ, Леонбергѣ и Бладбейренѣ въ верхней части Цабергауса, на высотахъ Шварцвальда все увеличивалось и достигло воротъ Штутгарта. Всюду работали заговорщики, прилагавшіе всѣ усилія къ тому, чтобы сорганизовать народъ и приготовить его къ совмѣстному выступленію.

Особенно дѣятельно шло движеніе въ Леонгбергскомъ округѣ. Повстанцы устроили свою главную квартиру на горѣ Леонбергъ, тамъ находились также представители долины рѣки Ремса, и тамъ ждали

отвѣтъ герцога и ландтага на посланныя имъ жалобы и обвиненія.

Ульрихъ увидѣлъ необходимость созвать ландтагъ, назначивъ день открытія его на 25 іюня. Онъ чувствовалъ себя неважно, видя, что движеніе разыгрывается не на шутку и является не слѣдствіемъ недовольства только отдѣльныхъ лицъ; онъ замѣтилъ, что все оно носитъ специфическій характеръ союза Лаптя. Это уже почуяли и многіе другіе; такъ, ландфогтъ изъ Гохберга, писалъ еще 14 февраля въ совѣтъ города Фрейбурга: „Сообщаю вамъ по долгу службы, что дѣлаются попытки вновь вызвать къ жизни союзъ Лаптя; люди поставившіе себѣ эту задачу, рыщутъ по странѣ пѣшкомъ и верхомъ, они появляются то подъ видомъ священника, сборщика на построеніе храма, продавца святыхъ вещей, то, накрасивъ и намазавъ свое лицо, подъ видомъ нищенствующихъ монаховъ. Слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на такую опасную дѣятельность чтобы предупредить грядущія событія“.

Прежде чѣмъ ландтагъ успѣлъ собраться, представители городовъ Штутгарта и Тюбингена приложили не мало усилій успокоить сельское населеніе и вселить въ немъ надежду на благой результатъ засѣданій ландтага,—какъ извѣстно, средство, которымъ еще и доселѣ умѣютъ достигать хорошихъ успѣховъ. Часть крестьянъ дѣйствительно и успокоилась, хотя ни у кого не было серьезнаго довѣрія къ герцогу и къ ландтагу; крестьяне требовали, чтобы и ихъ представителей допустили на собранія ландтага, заявляя, и вполнѣ правильно, что если ланд-

тагъ преслѣдуетъ цѣль помочь имъ, то при этомъ должны присутствовать и крестьяне; попы, дворянство и богачи — горажане, конечно, позаботятся только о себѣ. То было удивительно правильное пониманіе вещей и можно только выразить пожеланіе, чтобы до такого здраваго пониманія своихъ интересовъ доросло и наше современное крестьянство.

Открыто выраженному недовѣрію къ ландтагу господа изъ Штутгарта и Тюбингена не могли противопоставить никакихъ серьезныхъ доводовъ; они предложили крестьянамъ довести до свѣдѣнія ландтага свои жалобы при помощи городовъ, если же у нихъ есть жалобы и на послѣдніе, то, изложивъ ихъ письменно, прислать съ собственными послами. Но имъ никакъ не удавалось побѣдить недовѣріе крестьянъ къ городскимъ господамъ. Леонбергскій округъ совершенно отказался отъ ихъ посредничества: города Беблингенъ и Зиндель-фингенъ, правда, выразили готовность ждать результатовъ ландтага, но сельскія общины были не такого мнѣнія и горячо обвиняли города за такое рѣшеніе. Здѣсь сказалось различіе интересовъ города и деревни. Въ мелкихъ городахъ, гдѣ горожане хотя и испытывали тяжкій гнетъ, но сравнительно съ сельскимъ населеніемъ находились въ сносномъ положеніи, всегда были готовы на уступки и посредничество. Къ тому же въ городахъ пользовалась большимъ вліяніемъ состоятельная и имѣвшая право на участіе въ совѣтѣ часть городского сословія, и города дѣйствительно могли удовлетвориться уступками и облегченіями, такъ

какъ они принимали въ нихъ реальную форму, между тѣмъ, какъ для сельскаго населенія они по большей части оставались простымъ клочкомъ бумаги. Сельское населеніе находилось въ такой зависимости и въ такомъ порабощеніи, какого не знали города. Принципы „раздѣляй и властвуй“ во всѣ времена примѣняются очень умѣло врагами народа.

Въ Шарндорфѣ въ началѣ іюня вторично возникли безпорядки, поводъ къ которымъ дали крестьяне изъ близлежащей долины рѣки Ремса. Но движеніе вскорѣ успокоилось. Даже въ Тюбингенѣ, самомъ лояльномъ городѣ страны, произошли волненія и совѣтъ города не могъ принять противъ нихъ никакихъ мѣръ, ему помѣшала сдѣлать это выбранная общиной комиссія изъ 24 лицъ.

Въ Штутгартѣ, ко дню открытія ландтага, 21 іюня собрались 24 представителя городовъ.

Ихъ обезпокоилъ слухъ о томъ, что будто бы по приказанію герцога на границы страны собирается войско сосѣднихъ властителей для вторженія въ его собственную страну. Они тотчасъ же сообщили объ этомъ въ пограничныя поселенія, просили ихъ учредить строгій надзоръ за границей и при первомъ появленіи вражескаго войска сообщить объ этомъ имъ. Вмѣстѣ съ представителями городовъ прибыли и представители крестьянъ, чтобы изложить жалобы и нужды крестьянскаго сословія. Прелаты еще не явились, рыцарство же, какъ выяснилось, не было и совсѣмъ приглашено; это обстоятельство заранѣе даказывало, что ландтагъ созванъ только съ цѣлью обмануть народъ.

Герцогъ потребовалъ отъ ландтага, во-первыхъ, денегъ на покрытіе своихъ долговъ, и во-вторыхъ, поддержки для борьбы противъ крестьянъ. На это ландтагъ не согласился и сказалъ: пусть прежде герцогъ оставитъ свой безпорядочный образъ жизни и прекратитъ ничего кромѣ вреда не приносящее хозяйничанье своихъ совѣтниковъ. Затѣмъ ландтагъ рѣшилъ пополнить совѣтъ герцога, состоявшій изъ Лампартнера, Тумба и Лорхнера двѣнадцатью членами, избранными сословіями, а именно четырьмя отъ дворянства четырьмя отъ городовъ и четырьмя отъ деревень, и ограничить расходы герцога извѣстной суммой.

Такой оборотъ дѣла совсѣмъ не понравился герцогу. Въ ночь съ 20 на 21 іюня онъ тайно уѣхалъ въ Тюбингенъ и повелѣлъ ландтагу явиться туда же.

Что затѣмъ произошло, можно было предугадать. Представители городовъ измѣнили дѣлу крестьянъ и послѣдовали за герцогомъ въ Тюбингенъ. Тамъ ландтагъ отъ имени страны принялъ на нее уплату долговъ герцога въ размѣрѣ 910.000 гульденовъ, крестьянъ же онъ попытался успокоить нѣкоторыми жалкими подачками. Здѣсь уже не было и рѣчи о правѣ и справедливости, и объ участіи въ управленіи страной.

Какъ ничтожны не были уступки, сдѣланныя крестьянамъ, но духъ покорности и послушанія настолько глубоко гнѣздился въ нихъ, что большинство областей подчинилось рѣшенію ландтага. Даже леонбергцы, проявившіе наибольшее упорство, наконецъ, уступили; ихъ примѣру послѣдовали другіе

округа. Но уступка леонбергцевъ во всякомъ случаѣ не исходила изъ рѣшенія бросить борьбу; нѣтъ, просто они прослышали о приближеніи чужеземныхъ вспомогательныхъ войскъ герцога, часть которыхъ достигла 26 іюля уже Гейльбронна.

Иную картину представляло изъ себя положеніе дѣлъ въ долинѣ рѣки Ремса и въ Шорндорфской области, гдѣ возникъ „Бѣдный Конрадъ“ и гдѣ онъ обладалъ самыми многочисленными и вѣрными приверженцами. Въ то время, какъ во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, въ его распоряженіи находились сравнительно незначительныя группы, представлявшія изъ себя меньшинство населенія, въ области рѣки Ремса и Шорндорфа онъ господствовалъ надъ массами. Итакъ, Ремстальцы и Шорндорфцы не подчинились, но такъ какъ эти округа принадлежали къ числу самыхъ старыхъ родовыхъ владѣній герцогства, то герцогъ счелъ нужнымъ попытаться успокоить ихъ лично.

Онъ велѣлъ собраться около города Шорндорфа крестьянству обѣихъ областей, но только безъ оружія. Самъ отправился въ этотъ же городъ въ сопровожденіи большой свиты. Крестьяне явились въ количествѣ 7000 человѣкъ, но только поголовно вооруженные. Они не вѣрили въ мирный исходъ переговоровъ. Въ свитѣ герцога находились самые ненавистные народу чиновники, канцлеръ Лампартнеръ, маршалъ Тумбъ и регистраторъ земскаго суда Лорхнеръ, которые отъ имени герцога выступили передъ крестьянами. Самому ненавистному изъ этихъ трехъ, маршалу было поручено прочесть условія договора, выработанныя въ Тюбингенѣ.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ начала чтенія, поднялся ропотъ недовольства, быстро перешедшій въ бурный протестъ. „Предатели, воры, вы умѣете только строить себѣ прекрасные дома на средства народа“, кричали крестьяне испуганнымъ придворнымъ. Они не щадили и герцога: „Изъ-за его распутства наши жены и дѣти должны голодать: знатные тунеядцы, толпы пѣвцовъ и музыкантовъ, вымогательство и воровство его чиновниковъ, вотъ что обусловливаетъ нашу нищету“.

Герцогу, оставшемуся вначалѣ въ городѣ, донесли теперь о настроеніи крестьянъ; онъ тотчасъ же вскочилъ на лошадь и помчался въ сопровожденіи своихъ рыцарей изъ города на поляну, гдѣ собрались крестьяне. Онъ представлялъ себѣ, что передъ нимъ они задрожатъ; онъ выругалъ ихъ и потребовалъ, чтобъ они разошлись по домамъ и принялись за свою работу.

Маршалу показалось, что наступилъ моментъ, когда можно перетянуть крестьянъ на сторону герцога, онъ сдѣлалъ знакъ, что будетъ говорить и сказалъ: „Кто за герцога, пусть встанетъ на его сторону“. Тотчасъ же вся толпа какъ одинъ человѣкъ съ шумомъ и крикомъ отступила назадъ, герцогъ остался одинъ съ своей свитой и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ стыда и злобы. Затѣмъ крестьяне вновь начали выкрикивать свои обвиненія противъ него и его придворной сволочи, воздухъ дрожалъ отъ проклятій. Лучшее что оставалось герцогу сдѣлать — это бѣжать; тогда одинъ изъ крестьянъ схватилъ подъ узцы его лошадь, а другой бросилъ въ него копье,

но сила и быстрота его лошади спасла его отъ позорнаго наказанія, а можетъ-быть отъ чего-нибудь и еще болѣе худшаго. „Подстрѣлите мошенника, не дайте ему ускакать", кричалъ Рупрехтъ изъ Бенспельшпраха къ стрѣлкамъ. Но не успѣли еще послѣдніе приготовиться къ стрѣльбѣ, какъ уже герцогъ успѣлъ счастливо скрыться вмѣстѣ съ своей свитой и направился въ Штутгартъ.

Едва только герцогъ уѣхалъ изъ города Шорндорфа, какъ тамъ начались волненія. Одна партія хотѣла принять Тюбингскій договоръ, на ея сторонѣ находилось большинство жителей, – меньшинство, вожди котораго являлись членами „Бѣднаго Конрада" стояло на точкѣ зрѣнія крестьянъ: Меньшинство призвало на помощь крестьянъ; эти толпами ворвались въ городъ, заняли всѣ посты и помогли своимъ друзьямъ смѣстить городской совѣтъ и судъ. Затѣмъ было рѣшено выбрать изъ среды крестьянъ и горожанъ по два предводителя, и побудить всѣ мѣстечки, села и деревни прислать въ Шорндорфъ отъ 4 до 8 уполномоченныхъ пропорціонально количеству жителей Сторонники герцога рѣшили, что будетъ умнѣе подчиниться этимъ постановленіямъ. Крестьяне выбрали предводителями Ганса Формара изъ Бейтельшпраха и Фольмара Брауна изъ Урбаха, городъ же Генриха Шертлина и Ганса Гиршмана. Оба послѣднихъ были люди сомнительнаго образа мыслей, такъ какъ принадлежали къ тѣмъ, которые хотѣли вступить въ переговоры.

Воспользовавшись смотромъ, назначеннымъ передъ городомъ, заговорщики склонили собравшихся воз-

стать съ оружіемъ въ рукахъ и призвать въ свои ряды единомышленниковъ всей страны. Горожане и ихъ предводители воспротивились этимъ планамъ; въ результатѣ Генриху Шертлингу, сброшенному во время спора еще нѣсколько дней тому назадъ съ лѣстницы ратгауза, пришлось бѣжать въ церковь, чтобы спасти свою жизнь; Ганса Гиршмана же толпа принудила отправиться вмѣстѣ съ собой и заставила нести знамя „Бѣднаго Конрада".

Въ количествѣ 600 человѣкъ двинулись они внизъ по долинѣ рѣки Ремса, къ Капелленбергу (гора), называемому народомъ просто Каппельбергъ и лежащему вблизи Бейтельшпраха. Тамъ они расположились лагеремъ. Со всѣхъ сторонъ къ нимъ сталъ подходить народъ, такъ что черезъ короткій промежутокъ времени они уже насчитывали въ своей средѣ до 1500 человѣкъ. И все въ большемъ и большемъ количествѣ собирались крестьяне причемъ приходили даже изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ областей. Провіантъ, необходимый для продовольствія этой массы, они принудили доставлять близлежащіе богатые монастыри, въ обращеніи съ которыми вообще не стѣснялись.

Требованія, выставленныя „Бѣднымъ Конрадомъ" и принятыя здѣсь окончательно, гласили такъ: Герцогство Вюртенбергъ и всѣ окружающія его области должны быть свободны отъ ига князей, епископовъ, прелатовъ, дворянства и знатныхъ горожанъ, всѣ налоги, пошлины и барщина должны быть уничтожены; всѣ жители становятся свободными людьми. Какъ только въ распоряженіи союза окажется

20.000 вооруженныхъ людей, онъ начнетъ борьбу противъ свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ, конфискуетъ имущества монастырей и господъ и съ ихъ помощью облегчитъ долю бѣднаго народа. Спеціальный пунктъ касался герцога и его совѣтниковъ. Изъ-за него возникли споры. Часть, и именно большинство, довольствовалось взятіемъ его въ плѣнъ, меньшинство требовало его смерти. Наконецъ, всѣ пришли къ единодушному рѣшенію, что если онъ приметъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры и не остановится предъ примѣненіемъ вооруженной силы, то, взявъ его въ плѣнъ, убить.

Но крестьяне въ дальнѣйшемъ сдѣлали ошибку, необходимымъ слѣдствіемъ которой явилась въ концѣ концовъ неудача возстанія. Вмѣсто того, чтобы снять лагерь, отправиться дальше и, пользуясь настроеніемъ, увлечь за собой повсюду всѣхъ своихъ братьевъ-крестьянъ, что имъ безъ сомнѣнія удалось бы и войско ихъ сравнительно съ предусмотрѣннымъ числомъ удвоилось бы и даже утроилось, они довольствовались лагерной жизнью на Капелленбергѣ и убивали время въ ѣдѣ, питьѣ и спорахъ. Такимъ образомъ дорогое время оказалось упущеннымъ. Герцогъ безъ денегъ и безъ войска находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, что предпринять. Двѣсти человѣкъ, которыхъ онъ собралъ съ большимъ трудомъ въ Штутгартѣ, для защиты области Вайблингенъ, остановились послѣ получасового марша въ Каннштадтѣ, отказавшись итти безъ подкрѣпленій дальше.

Часть изъ собравшихся на Капелленбергѣ во вся-

комъ случаѣ ясно представляла себѣ положеніе дѣлъ и понимала, что имъ необходимо быстро двигаться впередъ и вообще вести наступательный образъ дѣйствій пока еще герцогу не удалось собрать съ помощью сосѣднихъ князей необходимыхъ военныхъ силъ. Это были сознательные члены „Бѣднаго Конрада", дѣйствительно революціонно-настроенные во главѣ съ Гансомъ Фольмаромъ. Многіе же другіе заколебались когда дѣло дошло до рѣшительной борьбы; съ своей стороны герцогъ, подробно освѣдомленный шпіонами о настроеніи крестьянъ, позаботился раздуть пламя раскола и довести его чуть ли не до рукопашной схватки между партіями. Уполномоченные городовъ, которые всегда играли предательскую роль по отношенію къ крестьянамъ, ибо въ глубинѣ души ненавидѣли ихъ и мечтали о господствѣ надъ ними, явились въ лагерь и обѣщали, что ландтагъ, собравшійся въ Штутгартѣ облегчитъ ихъ тяжелое положеніе. Сторонники „Бѣднаго Конрада" не могли воспрепятствовать согласію массы на переговоры и ожиданія и должны были въ концѣ концовъ радоваться, что имъ удалось провести постановленіе, согласно которому всѣ дали клятвенное обѣщаніе защищать въ случаѣ нужды другъ друга.

27 іюля спустились предводители отряда, какъ уполномоченные, внизъ въ харчевню при Бейтельшпрахѣ, гдѣ они и выступили въ переговоры съ Гансомъ Гайсбергомъ, представителемъ герцога. Крестьяне и герцогъ заключили миръ, до окончанія только что собравшагося въ Штутгартѣ ландтага,

который имѣлъ цѣлью облегчить ихъ положенiе и герцогъ обѣщалъ, кромѣ того, дать возможность свободно разойтись крестьянамъ и не принуждать ихъ къ исполненiю Тюбингскаго договора.

Разсмотрѣнiе и урегулированiе всѣхъ спорныхъ вопросовъ предстояло сдѣлать ландтагу.

Крестьяне разошлись, только наиболѣе сознательные среди нихъ были осторожны и на всякiй случай держались около границъ страны. Ихъ осторожность оказалась не излишней, такъ какъ весь договоръ своей двусмысленностью былъ расчитанъ на то, чтобы обмануть крестьянъ.

Двадцать седьмого iюня разошлись крестьяне, 28 герцогъ уже окончательно утвердилъ договоръ и въ то же время разослалъ тайный циркуляръ своимъ чиновникамъ, разъясняя въ немъ поскольку необходимо исполнять этотъ договоръ. По пятамъ за послами герцога слѣдовали 1800 конныхъ наемниковъ. Вайблингцы, пробиравшiеся къ себѣ на родину, подверглись 31 iюля утромъ неожиданному нападенiю, сами они были взяты въ плѣнъ, имущество ихъ разграблено, жилища опустошены. То, что произошло здѣсь, произошло повсюду. Гансъ Фольмаръ, главный вождь союза, его слуга и знаменосецъ подверглись въ явное нарушенiе договора нападенiю, были закованы въ цѣпи и отправлены въ Шорндорфъ. Часть конницы герцога совершенно неожиданно явилась передъ Шорндорфомъ, завладѣла воротами и захватила въ плѣнъ всѣхъ, кто только попался ей въ руки. Многимъ участникамъ возстанiя удалось всетаки бѣжать черезъ городскую стѣну. Какъ только

прибылъ герцогъ, тотчасъ же онъ далъ знакъ къ началу грабежа; весь городъ подвергся разгрому, женщинъ насиловали и оскорбляли, мужчинъ избивали, дома заговорщиковъ сравняли съ землей.

Затѣмъ герцогъ велѣлъ созвать на второе августа на луговину передъ городомъ всѣхъ способныхъ носить оружіе изъ Шорндорфскаго округа, изъ долины рѣки Ремсъ и изъ окружающихъ ее мѣстностей. Явилось 3400 человѣкъ по большей части невинныхъ, виновные бѣжали. Толпа была окружена конницей герцога и принуждена выдать оружіе. Ей было прочитано рѣшеніе ландтага въ Штутгартѣ, краткое содержаніе котораго заключалось въ слѣдующемъ: безпрекословное подчиненіе договору Тюбингскому; право герцога по своему усмотрѣнію наказать тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ серьезныхъ преступленіяхъ противъ него

Послѣ этого по знаку герцога наемники выхватили изъ толпы 1600 человѣкъ, казавшихся подозрительными, и привязали ихъ другъ къ другу веревками какъ связываютъ собакъ. Затѣмъ всю толпу повели въ тюрьмы города, но такъ какъ въ послѣднихъ далеко не хватило для всѣхъ мѣста, то часть толпы заперли въ общественныя помѣщенія; въ страшной жарѣ, безъ питья и ѣды пришлось крестьянамъ просидѣть въ биткомъ набитыхъ помѣщеніяхъ до обѣда слѣдующаго дня, когда часть толпы, несвязанную вчера, вывели за городъ къ рѣкѣ Ремсу. Здѣсь ей пришлось долго ждать прибытія герцога; толпа подъ палящими лучами солнца изнывала отъ жажды, эти муки были тѣмъ ужаснѣе, что

вода находилась вблизи, но пользоваться ей не позволяли. Наконецъ, явился герцогъ. Крестьянамъ пришлось пасть на колѣни и просить прощенія. Простоявъ полчаса въ такомъ унизительномъ положеніи, толпа, наконецъ, услышала отъ канцлера, что въ видѣ особенной милости герцогъ даритъ ей жизнь и обѣщаетъ прощеніе, если она выдастъ все оружіе и поклянется свято блюсти Тюбингскій договоръ. Когда толпа исполнила послѣднее требованіе, ее отпустили.

Изъ числа же 1600 человѣкъ выдѣлили 46, какъ наиболѣе виновныхъ и предали ихъ суду. Седьмого августа всю эту толпу вывели на лобное мѣсто, наиболѣе виновныхъ въ цѣпяхъ. Толпа упала въ ноги герцогу и просила о прощеніи. Послѣднее ей было обѣщано, если она дастъ клятву подчиненія и послушанія. Толпа согласилась на такую клятву; она была отпущена на волю, но наказана большимъ денежнымъ штрафомъ.

Изъ 46 человѣкъ на плахѣ положили свою голову предводитель Гансъ Фольмаръ, его слуга, знаменосецъ и еще семь человѣкъ. Часть остальныхъ подверглась высылкѣ изъ страны вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, другіе подверглись клейменію на лбу и инымъ тѣлеснымъ наказаніямъ; имъ еще пришлось дать клятву не мстить за понесенныя наказанія. Только немногіе отдѣлались потерей гражданскихъ правъ и высокими денежными штрафами.

То, что произошло въ Шорндорфѣ, произошло и въ Штутгартѣ. Семь человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ и обвиненныхъ въ намѣреніи предать городъ въ

руки крестьянъ, были повѣшены, головы двухъ главныхъ виновниковъ, Ганса Шмека изъ Вальденвуха и Петра Вольфа, посажены на крѣпостныя башни. Другіе подверглись тюремному заключенію, выставленію у позорнаго столба и поркѣ.

Ульрихъ, весьма нуждавшійся въ деньгахъ, воспользовался этими событіями, чтобы пополнить свою кассу; онъ велѣлъ взыскать съ многихъ тысячъ участниковъ этого движенія большія денежныя суммы.

На бѣглецовъ императоръ Германіи наложилъ опалу и потребовалъ отъ всѣхъ правительствъ ихъ строгаго преслѣдованія. Помощью пытокъ власть имущіе добились именъ еще многихъ другихъ участниковъ, которые считали себя уже въ безопасности; они понесли по большей части денежныя наказанія.

Былъ изданъ указъ, запрещавшій въ будущемъ всякія общественныя собранія, звонъ въ колокола, съ цѣлью созыва народа, и требовавшій еще разъ выдачи всего оружія. Такими средствами власть имущіе надѣялись разъ навсегда покончить съ движеніемъ.

Но дворянство Швабіи все-таки нашло необходимымъ собраться въ Урахѣ и заключить союзъ о взаимной помощи на случай волненій и возстаній низшихъ слоевъ населенія, происходившихъ по всей странѣ.

Одновременно съ появленіемъ „Бѣднаго Конрада" въ Вюртенбергской области, образовался союзъ такого же наименованія, но только достигшій меньшаго значенія, въ Бюлѣ въ Ортенау въ маркграфствѣ Баденъ.

Нѣкто Гугель-Бастіанъ сталъ во главѣ его. Требованія были тѣ же, что и въ другихъ мѣстностяхъ. Поводомъ къ образованію союза послужили новыя пошлины на хлѣбъ и вино, новый законъ о наслѣдованіи, согласно которому въ сословіи крѣпостныхъ мужъ не наслѣдовалъ имущества жены, а жена — имущества мужа, непомѣрная барщина и опустошенія, чинимыя дичью. Члены союза единодушно рѣшили въ случаѣ нужды добиваться своихъ правъ силою оружія, и уже на опредѣленный день было назначено собраніе въ лѣсу близъ деревни Öнебахъ, подъ Ахерномъ, какъ маркграфъ пронюхалъ объ этомъ планѣ, неожиданно появился съ своими наемниками въ Бюлерской долинѣ и захватилъ въ плѣнъ часть крестьянъ. Гугель-Бастіанъ, бѣжавшій оттуда, былъ схваченъ вблизи Фрейбурга въ Брейсгау и казненъ. На этомъ и покончилась попытка возстанія.

1514 годъ вообще оказался для власть имущихъ годомъ неспокойнымъ и опаснымъ. Весной этого года произошло большое крестьянское возстаніе въ Венгріи. Тамъ шла проповѣдь крестоваго похода противъ турокъ, не разъ уже вторгавшихся въ Венгрію и убивавшихъ и опустошавшихъ все на своемъ пути. Духовенство на этотъ разъ призывало и крестьянъ къ участію въ этомъ походѣ, обѣщая имъ за это свободу. Подъ командой опытнаго военачальника по имени Георгія Доша собралось ихъ до 60.000 человѣкъ. Дворянство никакъ не могло согласиться на такой ущербъ въ своемъ живомъ инвентарѣ и пыталось силой остановить приливъ

крестьянъ въ ряды арміи. Это обстоятельство послужило поводомъ для взрыва давно уже тайно нароставшей злобы къ дворянству. Духовенство съ своей стороны изъ ненависти къ дворянству еще болѣе усиливало это возбужденіе; и вмѣсто крестоваго похода возникала настоящая революція. Крестьяне расположились лагеремъ на Ракошскомъ полѣ при городѣ Пештѣ, откуда предпринимали набѣги на близлежащія мѣстности, дворянъ, попадавшихъ въ ихъ руки, убивали, ихъ укрѣпленныя помѣстья и замки опустошали и сжигали.

Для исполненія своего плана поднять возстаніе во всей Венгріи Доша раздѣлилъ свое войско на три части. Одна часть подъ командой горожанина города Пешта по имени Амброса Салевеша осталась на Ракошскомъ полѣ, чтобы наблюдать за городомъ; другая направилась къ Карпатамъ, чтобы завладѣть горами и перебить дворянство этой мѣстности; третья часть подъ командой самаго Доша двинулась къ Сегедину.

Между тѣмъ дворянство собралось въ городѣ Пештѣ и двинулось вмѣстѣ съ горожанами обоихъ городовъ Офена и Пешта противъ крестьянъ, расположившихся на Ракошскомъ полѣ. Дѣло дошло до кровавой битвы, во время которой крестьяне, преданные измѣнниками, были почти всѣ перебиты. Самъ предводитель, Амбросъ Салевешъ, оказался измѣнникомъ: онъ перешелъ на сторону дворянства. вмѣстѣ съ городскими элементами своего войска.

Большинство изъ взятыхъ въ плѣнъ крестьянъ было казнено самымъ варварскимъ образомъ, остальные,

искалѣченные, подверглись изгнанію. Вторую часть войска, двинувшуюся къ Карпатамъ, постигла не лучшая участь: послѣ многихъ жаркихъ сраженій она была разбита и разсѣяна. Главное же войско подъ командой самого Доша не могло завладѣть, какъ онъ надѣялся, хорошо укрѣпленнымъ Сегединомъ, но взамѣнъ этого одержало побѣду надъ приближавшимся къ городу дворянскимъ войскомъ. Плѣнники, среди которыхъ находился епископъ и казначей, были казнены въ отместку за звѣрство на Ракошскомъ полѣ такимъ же звѣрскимъ способомъ.

Затѣмъ Доша двинулся на городъ Чанадъ, завладѣлъ имъ и провозгласилъ республику. Оттуда онъ направился на Темешваръ, гдѣ находилось разбитое имъ дворянское войско. Во время осады этого города подошелъ на помощь дворянству съ громаднымъ войскомъ воевода Трансильванскій, Янъ Заполья, онъ напалъ на крестьянъ, разбилъ ихъ и разсѣялъ. Самъ Георгій Доша попался въ плѣнъ и былъ заживо поджаренъ на раскаленномъ желѣзномъ тронѣ, съ раскаленной короной на головѣ. Дворяне заставили часть другихъ вождей возстанія отвѣдать жаренаго мяса своего еще живого предводителя, за что имъ подарили жизнь. Съ одинаковой жестокостью звѣрствовало дворянство какъ противъ вождей, такъ и противъ ихъ сторонниковъ. Деревни опустошались и сжигались, не щадили женщинъ и дѣтей, мужчинъ же вѣшали и казнили тысячами, истязали на смерть или калѣчили. Число крестьянъ, погибшихъ въ сраженіяхъ и затѣмъ изъ мести уби

тыхъ дворянами, достигло 60.000; оставшіеся въ живыхъ подверглись еще худшимъ притѣсненіямъ. Вслѣдъ за подавленіемъ мятежа, дворянство рѣшило 14 октября 1514 года на рейхстагѣ въ Офенѣ, что отнынѣ всѣ свободные крестьяне становятся крѣпостными и теряютъ право на свободу передвиженія, что сверхъ прежнихъ налоговъ устанавливаются новые; кромѣ того, ни одинъ крестьянинъ подъ угрозой потери правой руки не долженъ имѣть оружія и никого изъ крестьянскаго сословія нельзя назначать на болѣе или менѣе высокія духовныя долж-должности.

Въ томъ же году, когда образовался союзъ Лаптя въ Брухрейнѣ и въ Швабіи, и въ долинѣ рѣки Ремса появились первые слѣды „Бѣднаго Конрада“, начались крестьянскіе безпорядки и въ альпійскихъ мѣстностяхъ Австріи, именно: въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, въ такъ называемой виндской маркѣ *). Причины были тѣ же, что и повсюду, — непрерывно возроставшій гнетъ господъ и дороговизна. Эти обстоятельства чувствовались здѣсь особенно сильно, несмотря на богатство и плодородность, напримѣръ, такой страны, какъ Крайна, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность подвергалась частымъ вторженіямъ и опустошеніямъ со стороны турокъ, и жителямъ тогда приходилось начинать все свое хозяйство сначала.

Въ 1503 году поднялись здѣсь крестьяне противъ

*) Виндами нѣмцы называютъ словенцевъ, живущихъ въ названныхъ трехъ областяхъ.

Прим. пер.

своихъ свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ, но ихъ краткое сопротивленіе закончилось пораженіемъ. Послѣ этого неудачнаго возстанія господа стали еще высокомѣрнѣе и довели крестьянъ до отчаянія „ежедневными поборами и притѣсненіями". Они вторично возстали въ 1513 году, но и это движеніе, плохо подготовленное, закончилось безъ какого-либо результата.

Но незапуганные своими неудачами и возмущенные новыми и тяжелыми налогами, которыми мучили ихъ дворяне и чиновники императора, поднялись въ 1514 году, прежде всего въ среднемъ Крайнѣ нѣмцы, такъ называемые Готтерцы, и обратились къ остальной странѣ съ предложеніемъ послѣдовать за ними. Всѣ собрались въ Райнѣ, городкѣ, лежащемъ на самой границы Кроаціи, и тамъ выкинули военное знамя съ надписью „Стара Права", т.-е. „старая справедливость". Ихъ обращеніе къ чиновникамъ императора о возстановленіи ихъ старыхъ правъ, не только оказалось высокомѣрно отклоненнымъ, но чиновники осмѣлились даже захватить нѣсколькихъ крестьянъ и повѣсить ихъ. Это зажгло злобу въ сердцахъ крестьянъ. Во всѣхъ трехъ областяхъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени возстало подъ оружіемъ отъ 80 до 90 тысячъ крестьянъ. Чиновники императора, испуганные такой силой, посовѣтовали крестьянамъ обратиться со своими жалобами къ императору.

Были выбраны уполномоченные, отправившіеся въ императорскій лагерь при Аугсбургѣ, чтобы объяснить императору, какой невыносимый гнетъ ле-

житъ надъ крестьянскимъ сословіемъ. Дворянство съ своей стороны также отправило посольство къ императору съ цѣлью настроить его враждебно противъ высокомѣрія и наглости возставшей крестьянской толпы.

Максимиліанъ принялъ оба посольства одновременно, выслушалъ, казалось, съ сочувствіемъ горькія и трогательныя жалобы крестьянъ, въ присутствіи послѣднихъ потребовалъ отъ дворянъ въ рѣзкой формѣ объясненія ихъ поведенію и обѣщалъ разслѣдовать все по справедливости.

Полные радости отправились послы крестьянъ къ себѣ на родину и привезли отвѣтъ императора; онъ возбудилъ всеобщее ликованіе и побудилъ крестьянъ разойтись.

Но не таковъ былъ императоръ Максимиліанъ, чтобы сдержать свое слово по отношенію къ крестьянамъ; и нельзя требовать отъ человѣка, который давалъ самыя жестокія и кровавыя приказанія съ цѣлью уничтожить „союзъ Лаптя“ въ Брухрайнѣ и Эльзасѣ, который подвергъ опалѣ бѣжавшихъ сторонниковъ „Бѣднаго Конрада“, чтобы онъ поощрялъ тѣ поступки крестьянъ своей собственной страны, за которые такъ жестоко каралъ крестьянъ чужихъ князей. Къ тому же онъ былъ господинъ и императоръ, а это объясняетъ все.

Чиновники императора и дворянство прекрасно знали своего повелителя, а потому не только не отказались отъ своей прежней системы угнетенія и насилій, а пытались ее еще больше усовершенствовать и развить.

Терпѣніе крестьянъ лопнуло. Весной 1515 года они поднялись сразу подъ именемъ виндскаго союза во всѣхъ трехъ областяхъ и стали сводить свои старые счеты съ дворянствомъ. Особенно выдѣлялись Крайнцы. Самые крѣпкіе замки, искусно построенные на неприступныхъ утесахъ, изобиловавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, не могли противостоять крестьянамъ,—они брали ихъ, сжигали и разрушали до основанія. Десятками гибли дворянскія гнѣзда. Если же въ руки крестьянъ попадали сами дворяне, то ихъ убивали безъ милосердія, трупы же выкидывали за крѣпостныя стѣны. Такъ погибли оба брата Мундорфа, Максъ изъ Клиссы и шестнадцать другихъ дворянъ.

Жажда мести настолько сильно охватила крестьянъ, что они не хотѣли оставить въ живыхъ ни одного потомка дворянскаго рода. Три мѣсяца подрядъ мстили крестьяне за свой вѣковой гнетъ, и ихъ карающая рука проникала все дальше и дальше. Некому было остановить ихъ, не было войска. Только въ началѣ 1516 года появился въ область Каринтіи императорскій полководецъ, намѣстникъ Штиріи, Зигмундъ фонъ-Дитрихштейнъ съ войскомъ изъ рыцарей и наемниковъ. Къ этому времени большая часть крестьянъ, разрушивъ уже дворянскія гнѣзда, разошлась на зиму по домамъ, только небольшая кучка въ нѣсколько тысячъ человѣкъ осаждала городъ Райнъ, которымъ вскорѣ и завладѣла. Дитрихштейнъ быстро подошелъ къ городу и атаковалъ безпечныхъ крестьянъ. Большая часть ихъ пала подъ ударами рыцарей; остальные разсѣялись. Теперь

началась уже месть со стороны дворянства. Всѣхъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, поскольку ихъ только удавалось схватить, сажали въ тюрьмы, подвергали пыткамъ, колесовали, сажали на колъ, четвертовали, рубили имъ головы, или вѣшали десятками на деревьяхъ, какъ битую птицу. Немногіе участники отдѣлались розгами; у тѣхъ, кому удалось бѣжать, сжигали дома и отнимали все имущество. На всю страну наложили контрибуцію; съ каждой крестьянской хижины потребовали ежегодной уплаты одного гульдена. Отъ такой мести дворянъ страна настолько обезлюдѣла, настолько оказалась опустошена, что потребовались многіе годы, чтобы она достигла прежняго благосостоянія. Этими опустошеніями дворяне, конечно, повредили и себѣ, такъ какъ ихъ доходы сильно уменьшились.

Такія ужасныя пораженія, какія потерпѣли крестьяне въ промежутокъ времени отъ 1513 – 1515 года, въ Швабіи и Баденѣ, въ Австрійскихъ странахъ и Венгріи, нельзя было скоро забыть. Сельское населеніе нуждалось въ нѣкоторомъ промежуткѣ времени, чтобы оправиться. Но тайная пропаганда не останавливалась ни на одну минуту. Работали бѣглецы изъ Швабіи, Вюртенберга и Брейсгау, спасшіеся въ Швейцаріи, или державшіеся въ лѣсахъ и потаенныхъ мѣстахъ на границѣ страны; тамъ происходили у нихъ собранія и обсуждались дѣла, и часто они посѣщали тайно свою родину, хотя за это имъ грозило тяжелое наказаніе. Власть имущіе въ городѣ и деревнѣ не находили себѣ покоя, они дрожали ежеминутно передъ новыми заговорами и

возстаніями. Они хорошо знали, что причинъ для того слишкомъ много. Уже на имперскій сеймъ (рейхстагъ) въ Гельнхаузенѣ изъ ихъ среды открыто раздавались такія рѣчи: „Простой человѣкъ настолько отягощенъ и притѣсняется барщиной, всевозможными повинностями, налогами, пошлинами, вымогательствами, церковнымъ судомъ и другими поборами, что долго терпѣть онъ не будетъ“. Но дальше словъ дѣло не пошло,—все осталось по старому. Такъ какъ господствующіе классы, привыкнувъ сосать кровь подчиненныхъ, усматриваютъ во всякой попыткѣ ограничить ихъ грабежъ, преступленіе, достойное смертной казни, они обыкновенно соглашаются на уступки тогда, когда уже становится поздно.

Среди бѣглецовъ, рыскавшихъ по всей странѣ и дѣятельно подготовлявшихъ слѣдующее возстаніе, выдѣлялся Іосъ Фрицъ, глава бывшаго союза „Лаптя“ въ Легенѣ, въ Брейсгау. Его жена дѣятельно помогала ему. Лѣтомъ 1517 года они назначили собраніе своихъ единомышленниковъ въ Книбесѣ, въ Шварцвальдѣ, но правительства были на сторожѣ, и эти собранія не состоялись. Многіе изъ заговорщиковъ были взяты, подверглись мучительному допросу и были затѣмъ повѣшены. Въ сентябрѣ того же года до правительствъ дошелъ слухъ, что Іосъ объѣзжаетъ опять области Шварцвальда и вновь агитируетъ. Противъ него началась всеобщая травля: его искали повсюду, но нигдѣ не могли найти. Съ этого момента онъ исчезъ навсегда; вѣроятно, онъ вскорѣ умеръ.

IV.

Положеніе дѣлъ передъ началомъ реформаціи; Лютеръ, Мюнцеръ, Гуттенъ-Зикингенскій бунтъ.

Въ 1517 году общее броженіе достигло такого напряженія, что для взрыва требовался только внѣшній поводъ. Недовольство и неудовлетворенность охватили всѣ слои народа. Каждый чувствовалъ, что живетъ наканунѣ великаго переворота. Тѣ, въ комъ будущее будило надежду на человѣческую жизнь, ждали его съ нетерпѣніемъ и восторгомъ; тѣ, кому оно несло ограниченіе правъ и преимуществъ, испытывали передъ нимъ ужасъ.

Фактически имперская власть не обладала никакой силой. Императоръ Максимиліанъ попытался было возродить ея могущество и авторитетъ, но очень скоро увидѣлъ, что по сравненію съ интересами и силами, ставшими ему на пути къ этой цѣли, онъ слишкомъ слабъ. Тогда онъ воспользовался своимъ положеніемъ императора, какъ это дѣлали многіе изъ его предшественниковъ, чтобы усилить могущество своего собственнаго дома.

Безсиліе и растерянность имперіи въ то время были настолько велики, что верховный имперскій судъ, учрежденный въ 1495 году по постановленію Вормскаго сейма въ продолженіе многихъ лѣтъ не могъ приступить къ дѣятельности, а затѣмъ нѣсколько разъ прерывалъ ее, такъ какъ недоставало денегъ, необходимыхъ для уплаты жалованья судьямъ; этотъ судъ засѣдалъ сперва въ Шпейерѣ, но

въ виду частыхъ вторженій французовъ въ Пфальцъ былъ переведенъ въ 1690 году въ Вецларъ.

Самъ Максимиліанъ забылъ настолько свой долгъ и присягу, что за деньги предлогалъ англійскому королю Генриху VIII регенство надъ страной. Послѣ же смерти Максимиліана по случаю новыхъ выборовъ возникла въ 1519 году настоящая торговля германской короной. Генрихъ VIII, король англійскій, Франціскъ I, король французскій и Карлъ V, король испанскій и наслѣдникъ габсбургскихъ земель, одновременно добивались титула императора Германіи и пытались подкупить голоса князей. Франциску I это домогательство обошлось въ три милліона золотыхъ кронъ. Среди властителей, позарившихся на его деньги, находились Ульрихъ Вюртенбергскій, Францъ фонъ-Зикингенъ, курфюрстъ Іоахимъ Бранденбургскій изъ дома Гогенцоллерновъ.

Въ этомъ спорѣ побѣдилъ Карлъ V, отчасти потому, что хотя онъ родился и получилъ воспитаніе въ Испаніи, въ его жилахъ текла кровь габсбургскаго дома, отчасти потому, что за него подалъ голосъ вліятельный курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ Мудрый; корону предлагали и послѣднему, но онъ отъ нея отказался. Карлу V побѣда обошлась въ 850.000 гульденовъ; доказано, что изъ этой суммы архіепископъ Майнцскій получилъ 100.000, архіепископъ Кёльнскій—53.000, архіепископъ Трирскій—40.000, приближенные короля Богеміи—41.000, курфюрстъ Пфальцскій—37.000, маркграфъ Казимиръ фонъ-Аншпахъ, также изъ дома Гогенцоллерновъ,—такую же сумму. Остатки распредѣлились между

болѣе мелкими властителями. Крайняя продажность высшихъ сферъ государства достаточно обрисовывается этими фактами.

Свѣтскіе и духовные владѣтельные князья направляли всѣ свои помыслы къ тому, какъ бы ослабить имперскую власть, округлить свои собственныя земли, выжать изъ своихъ подданныхъ возможно больше податей и налоговъ, чтобы спокойно предаваться роскоши и расточительству и быть въ состояніи содержать возможно большее число наемниковъ и чиновниковъ. Правда, съ ними дѣлили власть такъ называемые земскіе чины, какъ съ императоромъ имперскіе чины, но интересы этихъ земскихъ чиновъ были тѣсно связаны съ интересами княжеской власти. Прежде всего это относится къ представителямъ дворянства и духовенства, и во многихъ случаяхъ и къ представителямъ городовъ. Послѣдніе выбирались не всѣми городскими жителями, а только патриціями, и выходили обыкновенно изъ среды высшихъ чиновъ магистрата и бургомистровъ. Отъ составленнаго такимъ образомъ представительства бѣдному человѣку не приходилось ждать чего-либо хорошаго. Если представители третьяго сословія, т.-е. городовъ, въ которыхъ обитало много бѣднаго народа и интересы которыхъ часто противорѣчили интересамъ дворянства и духовенства, иногда и защищали нужды бѣднаго люда, то ихъ подавляли голоса обоихъ другихъ сословій. Во всякомъ случаѣ владѣтельный князь могъ всегда расчитывать на большинство голосовъ сословій при

рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, направленныхъ противъ интересовъ широкихъ массъ населенія.

Мы видимъ, что тѣ элементы, которые въ средніе вѣка составляли народное представительство, въ наше время скрылись въ теперешнюю верхнюю палату и оттуда прилагаютъ всѣ свои усилія, чтобы задержать прогрессивныя стремленія своего времени; въ палатѣ народныхъ представителей въ этомъ стремленіи ихъ болѣе чѣмъ слѣдовало бы поддерживаютъ своей половинчатостью и неопредѣленностью представители нашей либеральной буржуазіи.

Земскіе чины прежде всего обладали правомъ вотировать налоги, и они охотно это дѣлали постольку земскія подати не уменьшали ихъ собственныхъ доходовъ, выжимавшихся изъ крѣпостныхъ. Духовенство и дворянство были свободны отъ налоговъ, всѣ тяготы они валили на крестьянъ и горожанъ. Эти тяготы росли съ каждымъ днемъ не только вслѣдствіе расточительности и повсемѣстнаго хозяйничанья временщиковъ и метрессъ, но также вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія военнаго искусства. Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія произвело въ военномъ дѣлѣ полную революцію. Всевозможныя полевыя и осадныя орудія, стоившія сами по себѣ очень дорого, требовали къ тому же особую, въ то время очень дорогую прислугу,—пушкарей, которые за свое искусство брали хорошую плату. Все это поглощало громадныя суммы, покрывавшіяся новыми налогами. Перевозка тяжелыхъ орудій тре-

бовала большого количества лошадей, телѣгъ и человѣческихъ рукъ и увеличивала, слѣдовательно, барщину. Ружье, изобрѣтенное около того времени, оказалось слишкомъ хорошимъ оружіемъ, чтобы не получить широкаго распространенія, оно также увеличило расходы; ко всему выше перечисленному надо присоединить, наконецъ, жалованье и снаряженіе наемныхъ войскъ, которыя въ то время стали уже пріобрѣтать характеръ постоянной арміи. Всѣ эти повинности и денежные расходы безусловно были непосильны для страны съ незначительнымъ развитіемъ сельскаго хозяйства и промышленности. Что же касается судопроизводства, мѣръ и вѣсовъ произвола по отношенію къ бѣдному человѣку со стороны высшихъ и низшихъ чиновниковъ, то объ этомъ достаточно было уже сказано, когда мы касались положенія дѣлъ въ Вюртенбергѣ; теперь мы только напоминаемъ объ этомъ.

Затѣмъ не будетъ излишнемъ, если мы укажемъ на тѣ безчисленныя повинности крестьянъ того времени, которыя они несли по отношенію къ помѣщикамъ независимо отъ ихъ обязанностей по отношенію къ владѣтельнымъ князьямъ. Эти повинности вытекали отчасти изъ церковно-приходскихъ, отчасти изъ общинныхъ отношеній, отчасти изъ отношеній патроната, отчасти изъ особыхъ правъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ. Они взимались деньгами или натурой, какъ, напримѣръ: скотомъ, шкурами, дичью, мясомъ, зерномъ, масломъ, яйцами, виномъ, солодомъ, пивомъ, медомъ, воскомъ, сыромъ, льномъ, пряжей, сѣномъ и др. и назывались: mortu-

arium (налогъ за смертный случай, право на лучшую голову скота), поземельной податью, принимавшей различныя имена, рентою, процентами десятиной и проч. Попутно шла барщина. Если умиралъ крестьянинъ, то приходилось платить помѣщику налогъ за смертный случай, т.-е. лучшую одежду и лучшую голову скота, или соотвѣтствующее ихъ стоимости денежное вознагражденіе. Наслѣдникъ умершаго, или тотъ, въ чьи руки переходило его имущество, обязанъ былъ при вступленіи въ свои права уплатить могарычъ Затѣмъ слѣдовали подати. Въ знакъ своей принадлежности къ крѣпостному сословію крестьянинъ давалъ курицу, которая фигурировала подъ названіями масленичная курица, шейная курица, лучшая курица, или онъ выплачивалъ денежную сумму подъ именемъ крѣпостныя деньги, крѣпостной шиллингъ, крѣпостной пфеннигъ, крѣпостная подать. Находившіеся подъ покровительствомъ церкви вносили на алтарь ежегодную подать въ видѣ извѣстнаго количества воска, находившіеся подъ покровительствомъ свѣтскихъ владыкъ платили подымную курицу, фогтскую и другія. Брали курицъ подъ соотвѣтствующимъ наименованіемъ за позволеніе собирать въ лѣсу листву и хворостъ, за право пользованія выгономъ, за совершеннолѣтіе сына и т. д. Кромѣ того, существовала большая десятина, т.-е. десятина со всего, что обрабатывалось при помощи плуга; къ большой десятинѣ причислялась также десятина вина и сѣна; затѣмъ шла малая десятина, которая требовалась со всѣхъ другихъ плодовъ; десятина крови, которая взималась

со всего принадлежащаго къ имѣнію скота и птицы, какъ-то: жеребятъ, телятъ, ягнятъ, козлятъ, поросятъ, гусятъ, цыплятъ, утятъ и даже пчелъ. Нѣкоторыя имѣнія въ пользу церкви платили четвертую или шестую, другія только десятую часть, въ пользу же владѣтельныхъ князей—только девятую часть.

Къ этимъ налогамъ, произвольно возвышавшимся и увеличивавшимся въ зависимости отъ всякихъ чрезвычайныхъ событій, присоединилась барщина, которая дѣлилась на заранѣе опредѣленную барщину, т.-е. регулярный, періодическій, конечно, безвозмездный трудъ, и на барщину случайную. Къ барщинѣ относилась обработка господской пашни, обязанности, связанныя съ охотой, охраной лѣса, стройкою, карауломъ и т. д. Особый родъ барщины представляли изъ себя работы, направленныя къ поддержанію и ремонту крѣпостей и замковъ. Случалось помѣщику впадать въ тяжелую распрю, онъ взималъ съ крестьянъ особую подать; попадалъ онъ въ плѣнъ, крестьянамъ приходилось его выкупать; отдавалъ онъ замужъ дочь или посвящалъ сына въ рыцари, за все это платили крестьяне. Вообще при всѣхъ семейныхъ происшествіяхъ, безразлично радостнаго или печальнаго характера, крестьянинъ являлся страдающей стороной. Отправлялся ли помѣщикъ въ путешествіе ко двору владѣтельнаго князя или императора, принималъ ли гостей у себя дома, крестьянину опять приходилось выплачивать, кромѣ текущихъ податей, особый налогъ.

Когда графъ Крафтъ VII фонъ-Гоэнлоэ купилъ въ 1472 году замокъ и деревню Предельбахъ у Гоца фонъ-Адельгеймъ въ купчей крѣпости были помѣчены слѣдующіе ежегодные доходы *): геллеръ и сырная подать въ суммѣ 489 шиллингъ-пфенниговъ; 211 лѣтнихъ куръ по 4 пфеннига; 27½ гусей по 14 пфенниговъ; 1110 яицъ по одному пфеннигу за 4 штуки; 68 масленичныхъ куръ по 8 пфенниговъ; 12 вязанокъ льна по 16 пфенниговъ; 17¼ зри масла по 45 пфенниговъ; 9 рождественскихъ курицъ по 8 пфенниговъ; 2 подымныхъ курицъ по 8 пфенниговъ, за навозъ 2 шиллинга-пфеннига; 41 мальтеръ 2½ зри ржи, каждые три мальтера по 2 флорина; 27 мальтеровъ 3½ зри ячменя, каждые 5 мальтеровъ по 2 флорина; 33 мальтера 3 зри овса, каждые 5 мальтеровъ по 2 флорина; 5 мальтеровъ полевого овса; 19 флориновъ за винодѣліе и 20 флориновъ за овцеводство. Къ этому нужно прибавить еще барщину и случайные поборы. Таковы были ежегодныя повинности одной маленькой деревушки. При томъ необходимо принять во вниманіе высокую цѣнность денегъ того времени.

Параллельно съ ростомъ могущества и значенія князей, ихъ независимости и произвола шла гибель мелкаго дворянства Большая часть послѣдняго уже находилась въ полной зависимости отъ князей, и только небольшая часть средняго дворянства оставалась въ непосредственной зависимости отъ имперіи; но и ихъ сила становилась все незначительнѣе.

---

*) Мѣры и монеты того времени. *Прим. пер.*

Новое военное искусство сломило, какъ уже было замѣчено, могущество дворянства; пѣхота, снабженная огнестрѣльнымъ оружіемъ, вытѣснила, игравшую раньше столь важную роль. тяжелую рыцарскую конницу; пушки уничтожили неприступность ихъ замковъ; вѣчный земскій миръ, установленный въ 1495 году на сеймѣ въ Вормсѣ, отнявшій у нихъ подъ угрозой штрафа въ 2000 марокъ золотомъ право внутреннихъ войнъ и распрей, лишилъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ богатыхъ источниковъ дохода. Что оставалось имъ дѣлать, если изъ ихъ рукъ ускользали грабежъ и поборы съ купескаго имущества и контрибуціи съ городовъ. Конечно, рыцарство не посмотрѣло бы на имперскія постановленія, они вѣдь и существовали для того, чтобы ихъ не исполнять. Но времена совершенно измѣнились, могущество князей и городовъ, огнестрѣльное оружіе препятствовали имъ заниматься привычнымъ для нихъ ремесломъ, или во всякомъ случаѣ ставили ему большія преграды. Другой причиной паденія его могущества являлась незначительная стоимость земли сравнительно съ все возраставшей дороговизной одежды, оружія, всѣхъ предметовъ роскоши и тѣхъ утонченныхъ наслажденій, которыя стали доступны богачамъ, благодаря торговлѣ и сношеніямъ того времени, и которыми рыцари стремились пользоваться наравнѣ съ богатыми горожанами, такъ такъ какъ сословная гордость запрещала имъ отставать въ этомъ отношеніи отъ послѣднихъ.

Земля, какъ извѣстно, приноситъ гораздо меньше прибыли, чѣмъ торговля.

Плохое хозяйство и высокомѣріе, мѣшавшее рыцарямъ самимъ входить въ управленіе своими имѣньями, значительно уменьшали и безъ того ничтожные доходы; дѣлежъ при наслѣдствѣ велъ къ уменьшенію помѣстій; введеніе римскаго права требовало ученыхъ судей, но такъ какъ дворянство было слишкомъ гордо и лѣниво, чтобы учиться, то оно потеряло тѣ должности по государственному управленію, которыя раньше замѣщались исключительно изъ его среды и приносили ему большіе преимущества и доходы. Вслѣдствіе всего этого имъ по необходимости приходилось еще сильнѣе выжимать соки изъ крестьянъ. Теперь уже они не разбирали средствъ, стремясь только получить денегъ и имѣть возможность вести привычную праздную и безпутную жизнь.

Но часто поборы съ крестьянъ, какъ велики они не были, не давали необходимыхъ средствъ, и тогда дворяне попадали въ руки ростовщиковъ, которые— были они евреи, бюргеры, или монахи—взимали одинаково громадные проценты и тотчасъ же накладывали арестъ на имущество, какъ только дворяне оказывались несостоятельными. Насколько трудно приходилось дворянамъ видно уже изъ того, что моргенъ средняго качества земли стоилъ около 4 гульденовъ, а обыкновенное женское платье отъ 9 до 10 гульденовъ. О величинѣ расходовъ на одни только женскіе наряды въ средѣ состоятельныхъ горожанъ говоритъ намъ постановленіе магистрата въ Регенсбургѣ, ограничивающее роскошь женскихъ уборовъ; оно гласитъ: ни одна женщина или дѣвушка не должны имѣть больше, чѣмъ двѣ нити жемчуга

для волосъ цѣной въ 12 флориновъ; одинъ вѣнчикъ изъ золота и жемчуга не дороже 5 флориновъ; не болѣе трехъ вуалей на человѣка, цѣной по 5 флориновъ и въ каждой не болѣе унціи золота; на платьяхъ бахрому шелковую, а не жемчужную или золотую; колье изъ жемчуга не дороже 5 флориновъ, одинъ жемчужный нагрудникъ не дороже 12 флориновъ; два ряда жемчуга вокругъ рукавовъ по 5 флориновъ за лотъ; одну золотую цѣпочку въ 15 флориновъ; одно ожерелье въ 20 флориновъ; колецъ, кромѣ обручальнаго, на сумму не больше 24 флориновъ; 3—4 четки по 10 флориновъ; не больше 4 шелковыхъ поясовъ по 4 флорина; не больше 8 платьевъ; не болѣе шести длинныхъ плащей; три бальныхъ платья и только три рукава въ крылатомъ платьѣ. Все перечисленное касалось ограниченія роскоши, направлено было только противъ одной стороны ея, и все-таки туалетъ женщины стоилъ не меньше 700 флориновъ, что было равноцѣнно имѣнію въ 180 моргеновъ. Мужчины изъ богатыхъ городскихъ слоевъ отличались подобно женщинамъ роскошью одежды; они носили пояса, ножи и мечи, украшенные серебромъ, одежду изъ бархата и атласа, мѣховые плащи и шубы, отороченныя опять-таки дорогимъ мѣхомъ, шелковыя рубашки, обшитыя золотой каймой, костюмы, вышитые серебромъ, золотомъ и жемчугомъ. Большой роскошью отличалась также и домашняя утварь; здѣсь особенно выдѣлялась всевозможная серебряная посуда.

Развѣ могло мелкое дворянство тягаться съ такой расточительностью? Для него еще было золотое

время, когда путемъ уличнаго грабежа оно присваивало себѣ часть имущества богатыхъ горожанъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что дворянство отъ всей души ненавидѣло богатыхъ горожанъ, оно считало себя по своему происхожденію неизмѣримо выше ихъ, а между тѣмъ оно впадало все въ большую нужду, а благосостояніе тѣхъ все увеличивалось.

И насколько велика была эта нужда, переходившая подчасъ въ нищету, могутъ засвидѣтельствовать документальныя данныя, собранныя въ 1525 году, когда герцоги Баварскіе потребовали отъ дворянства своей страны поддержки для борьбы противъ крестьянъ. Среди этихъ данныхъ значится: Освальтъ Гиршауеръ изъ Герсдорфа, вдовецъ съ тремя маленькими дѣтьми, одержимый многими болѣзнями, получаетъ только 14 флориновъ ежегоднаго дохода.—Данквартъ Кинпергеръ въ Кинпергѣ не владѣетъ никакимъ имуществомъ, совершенно разслабленъ, жена его вторично убѣжала.—Эрасемъ Рейгаеръ изъ Ланкварта проситъ Христа ради прислать ему, бѣдному дворянину, необходимые доспѣхи и оружіе, самъ пріобрѣсти ихъ онъ не въ состояніи; живетъ онъ на родинѣ въ крестьянской избѣ и съ трудомъ кормится; на ежегодный доходъ въ 25 флориновъ должны жить: онъ, его беременная жена и еще три человѣка.—Ульрихъ фонъ-Гаслангъ изъ Гаслангкрейта боленъ уже въ продолженіе 5 лѣтъ, не имѣетъ ни слугъ ни лошадей.—Лошади Уоргъ Шпанагласа изъ Кешинга попорчены глазами и почти ослѣпли, другихъ же онъ не можетъ достать.

Въ совершенно иномъ положеніи сравнительно съ

низшимъ дворянствомъ находилось духовенство. Оно прекрасно сумѣло использовать въ свою выгоду ученіе о ничтожности земныхъ благъ и все увеличивало свои богатства. Начиная съ папы и кончая послѣднимъ нищенствующимъ монахомъ, которые въ то время расплодились, какъ саранча, и являлись истиннымъ бичомъ страны, церковная іерархія умѣло пользовалась своимъ авторитетомъ для обиранія народа.

Въ средніе вѣка Германія изъ всѣхъ остальныхъ христіанскихъ земель пользовалась печальной славой самой доходной страны для папы и поповъ. Нигдѣ число монастырей не достигало такого количества, нигдѣ церкви и монастыри не были такъ хорошо обставлены, и ни въ одной странѣ папа и кардиналы не пользовались такими богатыми доходами, какъ въ Германіи. Индульгенція, т.-е. отпущеніе грѣховъ за деньги, существовала задолго до появленія Лютера и приносила папскому двору ежегодно громадныя суммы. Францисканецъ Самсонъ, главный торговецъ индульгенціями въ Швейцаріи, открыто хвасталъ, что въ продолженіе 18 лѣтъ добылъ для папской кассы 1.800.000 дукатовъ. Только въ одномъ городѣ Франкфуртѣ и въ продолженіе только одного года деньги, вырученныя за продажу индульгенцій, плюсъ юбилейныя деньги, составили сумму въ 1.500 гульденовъ.

Цезарь Борджіа, сынъ того чудовища, которое подъ именемъ Александра VI возсѣдало на папскомъ тронѣ въ концѣ XV столѣтія, обыкновенно говорилъ послѣ ночи, проведенной въ пьянствѣ и

разврат̀: „Ба! я прожилъ только часть доходовъ съ нѣмецкихъ грѣховъ“. Слѣдуетъ отмѣтить для характеристики тогдашняго Рима, что во времена папы Юлія III тамъ существовало до 40.000 публичныхъ женщинъ, которыя платили папѣ опредѣленный налогъ за право торговать своимъ тѣломъ и который на нихъ же указывалъ своимъ любимцамъ и священникамъ, какъ на источникъ доходовъ, которымъ они могутъ пользоваться. Въ Германіи публичные дома также кое-гдѣ находились подъ контролемъ духовенства и были обязаны выплачивать ему извѣстную сумму. Въ средніе вѣка самымъ обычнымъ и характернымъ явленіямъ жизни духовенства являлся тотъ фактъ, что оно открыто посѣщало публичные дома, обыкновенно содержимые городскими управленіями, такъ что, напримѣръ, магистрату города Эйхштедтъ пришлось запретить священникамъ переступать порогъ этихъ учрежденій позднѣе 8 часовъ вечера.

Другой важный источникъ доходовъ папскаго престола заключался въ такъ называемомъ аннатѣ, т.-е. въ извѣстной суммѣ денегъ, уплачиваемой епископомъ или аббатомъ при вступленіи ихъ въ должность. Деньги эти они, конечно, платили не изъ собственнаго кармана и не изъ церковнаго имущества, а брали ихъ со своихъ подданныхъ. Такіе аннаты исчислялись въ 10.000, 15.000, 20 000 флориновъ въ зависимости отъ получаемаго мѣста; и часто случалось, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени ихъ приходилось выплачивать нѣсколько разъ, такъ какъ духовныя лица назнача-

лись на такія должности обыкновенно уже въ преклонномъ возрастѣ и вскорѣ умирали. Такъ, Майнцкое епископство въ теченіе семи лѣтъ трижды выплачивало по 20.000 гульденовъ, а епископство Пассау въ продолженіе восьми лѣтъ трижды по 15.000 гульденовъ.

Въ средніе вѣка по всей Германіи ходилъ стишокъ, который такимъ образомъ высмѣивалъ жадность Рима къ деньгамъ: римское духовенство стрижетъ своихъ овецъ; кто можетъ платить, тотъ можетъ получить духовный санъ; если же кто обѣднѣетъ, того выгоняетъ; онъ уходитъ ни съ чѣмъ, потерявъ все свое имущество.

Подобно папѣ дѣйствовали и его подчиненные. Дворы епископовъ считались самыми блестящими и роскошными изъ всѣхъ княжескихъ дворовъ; все, что только создали утонченная роскошь и мотовство того времени, все это можно было тамъ найти. Карманы своихъ подданныхъ они очищали часто даже съ большимъ безстыдствомъ и жестокостью, чѣмъ свѣтскіе князья. Примѣру епископовъ слѣдовали безчисленные монастыри, пользовавшіеся всѣми средствами и всѣмъ своимъ вліяніемъ и значеніемъ, чтобы побудить массу на все новыя и новыя жертвы. Рядомъ съ большой и малой десятиной существовали даянія за исповѣдь, паломничество, за чудотворныя иконы, за избавленіе отъ чистилища, за панихиды, за свадебный звонъ, за посѣщенія церкви роженицами и за прочія требы. Такимъ путемъ у вѣрующаго и запуганнаго народа крали послѣдніе гроши изъ кармана. Особымъ источникомъ попов-

скихъ доходовъ являлась фабрикація моцей, производимыхъ въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ и продаваемыхъ по высокимъ цѣнамъ. Рука объ руку съ этимъ обманомъ шла массовая поддѣлка документовъ. Невѣжество съ одной стороны, разнузданность и подлость съ другой достигли въ средѣ монаховъ того времени такихъ размѣровъ, что возбудили всеобщее презрѣніе и сдѣлали ихъ особенно ненавистными народу. Настоятель монастыря въ Мехельнѣ открыто заявлялъ: „Монахъ отважится на такое дѣло, при мысли о которомъ покраснѣетъ и смутится самъ чортъ".

Разнузданность, безсовѣстность и распутство духовенства подорвали его прежнее вліяніе на народъ и породили ненависть, которая тѣмъ сильнѣе охватывала массы, чѣмъ яснѣе для нихъ становилось противорѣчіе между ученіемъ Церкви и образомъ жизни духовенства; его богатство будило злобу и зависть дворянства и даже князей; его невѣжество, естественное слѣдствіе для сословія, погрязшаго въ развратѣ и мотовствѣ, лишило его вліянія на общественныя дѣла; презрѣніе къ этому сословію росло параллельно росту общаго образованія и въ связи съ возникновеніемъ независимаго сословія ученыхъ, боровшагося противъ него самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ и разрушавшаго опору его могущества, порабощеніе умовъ.

Изъ всей массы духовенства, возбуждавшей ненависть и всеобщее осужденіе, выдѣлялась небольшая группа священниковъ, исполнявшихъ требы въ городахъ и деревняхъ. Это были люди, матеріаль-

ное положеніе которыхъ оставляло желать многого и граничило подчасъ съ бѣдностью; они, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими прихожанами, были знакомы съ нуждами народа и часто являлись его совѣтниками; сравнивая свою дѣятельность, свой трудъ и свои доходы съ праздной жизнью и излишествами прелатовъ, настоятелей и монаховъ они переходили въ ряды недовольныхъ и сочуствующихъ угнетенному народу. Они какъ разъ и были тѣми элементами, на которые сперва оперся Лютеръ, а затѣмъ и Мюнцеръ. Они встали во главѣ движенія въ городахъ и деревняхъ, сражались упорно и мужественно за свои убѣжденія и за дѣло народа; перенося тяжелыя наказанія и жестокія преслѣдованія, они доказали вѣрность своимъ убѣжденіямъ; многіе запечатлѣли ее своей смертью.

Въ городахъ, какъ было уже указано, власть находилась въ рукахъ знатныхъ родовъ или патриціевъ даже и тамъ, гдѣ остальнымъ бюргерамъ удалось добиться права избранія части совѣтниковъ изъ своей среды. Къ тому же во многихъ городахъ знатнымъ родамъ при поддержкѣ со стороны владѣтельныхъ князей удалось опять вытѣснить простыхъ бюргеровъ изъ числа членовъ совѣта. Непрерывная растрата городского имущества, злоупотребленія городскими доходами, произволъ въ управленіи и судѣ, произвольное увеличеніе числа налоговъ и всякихъ поборовъ, уклоненіе отъ какой либо отчетности непрерывно питали сильное недовольство бюргерства. Примѣромъ, какъ вели дѣла патриціи, можетъ послужить горолъ Эрфуртъ, гдѣ совѣтъ, не спраши-

ваясь горожанъ, надѣлалъ долговъ на 600.000 гульденовъ, одна уплата процентовъ по которымъ требовала ежегоднаго расхода въ 30.000 гульденовъ. Такія злоупотребленія выплыли на свѣтъ Божій, когда прошелъ слухъ, что бюргермейстеръ (городской голова) заложилъ Саксоніи мѣстечко Каппендорфъ вмѣстѣ съ дворцомъ за 8.000 гульденовъ, что и оказалось правдой. Но ужъ это было слишкомъ, горожане возстали и повѣсили городского голову, какъ главнаго преступника.

Оппозиціонная партія въ городахъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ бюргеровъ, подобно своимъ истымъ потомкамъ, современнымъ либераламъ, шла недалеко въ своихъ требованіяхъ. До требованія полнаго устраненія всѣхъ преимуществъ знатныхъ рода она доросла только въ немногихъ городахъ и тамъ всегда встрѣчала сильную оппозицію. Обыкновенно она ограничивалась требованіемъ контроля со стороны городской общины надъ управленіемъ городомъ и пополненія совѣта выборными отъ цеховъ. Но и эти умѣренныя требованія всюду упорно отвергались старыми городскими родами и ихъ сторонниками и, если и случалось, что у нихъ вырывали послѣ упорной борьбы такія уступки, то при первой возможности они вновь отбирались обратно.

Другое явленіе городской жизни, возбуждавшее всюду сильное недовольство бюргерской оппозиціи, заключалось въ безчисленномъ количествѣ монастырей. Вмѣстѣ съ праздной, роскошной и въ корнѣ испорченной жизнью ихъ членовъ, возбуждавшей

негодованіе горожанъ, которымъ часто приходилось платить за нее честью своихъ женъ и дочерей они считались еще свободными отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ, судились своимъ особымъ судомъ и нельзя было найти на нихъ управы даже за самыя серьезныя преступленія; кромѣ того, они торговали продуктами своихъ имѣній и десятины и составляли такимъ образомъ извѣстной части горожанъ непріятную и убыточную конкуренцію. Въ силу всего этого городская оппозиція относилась къ духовенству не менѣе враждебно, чѣмъ дворянство, и искренно желала положить конецъ его паразитическому существованію. Понятно, что при такомъ настроеніи выступленіе Лютера могло встрѣтить только всеобщее и безраздѣльное сочувствіе.

Рядомъ съ этими людьми сытой добродѣтели и зажиточной морали, которые какъ приличные горожане желали только раздѣлить господство съ патриціями и, достигнувъ кормила правленія, подобно имъ торопились свалить всѣ тяготы съ своихъ плечъ на другія,—существовалъ третій слой городского населенія, положеніе котораго хотя и отличалось отъ положенія крестьянъ, но съ ними его связывали одинаковые интересы по отношенію къ патриціямъ и бюргерству. Этотъ слой составляла бѣдная и нищая часть городскихъ жителей, презираемая первыми двумя частями, отъ которыхъ ей не приходилось ждать ничего хорошаго. Она состояла изъ бѣдныхъ и обѣднѣвшихъ бюргеровъ изъ членовъ, такъ называемыхъ, нечестныхъ профессій и посадскихъ людей, непользовавшихся правами бюргеровъ, затѣмъ

изъ подмастерій, особенно тѣхъ, для которыхъ по ихъ бѣдности не существовало надежды стать когда-либо мастеромъ и бюргеромъ, изъ поденщиковъ и слугъ, вообще изъ того подвижного населенія, которое жило за отсутствіемъ постояннаго заработка случайными занятіями. Было бы слишкомъ много сказано, если кто-либо сталъ утверждать, что этотъ послѣдній классъ, сбродъ разнообразнѣйшихъ элементовъ, обладалъ опредѣленнымъ классовымъ сознаніемъ. Для этого общественныя отношенія были мало развиты и элементы слишкомъ первобытны. Безъ опредѣленныхъ цѣлей и организаціи, эта третья часть, какъ истая плебейская масса появлялась всюду и вездѣ на первомъ планѣ, гдѣ дѣло шло о дракѣ или мятежѣ. Конечно, въ ея средѣ находились и подонки общества, мечтавшіе только о грабежахъ и кратковременномъ довольствѣ. Лумпенпролетаріатъ не является продуктомъ нашего времени; теперь онъ только особенно сильно развился. Весь этотъ низшій слой городского населенія, стоявшій ближе всего къ крестьянству, симпатизировалъ ему и являлся его главной опорой въ городахъ. Въ главной этой части городского населенія стояли немногія лица изъ высшихъ городскихъ слоевъ, которыя или надѣялись возстановить съ помощью ея и крестьянъ свое прежнее, теперь потерянное положеніе, или побуждаемые идеализмомъ дерзали на попытку радикальнаго переустройства всѣхъ общественныхъ отношеній.

Недовольство среднихъ и низшихъ классовъ го-

родского населенія находило, наконецъ, обильную пищу въ сильномъ ростовщичествѣ, которымъ промышляли богачи какъ съ предметами первой необходимости, такъ и съ иностранными товарами, сырыми матерьялами и т. п.

Большія торговыя товарищества, во главѣ съ Фуггерами изъ Аугсбурга, захватили въ свои руки всю торговлю и диктовали цѣны на рынкѣ. Послѣднія поднялись на нѣкоторые товары въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ болѣе чѣмъ въ три раза, такъ что то, что раньше стоило 18 крейцеровъ, теперь стоило гульденъ. Такому несоразмѣрному подъему цѣнъ много способствовало паденіе цѣнности благороднаго металла, вслѣдствіе большого подвоза его изъ только что открытой въ концѣ предыдущаго столѣтія Америки. Дороговизна тѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать, чѣмъ замѣтнѣе становился въ Германіи упадокъ прежде цвѣтущей промышленности.

Такимъ образомъ возбужденное настроеніе въ городахъ благопріятствовало перевороту, но не было единодушія относительно способовъ и предѣловъ этого переворота: здѣсь мнѣнія дѣлились соотвѣтственно общественному положенію отдѣльныхъ слоевъ населенія.

Гораздо хуже положенія необезпеченнаго человѣка въ городѣ, было положеніе крестьянъ въ деревнѣ. Всѣ остальные классы опирались на нихъ; они образовывали широкій фундаментъ для всей общественной постройки. Каждое изъ господствующихъ сословій пыталось опереться на крестьянина,

сосать у него, что называется, кровь и за его счетъ пополнять свой кошелекъ.

Господствующія сословія не сомнѣвались въ томъ, что положеніе крестьянъ стало невыносимымъ, и что ихъ недовольство и возмущеніе росло съ каждымъ днемъ. Но вмѣсто того, чтобы уступить, они пустили въ ходъ весь свой арсеналъ насильственныхъ и строгихъ мѣръ. Были изданы постановленія, запрещавшія крестьянамъ совмѣстныя обсужденія и собранія; древнее право на общинную жизнь ограничивалось или совершенно отнималось, народныя увеселенія, престольные праздники, праздники вольныхъ стрѣлковъ, цеховыя пиршества, празднованіе свадебъ и т. п. собранія, гдѣ являлась возможность обмѣна мыслей, стѣснялись узаконеніями, а иногда совершенно не допускались. Какъ обыкновенно, такими смѣшными мѣрами надѣялись пресѣчь ростъ революціоннаго настроенія, питавшагося духомъ времени и гнѣздившагося въ глубинѣ общественныхъ отношеній; на самомъ же дѣлѣ они только еще болѣе усилили озлобленіе. Какъ только пробилъ часъ, все запылало. И часъ этотъ пробилъ скоро; толчокъ былъ данъ съ той стороны, откуда его менѣе всего ждали и гдѣ не было ни малѣйшаго желанія вызвать тѣ конечные результаты, къ которымъ онъ привелъ.

Какъ ни разнообразны были интересы, представителями которыхъ являлись недовольные элементы средневѣковаго общества, какъ ни разнообразны были цѣли, которыя они себѣ ставили, одно чувство безусловно охватывало ихъ всѣхъ,—это чувство

ненависти къ духовному сословію и его господству. Противъ духовенства выступало низшее дворянство, завидовавшее его богатству и зарившееся на его имущество; противъ него было озлоблено городское сословіе, которое раздражалъ его образъ жизни и которое въ многочисленныхъ церковныхъ поборахъ усматривало ненужныя тяготы, а въ массѣ праздниковъ и безчисленныхъ церковныхъ предписаніяхъ—препятствія торговой и промышленной жизни; наконецъ, противъ него былъ въ высшей степени возбужденъ крестьянинъ, котораго духовенство учило послушанію, покорности, самоотреченію и воздержанію въ то время, какъ само проводило въ жизнь совершенно иные принципы и обдирало его, какъ липку. Итакъ, въ борьбѣ противъ этого сословія были единодушны всѣ недовольные элементы, но они въ конечной цѣли, которую они себѣ ставили, существенно расходились. Дворянство и бюргерство стремились его реформировать, воспользоваться его богатствами, устранить вопіющія злоупотребленія въ церковныхъ порядкахъ, но само сословіе, какъ таковое, они собирались оставить неприкосновеннымъ и сохранить за нимъ въ церковной области его господство, и его привилегіи. Совершенно иная картина рисовалась крестьянамъ и радикальной партіи городовъ. Они требовали конфискаціи церковныхъ имуществъ въ общую пользу, возстановленія древнехристіанскаго равенства, уничтоженіе всей барщины, податей, налоговъ и поборовъ не только по отношенію къ церкви, но также и по отношенію къ свѣтскимъ властителямъ.

Слѣдовательно, вполнѣ матеріальные интересы возстановили всѣ недовольныя партіи противъ дудуховенства и побудили ихъ по данному сигналу принять участіе въ рѣшительной схваткѣ съ нимъ.

Эта схватка была серьезно подготовлена сочиненіями гуманистовъ, сатирической литературой, всюду проникавшей и читавшейся съ жадностью, безчисленными летучими листками, въ которыхъ съ большой рѣзкостью критиковался современный строй, наконецъ, проповѣдями нѣкоторыхъ священниковъ, захваченныхъ всеобщимъ революціоннымъ движеніемъ, отважившихся усомниться въ вѣрности до сихъ поръ неприкосновенныхъ ученій и требовавшихъ коренной реформы церкви.

Ближайшимъ поводомъ къ началу движенія, направленнаго прежде всего противъ духовенства, послужило выступленіе папскаго комиссара, продавца индульгенцій Теціеля. Въ 1517 году онъ появился въ окрестностяхъ Виттенберга, гдѣ переѣзжая изъ одного города въ другой, изъ одного мѣстечка въ другое продавалъ за деньги отъ имени папы отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Лютеръ былъ въ то время профессоромъ въ Виттенбергѣ; онъ, какъ и многіе другіе уже въ продолженіе долгаго періода времени занимался богословскими запросами о сущности и устройствѣ церкви; въ результатѣ этихъ занятій у него сложились убѣжденія, во многомъ расходившіяся съ ученіемъ церкви. Во время путешествія въ Римъ, которое монахъ Лютеръ совершилъ по порученію августинскаго виттенбергскаго монастыря, онъ съ ужасомъ увидѣлъ каковы нравы

и обычаи въ центрѣ христіанства. Онъ возвратился назадъ полный злобы и отвращенія, но продолжалъ молчать, только еще серьезнѣе занялся научной работой. Скандальное выступленіе Тецеля заставило его заговорить. 31 октября 1517 года онъ прибилъ къ дверямъ дворцовой церкви въ Виттенбергѣ знаменитые 95 тезисовъ, въ нихъ онъ протестовалъ притомъ въ весьма сдержанныхъ выраженіяхъ не вообще противъ отпущенія грѣховъ, а противъ открытой торговли этими отпущеніями и противъ нѣкоторыхъ другихъ злоупотребленій.

Этотъ поступокъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Какъ профессора и студенты, такъ и бюргеры Виттенберга выражали Лютеру свое сочувствіе, даже курфюрстъ саксонскій, князь, во владѣніяхъ котораго находится Виттенбергъ, принялъ сторону Лютера. Слѣпая злоба сторонниковъ папы, направленная противъ Лютера, много способствовала дальнѣйшему развитію инцидента. Лютера принуждали къ дальнѣйшимъ шагамъ. Его безрезультатные переговоры съ папскимъ легатомъ кардиналомъ Каэтаномъ въ 1518 г. въ Аугсбургѣ, диспутъ между нимъ и Карлштадтомъ съ одной стороны и докторомъ Экомъ—съ другой въ 1519 году въ Лейпцигѣ привели, наконецъ, къ открытому разрыву съ папствомъ. Яростныя нападки сторонниковъ папы возбудили злобу Лютера; онъ накинулся на папство и монашество со всей необузданностью и грубостью своей натуры; оппозиціонные элементы Германіи, т.-е. большая часть націи привѣтствовала его выступленіе шумнымъ ликованіемъ. „Такъ какъ всѣ епископы и доктора мол-

чали и никто не хотѣлъ коснуться сущности вопроса, то долженъ былъ родиться докторъ Лютеръ, который отважился на это дѣло", такъ писалъ онъ полный чувства собственнаго достоинства. Со всѣхъ сторонъ къ нему поступали сочувственныя посланія, поощряя его къ дальнѣйшему выступленію; онъ могъ смѣло расчитывать на поддержку народа. Въ 1519 г. онъ писалъ: „Если неистовое злобствованіе римлянъ будетъ продолжаться въ томъ же родѣ, то мнѣ кажется нельзя здѣсь дать лучшаго совѣта и указать лучшаго средства, съ цѣлью положить предѣлъ такой дѣятельности, какъ-то, чтобы короли и князья примѣнили насилія, приготовились и схватили вредныхъ людей, отравившихъ весь міръ и силой оружія, а не словами положили конецъ этой игрѣ. Вѣдь наказываемъ мы воровъ висѣлицей, убійцъ — мечомъ, еретиковъ — огнемъ, почему же мы не пользуемся всякимъ оружіемъ противъ этихъ вредныхъ учителей погибели, какъ папы, кардиналы, епископы и вообще всѣ участники римскаго Содома и не умываемъ руки въ крови". Это были весьма революціонныя рѣчи, и часть сторонниковъ Лютера поняла ихъ не только въ смыслѣ обвиненій, направленныхъ исключительно противъ папства, она шла дальше и полагала, что то, что справедливо по отношенію къ папѣ, то должно быть тѣмъ болѣе правильнымъ по отношенію къ князьямъ и господамъ, которые въ своей сферѣ поступаютъ во всякомъ случаѣ не лучше. Не таково было мнѣніе Лютера. Онъ считалъ болѣе разумнымъ въ виду поддержки, оказанной ему курфюрстомъ саксонскимъ и въ виду большого количества привер-

женцевъ, найденныхъ имъ среди дворянства и бюргерства, ограничить движенiе и придать ему характеръ чисто-религiозной даже специально-церковной борьбы. Онъ понималъ, что если онъ распространитъ свое ученiе на мiрскiя дѣла, то простолюдинъ подымется противъ своихъ угнетателей. Поэтому Лютеръ заявилъ громко и рѣшительно, что его ученiе не имѣетъ никакого отношенiя къ экономическому и политическому положенiю дѣлъ, что онъ не намѣренъ касаться отношенiй подданныхъ къ своимъ господамъ. Такое заявленiе съ его стороны явилось отчасти результатомъ его ограниченности, отчасти результатомъ расчета, послѣднее, вѣроятно, играло большую роль. Онъ чувствовалъ, что потеряетъ для своего дѣла поддержку князей, сочувствiе дворянства и состоятельной части бюргерства съ того самаго момента, какъ расширитъ рамки религiозной борьбы и превратитъ эту борьбу въ политическую и соцiальную. Онъ тогда не понималъ, что религiозная борьба для названныхъ сословiй является борьбой исключительно политической и соцiальной, что они только потому поддерживаютъ его, что расчитываютъ достичь такимъ путемъ матерiальныхъ выгодъ, да и если бы онъ это и понялъ, то врядъ ли поступилъ иначе. Глубоко-консервативная натура Лютера не была способна выдвинуть что-либо кромѣ умѣренной реформы, несмотря на его рѣшительное и казалось бы революцiонное словесное выступленiе. Такимъ образомъ для него не представлялъ трудности выборъ, который ему пришлось сдѣлать съ момента выступленiя Мюнцера, вы-

боръ между дворянствомъ и бюргерствомъ съ одной стороны и массой народонаселенія—съ другой. Онъ перешелъ на сторону первыхъ двухъ сословій.

Когда въ слѣдующемъ 1520 году, папа отлучилъ его отъ церкви, особенно ясно выступила его склонность къ движенію вправо; онъ написалъ и выпустилъ обращеніе къ дворянству германской націи, въ которомъ призывалъ послѣднее на помощь въ борьбѣ противъ папы и духовенства. Разъ вступивъ на эту дорогу, онъ не зналъ уже удержу и быстро катился подъ гору. Онъ не только высказывался уже противъ всякаго насильственнаго церковнаго переворота волею народа; онъ не только смотрѣлъ съ явнымъ недовольствомъ на возбужденіе, охватившее народъ, возбужденіе, которое росло съ каждымъ днемъ и въ которомъ ясно намѣчалась тенденція превратить церковную реформу въ политическую и соціальную революцію, онъ объявилъ себя даже врагомъ всякой насильственной попытки къ церковной и государственной реформѣ со стороны низшаго дворянства, руководимаго Гуттеномъ и Зикингеномъ.

Своимъ выступленіемъ въ 1521 году на сеймѣ въ Вормсѣ, онъ достигъ зенита своей славы; простой монахъ августинскаго монастыря добился такого вліянія, что его расположенія и поддержки добивались какъ высшіе, такъ и низшіе слои націи. Часть князей ясно поняла какую пользу ихъ кошельку и значенію сулитъ церковная реформа въ духѣ Лютера; такая реформа давала имъ возможность конфисковать богатства монастырей, на которыя они

давно уже поглядывали съ аппетитомъ, конфисковать ихъ подъ видомъ благого христіанскаго дѣла. Лютеръ пріобрѣлъ эту часть князей въ число своихъ сторонниковъ, и княжеская поддержка сдѣлала его еще реакціоннѣе.

Какую пользу надѣялись извлечь изъ реформаціи даже духовные князья показываютъ намъ переговоры, начатые съ Лютеромъ нѣсколько лѣтъ спустя архіепископомъ майнцскимъ, Альбрехтомъ фонъ-Бранденбургъ, который со свойственной Гогенцоллернамъ ловкостью никогда не упускалъ случая, гдѣ можно поудить рыбку въ мутной водѣ; переговоры касались перехода его въ новую вѣру въ связи съ возможностью преобразовать затѣмъ епископство въ свѣтское наслѣдственное княжество. Этотъ планъ только потому не осуществился, что ему воспротивилась прекрасная любовница епископа нѣжно имъ любимая. Любовница, женщина незнатнаго происхожденія, боялась, что архіепископъ, ставъ свѣтскимъ княземъ, броситъ ее и женится на другой.

Въ то время какъ сотни даровитыхъ и горѣвшихъ жаждой свободы людей сумѣли использовать громадное впечатлѣніе, произведенное выступленіемъ Лютера на сеймѣ въ Вормсѣ, въ то время, какъ сочувствіе, которое оно возбудило подняло броженіе до такой высоты, что больше не оставалось уже сомнѣній въ близкомъ наступленіи насильственнаго переворота, въ это самое время тотъ, кто сообщилъ толчокъ всему движенію, Лютеръ, рѣшилъ остановить революцію чего бы это ни стоило.

Приговоръ объ изгнанiи Лютера, который былъ принятъ въ концѣ концовъ, большинствомъ рейхстага, далъ поводъ курфюрсту саксонскому спрятать Лютера тайно въ Вартбургѣ. Во время пребыванія Лютера въ этомъ замкѣ, его ближайшiе друзья были захвачены общимъ потокомъ и увлечены дальше, чѣмъ это казалось удобнымъ и цѣлесообразнымъ Лютеру, который считалъ себя уже непогрѣшимымъ. Тогда Лютеръ неожиданно покинулъ Вартбургъ и поспѣшилъ въ Виттенбергъ, чтобы устранить грозящее несчастiе. Здѣсь онъ выступилъ противъ своихъ собственныхъ друзей и сторонниковъ съ безпощадностью и горячностью человѣка, измѣняющаго своимъ прежнимъ убѣжденiямъ. Онъ не стѣснялся въ средствахъ борьбы со своими прежними товарищами; онъ клеветалъ и позорилъ; онъ пускалъ въ ходъ все свое влiянiе, чтобы лишить ихъ хлѣба и заработка и толкнуть ихъ, безпомощныхъ, навстрѣчу нуждѣ. Въ теченiе многихъ лѣтъ сотнямъ его прежнихъ сторонниковъ-священниковъ пришлось испытать на себѣ его реакцiонную дѣятельность. Большинство изъ нихъ стало вѣрной опорой революцiи, они ѣздили изъ одного мѣстечка въ другое, распространяя свое ученiе и произнося повсюду проповѣди. Лютеръ противъ своей воли оказалъ въ этомъ отношенiи большую услугу революцiи.

Когда же, наконецъ, въ 1523 году Гуттенъ и Зикингенъ подняли возстанiе противъ князей, несмотря на совѣты Лютера не начинать этого дѣла, несмотря

на происшедшій у нихъ съ нимъ разрывъ и направили свой ударъ прежде всего противъ трирскаго архіепископа, смертельнаго врага Лютера, то онъ не только не выступилъ съ порицаніемъ названному предпріятію, противъ котораго онъ до сихъ поръ боролся, но даже выразилъ ему свое сочувствіе. Онъ писалъ: „Если духовные князья не хотятъ прислушаться къ слову Божьему, но продолжаютъ свирѣпствовать и пользоваться въ своей борьбѣ такими средствами, какъ отлученіе отъ церкви, сожженіе и убійство, то что можетъ быть по отношенію къ нимъ справедливѣе, какъ всеобщее возстаніе, которое смететъ ихъ съ лица земли. Можно только радоваться, если это произойдетъ". И въ концѣ концовъ онъ потребовалъ: „Каждый христіанинъ долженъ помогать такому дѣлу своимъ имуществомъ и своей жизнью, онъ долженъ съ радостью отказывать въ повиновеніи своему повелителю, какъ въ повиновеніи нечистому, чтобы покончить съ этой тираніей".

Слѣдовательно, здѣсь Лютеръ вполнѣ открыто выразилъ свое сочувствіе возстанію, онъ даже призывалъ къ нему, но какъ разъ въ то же самое время онъ совершенно иначе отнесся къ выступленію Мюнцера; онъ даже не постыдился обратиться съ предложеніемъ къ своему злѣйшему врагу герцогу саксонскому, по его собственному признанію единственному князю, котораго вмѣстѣ съ тогдашнимъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ онъ считалъ способнымъ и готовымъ, попадись онъ къ нимъ въ руки, исполнить надъ нимъ приговоръ сейма объ изгнаніи;

итакъ, онъ не постыдился обратиться къ нему съ предложенiемъ изгнать Мюнцера изъ своихъ владѣнiй, чего въ концѣ концовъ и добился. Мы еще впослѣдствiи коснемся этого факта. Тогдашнее поведенiе Лютера вполнѣ соотвѣтствуетъ тактикѣ теперешнихъ либераловъ. Они были революцiонерами пока испытывали всевозможныя гоненiя; затѣмъ, когда они получили доступъ въ законодательныя палаты, пока правительство не плясало вполнѣ по ихъ дудкѣ, они превратились въ стоящихъ на законной почвѣ противниковъ правительства и защитниковъ правъ народа; но теперь, когда власть въ ихъ рукахъ и когда они видятъ, что рабочiй народъ не считаетъ ихъ государственный строй лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ порядковъ и осмѣливается имѣть свой собственный идеалъ, тогда они становятся ярыми реакцiонерами и самыми обыкновенными угнетателями. Такъ же поступалъ и Лютеръ. Для себя и своихъ сторонниковъ онъ требовалъ всевозможныхъ правъ и свободъ и тотчасъ же выступалъ съ протестомъ, когда кто-нибудь медлилъ исполнить его требованiя. Тогда изъ его устъ сыпался дождь проклятiй и ругательствъ. Но противъ тѣхъ, кто шелъ дальше его въ своихъ требованiяхъ, онъ звалъ на помощь полицiю, грозилъ тюрьмой и отлученiемъ, требовалъ преслѣдованiй и уничтоженiя ихъ сочиненiй. Цензура нашла своихъ горячихъ защитниковъ въ немъ и Меланхтонѣ, причемъ, конечно, они требовали цензуры только по отношенiю къ сочиненiямъ своихъ враговъ.

Злоба Лютера противъ демократическаго движенiя

приняла форму настоящаго пароксизма, когда онъ увидѣлъ, что несмотря на всѣ его проповѣди и посланія, движеніе все шире и глубже охватываетъ народныя массы. Полный злобы предпринялъ онъ въ 1524 году поѣздку въ Тюренгію и Саксонію, чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ и своей популярностью изгнать „нечестивый и мятежный духъ". Но къ своему стыду и ужасу онъ увидѣлъ, что его вліяніе сошло на нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на путь реакціи. Его проповѣди не встрѣчали сочувствія, хотя и посѣщались массой народа, его давнишніе горячіе сторонники держали себя съ нимъ очень холодно; въ Орламюндѣ, гдѣ онъ когда-то возбудилъ всеобщее одушевленіе, его чуть не побили камнями, ему пришлось бѣжать, чтобы спастись отъ народнаго гнѣва.

Угнетеннымъ крестьянамъ въ то время онъ говорилъ: „Вы должны терпѣть! Страданіе, страданіе, крестъ, крестъ и ничего болѣе—такова доля христіанина! Спасенію души бѣднаго человѣка много способствуютъ тѣ лишенія и та масса работы, которая лежитъ на его плечахъ, иначе онъ не зналъ бы удержу, иначе его жизнь исполнилась бы довольства", такъ говорилъ сынъ бѣднаго рудокопа, когда сдѣлался жирнымъ попомъ и важнымъ господиномъ, который умѣлъ хорошо попить и поѣсть, кухня и погребъ котораго постоянно отличались обиліемъ. Онъ забылъ, что нѣкогда самъ нищенствовалъ и собиралъ хлѣбъ по чужимъ домамъ. Вѣдь отъ него идетъ извѣстный характерный стишокъ: „Кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія, тотъ всю жизнь

останется дуракомъ". Онъ не только любилъ эту троицу, но обладалъ также возможностью пользоваться ей по своему желанію и по своимъ потребностямъ; его хорошіе друзья не могли нахвалиться качествомъ вина и кухни доктора Мартина Лютера.

Вслѣдствіе своего реакціоннаго политическаго направленія онъ все болѣе обнажалъ реакціонно-религіозную, т.-е. истинную природу христіанства. Опираясь на библію онъ проповѣдывалъ со всей своей энергіей ученіе о смиреніи, самопрезрѣніи и самоуниженіи, о слѣпомъ повиновеніи Богомъ установленнымъ властямъ и ничуть не уступалъ опытному монаху капуцину въ своихъ громовыхъ рѣчахъ противъ проклятаго блудника—разума, который является истиннымъ источникомъ мятежнаго духа.

Все дальше и дальше шелъ Лютеръ въ реакціонномъ направленіи изъ страха передъ возстаніемъ крестьянъ и превратился, наконецъ, въ истиннаго жреца ученія объ ограниченности ума и способностей подданныхъ, ученія столь удобнаго для княжеской власти. Если онъ иногда направлялъ свой гнѣвъ и противъ князей и указывалъ на нихъ, какъ на людей, „которыхъ раньше называли мошенниками, а теперь приходится называть послушными христіанскими князьями", то происходило это потому, что часть послѣднихъ не раздѣляла его религіозныхъ убѣжденій, не присоединялась къ нему, а ради сохраненія своихъ выгодъ оставалась вѣрна старому ученію. Ученіе, имъ проповѣдуемое, не могло воз-

будить протеста даже самой консервативной натуры. Оно гласило: духъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки сопротивленія, долженъ терпѣливо переносить гнетъ и мученія: житейскія дѣла не касаются его, онъ мученикъ на землѣ, а потому всякому, кто только хочетъ, онъ долженъ позволять грабить себя и обворовывать, угнетать, мучить и насмѣхаться, объѣдать и издѣваться. Сердце христіанина должно всегда быть полно радости, хотя бы ему по волѣ Христа приходилось претерпѣвать много несправедливостей по отношенію къ своему имуществу и своей чести. Истинное христіанство всегда покупается цѣной крови, и гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ истинныхъ христіанъ. Христіане вѣдь не овцы спокойно пасущіяся на пастбищѣ, а овцы, предназначенныя къ закланію, которыя должны гибнуть одна за другой. Такимъ образомъ земная жизнь для христіанина есть олицетвореніе слабости, грѣха и смерти. Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ говоритъ: „мы скажемъ открыто послѣдователямъ Христа и новаго завѣта, что поскольку они довольны, когда ихъ называютъ христіанами, поскольку они гордятся этимъ именемъ и поскольку они хотятъ, чтобы ихъ считали истинными христіанами, они должны безропотно терпѣть нарушенія своихъ правъ. Послушайте, христіане, каково ваше христіанское право. Христосъ, вашъ высшій повелитель, имя Котораго вы носите, учитъ, отъ Матфея 5: А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобой и

взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудитъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Также говоритъ и святой апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ 12: Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто гнѣву Божію. Тамъ же восхваляетъ онъ кориноянъ, за то, что они съ радостью страдаютъ, если ихъ кто-нибудь бьетъ или грабитъ. Въ главѣ шестой перваго посланія къ кориноянамъ онъ выговариваетъ имъ за то, что они ведутъ тяжбы изъ-за имущества и не терпятъ несправедливостей.

„Ну, теперь вы видите, какъ далеко отъ истины увлекли васъ ложные пророки, и вы называетесь еще христіанами, вѣдь вы стали хуже язычниковъ. Вѣдь изъ приведенныхъ мѣстъ святого писанія ребенокъ пойметъ, *что христіанинъ не долженъ сопротивляться злу, хвататься за мечъ, защищаться, мстить; нѣтъ, онъ долженъ отдать свою жизнь и свое имущество первому, кто хотѣлъ бы произвести надъ нимъ насиліе, кто хотѣлъ бы его ограбить. Страданія, страданія, крестъ, крестъ вотъ права христіанъ и нѣтъ у нихъ никакихъ иныхъ правъ*“. Въ своемъ собраніи церковныхъ произведеній Лютеръ учитъ: „*Правительство должно господствовать надъ чернью, надъ всѣмъ народомъ, должно бить, давить, вѣшать, жечь, рубить головы, колесовать, чтобы его боялись и чтобы оно могло держать народъ въ послушаніи*“.

Когда въ 1225 году крестьяне были готовы начать возстаніе и сформулировать свои требованія въ Двѣнадцати статьяхъ, они послали ихъ Лютеру для от-

зыва; они никакъ не могли примириться съ мыслью, чтобы человѣкъ, выступившій столь мужественно противъ папы, а въ Вормсѣ противъ императора и имперіи, самъ сынъ народа, знавшій его страданія могъ враждебно относиться къ крестьянству. Лютеръ отвергъ всѣ пункты. Онъ замѣтилъ, напримѣръ, по отношенію къ пункту второму, который говоритъ объ уничтоженіи десятины: Десятина принадлежитъ власти по праву. По поводу пункта третьяго, который требовалъ уничтоженія крѣпостничества, онъ сказалъ: Авраамъ также имѣлъ рабовъ. О пунктахъ, начиная съ четвертаго и кончая одиннадцатымъ, касавшихся вопроса о привилегіяхъ на охоту и рыбную ловлю, о правѣ на лѣсъ, объ отмѣнѣ уплаты процентовъ, о вознагражденіи за трудъ, объ упорядоченіи судопроизводства, о созданіи лучшаго права и т. д., онъ заявилъ, что всѣ эти вопросы не касаются его, такъ какъ это дѣло юристовъ. Когда крестьяне, несмотря на всѣ его попытки отклонить ихъ отъ возстанія, все-таки возстали, онъ опубликовалъ посланіе: „Противъ шаекъ убійцъ и разбойниковъ-крестьянъ“, въ которомъ между прочимъ стояло: „Ихъ нужно разгонять, душить и убивать, убивать тайно и открыто, кто какъ можетъ, убивать какъ бѣшеныхъ собакъ“. Къ князьямъ же онъ взывалъ, какъ будто они нуждались въ подобномъ поощреніи: „Поэтому, милые господа, теперь освобождайте, спасайте, помогайте, сжальтесь надъ бѣдными людьми. Теперь колите, рубите, уничтожайте, кто какъ можетъ. Слава тѣмъ, кто погибнетъ при этомъ, повинуясь слову Божьему, исполняя его за-

вѣтъ: болѣе праведной смерти нигдѣ не найти". И его другъ, проныра Меланхтонъ, вторилъ ему фальцетомъ: „Это наглость и насиліе, что крестьяне не хотятъ быть крѣпостными. Рабство не противорѣчитъ религіи, Христосъ самъ говорилъ только о духовной свободѣ, такъ что христіанинъ долженъ съ радостью нести крѣпостное иго". Когда Лютеръ услыхалъ о крестьянскомъ судѣ мести въ Вейнсбергѣ, его охватилъ новый приступъ злобы. Онъ писалъ тогда своему другу доктору Рюлэ: „нужно перебить всѣхъ крестьянъ. Невинныхъ спасетъ Богъ, не сдѣлаетъ онъ этого, они, конечно, не невинны. Во всякомъ случаѣ они молчали и сочувствовали*). „Cibus onus et virga alino (ослу требуется пища, ноша и бичъ). Набита ихъ голова сѣномъ, не слушаютъ они словъ, безразсудны они, пусть испытаютъ бичъ и оружіе; это имъ будетъ по заслугамъ. Пусть свищутъ пули среди нихъ, а то они надѣлаютъ еще въ тысячу разъ худшихъ дѣлъ".

Отношеніе Лютера къ революціоннымъ партіямъ объясняетъ намъ, почему наша теперешняя буржуазія продолжаетъ чтить Лютера, какъ героя; она видитъ въ немъ своего предшественника и своего учителя. Лютеръ до тѣхъ поръ проповѣдывалъ вѣротерпимость и свободу совѣсти пока онъ добился ее для себя и своихъ сторонниковъ, затѣмъ онъ превратился въ яраго преслѣдователя всѣхъ несо-

---

*) Лютеръ выразился здѣсь такъ же, какъ папскій легатъ при захватѣ Безіера, во время Альбигойскихъ войнъ, когда ландскнехты его спросили, какъ можно отличить вѣрующихъ отъ еретиковъ.

гласно мыслящихъ; такъ же поступаетъ въ наше время наша буржуазія. Когда разразилась крестьянская революція, Лютеръ бросился въ объятія реакціи и князей и даже соединился съ сторонниками папы, передъ нимъ стояла одна цѣль—подавить народное возстаніе; въ этомъ же родѣ дѣйствуютъ въ наше время наши либералы. Въ борьбѣ противъ пролетаріата они соединились съ попами и феодальной партіей и попираютъ ногами основныя положенія своего ученія, которыя они нѣкогда клялись свято чтить и защищать до послѣдней капли крови. Партіи нарушаютъ основные свои принципы, какъ только послѣдніе становятся на пути осуществленія ихъ интересовъ; въ этомъ заключается объясненіе безхарактерности и столь частыхъ измѣнъ данному обязательству съ ихъ стороны.

Считать Лютера защитникомъ свободы научнаго изслѣдованія можетъ только невѣжда или лжецъ; вся его жизнь, начиная съ 1521 года, является непрерывной борьбой противъ свободы научнаго изслѣдованія, свободы мысли и свободы печати. И правъ Себастіанъ Брандтъ, воскликнувшій съ негодованіемъ: „Когда у насъ господствовалъ папа мы были свободнѣе“; и Людвигъ Берне безусловно не ошибается, когда онъ говоритъ: „Такъ какъ до Лютера отличительной чертой нѣмцевъ было холопство, то и Лютеръ не смогъ освободиться отъ холопскаго образа мыслей“.

Если Лютеръ былъ представителемъ умѣренныхъ реформаторскихъ стремленій благосостоятельныхъ классовъ и другомъ дворянской партіи, враждебно

настроенной противъ папы, то Мюнцера можно считать истиннымъ вождемъ революціонныхъ слоевъ народа, крестьянъ и низшихъ классовъ городского населенія.

Томасъ Мюнцеръ родился въ зажиточной семьѣ около 1490—93 года въ городѣ Штольбергѣ въ Гарцѣ, годъ его рожденія въ точности не установленъ. Существуетъ преданіе, правда, не вполнѣ достовѣрное, что отецъ Мюнцера былъ повѣшенъ графомъ Штольбергомъ за какое-то преступленіе, и будто бы желаніе отомстить за своего отца привело Мюнцера въ ряды крайнихъ партій. Для такой версіи не существуетъ никакихъ доказательствъ, никому Мюнцеръ не говорилъ о такомъ фактѣ изъ его жизни, ни одна строчка его сочиненій не подтверждаетъ этотъ разсказъ. О дѣтствѣ и воспитаніи Мюнцера у насъ нѣтъ никакикъ свѣдѣній; предполагаютъ, что занимался онъ въ университетѣ Лейпцига или Виттенберга. Докторской степени достигъ онъ въ очень молодомъ возрастѣ; считался горячимъ и глубокимъ знатокомъ св. писанія, но его убѣжденія, какъ и убѣжденія многихъ его современниковъ и товарищей по университету, находились въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ господствующей церкви.

Едва достигнувъ 20 лѣтъ, онъ сдѣлался учителемъ латинской школы въ Ашерслебенѣ, затѣмъ въ Галле, гдѣ и основалъ направленный противъ умершаго въ 1513 г. архіепископа майнцскаго Эрнста VI, примаса Германіи, тайный союзъ, съ цѣлью реформировать христіанство. Уже этотъ фактъ говоритъ о революціонномъ направленіи и о его рѣшительномъ характерѣ.

Изъ Галле онъ попалъ въ 1515 году протоіереемъ въ женскій монастырь въ Фрозу вблизи Ашерслебена, въ 1517 г. онъ уже перешелъ учителемъ въ гимназію св. Мартина въ Брауншвейгѣ. Но и отсюда онъ скоро ушелъ по причинѣ „своего неспокойнаго духа“ и поселился на нѣкоторое время у своего друга въ Ашерслебенѣ, а затѣмъ погостилъ у своей матери въ Штольбергѣ. „Въ послѣднемъ городѣ онъ,—какъ пишетъ одинъ изъ его современниковъ,—произнесъ не одну дивную, прекрасную проповѣдь въ христіанскомъ духѣ, въ которыхъ нельзя было осудить ни одного слова, но подъ конецъ своего пребыванія тамъ въ Вербное воскресенье, онъ произнесъ рѣчь, которая разсудительныхъ людей навела на всевозможныя мысли“. Въ началѣ 1519 года мы вновь встрѣчаемся съ нимъ въ Лейпцигѣ у бухгалтера Кристейна; оттуда онъ обратился къ одному изъ своихъ друзей съ просьбой подыскать ему какое-нибудь мѣсто.

Кажется, онъ присутствовалъ въ Лейпцигѣ во время диспута Карлштадта и Лютера съ докторомъ Экомъ, что вытекаетъ изъ одного мѣста его опубликованной въ 1524 году рѣчи противъ Лютера. Еще въ томъ же 1519 году онъ получилъ мѣсто духовника бернардинскихъ монашенокъ въ монастырѣ Бейтицъ подъ Вейсенфельсомъ. О его тамошнемъ пребываніи Лютеръ пишетъ: „Когда ему приходилось по утрамъ служить монашенкамъ раннюю обѣдню, часто онъ выражалъ свое недовольство тѣмъ, что выпускалъ слова пресуществленія и просто давалъ имъ хлѣба и вина: при томъ онъ считалъ свой

поступокъ вполнѣ правильнымъ и хвалился даже въ Альтштедтѣ, что сожралъ такихъ неосвященныхъ причастій во всякомъ случаѣ не менѣе 200 штукъ".

Въ 1520 году Мюнцеръ получилъ мѣсто проповѣдника въ церкви св. Маріи въ Цвикау, гдѣ съ самаго начала настолько рѣзко выступилъ противъ поповскаго сословія и жившихъ тамъ богатыхъ нищенствующихъ монаховъ, что всѣ они безъ исключенія стали его врагами, и между нимъ и ими загорѣлась яростная борьба. Въ своей первой проповѣди въ день Вознесенія Господня онъ сказалъ: „Монахи отличаются такой пастью, что если бы можно было отъ нее отрѣзать добрую половину, то и тогда у нихъ сохранились бы достаточно большіе рты". Дальше онъ говорилъ: „Лицемѣры за кусокъ хлѣба воскрешаютъ души, которыя умерли, и пожираютъ своими длинными вилками дома вдовъ, они не стремятся пробудить вѣру у умирающихъ, а бьютъ на удовлетвореніе ненасытнаго честолюбія". Нищенствующіе монахи изрыгали пламя противъ Мюнцера, они бѣгали изъ дому въ домъ и пытались возбудить противъ него населеніе. Одинъ изъ монаховъ, братъ Тибуртій фонъ-Вейсенфельсъ произнесъ такую проповѣдь противъ Мюнцера: „Новые проповѣдники основываются только на Евангеліи, но это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ тогда они вступаютъ въ противорѣчіе съ людскими законами, на которые слѣдуетъ обратить особое вниманіе; новый завѣтъ необходимо дополнить во многихъ отношеніяхъ; нельзя же жить только по указаніямъ новаго завѣта; если бы бѣдность вытекала

изъ ученія Евангелія, то тогда короли и князья не могли бы владѣть богатствами міра, а скорѣе должны были бы жить въ бѣдности, какъ нищіе или пастыри духовные". Мюнцеру, конечно, не трудно было справиться съ такими противниками.

Нѣкоторое время между Мюнцеромъ и Лютеромъ царило полное согласіе; еще живя въ Цвикау Мюнцеръ переписывался съ Лютеромъ. Но вскорѣ Мюнцеромъ овладѣлъ духъ сомнѣнія. Лютеръ твердо держался за ученіе Церкви и библіи, Мюнцеръ шелъ дальше; онъ считалъ библію произведеніемъ рукъ человѣческихъ, которую нужно толковать съ помощью разума. Непосредственное божественное прозрѣніе каждаго помощью вѣры,—вотъ въ чемъ заключается истина. Развѣ мы не можемъ ошибиться, считая Христа сыномъ Бога, а апостоловъ, осѣненными Божьей благодатью, основываясь только на ихъ собственномъ утвержденіи, что они таковые и на тѣхъ чудесахъ, которые они разсказываютъ другъ объ другѣ. Развѣ мы не можемъ ошибиться, считая эти разсказы правдивыми по божественности ихъ разсказчиковъ, которая какъ разъ вытекаетъ изъ этихъ разсказовъ? Вѣдь турки также имѣютъ книгу, въ которой, какъ они убѣждены, находится слово Божіе, гдѣ приведена масса чудесъ, въ которыя они также глубоко вѣрятъ, какъ мы въ чудеса новаго завѣта. Гдѣ же доказательства, что наша вѣра истинная, а ихъ—ложная? Такъ спрашивалъ онъ. О Лютерѣ онъ говорилъ: „Бороться противъ власти папы, не признавать отпущенія грѣховъ, чистилища, панихидъ и другихъ злоупотребленій, значитъ проводить ре-

форму только наполовину. Лютеръ неважный реформаторъ, онъ нерѣшителенъ, онъ подкладываетъ подушки нѣжному тѣлу, слишкомъ превозноситъ вѣру и мало значенія придаетъ поступкамъ“.

Мюнцеръ рано увлекся мистикой, которая такъ соотвѣтствовала его поэтически-эксцентричной натурѣ. Онъ съ жаромъ изучалъ сочиненія аббата Іоахима, жившаго въ Италіи въ XII столѣтія и считавшагося пророкомъ, и сочиненія Таулера, учившаго въ серединѣ четырнадцатаго столѣтія въ Страсбургѣ. Изъ ихъ ученія вытекала ненужность всего церковнаго строя, ненужность поповскаго сословія, и необходимость для всякаго, кого осѣнитъ Божья благодать, стать проповѣдникомъ. Они говорили, что наступитъ время господства духа, а вмѣстѣ съ нимъ воцарится любовь, радость и свобода. Евангеліе буквы является чѣмъ-то временнымъ, формы, порожденныя имъ, преходящими и исчезающими; откровеніе духа—вотъ истинное евангеліе. Сыновья духа не нуждаются въ посредничествѣ священниковъ и ученаго сословія, духъ—ихъ учитель; внутреннее прозрѣніе замѣняетъ для нихъ внѣшній авторитетъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Мюнцеръ училъ: „Христосъ никогда не указывалъ избраннымъ на писаніе, онъ на него указывалъ только фарисеямъ, избранные могутъ обладать истинной вѣрой, хотя бы никогда и ничего не слыхали о библіи, даже если бы были рождены и воспитаны среди язычниковъ“. О крещеніи дѣтей онъ заявлялъ вполнѣ опредѣленно: „Старая Церковь дѣтей не крестила, Христосъ и

апостолы то же. Если бы спасеніе душъ зависило отъ крещенія, то при наличности такого непониманія намъ лучше было воспринимать сладчайшаго Іисуса и обливать себя при крещеніи хорошей мальвазіей и виномъ, вмѣсто воды. Истиннаго настоящаго крещенія у насъ нѣтъ, поэтому вступленіе въ христіанство выродилось въ скотское обезьянство... Я прошу всѣхъ христіанъ буквоѣдовъ, чтобы они мнѣ указали, гдѣ написано святыми буквами, что былъ крещенъ несовершеннолѣтній ребенокъ"... Несомнѣнно, это ученіе Мюнцера дало поводъ причислить его къ перекрещенцамъ и считать его ихъ главой. Но нѣтъ фактовъ, что онъ дѣйствительно принадлежалъ къ этой сектѣ, или крестилъ взрослыхъ. Духъ времени увлекалъ его все больше и больше въ область политической агитаціи.

Всѣ мистики и утописты христіанства съ момента его возникновенія обосновывали свое ученіе ссылками на пророковъ стараго завѣта, особенно Іеремію, и на откровенія Іоанна въ новомъ завѣтѣ. Утопическія ученія мистиковъ быстро завладѣли огненнымъ темпераментомъ Мюнцера. Ему казалось, что духъ революціоннаго броженія, охватившій его столѣтіе и пропитавшій всю общественную атмосферу, создаетъ условія, необходимыя для коренного переустройства всего общественнаго строя и даетъ возможность осуществить на землѣ царство Божіе, основанное на свободѣ и равенствѣ.

Споръ Мюнцера въ Цвикау съ монахами осложнился его споромъ съ проповѣдникомъ Эргрануcомъ, убѣжденнымъ сторонникомъ Лютера. Этотъ споръ

ускорилъ его разрывъ съ Виттенбергцами. Эта борьба придвинула Мюнцера близко къ сектѣ перекрещенцевъ, которая въ то время основалась въ окрестностяхъ Цвикау и нашла тамъ большое количество сторонниковъ.

Въ лицѣ перекрещенцевъ какъ бы воскресли только въ иной формѣ фанатическія секты, тайно существовавшія со времени пораженія гуситовъ въ сосѣдней Богеміи, Франконіи, Тюренгіи и Саксоніи. Гейслеры (бичеватели) или крестовые братья, какъ ихъ раньше называли, подвергались въ продолженіе многихъ десятилѣтій яростнымъ преслѣдованіямъ за свои религіозныя убѣжденія и тѣсно связанное съ ними соціальное и политическое ученіе. Многіе изъ нихъ умерли на кострахъ въ Нордгаузенѣ, Ашерслебенѣ, Зангергаузенѣ и въ другихъ мѣстахъ. Казалось, народъ забылъ ихъ ученіе, но это только казалось; какъ только началась реформація, какъ только повсюду пробудился свободный духъ, и старыя утопическія ученія всплыли наружу. Во главѣ секты перекрещенцевъ въ Цвикау стояли два суконщика Никласъ Шторхъ и Максъ Томэ и ученый Максъ Штюбнеръ изъ Элстерберга, изучавшій науки въ Виттенбергѣ. На своихъ собраніяхъ, которыя посѣщались преимущественно ткачами, суконщиками и рудокопами, они говорили о скорой гибели міра, о приближеніи страшнаго суда, который уничтожитъ всѣхъ нечестивыхъ и невѣрующихъ, очиститъ міръ кровью, оставитъ въ живыхъ только благочестивыхъ и вѣрующихъ, тогда воцарится царство Божіе на землѣ, и будетъ одно крещеніе

и одна вѣра. Какъ религіозные фанатики они придавали большое значеніе видѣніямъ и снамъ, впадали въ судорги, корчились, дѣлали прорицанія и объясняли сновидѣнія. Пророкамъ перекрещенцевъ не удалось завербовать Мюнцера, но онъ воспользовался ими, какъ прекраснымъ орудіемъ, какъ отважными, смѣлыми людьми, одушевленными своими убѣжденіями и готовыми присоединиться къ нему и бороться вмѣстѣ съ нимъ; такъ какъ многіе пункты его ученія соотвѣтствовали положеніямъ провозглашеннымъ ими, Мюнцеръ открыто выступилъ въ защиту ихъ пророка Никласа Шторха и восхвалялъ его, говоря, что онъ лучше понимаетъ библію, чѣмъ всѣ попы, и что его дѣйствительно осѣнилъ святой духъ. Покровительство перекрещенцамъ и непрерывная борьба съ духовнымъ сословіемъ породили отрицательное отношеніе къ Мюнцеру со стороны совѣта города Цвикау. Когда же ему удалось возбудить противъ одного изъ священниковъ недовольство народа, то предсѣдатель духовнаго суда въ Цейсѣ назначилъ надъ нимъ слѣдствіе. Бунтъ, поднятый рудокопами въ одномъ изъ угловыхъ домовъ крѣпостной улицы и подавленный совѣтомъ, поставили опять-таки ему въ вину хотя и совершенно несправедливо. Тогда онъ оставилъ Цвикау и отправился въ Прагу. Здѣсь въ прежней столицѣ гуситовъ онъ надѣялся найти хорошую почву для своего ученія и своей дѣятельности. Его жизнь въ Цвикау, дальнѣйшее знакомство съ тяжелымъ положеніемъ угнетеннаго народа, которое онъ основательно изучилъ

въ Цвикау путемъ непосредственнаго общенія съ самимъ народомъ, еще сильнѣе разожгли его ненависть къ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Въ поповскомъ сословіи онъ видѣлъ возрожденіе старой тираніи, которая терзаетъ міръ отъ имени Христа, какъ терзала раньше съ помощью языческихъ суевѣрій. Князья и свѣтскіе владыки являлись для него высокомѣрными тиранами, считавшими себя выше остальныхъ людей, они олицетворяли тѣ враждебныя силы, которыя противились и задерживали наступленіе царства Божьяго на землѣ, наступленіе вѣчнаго блаженства и спасенія, которыя приносили человѣчество въ жертву своему корыстолюбію, своему сладострастію, своимъ настроеніямъ, которыя злоупотребляли народомъ всякими способами, препятствовали всестороннему развитію его силъ, мѣшали ему жить человѣческой жизнью.

Прибывъ въ Прагу онъ выпустилъ памфлетъ противъ папистовъ, начинавшійся словами: „Я Томасъ Мюнцеръ изъ Штольберга, который подобно желанному и выдающемуся бойцу Христову, Іоанну Гуссу, собираюсь наполнить звонкія трубы новыми напѣвами... я говорю и исповѣдую, что я старательно изучалъ всѣхъ моихъ современниковъ пока не удостоился достигнуть болѣе полнаго и рѣдкаго познанія непобѣдимой, святой христіанской вѣры...“ Затѣмъ онъ развивалъ свое ученіе и выступалъ съ рѣзкими нападками противъ священниковъ, которые свое ученіе выкрали изъ Библіи, какъ ловкіе воры и жестокіе разбойники... Они (попы) должны бы были крѣпкой стѣной защищать народъ Бога отъ

богохульниковъ. Но какъ разъ они сами и являются источникомъ этой мерзости, живутъ въ ней, изрыгаютъ ее... Поэтому въ наказаніе за народъ они предназначены своему отцу чорту, который подобно имъ не понимаетъ живого слова Божьяго. Такъ какъ они идолопоклонники, то нисколько не отличаются отъ чорта. Скажу я кратко, они проклятые люди. Ничто столь не претитъ Святому Духу, какъ „ненужное“ христіанское духовенство. Ученіе о св. матери Церкви утверждаетъ открытое распутство душъ. Папскій и деревянный римскій епископъ дѣлаетъ постановленія въ своемъ вавилонскомъ домѣ терпимости. При такихъ условіяхъ наши противники становятся еще ожесточеннѣе. Церковь, говорилъ онъ, осталась чистой дѣвушкой послѣ смерти апостоловъ, но вѣроломные попы своей дѣятельностью осквернили и опозорили ее. Затѣмъ онъ призывалъ своихъ „любезныхъ богемскихъ братьевъ“ присоединиться къ нему противъ своихъ священниковъ, говоря, что вмѣстѣ съ нимъ они добьются въ той же мѣрѣ чести и славы, въ какой со сторонниками Рима—позора и ненависти. Церковь молится не нѣмому Богу, а говорящему и живому. „Если я лгу живымъ Божественнымъ словомъ, которое сегодня исходитъ изъ моихъ устъ, то я готовъ нести наказаніе Іереміи и готовъ самъ предать себя мукамъ земной и вѣчной смерти“.

Безусловно надо было обладать отвагой, чтобы выступить съ подобнымъ заявленіемъ противъ духовенства и Церкви въ странѣ, гдѣ католическая религія вновь достигла неограниченнаго господства.

Выступленіе Мюнцера въ Богеміи лучше всего опровергаетъ обвиненія его въ трусости. Мюнцеръ не встрѣтилъ сочувствія своему ученію. Пробывъ въ Богеміи болѣе или менѣе продолжительное время и произведя цѣлый рядъ безрезультатныхъ попытокъ, ему пришлось подъ давленіемъ властей покинуть страну. Въ концѣ 1522 года прибылъ онъ въ Альгштадтъ въ Тюренгію и занялъ тамъ мѣсто проповѣдника. Здѣсь онъ тотчасъ же предпринялъ коренную реформу богослуженія. Латинскій языкъ былъ изгнанъ, всѣ книги библіи читались народу и на прочитанное произносились проповѣди. Его проповѣди возбуждали такое сочувствіе, что на нихъ собирались въ большомъ количествѣ жители Мансфельда, Зангергаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Ашерслебена и другихъ мѣстъ. Лютера страшно злило большое стеченіе народа на проповѣди Мюнцера, не менѣе досадовалъ онъ на то обстоятельство, что Мюнцеръ предупредилъ его съ реформой богослуженія. Съ ребяческимъ упрямствомъ онъ заявилъ: „Хотя я и намѣревался произвести такую же реформу, но на зло фантазеру я подожду... Лучше я стану съ завтрашняго дня строгимъ монахомъ, лучше я стану вновь исполнять всѣ монастырскія предписанія, какъ я ихъ исполнялъ нѣкогда, чѣмъ уступлю хотя бы на одинъ волосъ или на одинъ моментъ этому душегубу“. Едва ли возможно быть ограниченнѣе и упрямѣе.

Вначалѣ своей дѣятельности въ Альтштадтѣ Мюнцеръ убѣждалъ и саксонскихъ князей поддержать его ученіе. Но у нихъ не оказалось охоты по-

слѣдовать его призыву; тогда еще горячѣе стала раздаваться его проповѣдь къ народу.

Въ Альтштадтѣ онъ основалъ тайный союзъ, программа котораго заключалась въ возстановленіи царства Божьяго на основѣ братства, равенства и свободы. Всѣ церковныя учрежденія не согласныя съ ученіемъ первоначальнаго христіанства должны быть устранены какъ, напримѣръ, все духовное сословіе; всякому господству положенъ конецъ; имущество поступаетъ въ общее пользованіе, всѣ работы исполняются общими силами и каждый изъ участниковъ получаетъ свою часть въ зависимости отъ его нужды и наличности продуктовъ. На борьбу за основаніе такого государства необходимо призывать всю Германію, все христіанство, не исключая князей и властителей; если уклонятся послѣдніе, ихъ необходимо изгнать или убить.

Чтобы увеличить силы своего союза, Мюнцеръ разослалъ повсюду комиссаровъ, обязанность которыхъ заключалась въ завязываніи связей и вербовкѣ единомышленниковъ. Самъ онъ произносилъ проповѣди въ духѣ своей революціонной программы и пытался также проводить свои идеи печатнымъ словомъ. Въ Эйленбургѣ онъ содержалъ въ лицѣ Николая Видемара своего собственнаго наборщика.

Первыми результатами его проповѣдей явилось сожженіе его сторонниками часовни въ Меллербахѣ, пунктѣ паломничества, лежащемъ вблизи Альтштадта. Герцогъ саксонскій Іоаннъ, послѣ донесенія ему объ этомъ со стороны его казначея, потребовалъ къ отвѣту въ Веймаръ власти Альтштадта. Послѣд-

нія не исполнили этого требованія, а защищались письмомъ написаннымъ Мюнцеромъ, въ которомъ заявили: „то, что сдѣлано въ Меллербахѣ противъ діавола, они считаютъ правильнымъ и соотвѣтствующимъ Евангелію; они готовы перенести любыя наказанія, къ какимъ бы ихъ ни присудили, какъ тѣлесныя, такъ и денежныя, но не будутъ молиться діаволу въ Меллербахѣ и не выдадутъ тѣхъ, кто его разрушилъ. Вскорѣ послѣ этого событія Мюнцеръ произнесъ проповѣдь передъ князьями Саксонскими во дворцѣ въ Альтштадтѣ, куда они прибыли, чтобы лично познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и успокоить мятежъ. Въ своей рѣчи онъ между прочимъ сказалъ: „Князья обязаны съ корнемъ вырвать идолопоклонство, и силой ввести Евангеліе". Въ подтвержденіе правильности своего воззрѣнія о необходимости убивать невѣрующихъ правителей и особенно священниковъ и монаховъ, которые считаютъ святое Евангеліе еретической книгой, онъ сослался на слова Іисуса, Лука XIX, Матѳ. XVIII и на апостола Павла. Невѣрующіе не имѣютъ права жить, поскольку праведники не оказываютъ имъ попустительства. Гдѣ князья не уничтожатъ невѣрующихъ, тамъ Господь Богъ лишитъ ихъ меча. Вся община имѣетъ право наказывать смертью, и тогда управлять будетъ тотъ, кому принадлежитъ вся власть на небѣ и на землѣ. Всѣ углы полны тщеславными лицемѣрами и нѣтъ никого столь отважнаго, что онъ рѣшился бы сказать истинную правду. Главное ядро ростовщиковъ, воровъ и разбойниковъ составляютъ наши князья, они присваиваютъ себѣ всѣ живыя существа, все

должно принадлежать имъ: рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ и вся растительность на землѣ. Іез. V. Затѣмъ они создаютъ Божественные законы и распространяютъ ихъ среди бѣднаго народа и говорятъ: Богъ повелѣлъ, не укради. Ихъ же эти законы не касаются. Они какъ разъ и создаютъ возможность обирать и обдирать бѣднаго земледѣльца и ремесленника и все живущее. Мих. III. Если же бѣднякъ украдетъ хотя бы самые пустяки, то его должно повѣсить. А докторъ Люгнеръ (т.-е. обманщикъ, намекъ на Лютера) говоритъ на все: аминь!

„Господа сами пробуждаютъ къ себѣ вражду бѣднаго человѣка. Они не хотятъ устранить причины мятежа; какимъ же образомъ можетъ наступить продолжительное спокойствіе. Я говорю, я и останусь мятежникомъ. Вы, дрожайшіе и любимые правители, прислушайтесь внимательно къ вашему приговору изъ устъ Бога и не допускайте, чтобы васъ обманывали лицемѣрные попы и удерживали васъ прославленнымъ терпѣніемъ и милосердіемъ...“

Опубликованіе Мюнцеромъ этой проповѣди послужило поводомъ для Лютера выступить противъ Мюнцера съ горячимъ посланіемъ. „Письмо къ князьямъ саксонскимъ о мятежномъ духѣ“ и потребовать отъ князей немедленнаго изгнанія его изъ страны. Какъ ближайшій результатъ такого обращенія оказалась высылка наборщика Мюнцера и запрещеніе Мюнцеру печатать что-либо. Онъ горячо протестовалъ противъ такого рѣшенія въ письмѣ къ князьямъ. Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ членовъ союза предалъ все начинаніе: Мюнцера пригласили во дворецъ въ Вей-

маръ для допроса. Прежде чѣмъ исполнить послѣднее требованіе онъ издалъ въ Мюльгаузенѣ рѣзкое посланіе противъ князей и поповъ, озаглавленное: „Томасъ Мюнцеръ съ молотомъ". Въ немъ онъ писалъ: „Дорогіе товарищи, пробьемъ пошире окно, чтобы весь міръ могъ видѣть и ощущать сколь велики тѣ глупцы, которые кощунственно превратили Бога въ размалеваннаго человѣчка...

„Желѣзная стѣна воздвигнута между королями, князьями и попами съ одной стороны, и народомъ—съ другой. Они могутъ спорить, но побѣда чудеснымъ образомъ склоняется на погибель сильныхъ, безбожныхъ тирановъ...

„Весь міръ долженъ пережить громадный переворотъ, произойдетъ катастрофа: безбожники полетятъ съ своихъ троновъ, незнатные міра сего вознесутся высоко".

Мюнцеръ мужественно защищался противъ обвиненій, предъявленныхъ ему въ Веймарскомъ замкѣ. Доктору Штраусу и босоногимъ, которые вели съ нимъ въ присутствіи князей диспутъ, онъ прямо заявилъ: „Если лютеране не хотятъ предпринять ничего иного, какъ только помучить поповъ и монаховъ, то лучше будетъ имъ остановиться сейчасъ на половинѣ дороги". Такой отвѣтъ и сейчасъ годится многимъ любителямъ церковныхъ споровъ. Въ результатѣ допроса Мюнцеръ былъ изгнанъ изъ страны. 15 августа переселился онъ въ Мюльгаузенъ, оставивъ свою жену и ребенка (Мюнцеръ женился въ Альтштадтѣ и отъ этого брака у него родился сынъ) на нѣкоторое время у своихъ хорошихъ друзей.

Какъ только Лютеръ узналъ объ этомъ переселеніи, то полный провокаторскаго пыла онъ написалъ къ совѣту города Мюльгаузена: „серьезно предостерегаю совѣтниковъ противъ Мюнцера и его ученія. Послѣдній уже доказалъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Цвикау, а за послѣднее время въ Альтштадтѣ, что отъ его дѣятельности нельзя ожидать иныхъ плодовъ, какъ убійства, возстанія и кровопролитія“. Ненависть Лютера противъ Мюнцера, находившая себѣ исходъ въ злобномъ доносѣ, показываетъ насколько онъ боялся Мюнцера. Революціонная энергія Мюнцера, отвага, съ которой онъ защищалъ и пропогандировалъ свои убѣжденія, рвеніе, съ которымъ онъ день и ночь боролся за дѣло народа, сверкающіе краски, которыми онъ въ своихъ проповѣдяхъ рисовалъ насилія властителей какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго сословія, все это создавало ему громадную популярность у простого народа. Къ Лютеру почти ежедневно поступали свѣдѣнія изъ различнѣйшихъ мѣстностей о томъ, какъ растетъ вліяніе Мюнцера, какъ часть его собственныхъ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ поскольку они принадлежатъ къ народнымъ слоямъ отпадаетъ отъ него и переходитъ на сторону Мюнцера; вліятельныя лица отдѣльныхъ мѣстностей особенно изъ среды духовенства отступили отъ Лютера и присоединились къ Мюнцеру, какъ только опредѣлилась реакціонная нетерпимость Лютера.

Мюнцеръ не оставался въ долгу у Лютера. На его ядовитыя нападенія и доносы онъ отвѣчалъ письмами и проповѣдями въ которыхъ безжалостно би-

чевалъ „сладкоживущій въ Виттенбергѣ кусокъ мяса“, какъ онъ любилъ называть Лютера; онъ пускалъ въ ходъ самыя грубыя и рѣзкія выраженія, которыми изобиловало то время еще не привыкшее къ изысканнымъ оборотамъ рѣчи.

Когда Мюнцеръ прибылъ въ Мюльгаузенъ, возбужденіе народа достигло тамъ уже извѣстной высоты. Это было въ концѣ августа 1524 года. Броженіе въ Германіи уже дошло почти до высшей точки напряженія. У бюргеровъ Мюльгаузена, подобно бюргерамъ другихъ народовъ, накопилось достаточное количество недовольства какъ противъ дѣятельности духовенства, такъ и противъ совѣта, который состоялъ исключительно изъ патриціевъ. Въ Мюльгаузенѣ еще годъ тому назадъ выступилъ монахъ по имени Генрихъ Пфейферъ, богато одаренная личность. Однажды въ воскресенье онъ всталъ на улицѣ на тумбу и началъ проповѣдь противъ церковнаго причта, монаховъ и монахинь. Его проповѣдь нашла большое сочувствіе. Народъ собрался въ громадномъ количествѣ. Совѣтъ испугался за спокойствіе города и свои привилегіи и потребовалъ Пфейфера къ отвѣту. По окончаніи проповѣди Пфейферъ послѣдовалъ этому требованію, но собравшаяся масса народа отправилась вмѣстѣ съ нимъ, и это обстоятельство настолько запугало совѣтъ, что онъ не осмѣлился предпринять что-либо противъ Пфейфера. Пфейферъ сталъ смѣлѣе; онъ продолжалъ проповѣдовать съ своей каменной кафедры, и скопленіе народа становилось все больше и больше. Совѣтъ вторично вызвалъ его, Пфейферъ потребовалъ гарантіи

своей неприкосновенности; совѣтъ отказалъ ему. Тогда Пфейферъ послѣ новой проповѣди заставилъ тысячную толпу поклясться на вѣрность Евангелію и потребовалъ, чтобы она захвативъ оружіе собралась на площади св. Маріи. Народъ послѣдовалъ его призыву, собрался съ оружіемъ въ рукахъ въ указанномъ мѣстѣ и выбралъ тамъ изъ своей среды восемь человѣкъ, которые должны были потребовать отъ совѣта свободнаго пропуска Пфейферу.

Совѣтъ находился въ затруднительномъ положеніи; большая часть бюргерства сочувствовала реформамъ, она имѣла на это основаніе. Изъ многихъ тысячъ горожанъ можно было назвать только 96 человѣкъ, которые дѣйствительно пользовались свободой. Это были члены совѣта, состоявшаго исключительно изъ патриціевъ. Совѣтъ царствовалъ неограниченно, бюргерству оставалось только одно право—повиноваться. Это обстоятельство заставляло совѣтъ опасаться религіознаго возбужденія. Онъ лицемѣрно уступилъ съ цѣлью успокоить массы; но вскорѣ послѣ этого ему удалось изгнать Пфейфера изъ внутренней части города; онъ поселился въ предмѣстьѣ св. Николая. Теперь Пфейферъ открыто выступилъ на арену политической агитаціи, но требованія, выставленныя имъ, отличались еще большой умѣренностью. Но совѣтъ изгналъ его совершенно. Пфейферу въ концѣ 1523 г. съ помощью своихъ сторонниковъ изъ бюргерства удалось вторично поселиться въ городѣ; онъ вновь началъ свою агитаторскую дѣятельность. Тогда въ августѣ 1524 года ему пришлось вторично покинуть городъ. Это побудило его измѣнить свою

тактику. До сихъ поръ онъ защищалъ интересы бюргерства; но такъ какъ послѣднее дважды бросило его на произволъ судьбы и доказало этимъ свою ненадежность, то онъ выступилъ теперь представителемъ интересовъ жителей предмѣстій и крестьянъ. Когда совѣтъ во время возстанія жителей предмѣстій обратился за помощью къ крестьянамъ многочисленныхъ деревень, принадлежавшихъ городу, то они не только не откликнулись на этотъ призывъ, а присоединились къ возставшимъ. Они предъявили совѣту свои требованія, изложенныя въ 12 статьяхъ Пфейферомъ. Содержаніе этихъ статей утеряно, но по всей вѣроятности оно не отличалось отъ содержанія тѣхъ 12 статей, которыя вынесли крестьяне собравшіеся подъ предводительствомъ Мюнцера въ 1525 году около Франкенгаузена, и которыя послужили по всѣмъ даннымъ прообразомъ знаменитыхъ 12 статей верхнегерманскихъ крестьянъ, съ которыми мы познакомимся впослѣдствіи.

Бюргерская партія Пфейфера одержала побѣду въ внутренней части города въ концѣ августа 1524 года, но уже черезъ мѣсяцъ возстали вновь сторонники совѣта. Такой поворотъ произвело по всѣмъ даннымъ появленіе Мюнцера. Мюнцеръ обратился съ своей проповѣдью къ низшимъ слоямъ населенія, къ бѣднякамъ. Этотъ фактъ толкнулъ большую часть сторонниковъ Пфейфера, степенныхъ бюргеровъ, въ объятія совѣта. Чинные горожане не хотѣли ничего слышать о революціонныхъ посягательствахъ Мюнцера, они готовы были скорѣе заключить союзъ съ реакціей. Картина получается та же, что и въ на-

ше время. Совѣтъ побѣдилъ. Мюнцеръ, едва успѣвъ прожить въ городѣ пять недѣль, былъ изгнанъ; вскорѣ за тѣмъ та же участь уже въ третій разъ постигла и Пфейфера.

Тогда Пфейферъ и Мюнцеръ отправились въ южную Германію, прежде всего въ Нюрнбергъ. Въ Нюрнбергѣ, а также и во всей Франконіи новыя идеи успѣли пустить уже глубокіе корни. Возбужденіе среди народа стало всеобщимъ. Въ Форхгеймѣ, городѣ, лежащемъ вблизи Нюрнберга, дѣло уже почти дошло до открытаго возстанія; въ Нюрнбергѣ шло броженіе. Мюнцеръ нашелъ почву въ Нюрнбергѣ уже подготовленной своими сторонниками. Тамъ у него уже были приверженцы. Единомышленники призывали его начать свою проповѣдь въ городѣ, но онъ отказался. О причинахъ такого рѣшенія онъ высказалъ въ письмѣ къ своимъ друзьямъ въ Альтштадтѣ слѣдующее: „Я могъ сыграть съ Нюрнбергцами хорошую штуку, если бы я стремился поднять возстаніе, въ чемъ меня обвиняетъ лживый свѣтъ, но я хочу настолько разбить своихъ противниковъ на словахъ, чтобы они не могли уже скрыть этого. Многіе изъ Нюрнбергцевъ уговаривали меня начинать проповѣдь, но я отвѣтилъ: Я пришелъ не съ этой цѣлью, мнѣ нужно прежде отвѣтить печатнымъ словомъ. Когда до господъ донеслась вѣсть о такихъ рѣчахъ, они обрадовались, полагая, что для нихъ наступила масленица; потъ ремесленниковъ имъ нравится, но онъ родитъ горькую злобу. Здѣсь не помогутъ никакія уловки, никакой обманъ, правда должна выплыть наружу“. Въ томъ же письмѣ онъ

проситъ о матеріальной поддержкѣ: „Что будетъ, то будетъ. Но если письмо васъ разсердитъ, то мнѣ не нужно ни одного геллера“. Сочиненіе, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ, и которое онъ собирался напечатать въ Нюрнбергѣ, было направлено противъ Лютера и озаглавлено такъ: „Защитительная рѣчь, вызванная важными причинами, въ отвѣтъ бездушному сладкоживущему куску мяса въ Виттенбергѣ, который уже указаннымъ способомъ передергиваніемъ Святого Писанія совершенно загрязнилъ несчастное христіанство“. Это сочиненіе безусловно самое несдержанное изъ всѣхъ сочиненій Мюнцера. Онъ былъ озлобленъ противъ Лютера и имѣлъ на это достаточно основанія, такъ какъ последній непрерывными оговорами его передъ князьями саксонскими добился изгнанія Мюнцера и его наборщика и продолжалъ преслѣдовать его повсюду. Мюнцеръ и обвинялъ его въ этомъ. Въ то же время онъ защищался въ этой статьѣ противъ сдѣланнаго ему Лютеромъ упрека, что у него не хватаетъ мужества—открыто выступить съ диспутомъ противъ Лютера и защищать свое ученіе. Лютеръ какъ-то раньше предложилъ Мюнцеру пріѣхать къ нему на домъ въ Виттенбергъ и тамъ защищать свое ученіе. Конечно, Мюнцеръ не согласился на такое предложеніе и отвѣтилъ: „Онъ готовъ передъ всѣмъ народомъ защищать свое дѣло противъ Лютера, но не въ его квартирѣ въ Виттенбергѣ“.

Лютеръ въ письмѣ къ князьямъ саксонскимъ такимъ образомъ обосновалъ свое обвиненіе Мюнцера въ трусости: „Ваша Княжеская Милость, я предлагаю

себя къ Вашимъ услугамъ, если необходимо. то я открыто заявлю о результатахъ моего диспута въ моей комнатѣ съ этимъ человѣкомъ, изъ чего Ваша Княжеская Милость и весь міръ увидитъ и пойметъ, что этотъ человѣкъ безусловно лживый плохой чортъ. Онъ не хочетъ отвѣчать въ уголкѣ двоимъ или троимъ. Что же это за человѣкъ, который боится двоихъ или троихъ и не выноситъ несогласнаго съ нимъ общества. Я вамъ объясню. Въ моемъ монастырѣ въ Виттенбергѣ ему уже досталось разъ или два отъ меня, онъ помнитъ это, его воротитъ отъ такого обѣда и ему не хочется выступать не передъ своими единомышленниками, которые всегда согласны съ его краснорѣчивыми рѣчами". На утвержденіе Лютера, что они будто бы встрѣчались, Мюнцеръ въ своей защитительной рѣчи отвѣчаетъ слѣдующее: „Поскольку ты утверждаешь, что справился со мной въ диспутѣ, постольку ты говоришь неправду. Да, ты лжешь на свою собственную голову. Я вѣдь не былъ у тебя уже 6 или 7 лѣтъ". Лютеръ слѣдовательно писалъ неправду.

Въ упомянутомъ Нюрнбергскомъ посланіи Мюнцеръ накидывается на Лютера съ отборной руганью, онъ называетъ его честолюбивѣйшимъ и лживымъ книжникомъ, надменнымъ дуракомъ, заучившимся мальчишкой, безстыднымъ монахомъ, докторомъ Люгнеромъ, докторомъ порока, льстивымъ виттенбергскимъ плутомъ, виттенбергскимъ папой, ванской надутой предательской вѣдьмой, Мартиномъ—красной дѣвицей, цѣломудренной вавилонской женой, главнымъ канцлеромъ чорта и т. д. Намекая

на одно мѣсто въ письмѣ Лютера къ саксонскимъ князьямъ, гдѣ тотъ говоритъ о высылкѣ Мюнцера, Мюнцеръ отвѣчаетъ: „Лютеръ пишетъ: не нужно запрещать ему проповѣдь, но нужно слѣдить, чтобы у Альтштедтскаго привидѣнія были связаны руки. Меня удивляетъ, что безстыдный монахъ, упивающійся мальвазіей и роскошествующій, какъ блудница, терпитъ такія нападки съ моей стороны. Они не препятствуютъ мнѣ говорить проповѣди, но запрещаютъ мнѣ писать для печати.

„Ты знаешь, надъ кѣмъ ты можешь издѣваться; бѣдные монахи, папы и купцы не могутъ защитить себя, поэтому тебѣ сподручно ихъ ругать. Но безбожныхъ правителей никому не подобаетъ по-твоему осуждать, хотя бы они топтали Христа ногами... Нѣтъ! Ты долженъ ругать твоихъ князей въ лицо, они скорѣе заслужили это, чѣмъ многіе другіе; развѣ они отказываются отъ процентовъ, или ослабляютъ свои притѣсненія? Но то, что ты напортишь, понося своихъ князей, ты можешь исправить, ты новый папа, *подаривъ имъ монастыри и церкви*, тогда они вновь будутъ довольны".

Лютеръ въ своемъ письмѣ хвалился также тѣмъ, что онъ открыто выступилъ противъ своихъ противниковъ въ Лейпцигѣ, Аугсбургѣ и Вормсѣ и обвинялъ Мюнцера, говоря, что онъ прячется въ уголъ. На это послѣдній отвѣтилъ: „Въ концѣ ты разсказываешь, какъ ты выступалъ въ Лейпцигѣ противъ весьма опаснаго общества. Ты хочешь обмануть народъ. Ты чувствовалъ себя прекрасно въ Лейпцигѣ, вѣдь ты выѣхалъ оттуда съ терновымъ вѣн-

цомъ и пилъ прекрасное вино у Мельхіора Лотера. Твое пребываніе въ Аугсбургѣ не представляло для тебя никакой опасности, оракулъ Штаупицъ *) стоялъ около тебя и помогалъ тебѣ.

„За то, что ты стоялъ въ Вормсѣ противъ имперіи, благодари германское дворянство, которому ты такъ ловко намазалъ ротъ медомъ. Такъ какъ оно полагало, что силой твоихъ проповѣдей ты наградишь ихъ богемскими подарками, монастырями, которые ты теперь обѣщаешь князьямъ. Если бы ты заколебался въ Вормсѣ, то дворянство скорѣе закололо бы тебя, чѣмъ выпустило,—это знаетъ всякій". О плѣненіи Лютера въ Тюрингенскомъ лѣсу курфюрстомъ саксонскимъ Мюнцеръ выразился такъ: „Ты посовѣтовалъ взять тебя въ плѣнъ, а представился вполнѣ невиннымъ. Кто не постигъ твоей хитрости, тотъ готовъ поклясться всѣми святыми, что ты скромный Мартинъ. Спи сладко, милое мясо. Но я уже чую, какой ты запахъ будешь издавать въ жареномъ видѣ и во что превратится твое упрямство, когда гнѣвъ Божій положитъ тебя на огонь въ горшкѣ или на сковородкѣ. Ибо дьяволъ будетъ ѣсть тебя въ твоемъ собственномъ соку. Ты, ослиное мясо, не скоро будешь готовъ для ѣды и милостивый судъ ждетъ того, кто сожретъ тебя украдкой". Мюнцеръ

*) Намекъ на ученаго Іоанна фонъ-Штаупица, главнаго викарія августинскаго ордена и покровителя Лютера. Утверждали, что Штаупицъ энергично поддерживалъ Лютера совѣтами и указаніями и руководилъ имъ. Поэтому Мюнцеръ и называлъ Штаупица оракуломъ Лютера. Штаупицъ умеръ въ 1324 году на службѣ у архіепископа Зальцбургскаго.

разбираетъ въ своемъ памфлетѣ и ученіе Лютера: „Ты слѣпъ и слѣпой хочешь быть руководителемъ міра, хочешь убѣдить Бога, что съ твоимъ гаденькимъ смиреніемъ, ты бѣдный грѣшникъ и ядовитый червячокъ. Ты вынесъ своимъ взбалмошнымъ умомъ, основываясь на Августинѣ, поистинѣ позорное отношеніе къ свободной волѣ, наглое презрѣніе къ людямъ. Своей ложной вѣрой ты смутилъ все христіанство и не можешь руководить имъ, когда это необходимо. Поэтому ты лицемѣришь теперь съ князьями. Ты думаешь хорошо, что ты добился такой извѣстности...“ Въ концѣ написано: „О, докторъ лжи, ты предательская лиса, ты своей ложью опечалилъ сердца праведниковъ, которыхъ самъ Господь не опечалилъ, и укрѣпилъ безбожныхъ злодѣевъ и далъ имъ силу остаться на своей старой дорогѣ. Поэтому съ тобой произойдетъ то же, что съ пойманной лисой. Народъ освободится, и Богъ будетъ одинъ властвовать надъ нимъ“.

Въ этомъ сочиненіи Мюнцеръ весьма правильно и очень ясно вскрылъ положеніе, занятое Лютеромъ по отношенію къ князьямъ и дворянству; его двуличное поведеніе по отношенію къ народу онъ обрисовалъ правильнѣе, чѣмъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ современныхъ историковъ. Это сочиненіе несомнѣнно было неудобно не только для Лютера, но и для всѣхъ его друзей, многіе изъ которыхъ засѣдали въ совѣтѣ города Нюрнберга или находились въ числѣ мѣстнаго бюргерства; то были люди вліятельные. Совѣтъ Нюрнберга поспѣшилъ конфисковать сочиненіе, захватилъ почти всѣ

экземпляры за исключеніемъ немногихъ, которые проскользнули у него между рукъ и попали въ публику. Кромѣ того, онъ посадилъ въ темницу наборщика Мюнцера, самого же Мюнцера изгналъ изъ города вмѣстѣ съ его сторонникомъ Генрихомъ Швердфишемъ (подъ этимъ именемъ тамъ навѣрно скрывался Пфейферъ) и Мартиномъ Рейхардомъ, проповѣдникомъ, изгнаннымъ Лютеромъ изъ Іены, который незадолго до этого прибылъ въ городъ вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ.

Изъ Нюрнберга Мюнцеръ отправился къ верховьямъ Рейна; онъ былъ въ Базелѣ, гдѣ открыто выступалъ съ своими проповѣдями; въ Клетгау, гдѣ остановился на нѣсколько недѣль въ селѣ Гризенъ, въ Гегау, въ маркграфствѣ Штюлингенъ, въ Цюрихской области и Эльзасѣ; прорѣзалъ Шварцвальдъ и верхнюю Швабію, заводя всюду связи и раздувая искры возстанія. Мюнцеръ пробылъ въ верхней Германіи до трехъ мѣсяцевъ. Со временемъ его пребыванія тамъ совпадаютъ первыя извѣстія о Двѣнадцати статьяхъ, составителемъ которыхъ онъ считался долго, но совершенно неправильно. На обратномъ пути въ Мюльгаузенъ его схватили въ Фульдской области вмѣстѣ съ многими изъ крестьянъ, среди которыхъ онъ велъ пропаганду, и посадили въ крѣпость города Фульды. Но вскорѣ опять выпустили, такъ какъ не могли установить, что это онъ. Прибывъ обратно въ Мюльгаузенъ, куда еще раньше возвратился Пфейферъ, онъ былъ принятъ своими сторонниками очень радушно. Настроеніе

стало благопріятно, и онъ со свѣжими силами, вмѣстѣ съ Пфейферомъ, принялся за дѣло, за которымъ мы его впослѣдствіи опять встрѣтимъ.

* * *

Крестьянской революціи предшествовало движеніе, которое мы въ заголовкѣ этой главы назвали Гуттенъ-Зиккингенскимъ бунтомъ; это движеніе съ полнымъ правомъ можно считать дворянской революціей. Средневѣковое общество таило въ себѣ столь различные строго обособленные сословные интересы, что не приходится удивляться, если каждое сословіе пыталось использовать въ своихъ интересахъ революціонное движеніе, охватившее страну въ первую четверть XVI-го столѣтія. Послѣ того, какъ разрозненныя крестьянскія возстанія были подавлены до начала реформаціи, низшее дворянство, первое послѣ появленія Лютера, выступило на авансцену и, поднявъ возстаніе противъ князей, послѣдовало примѣру швабскихъ и верхнегерманскихъ крестьянъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возмутившихся противъ дворянства, духовенства и князей. Такой поступокъ со стороны крестьянъ оно считало за оскорбленіе величества и за государственную измѣну и энергично содѣйствовало кровавому подавленію крестьянскаго бунта; на свое же собственное возстаніе оно смотрѣло какъ на прекрасный героическій поступокъ. Каждый классъ считаетъ благороднымъ и прекраснымъ то, что приноситъ ему пользу.

Положеніе, которое занимало въ Германіи низшее дворянство во время реформаціи, уже было обрисовано раньше. Могущество территоріальныхъ князей, свѣтскихъ и духовныхъ, подорвало его силу: его авторитетъ и его вліяніе падали все глубже и глубже. Но могущество князей единовременно ослабило и власть государства, низвело послѣднее на степень пустой формы. Если дворянство хотѣло возстановить свое прежнее положеніе, то оно могло это сдѣлать только возстановивъ сильную имперскую власть. Для достиженія послѣдняго требовалось устраненіе князей. Задача была не изъ легкихъ и врядъ ли достижимая даже въ союзѣ съ имперской властью, которая сама владѣла въ то время громадными княжескими имѣніями и находилась въ рукахъ могущественнѣйшаго княжескаго дома.

Императорами съ момента основанія государства почти всегда избирались члены могущественнѣйшихъ княжескихъ фамилій, которые по большей части усматривали свою главную задачу въ томъ, чтобы воспользоваться императорской властью для усиленія могущества своего дома. Главная причина подобнаго стремленія заключалась въ фактѣ избранія императора. Такъ какъ ни у кого не было увѣренности, что его потомки наслѣдуютъ императорскую корону, то понятно, что интересы дома у всѣхъ преобладали надъ интересами имперіи. Отсюда ясно, что ни одинъ императоръ не сталъ бы содѣйствовать ослабленію или даже уничтоженію князей въ интересахъ имперской власти, разъ къ нему не переходила въ наслѣдственное владѣніе императорская

корона. Въ послѣднемъ случаѣ Германія должна была бы превратиться въ государство, подобное Франціи и Англіи, т.-е. въ единую централизованную монархію во главѣ съ единымъ властителемъ. Основаніе же наслѣдственной монархіи не совпадало съ желаніями и интересами дворянства, потому что тогда императоры или короли очень скоро поставили бы дворянство въ такую же зависимость отъ себя, въ какой послѣднее находилось по отношенію къ князьямъ. Полная независимость и равенство всѣхъ членовъ сословія, т.-е. дворянская республика, — вотъ каковъ былъ идеалъ дворянства. Императоръ долженъ былъ быть орудіемъ въ рукахъ дворянства.

У дворянства не хватало силъ для такого шага; ему приходилось подумать о союзникахъ. Въ союзникахъ нуждались и города. Но между городами и дворянствомъ лежали многія столѣтія споровъ и междоусобицъ. Дворянство являлось истиннымъ представителемъ феодальнаго принципа, жизнь городовъ покоилась на принципѣ свободнаго бюргерскаго развитія. Это были противоположности взаимно исключавшія другъ друга. Одно сословіе защищало реакцію, другое — прогрессъ; положеніе дѣлъ исключало возможность какого-либо соглашенія. Но когда началась революція, то стало казаться, что между этими сословіями все-таки возможенъ договоръ и совмѣстная дѣятельность. Дворянство и бюргерство были одинаково заинтересованы въ борьбѣ противъ духовенства, передъ ними стояла одна и та же цѣль — уничтожить вліяніе папы въ Германіи и подорвать могущество и вліяніе поповскаго

сословія. Дворянство зарилось на богатства духовенства; бюргерство стремилось не платить ему больше податей, низвергнуть его, какъ господствующее сословіе и уничтожить праздную монастырскую жизнь. Подобно дворянству, интересамъ городовъ отвѣчала единая имперская власть, такъ какъ самымъ страстнымъ стремленіемъ князей являлось желаніе подчинить себѣ города. Но съ другой стороны, городамъ нельзя было допустить усиленія дворянства путемъ созданія новой политической организаціи: дворянство тотчасъ же воспользовалось бы своей силой для ослабленія городовъ. Дворянство ненавидѣло города; послѣдніе прекрасно знали это, такъ какъ испытали на себѣ дворянскую ненависть. Таковы были непримиримые контрасты, и теченіе дворянской революціи противъ князей показываетъ, что она погибла отъ такой противоположности интересовъ.

Человѣкъ, котораго нужно считать духовнымъ носителемъ стремленій дворянства въ идеальномъ смыслѣ этого слова, который горячо и искренне работалъ надъ примиреніемъ обоихъ сословій дворянства и бюргерства и съ геніальной находчивостью пытался довести до благополучнаго конца дворянское движеніе, этотъ человѣкъ былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Гуттенъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго дворянскаго рода Франконіи, находившагося въ непосредственной зависимости отъ имперской власти. Предназначенный своимъ отцомъ въ духовное сословіе, онъ бѣжалъ въ 1504 году 16-лѣтнимъ юношей изъ монастыря, чѣмъ и спасся отъ ненавистной

ему духовной карьеры. Такой поступокъ заставилъ отца отречься отъ Ульриха. Въ теченіе многихъ лѣтъ юноша странствовалъ по всей Германіи, жилъ въ Кёльнѣ, затѣмъ въ Эрфуртѣ, Готѣ, Вѣнѣ, а въ 1511 году отправился въ Италію. И хотя онъ и велъ въ высшей степени легкомысленный, чтобы не сказать геніально-безпутный образъ жизни, вслѣдствіе чего и заразился опасной болѣзнью, онъ, несмотря на это, съ громаднымъ рвеніемъ накинулся на изученіе гуманистовъ. Еще до Лютера, въ горячемъ памфлетѣ онъ протестовалъ противъ отпущенія грѣховъ и взяточничества при папскомъ дворѣ. Выступленію Лютера въ 1517 году онъ не придалъ вначалѣ большого значенія и считалъ его споръ съ Церковью за обыкновенныя поповскія дрязги, которыя легко и полюбовно улаживаются. Но уже въ слѣдующемъ году онъ измѣнилъ свое мнѣніе и на сеймѣ въ Аугсбургѣ въ 1518 г. открыто перешелъ на сторону Лютера; выступленію Лютера онъ придавалъ большое значеніе для политическаго переворота, съ идеей котораго самъ носился. Въ слѣдующемъ 1519 году умеръ его отецъ; къ нему переходило отцовское наслѣдство, но онъ отказался отъ него, чтобы, оставшись свободнымъ человѣкомъ, всецѣло посвятить себя своимъ планамъ политической реформы. Въ томъ же самомъ году онъ принялъ участіе въ походѣ Швабскаго союза и нѣсколькихъ другихъ князей и властителей противъ герцога Ульриха Вюртенбергскаго, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ предательски подъ ничтожнымъ предлогомъ,—будто бы жена Уальриха

нарушила съ нимъ супружескую вѣрность,— убилъ брата Гуттена. Во время этого похода онъ познакомился съ Францемъ фонъ-Зикингеномъ, въ которомъ Гуттенъ, какъ ему казалось, нашелъ прекраснаго военнаго руководителя и борца за свои планы. Зикингенъ былъ рыцарь настоящаго стариннаго закала; отважный и смѣлый, онъ выдѣлялся какъ прекрасный полководецъ; своей храбростью и своими талантами военачальника; онъ прославился на всю Германію; его боялись; онъ былъ полководцемъ на службѣ у императора. Гуттенъ и Зикингенъ быстро поняли другъ друга. Гуттенъ поселился въ Эбернбургѣ близъ Крейцнаха въ резиденціи Зикингена; здѣсь возникли у него планы реорганизаціи государства и возстановленія дворянскаго могущества. Тамъ была устроена печатня, орудійный и пороховой заводы—три учрежденія, безъ которыхъ не приходилось думать объ осуществленіи указанныхъ плановъ.

Программа Ульриха фонъ-Гуттенъ заключалась въ слѣдующемъ: единое германское государство во главѣ съ императоромъ; уничтоженіе господства князей и духовенства; конфискація духовныхъ имѣній; отдѣленіе Церкви отъ Рима и основаніе германской національной Церкви; устраненіе римскаго права. Дворянство должно, какъ и въ старину, находиться только въ непосредственной зависимости отъ императорской власти, считаться основной ея опорой и представителемъ національнаго могущества. Одного изъ числа представителей дворянства необходимо избрать и поставить во главѣ имперіи; такимъ чело-

вѣкъ могъ быть и долженъ быть только Францъ фонъ-Зикингенъ.

Послѣднiй планъ безусловно возникъ не съ самаго начала, его пришлось внести, когда выяснилось, что императоръ Карлъ V не имѣетъ ни малѣйшаго желанiя выступить защитникомъ какой-либо реформы какъ въ церковной, такъ и въ политической области. Планъ не былъ опубликованъ, его знали только самые близкiе люди и они имѣли много основанiй хранить его въ тайнѣ. Опубликованiе плана безусловно повело бы за собой какъ со стороны городовъ, такъ и со стороны крестьянъ, на которыхъ въ концѣ концовъ дворянство все-таки расчитывало, враждебное отношенiе ко всему предпрiятiю, такъ какъ Зикингенъ со многими своими товарищами - дворянами еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовался кулачнымъ правомъ вопреки провозглашенiю вѣчнаго внутренняго мира и вопреки постановленiю Швабскаго союза. Несмотря на всю его популярность, какъ полководца, онъ не могъ быть желаннымъ императоромъ для бюргерства и крестьянъ.

Низшее дворянство сумѣло въ полной тайнѣ сорганизоваться въ громадный союзъ, почти достигшiй Богемiи и признававшiй Зикингена своимъ главой. Между тѣмъ Ульрихъ фонъ - Гуттенъ наводнялъ страну изъ Эбернбурга брошюрами, въ которыхъ развивалъ свои планы и планы своихъ друзей. Онъ прекрасно использовалъ ненависть къ церковнымъ порядкамъ, которая давно уже охватила все его существо; у него не было недостатка въ яркихъ краскахъ, когда приходилось касаться печальнаго поло-

женія Германіи, ея безсилія и ея распада. Ему казалось очень важнымъ обезпечить своимъ планомъ сочувствіе Лютера. Въ 1520-мъ году онъ впервые написалъ ему письмо, въ которомъ ободрялъ его, и обратился къ нему съ такимъ призывомъ: „Будемъ бороться за общую свободу, освободимъ угнетенную родину!"

Партіи и классы, добивающіеся господства, всегда утверждаютъ, что ихъ интересы олицетворяютъ интересы всего народа, что ихъ требованія есть требованія всего народа. Такой же характеръ носили заявленія Гуттена и его друзей. Въ то время, какъ они правдиво рисовали хозяйничанье духовенства, гнетъ князей и полный распадъ имперіи. они не касались вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права и совершенно не выясняли, какое положеніе займетъ въ будущей республикѣ бюргерство. Послѣднему не приходилось надѣяться на улучшеніе своего положенія при помощи дворянства, крестьяне же хорошо понимали, что въ случаѣ удачи дворянскаго предпріятія, они только получатъ новыхъ господъ. И какъ хорошо ни были составлены брошюры Гуттена, онѣ не пробудили сочувствіе къ начинаніямъ дворянства среди другихъ сословій. На сеймѣ въ Вормсѣ въ 1521-мъ году, когда враги Лютера носились съ планомъ, тотчасъ же послѣ объявленія имперской опалы захватить его и лишить его возможности вредить имъ, Гуттенъ велѣлъ прибить на стѣнѣ заявленіе, которое гласило, что 400 рыцарей и 8000 крестьянъ поклялись защищать Лютера и заканчивалось грознымъ по своему содержанію возгласомъ:

„Лапоть, лапоть, лапоть!“ Какъ разъ на этотъ фактъ и указывалъ Мюнцеръ въ своей „защитительной рѣчи“ противъ Лютера. Пустая угроза возымѣла свое дѣйствіе.

Въ слѣдующемъ году Гуттенъ издалъ памфлетъ подъ заглавіемъ „Новый карстгансъ“ *), съ прибавленіемъ символа вѣры, „придерживаться котораго безпрекословно поклялись дворянинъ Гельфрихъ, рейтаръ Гейнцъ и Карстгансъ, сотоварищи“.

Этотъ памфлетъ изображалъ весьма популярно и въ горячихъ выраженіяхъ гнетъ князей и поповъ по отношенію къ крестьянамъ и долженъ былъ склонить послѣднихъ къ союзу съ низшимъ дворянствомъ. Онъ не достигъ своей цѣли. Крестьянину нравились нападки на князей и поповъ, онъ наслаждался ими, но онъ слишкомъ хорошо зналъ, что дворянство ничѣмъ не отличается отъ первыхъ двухъ. Между тѣмъ многихъ дворянъ отпугнулъ такой призывъ къ крестьянамъ, ихъ мучила мысль, что они даютъ крестьянамъ примѣръ возстанія, которому крестьяне могутъ послѣдовать, поднявшись уже противъ нихъ самихъ. Гуттенъ пытался и въ Лютерѣ найти защитника дворянскаго дѣла, но Лютеръ отвергъ всѣ предложенія и поручилъ Меланхтону составить письменный отказъ отъ имени ихъ обоихъ. Въ августѣ 1522 года дворяне, посвященные въ дѣла союза, собрались въ Ландау и подписали союзный договоръ. Они рѣшили начать походъ противъ архі-

*) Карстгансъ (Иванъ-Мотыга)—одна изъ кличекъ крестьянина.
Прим. перев.

епископа Трирскаго, надѣясь такимъ путемъ обмануть свѣтскихъ князей и придать всей предстоявшей борьбѣ характеръ борьбы, направленной исключительно противъ духовныхъ князей. Лютера удалось обмануть такой уловкой; онъ, еще недавно ничего не желавшій знать объ этомъ движеніи, очень обрадовался, когда увидѣлъ, что первый ударъ направленъ противъ одного изъ его смертельныхъ враговъ. Съ какимъ призывомъ онъ обратился тогда къ народу, мы уже знаемъ.

Воспользовавшись какимъ-то ничтожнымъ поводомъ, Францъ фонъ-Зикингенъ, по обычаю рыцарей-разбойниковъ, послалъ письмо съ объявленіемъ войны князю и архіепископу Трирскому и затѣмъ, въ началѣ сентября 1522 года, вторгся въ область архіепископа съ 5000 пѣхоты, 1500 человѣкъ конницы и большимъ количествомъ орудій. Городъ Вендель былъ взятъ штурмомъ; 7 сентября Зикингенъ появился передъ Триромъ. Онъ расчитывалъ на содѣйствіе части городского населенія и надѣялся воодушевить свои войска и привязать ихъ къ себѣ, пообѣщавши раздѣлить между ними богатство монастыря святого Максима, но архіепископъ предугадалъ его планы и сжегъ указанный монастырь; затѣмъ онъ быстро занялъ со своей конницей городъ Триръ, его наемники размѣстились на городскихъ стѣнахъ и башняхъ, готовые защищать городъ отъ нападеній; присутствіе наемниковъ сдерживало сторонниковъ Зикингена, проживавшихъ въ городѣ, отъ активныхъ дѣйствій. Зикингену пришлось приступить къ осадѣ города, что совсѣмъ не входило въ его планы.

Затѣмъ выяснилось также, что и князья прекрасно понимали характеръ движенія. Уже 8 сентября баварскій канцлеръ Экъ писалъ своему герцогу: „Зикингенъ подниметъ народное возстаніе. Ежедневно поступаютъ извѣстія, что дѣло пахнетъ союзомъ Лаптя. Если это дѣйствительно такъ и если простолюдины побѣдятъ, то прежде всего достанется князьямъ рейнскимъ, затѣмъ остальнымъ князьямъ, потомъ низшему дворянству“.

Едва распространился слухъ о поступкѣ Зикингена, какъ князья поднялись. Архіепископъ кёльнскій не далъ возможности дворянству нижняго Рейна отправиться на помощь Зикингену; ландграфъ Гессенскій произвелъ нападеніе на отрядъ брауншвейгскихъ рыцарей и ихъ конныхъ наемниковъ, захватилъ въ плѣнъ предводителей и убѣдилъ наемниковъ поступить къ нему на службу. Курфюрстъ же Пфальцскій, бывшій другъ и покровитель Зикингена, выступилъ противъ него съ большимъ войскомъ. Зикингенъ принужденъ былъ отступить передъ такимъ превосходствомъ силъ; онъ попытался занять Кайзерслаутернъ, но когда это не удалось, распустилъ большую часть своего войска и заперся въ своихъ замкахъ. Тогда союзные князья, располагавшіе войскомъ болѣе чѣмъ въ 30.000 человѣкъ, двинулись прежде всего противъ его союзниковъ и взяли ихъ замки. Архіепископу Майнцскому, который изъ ненависти противъ архіепископа Трирскаго оказалъ Зикингену поддержку, пришлось заплатить контрибуцію въ размѣрѣ 25,000 гульденовъ.

Неудачное начало всего предпріятія запугало со-

юзное рыцарство Франконіи, Тюрингіи и Швабіи, большинство сочло благоразумнѣе не поднимать возстанія, а спокойно сидѣть по своимъ замкамъ. 8 октября Зикингенъ былъ объявленъ въ имперской опалѣ; въ апрѣлѣ слѣдующаго года князья подступили съ своимъ войскомъ къ его замку Ландштуль въ Пфальцѣ, который онъ хорошо укрѣпилъ и въ которомъ онъ надѣялся продержаться до прибытія съ помощью Гуттена, поспѣшившаго въ верхнюю Швабію и Швейцарію. Началась осада, стѣны оказали плохое сопротивленіе тяжелымъ орудіямъ князей. Зикингенъ былъ смертельно раненъ: снарядъ разрушилъ укрѣпленіе, на которое онъ опирался, и отбросилъ его на заостренную балку. 7 мая онъ былъ принужденъ сдать Ландштуль. Когда князья вступили въ его комнату, онъ лежалъ на смертномъ одрѣ и умеръ нѣсколько мгновеній спустя. Характерно для ландграфа Гессенскаго, впослѣдствіи главнаго защитника протестантизма, что у него хватило безстыдства обратиться къ умирающему съ вопросомъ: „Гдѣ спряталъ онъ свои богатства?“ Онъ получилъ подобающій отвѣтъ.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, жалкій и разбитый, мучимый своей болѣзнью, бродилъ въ Швейцаріи изъ одного мѣста въ другое, пока не умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 35-ти лѣтъ, на островѣ Уфнау на Цюрихскомъ озерѣ. Все его наслѣдство заключалось въ одномъ перѣ.

Такимъ образомъ разбилась попытка дворянства перестроить имперію на новыхъ основахъ, соотвѣтствующихъ ихъ интересамъ. Но дворянству недолго

пришлось горевать о своемъ пораженіи, такъ какъ все грознѣе и грознѣе становились признаки бури, которая ставила вопросъ о всемъ его существованіи; и чтобы избѣжать полнаго уничтоженія, дворянству пришлось вступить въ тѣсный союзъ съ тѣми, кого оно только что пыталось низвергнуть.

ГЛАВА V.

Возникновеніе и теченіе крестьянской войны.

Особенность всякаго революціоннаго движенія заключается въ томъ, что раньше, чѣмъ дѣло доходитъ до могучаго взрыва, проявляется всеобщее духовное возбужденіе, захватывающее въ революціонныхъ слояхъ всякаго и возвышающее его до извѣстной степени надъ самимъ собой. Отсюда происходитъ, что въ каждой революціи внезапно, какъ изъ-подъ земли, выростаетъ масса выдающихся силъ и даровитыхъ дѣятелей, о которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ. Причина этого та, что цѣпи, которыя до того подъ гнетомъ повседневной будничной жизни сковывали умы, внезапно разрываются и всякія соображенія, раньше мѣшавшія и связывавшія, отбрасываются въ сторону. Человѣкъ развертывается во всемъ величіи своихъ способностей, вдохновеніе осѣняетъ его, и онъ борется бодро и неустрашимо противъ всякой силы, которая ему противостоитъ, имѣя передъ глазами только свою идеальную цѣль.

Ничто ему не кажется слишкомъ труднымъ, ничто невозможнымъ, всѣ трезвыя выкладки, которыя такъ тщательно нѣкогда взвѣшивались имъ для достиженія высокой цѣли, кажутся ему мелочными и недостойными; смѣло дерзать и выиграть все, либо все потерять—лишь это онъ находитъ достойнымъ себя. Такой высокій полетъ лучшихъ умовъ не остается безъ вліянія и на людей холодныхъ и безстрастныхъ, на людей, погрязшихъ въ борьбѣ за повседневныя нужды; они подхватываются и увлекаются водоворотомъ движенія, въ которомъ рѣшается судьба цѣлой эпохи.

Совершенно противоположно поведеніе тѣхъ, противъ которыхъ движеніе направлено. Высокомѣрные и заносчивые, они сокрушали посредствомъ силы съ злобными насмѣшками и издѣвательствомъ даже самое ничтожное, что предпринималось противъ нихъ; они отклоняли малѣйшія уступки и подавляли въ себѣ всякую искру справедливости и сочувствія; теперь же они стоятъ какъ окаменѣлые, совершенно потерявъ голову при приближеніи вызванной ими грозы. Высокомѣріе уступаетъ мѣсто трусости, прежнее вызывающее поведеніе—пресмыкательству, грубость — покорности и раболѣпству. Покорно переносятъ они все, и жалкіе и презрѣнные, своимъ ничтожествомъ обезоруживаютъ народъ, который думалъ, что борется съ мужественнымъ врагомъ, а нашелъ жалкихъ трусовъ, умоляющихъ о пощадѣ и милосердіи. Всегда довѣрчивый, добродушный и благородный народъ прощаетъ ихъ, замѣняетъ правосудіе милостью и думаетъ, что ока-

зываемымъ великодушіемъ онъ примиритъ съ собою своихъ смертельныхъ недруговъ и расположитъ ихъ въ пользу своихъ стремленій. Но покорность и пресмыкательство его враговъ были только кажущимися и предательскими. Съ кипящей злобой внутри, способные на всякую подлость, они ждутъ лишь того момента, когда активность народа будетъ парализована или когда онъ, непривычный руководить собой, совершитъ какую-либо ошибку, чтобы ловко воспользоваться ею на его пагубу. Всѣ въ союзѣ противъ народа, хитрые и коварные, опытные во всякихъ козняхъ и не останавливающіеся ни передъ какими безсовѣстными пріемами, они пользуются всякой его слабостью, чтобы въ извѣстный моментъ его предать поработить себѣ опять, наложить на него старое ярмо и тогда уже съ изысканной жестокостью отомстить за свое минутное пораженіе.

Картину эту какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, даютъ намъ также и крестьянскія войны. Духовное возбужденіе, охватившее съ появленіемъ Лютера всѣ слои націи до глубокихъ низовъ, было таково, подобнаго которому Германія еще никогда не видала, а съ тѣхъ поръ видѣло едва одинъ только разъ въ 1848 г. Какъ буря раздуваетъ пламя и перебрасываетъ его съ мѣста на мѣсто, такъ внезапно прорвалось и вспыхнуло таившееся десятилѣтіями народное недовольство и броженіе. Всѣ классы и слои общества были вовлечены въ движеніе и каждый старался использовать это движеніе по своему и въ своихъ интере

сахъ. Впереди всѣхъ были такъ долго угнетаемые и порабощенные низшіе слои народа, крестьяне и бѣдные городскіе жители, которые теперь возстали, чтобы завоевать себѣ человѣческія права.

Отсталость эпохи была причиной того, что какъ революціонное движеніе крестьянъ и городской бѣдноты, такъ и реформаторское движеніе буржуазіи выступило подъ религіознымъ покровомъ. Некультурность и невѣжество, естественныя послѣдствія всего современнаго строя, были такъ велики, что даже самые просвѣщенные люди того времени не могли отдѣлаться отъ религіи и не осмѣлились бы на то. Требовать свободы и равенства во имя природы разума — подобная идея была совершенно чужда той эпохи; она получила свое выраженіе только черезъ 265 лѣтъ при великой французской революціи. Государственныя и общественныя учрежденія защищались религіозными ученіями, религія считалась самымъ высокимъ въ мірѣ, она пользовалась безусловнымъ авторитетомъ и было, слѣдовательно, необходимо всякую реформу, какъ и революцію, производить во имя религіи и религіей ее оправдать. Этимъ объясняется почему Мюнцеръ такъ ревностно защищалъ свои соціальныя и политическія требованія цитатами изъ библіи, и что всѣ, которые, какъ и онъ, вступались за дѣло угнетеннаго народа были духовными или выступали какъ таковые. При этомъ оказалось необходимымъ противопоставить ученію новаго завѣта, расчитанному на молчаливое терпѣніе и рабское послушаніе, въ частности ученію апост. Павла, — проповѣди проро-

ковъ стараго завѣта, пылающія мщеніемъ, призывающія къ кровавой борьбѣ, безпощадному истребленію враговъ и угнетателей. Лютеръ, признавшій равноцѣнными, одинаковымъ словомъ Божіемъ оба завѣта, столь противорѣчивые по своимъ тенденціямъ разставилъ самъ себѣ сѣти, въ которыя и попался. На каждую цитату изъ библіи, которую Лютеръ приводилъ противъ революціонеровъ, они имѣли возможность привести двѣ цитаты въ свою пользу. Въ концѣ концовъ совершенно естественно было, что при полномъ незнакомствѣ съ законами экономическаго и общественнаго развитія, и открывшемся широкомъ просторѣ для воображенія рисовали себя христіанскіе мистически-фантастическіе узоры будущаго общественнаго строя, образцомъ для котораго служило откровеніе Іоанна. Какъ можно было въ то время требовать большаго въ Германіи, когда въ гораздо болѣе развитой тогда соціально и политически Англіи, въ самомъ фокусѣ этой страны, въ Лондонѣ, такой глубокообразованный человѣкъ какъ лордъ канцлеръ Томасъ Моръ нарисовалъ планъ будущаго общественнаго устройства, который онъ же не могъ охарактеризовать иначе какъ „Утопія“.

Лютеръ, какъ это уже было указано, дѣйствовалъ помимо своей воли еще и въ другомъ отношеніи на руку революціонеровъ. Его поповская нетерпимость и претензіи на папскую непогрѣшимость привели къ обостренію его отношеній съ друзьями и заставили ихъ уйти въ противный лагерь. Ученики Лютера, которые дальше развили его взгляды, какъ,

напримѣръ, Карльштадтъ, дошли до насильственнаго уничтоженія статуй и иконъ, присутствіе которыхъ въ церкви они находили противорѣчащимъ евангельскому ученію. Лютеръ былъ возмущенъ и дѣло дошло до враждебныхъ столкновеній и окончательнаго разрыва.

Въ скобкахъ слѣдуетъ замѣтить, что и новѣйшіе писатели сильно нападаютъ на эти разрушенія и отмѣчаютъ ихъ, какъ варварство и поношеніе искусства. Мы не можемъ согласиться съ ними въ этихъ осужденіяхъ. Произведенныя разрушенія, по обыкновенію историковъ изъ господствующихъ классовъ всѣхъ временъ, были сильно преувеличены; для угнетенныхъ же, какъ общее правило, защитниковъ не находится. Искусство въ то время, по крайней мѣрѣ поскольку рѣчь идетъ о художествѣ, было еще очень мало развито. Художество достигло расцвѣта только въ эпоху реформы благодаря такимъ мастерамъ какъ Альбрехтъ Дюреръ, Гольбейнъ, Лука Кранахъ и другіе. Не одобряя, конечно, произведенныхъ разрушеній, которыя явились, однако, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ невѣжества, въ которомъ господа держали народныя массы, и результатомъ системы безчеловѣчной эксплуатаціи и угнетенія, вызвавшей месть и ярость народа, слѣдуетъ все-таки признать, что искусство при этомъ не слишкомъ пострадало. Если и было уничтожено нѣсколько дюжинъ или даже сотенъ тѣхъ безобразныхъ изображеній Христа, святыхъ и кающихся монаховъ и монахинь, которыя и теперь еще такъ часто встрѣчаются въ музеяхъ, гдѣ они едва на

минуту останавливаютъ на себѣ взоръ посѣтителя и большей частью производятъ отталкивающее впечатлѣніе, то мы не видимъ особенной причины для огорченія.

Не слѣдуетъ также забывать, что ярые приверженцы реформаціи и новыхъ идей видѣли въ церковныхъ картинахъ символъ позора и угнетенія, какъ парижскіе коммунары нашихъ дней въ Вандомской колоннѣ. Революціи не совершаются посредствомъ розоваго масла и духовъ лаванды; и партіи, борящіяся за свое существованіе, не знаютъ въ борьбѣ лицемѣрной набожности.

Всякая новая эпоха борется противъ старыхъ боговъ, но ни одна эра не превзошла въ дѣлѣ разрушенія истинной культуры и искусства періода возникновенія христіанства и существованія его. Это не мѣшало бы помнить тѣмъ, которые такъ охотно болтаютъ о „христіанской“ культурѣ и просвѣщеніи.

Не только въ религіозныхъ вопросахъ многіе изъ духовенства пошли дальше Лютера, но значительная часть ихъ не была согласна съ положеніемъ, занятымъ имъ по отношенію къ политическому движенію. Но Лютеръ не терпѣлъ никакихъ различій во мнѣніяхъ и никакихъ противорѣчій. Онъ боролся съ тѣми, которые ему не подчинялись, съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостью, какъ римская Церковь противъ иновѣрцевъ. Много священниковъ лишилось должности и хлѣба. Часто нищіе, безъ гроша въ карманѣ, они брались за посохъ и иногда, сопровождаемые женами и дѣтьми, бродили, пропо-

вѣдуя, по Франконіи, Швабіи, Зальцбургу, Боденскому озеру, Тиролю, Швейцаріи, верхнему Рейну и Эльзасу. Всѣ эти области были въ періодъ отъ 1522 до 1525 г. пройдены по всѣмъ направленіямъ кочующими проповѣдниками, проповѣдывавшими новое Евангеліе и сѣявшими въ умахъ ученіе о свободѣ и о возмущеніи всѣхъ угнетенныхъ.

Другимъ чрезвычайно важнымъ элементомъ революціоннаго движенія были анабаптистскіе перекрещенскіе предиканты. Предикантами они назывались потому, что не были профессіональными проповѣдниками. То были большей частью ремесленники, отчасти крестьяне, по собственному стремленію научившіеся читать, ознакомившіеся съ Библіей и современными писаніями; побуждаемые вдохновеніемъ, они кочевали съ мѣста на мѣсто, воодушевляя и увлекая массы своимъ внутреннимъ духовнымъ пыломъ. Вышедшіе изъ низшихъ слоевъ народа, знакомые съ его страданіями по собственному совѣту, раздѣлявшіе его чувства и говорившіе съ нимъ на его языкѣ, они являлись особенно цѣнными орудіями революціи. Мюнцеръ привлекъ ихъ къ себѣ, потому что онъ понялъ ихъ цѣнность.

Агитація и устройство собраній было въ ту пору во многихъ отношеніяхъ легче, чѣмъ теперь. Когда проповѣдникъ или предикантъ являлся въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ онъ хотѣлъ говорить, онъ становился на первый попавшійся камень, на каменную скамью у какого-либо дома или подъ липой и звалъ всѣхъ прохожихъ слушать его. Вѣсть объ этомъ разносилась быстро, какъ огонь, и старъ и младъ,

мужчины и женщины стекались отовсюду, чтобы послушать проповѣдника. Разрѣшенія полиціи, полицейскій надзоръ, воспрещеніе женщинамъ и малолѣтнимъ присутствовать на собраніяхъ было большей частью неизвѣстно: все это изобрѣтенія болѣе культурнаго времени.

Собравъ кругъ своихъ слушателей, предикантъ со сверкающими глазами и оживленными жестами началъ излагать свое ученіе въ огненныхъ, проникающихъ въ душу словахъ. Онъ не щадилъ рѣзкихъ и сильныхъ выраженій, и бѣдный, прозябающій въ голодѣ и нуждѣ народъ напряженно слушалъ и жадно глоталъ предсказанія о лучшихъ временахъ. Воодушевленные возвращались они въ свои убогія жилища, готовые бороться за свое освобожденіе, когда настанетъ подходящій моментъ. Не проходило ни одного воскреснаго или праздничнаго дня, чтобы проповѣдники не собирали вокругъ себя тысячи народа, которые ихъ слушали. Многіе, которые раньше придерживались ученія Лютера, перешли теперь въ ихъ лагерь. Послѣ одной такой проповѣди въ С. Галленѣ, крестьянинъ, обращаясь къ другому, сказалъ: „Вотъ, вотъ, это настоящее евангеліе. Смотри, какъ старые попы лгали и фальшиво проповѣдывали; слѣдовало бы убить всѣхъ тѣхъ негодяевъ, которые насъ такъ обманывали и надували“.

Духъ возмущенія проникалъ все дальше. Со всѣхъ концовъ приходили извѣстія о броженіи среди крестьянъ, о томъ что они отказываются платить старыя подати, десятину и исполнять повинности. Главнымъ образомъ въ южной и средней Германіи и до

Рейна мятежное броженіе стало принимать весьма серіозные и опасные для господъ размѣры. Востокъ Германіи, по ту сторону Эльбы, также, какъ и сѣверъ, были только слегка затронуты. Востокъ находился еще въ глубокомъ невѣжествѣ, города были очень рѣдки, а дворянство слишкомъ сильно. Земля, отвоеванная еще немного столѣтій передъ тѣмъ у славянскихъ племенъ, значитедьно отстала еще въ своемъ экономическомъ развитіи. На сѣверѣ же Германіи сохранилось еще много свободныхъ крестьянскихъ общинъ, у которыхъ было меньше основанія для борьбы, либо же населеніе было такъ рѣдко и разсѣяно по широкимъ и мѣстами совершенно по безплоднымъ равнинамъ, что не было никакой возможности дѣйствовать сообща противъ могущественнаго дворянства. Гарцъ и Брауншвейгъ образовали сѣверную, а Эльба — восточную границу движенія. Даже въ монастыри мѣстами проникъ духъ недовольства... Не всѣ монахи и монахини находили удовольствіе въ созерцательной жизни и по мѣрѣ того, какъ симпатіи населенія къ старой Церкви падали, участились случаи бѣгства монаховъ и монахинь отъ своего начальства, которые нерѣдко заканчивались бракомъ.

Возстаніе въ Мюльгаузенѣ, о которомъ мы говорили при описаніи жизни Мюнцера, было первой серіозной прелюдіей новаго движенія. Примѣру Мюльгаузена послѣдовала часть Франконіи. Въ маѣ 1524 г., еще раньше чѣмъ Мюнцеръ пріѣхалъ въ Нюрнбергъ, въ принадлежащемъ епископу Бамбергскому городѣ Форхгеймѣ произошло возстаніе,

въ день праздника тѣла Христова. Жители овладѣли магистратомъ, жена и дѣти бѣжавшаго старшины были задержаны въ качествѣ заложниковъ и призваны на помощь окрестные крестьяне. 500 вооруженныхъ человѣкъ съ двумя знаменами явились на помощь горожанамъ. Крестьяне и бюргеры были единодушны въ своихъ требованіяхъ. Вода, лѣса и дичь должны быть свободными для общаго пользованія, епископъ вмѣсто десятины получаетъ каждый тридцатый снопъ, а каноники — ничего. Крестьяне Нюрнбергской и другихъ областей также пришли въ броженіе. Маркграфъ Казиміръ фонъ-Аншпахъ изъ Гогенцоллернскаго дома, съ которымъ намъ еще часто придется встрѣчаться, собралъ небольшое войско, чтобы разсѣять крестьянъ. Раньше еще, чѣмъ дѣло дошло до открытаго столкновенія крестьяне разошлись. Были получены секретныя указанія, что время еще не настало для взрыва и они не чувствовали себя пока достаточно сильными для борьбы съ маркграфомъ. Нюрнбергскому магистрату удалось угрозами и увѣщаніями успокоить крестьянъ, но два городскихъ жителя, пытавшихся поднять возстаніе также и въ городѣ, были 5 іюля казнены.

Эти первые опыты возстанія нагнали такой страхъ на господъ города Франконіи, что они на іюльскомъ конгрессѣ въ Китцингенѣ заключили между собой тѣсный союзъ.

Форхгеймское движеніе было только съ виду подавлено; мятежный духъ остался и сталъ проявляться очень осязательно. Епископъ Бамбергскій прину-

жденъ былъ назначить премію въ 50 флориновъ за указаніе каждаго крестьянина, который могъ бы быть уличенъ въ поджогѣ, такъ какъ ночью былъ подожженъ цѣлый рядъ его амбаровъ, въ которыхъ собиралась десятина. Въ Нюрнбергѣ, какъ и въ Бамбергѣ, была въ полѣ сожжена десятина духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ, а поджигатели, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не были открыты. Насилія производились также въ верхней Швабіи, въ Шварцвальдѣ и Альгау. Крестьяне мархтальскаго аббата отказались платить подати и исполнять конную барщину; подданные богатаго аббатства св. Власія въ Шварцвальдѣ объявили всякія крѣпостныя обязанности упраздненными; населеніе мѣстечка Штейнгемъ, какъ заявилъ бургомистръ Меллингенскій на собраніи городскихъ представителей въ Ульмѣ, отказалось платить какъ большую такъ и малую десятину.

Въ провинціи Штюлингенъ, у Боденскаго озера, дѣло обстояло еще серіознѣе. Тамъ была жива память о Фрицѣ, и духъ его обиталъ среди населенія. Въ день Іоанна Крестителя возстали крестьяне Штюлингенской провинціи и значительное число деревень другихъ владѣльцевъ и отказались выполнять барщинныя обязанности, платить пошлину въ случаѣ смерти и нести охотничьи и ленныя повинности. Въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ оружіемъ собралось до 600 человѣкъ. Начальникомъ своимъ они избрали Гансъ Мюллера фонъ-Бульгенбаха, который былъ знакомъ съ военнымъ искусствомъ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ

походахъ; своимъ знаменемъ они избрали флагъ черно-красно-желтаго цвѣта.

Въ день храмоваго праздника Вальдсгутской церкви, 24 августа 1524 г. крестьяне въ количествѣ 1200 человѣкъ, подъ начальствомъ Гансъ Мюллера фонъ Бульгенбаха, направились въ Вальдсгутъ, который велъ тогда споръ съ австрійскими владѣтелями изъ-за своего проповѣдника Губмейера. Губмейеръ еще раньше примкнулъ къ реформаціи; ко времени появленія Лютера онъ состоялъ пасторомъ въ Регенсбургѣ, гдѣ, однако, симпатіей не пользовался. Онъ направился въ Вальдсгутъ. Его выступленіе тамъ создало ему всеобщее уваженіе и привлекло много друзей; онъ вступилъ въ дружбу съ Цвингли, который руководилъ тогда реформаціей въ Швейцаріи, въ Цюрихѣ, зато тѣмъ враждебнѣе выступили противъ него австрійскія власти въ Энзисгеймѣ. Лѣтомъ 1524 г. они потребовали его выдачи. Губмейеръ бѣжалъ въ Шафгаузенъ. Правительство выступило тогда съ угрозами и репрессіями противъ народа и запретило новое ученіе, въ которомъ усматривало зародышъ всѣхъ безпорядковъ. Результатомъ этого явилось, что городъ сталъ склоняться на сторону крестьянъ и въ упомянутый день храмоваго праздника заключилъ съ ними союзъ, который они назвали *евангелическимъ братствомъ*. Союзъ отправилъ тайныхъ пословъ въ Брейсгау, Гегау, Швабію, Эльзасъ и внизъ по Рейну до Мозеля, въ Франконію и Тюрингію съ извѣщеніемъ: „Они больше не желаютъ повиноваться своимъ владѣльцамъ, не признаютъ надъ собой никакого

господина, кромѣ императора, которому они будутъ вносить его налоги, но онъ не долженъ имъ мѣшать; они хотятъ разрушить всѣ церкви и монастыри и все то, что носитъ духовное названіе".

Австрійское правительство преслѣдовало новое ученіе съ особенной яростью. Въ числѣ многихъ другихъ былъ высланъ также проповѣдникъ города Кильзингена—Отто. Многіе жители провожали его далеко за городъ; когда они возвращались домой, дорога оказалась оцѣпленной, а городъ окруженъ войсками; они переправились черезъ Рейнъ на судахъ въ Страсбургъ. Войско вступило въ городъ и арестовало наиболѣе подозрительныхъ. Городской писарь и пятнадцать другихъ жителей были казнены. Подобное средство не могло успокоить возбужденія.

Въ то время какъ благородные господа изъ Шварцвальда предприняли строгое разслѣдованіе о злоумышленникахъ, которые, по ихъ мнѣнію, взбунтовали противъ нихъ крестьянъ, австрійскія власти въ Энзисгеймѣ дѣлали приготовленія, чтобы наказать мятежный Вальдсгутъ. Цюрихъ и Шафгаузенъ напрасно старались установить миръ; въ результатѣ 300 цюрихскихъ жителей на собственный страхъ отправились на помощь Вальдсгуту. Одновременно Губмейеръ вернулся изъ Шафгаузена въ Вальдсгутъ и былъ встрѣченъ съ большимъ ликованіемъ. Къ тому же времени Мюнцеръ также прибылъ въ тѣ края изъ путешествія по верхней Германіи, вступилъ въ сношенія съ Губмейеромъ и другими главарями движенія. Въ Клеттгау также стало неспо-

койно, но крестьяне не могли рѣшиться тамъ на возстаніе противъ своего владѣльца, графа фонъ-Зульца. Они обратились за посредничествомъ въ Цюрихъ и тѣмъ удалось пока установить миръ.

Все разроставшіеся безпорядки заставили князей, владѣльцевъ и города швабскаго союза задуматься надъ принятіемъ предупредительныхъ мѣръ; состоялось нѣсколько собраній союзнаго совѣта и было рѣшено немедленно оказать въ случаѣ надобности помощь тѣмъ владѣтельнымъ особамъ, которымъ будетъ угрожать опасность со стороны ихъ подданныхъ.

Графъ фонъ-Люпфенъ, крестьяне котораго принимали особенно видное участіе въ походѣ на Вальдсгутъ, обратился къ своему сюзерену, эрцгерцогу Фердинанду австрійскому за помощью. Послѣдній предложилъ крестьянамъ представить и обсудить ихъ жалобы въ комиссію въ Рудольфцеллѣ. Комиссія состояла исключительно изъ дворянъ и враговъ крестьянъ; приглашеніе поэтому осталось приглашеніемъ, а крестьяне продолжали оставаться вооруженными. Помѣщики старались новыми предложеніями о посредничествѣ удержать крестьянъ, чтобы выиграть время для снаряженія, но тѣ не обращали на это вниманія и продолжали свои домагательства. Они покинули Вальдсгутъ, достигли 1 октября черезъ Ленцкирхъ, Нейштадтъ и Урахъ Браунлингена. Черезъ короткое время толпа увеличилась до 3500 человѣкъ, но большей частью была вооружена только вилами, косами и топорами. По этой причинѣ, когда стало извѣстно, что го-

спода находятся въ пути съ 800 пѣшими ратниками и 200 всадниками Гансъ Миллеръ съ своей ватагой удалился въ укрѣпленное и безопасное мѣсто. Масса крестьянъ удерживала господъ отъ наступленія; Шафгаузенъ съ своей стороны энергично протестовалъ противъ всякой войны, такъ такъ у него по близости были большія владѣнія, которыя могли при томъ пострадать. Возможность толкнуть Шафгаузенъ на сторону крестьянъ и позднее время года, не позволявшее расположиться лагеремъ въ полѣ, заставили господъ искать посредничества. Сошлись на томъ, что земскій судъ въ Штокахѣ разсмотритъ жалобы крестьянъ; послѣдніе тѣмъ временемъ должны держаться спокойно, а господское войско будетъ отозвано. Когда послѣднее было сдѣлано, крестьяне разошлись.

Волненія на Боденскомъ озерѣ и Верхнемъ Рейнѣ заразили также и швейцарскихъ крестьянъ. Тамъ тоже далеко не все обстояло какъ слѣдуетъ. Владѣльцы городовъ очень сильно угнетали крестьянъ и когда въ окрестныхъ мѣстностяхъ началось возстаніе, швейцарскіе крестьяне также заявили, какъ выражается одинъ старинный источникъ, что: „проценты, десятина и другія повинности упраздняются и все должно быть общимъ“. Въ Тюргаў движеніе было особенно сильно, и жившіе тамъ монастырскіе владѣльцы находились въ большомъ страхѣ. Швейцарскій союзъ былъ страшно озлобленъ противъ предикантовъ и издалъ строгіе приказы объ ихъ задержаніи и привлеченіи къ отвѣтственности.

Многія общины заключили между собой оборони-

тельно-наступательный союзъ. Когда ланфохтъ Амбергъ напалъ въ ночь на 17 іюля съ войсками на пасторатъ въ бургѣ у Штейна и арестовалъ проповѣдника Ганса Эксле, дѣло дошло до возстанія. На крики плѣннаго о помощи поспѣшили прибѣжать сосѣди, стали бить въ набатъ въ Штейнѣ и выстрѣлами оповѣщать деревни; но было уже поздно и когда вооруженные люди подоспѣли ему на помощь, онъ былъ уже увезенъ во Фрауенфельдъ. Тѣмъ временемъ набатъ и выстрѣлы собрали 4000 крестьянъ и они двинулись на близлежащій картезіанскій монастырь Иллингенъ. Сломавъ ворота, они прогнали монаховъ, подѣлили межъ собой одежду и церковную утварь, расхитили всѣ запасы, а затѣмъ, разложивъ огонь изъ церковныхъ книгъ, изготовили на немъ рыбу и угостившись монастырскимъ виномъ, подожгли монастырь и удалились.

Узнавъ о происшествіяхъ въ монастырѣ, ландфохтъ изъ Фрауенберга велѣлъ въ свою очередь созывать народъ, но крестьяне лишь медленно собирались, зато дворяне очень охотно откликнулись на призывъ. Вмѣшательство жителей Цюриха и Шафгаузена предупредило войну. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ вожаковъ, хотя они и противились поджогу монастыря, были арестованы и за участіе въ возстаніи казнены 24 сентября. Гансъ Эксле былъ освобожденъ послѣ того, какъ съ него было взято клятвенное обѣщаніе не мстить за понесенное оскорбленіе.

Большимъ преимуществомъ для крестьянъ являлось то, что въ теченіе 1524 и первой четверти

1525 года императоръ Карлъ V велъ ожесточенную войну съ Франциском I французскимъ въ Италіи; это не только мѣшало императору самому заботиться о положеніи дѣлъ въ Германіи, но и заставило намѣстника, эрцгерцога Фердинанда, всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи войска и деньги отправлять въ Италію. Осенью 1524 г. рѣшалась судьба войны между обоими противниками и необходимо было каждаго свободнаго солдата направлять туда. Вся тактика эрцгерцога, какъ и дворянъ, сводилась къ тому, чтобы удержать и успокоить крестьянъ. Трухзесу (стольнику) Георгу фонъ-Вальдбургъ, главнокомандующему швабскаго союза, эрцгерцогъ писалъ: „Надо вести мирные переговоры съ крестьянами, пока удастся собрать войско". Подобнымъ же образомъ высказался нѣсколько позднѣе баварскій канцлеръ Экъ въ письмѣ къ своему властелину: рѣчь шла о назначеніи конвоя крестьянамъ, чтобы тѣ спокойно могли прислать депутатовъ для веденія переговоровъ. „Если они на это пойдутъ, то мы этихъ негодяевъ задержимъ до прибытія нашихъ войскъ. Тогда можно будетъ на нихъ напасть и строго съ ними раздѣлаться". Онъ страшно возмущался также трусостью и малодушіемъ дворянъ, что, впрочемъ, ему было легко, такъ какъ ему-то непосредственно крестьяне не угрожали; онъ объ этомъ между прочимъ пишетъ своему господину: „Дворяне, настоящія старыя бабы, чуть не мертвые отъ страха въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне возстали; они дрожатъ за свои дома и никто не хочетъ предпринять ничего рѣшительнаго, пока не соберется союзное войско".

Въ Филлингенской области крестьяне такъ же возстали въ ноябрѣ 1524 года; въ окрестностяхъ Тутлингена расположились лагеремъ 300 человѣкъ. Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха стянулъ ихъ къ себѣ, чтобы совершить нападеніе на Филлингенъ и Гауфингенъ; съ нимъ было до 6000 человѣкъ. Непріятель, которому былъ выданъ этотъ планъ, предупредилъ его и осадилъ сба города; поэтому Гансъ Мюллеръ распустилъ крестьянъ по домамъ, удержавъ возлѣ себя только небольшую кучку ратниковъ и крестьянъ.

Въ Гегау Трухзесъ Георгъ фонъ-Вальдбургъ велъ переговоры съ крестьянами, которыхъ тамъ собралось около тысячи. Онъ старался овладѣть ими посредствомъ хитрости, для чего на ихъ глазахъ напалъ на деревню Мюльгаузенъ и угналъ оттуда весь скотъ, надѣясь выманить тѣмъ крестьянъ изъ занятой ими превосходной позиціи, чтобы затѣмъ на нихъ напасть. Крестьяне поняли его намѣреніе и отступили, такъ какъ имъ угрожала опасность быть обойденными также и съ другой стороны. Они раздѣлились на двѣ партіи; одна отправилась домой, а другая въ Гауенштейнъ, гдѣ они разграбили и опустошили монастыри св. Штрудперта и св. Власія и побудили Гауенштейнцевъ къ возстанію.

27-го декабря въ Штокахѣ должно было, наконецъ, состояться судебное разбирательство между крестьянами и господами. Когда прибыли представители крестьянъ, они увидали, что земскій судъ состоитъ исключительно изъ дворянъ. Они заявили противъ этого протестъ. Имъ указали, что судъ со-

ставленъ согласно закону. Тогда крестьяне потребовали срокъ, чтобы отвѣтить на доводы господъ; требованіе ихъ было удовлетворено и былъ назначенъ день праздника Трехъ Волхвовъ въ 1525 году. Когда крестьяне вторично явились въ назначенный день, господъ тамъ не оказалось, почему первые и отказались отъ всякихъ переговоровъ. Рѣшено было черезъ мѣсяцъ снова сойтись.

Въ январѣ 1525 г. Трухзесу удалось устроить соглашеніе между подданными города Филлингена и аббатства св. Георгія и ихъ господами; попытки же его въ томъ же направленіи у жителей Гегау кончились неудачей. Послѣдніе не довѣряли ему. Населеніе Штюллингена, Баара, и Клеттгау также не соглашалось ни на какое посредничество; они выработали 16 пунктовъ требованій, которые должны были быть признаны владѣльцами.

Въ то время какъ въ Штокахѣ былъ назначенъ новый срокъ для переговоровъ съ крестьянами, эрцгерцогъ Фердинандъ разослалъ своимъ мѣстнымъ комиссарамъ письма, въ которыхъ вполнѣ обнаруживается вся подлость и коварство господъ: „Всадники должны совершать набѣги на взбунтовавшихся, непокорныхъ крестьянъ и подданныхъ, брать ихъ въ плѣнъ, гдѣ только они будутъ застигнуты, подъ пыткой или инымъ образомъ допрашивать ихъ кто ихъ начальники, представители и вожди, каковы силы и планы и противъ кого они намѣреваются дѣйствовать, послѣ допроса же плѣнныхъ слѣдуетъ *заколоть, задушить, или вообще строго наказать безъ всякой пощады.* Прежде всего слѣдуетъ самымъ усерднымъ

образомъ развѣдать о коноводахъ, а именно вождяхъ, вѣстникахъ, знаменщикахъ и другихъ предводителяхъ крестьянъ, выслѣдить ихъ главное мѣсто пребыванія и ночью напасть на нихъ, вмѣстѣ или въ одиночку, въ ихъ убѣжищахъ или домахъ и безъ всякой пощады и предупрежденія *уничтожить ихъ такъ, какъ это представится наиболѣе удобнымъ.* У тѣхъ же, которые до того, какъ ихъ удалось задержать, успѣли бѣжать въ лѣса и другія безопасныя мѣста, *домъ, имущество и все добро должно быть разрушено, уничтожено и сожжено безъ всякой пощады и милосердія*; у бѣжавшихъ же вожаковъ не только домъ и имущество должны быть уничтожены, *но и жены и дѣти изгнаны изъ страны*". Вотъ то неприкрытое звѣрство, которое проповѣдывалось потомкомъ Габсбурга и его указанія выполнялись впослѣдствіи слишкомъ добросовѣстно. Тѣмъ временемъ хитрый Трухзесъ Георгъ фонъ-Вальдбургъ продолжалъ съ крестьянами свои попытки посредничества. Такъ какъ Энгенъ грозилъ перейти на ихъ сторону, то онъ 15-го февраля осадилъ городъ и попробовалъ дикими угрозами добиться у Гегаускихъ крестьянъ того, чего онъ не могъ достичь добромъ. Онъ заявилъ крестьянамъ, что если они немедленно не подчинятся его требованіямъ, то онъ поступитъ съ ними какъ съ мятежниками и нарушителями государственнаго порядка и расправится огнемъ и мечомъ. Гегаусцы вмѣсто того, чтобы покориться, подтянули себѣ подкрѣпленія со всей окрестности; крестьяне изъ Клеттгау также двинулись съ бѣлосинимъ знаменемъ въ Вальдсгутъ, который былъ

сборнымъ пунктомъ для всѣхъ жителей Шварцвальда.

Въ то же самое время владѣльцы были сильно обезпокоены другимъ извѣстіемъ. Стало извѣстно, что изгнанный Швабскимъ союзомъ въ 1519 году изъ своей страны герцогъ Ульрихъ Вюртенбергскій старается войти въ сношенія съ крестьянами, раздаетъ Вальдсгутцамъ и другимъ повстанцамъ деньги и желаетъ при ихъ помощи снова возвратиться въ свое герцогство. За Ульрихомъ числилось много провинностей, которыя вооружили противъ него его владѣтельныхъ двоюродныхъ братьевъ. Разумѣется, что причиной тому не было его неслыханное истязаніе крестьянъ и распутная жизнь; подобный образъ жизни могъ только располагать къ нему людей его сословія; но онъ дурно обращался съ своей женой, баварской принцессой, предательски убилъ одного изъ своихъ пріятелей Ганса фонъ-Гуттена, брата Ульриха фонъ-Гуттена—о причинѣ было уже упомянуто выше — и тѣмъ возстановилъ противъ себя все швабское и франкское дворянство; наконецъ, онъ напалъ на имперскій городъ Рейтлингенъ, который состоялъ въ швабскомъ союзѣ, и захотѣлъ его подчинить своему господству.

Вслѣдствіе этого всѣ его противники предприняли въ 1519 году походъ противъ него; онъ былъ разбитъ, долженъ былъ бѣжать, его страна была у него отобрана и за денежное вознагражденіе передана во владѣніе австрійскому дому. Ульрихъ, изгнанный изъ своей страны, блуждалъ теперь по Швейцаріи, какъ тѣ бѣглецы Бѣднаго Конрада, ко-

торыхъ онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изгналъ изъ своей родины, или же находился въ своемъ эльзасскомъ владѣніи, Мемпельгардѣ. Въ 1522 году онъ пріобрѣлъ у владѣльца право пользованія горной крѣпостью Гогентвиль, расположенной въ Гегау въ Шварцвальдѣ, возлѣ Зингена, и съ тѣхъ поръ часто жилъ тамъ, стараясь войти въ сношенія съ крестьянами,—о чемъ его враги были хорошо освѣдомлены, — чтобы съ ихъ помощью вновь овладѣть своимъ герцогствомъ. Хотя враги и упрекали его въ томъ, что онъ желаетъ вновь создать „союзъ Лаптя, новаго Бѣднаго Конрада“, противъ котораго онъ нѣкогда боролся, но это его нимало не огорчало: „цѣль оправдываетъ средства“—вотъ правило, которому великіе міра сего слѣдовали гораздо раньше, чѣмъ появились іезуиты, его формулировавшіе. Но верхнегерманскіе крестьяне слишкомъ хорошо знали господина Ульриха, чтобы дать себя провести; они встрѣтили его съ явнымъ недовѣріемъ. Его дипломатическому совѣтнику, бывшему пфальцскому министру Фуксштейнеру, лучше удалось втереться въ довѣріе нѣкоторой части крестьянъ. Онъ воспользовался вспыхнувшей въ Кауфбейренѣ борьбой между дворянствомъ и горожанами, поддержалъ послѣднихъ совѣтами, чѣмъ пріобрѣлъ ихъ довѣріе, выступалъ даже въ церкви проповѣдникомъ новаго ученія и составилъ цѣлому ряду крестьянскихъ обществъ ихъ исковыя требованія.

Вслѣдствіе неудачнаго Гуттенъ - Зикингенскаго предпріятія множество франконскихъ и другихъ дворянъ вынуждено было бѣжать; они были подвергну-

ты опалѣ и ихъ имѣнія конфискованы. Дворяне эти находились частью въ Швейцаріи, частью въ Богеміи и хотя всѣ они воевали раньше съ герцогомъ Ульрихомъ, но теперь помирились и заключили съ нимъ союзъ. Планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть съ двухъ сторонъ, одновременно изъ Богеміи и Швабіи, на баварскаго герцога, какъ на наиболѣе могущественнаго противника. Крестьяне должны были имъ въ этомъ помочь. Планъ же крестьянъ заключался въ томъ, чтобы образовать всеобщій военный союзъ крестьянъ Швабіи, верхней Баваріи, Тироля, Зальцбурга, верхней и нижней Австріи, и въ назначенный день подняться по всей линіи. Изъ верхней Баваріи долженъ былъ исходить сигналъ о началѣ дѣйствій.

Отношеніе Швабскаго союза къ крестьянскому движенію было далеко неодинаково. Часть членовъ союза впала въ отчаяніе, когда броженіе приняло значительные размѣры, другіе же, главнымъ образомъ города, желали мирнымъ путемъ уладить дѣло съ крестьянами. Недостатокъ войска и оружія заставилъ уступить, по крайней мѣрѣ съ виду, также и князей и дворянъ, чтобы тѣмъ временемъ продолжать втайнѣ свои приготовленія. Только баварскій канцлеръ Экъ настаивалъ на наступленіи.

Тѣмъ временемъ, крестьяне ревностно продолжали вооружаться. Въ Кемптенѣ владѣтельный аббатъ велъ уже долгіе годы борьбу съ своими подданными, и послѣдніе старались воспользоваться теперь благопріятнымъ моментомъ, чтобы закончить борьбу въ свою пользу. Приглашеніе явиться въ

день праздника Трехъ Волхвовъ въ 1525 году на третейскій судъ для улаженія спора между обѣими сторонами осталось безъ результата; аббатъ высокомѣрно отклонилъ это предложеніе, надѣясь, очевидно на помощь швабскаго союза. Крестьянскіе депутаты рѣшили поэтому ничего не предпринять, не опросивъ всего населенія.

Въ понедѣльникъ 21 января въ городѣ Луибасѣ, мѣстѣ старыхъ судебныхъ собраній, состоялось народное собраніе всѣхъ двадцати семи приходовъ, относящихся къ Кемптенской Церкви. Собралось тысячи народа. Послѣ того какъ уполномоченные познакомили ихъ съ результатомъ Гюнцбургскихъ переговоровъ было принято рѣшеніе судебнымъ порядкомъ добиться осуществленія своихъ правъ. Послѣ этого разошлись, условившись, что въ случаѣ, если противъ какой-либо общины будетъ употреблено насиліе, немедленно созвать народъ и пойти ей на помощь. 25-го января была избрана комиссія изъ представителей всѣхъ общинъ, которая должна была начать дѣло противъ владѣтельнаго аббата. Во главѣ комиссіи стоялъ Ергъ Шмидъ изъ Луибаса, названный за свой маленькій ростъ Кнопфомъ (пуговица). Комиссія составила прошеніе въ Швабскій союзъ и императору. Кнопфъ изъ Луибаса былъ посланъ въ Тюбингенъ, чтобы тамъ посовѣтоваться съ однимъ знаменитымъ ученымъ юристомъ.

Между тѣмъ положеніе быстро измѣнялось. Со всѣхъ сторонъ получались извѣстія, что Швабскій союзъ энергично готовится къ походу, и крестьяне должны ожидать нападенія. Эти угрожающіе слу-

хи быстро подняли на ноги всѣхъ крестьянъ въ Алльгау, верхней и нижней Швабіи. Въ началѣ февраля на болотистой низменности у Лаунгейма, между Ульмомъ и Бибербахомъ, собралось около 2000 человѣкъ, которые расположились тамъ лагеремъ, а въ скоромъ времени число ихъ возрасло до 12.000. Они назвали себя „Бальтрингскимъ отрядомъ", такъ какъ первый планъ мобилизаціи былъ выработанъ въ трактирѣ въ Бальтрингенѣ. Какъ знамя союза надъ ихъ лагеремъ развѣвался красный флагъ; своимъ начальникомъ они выбрали Ганса Ваннера изъ Вартгаузена.

Въ Обераальгау, въ концѣ февраля, собрались крестьяне изъ провинцій Теттнангъ, Райтенау, Лангенаргенъ и подданные графа фонъ-Монфоръ. Они разослали гонцовъ во всѣ области вокругъ Боденскаго озера и въ непродолжительномъ времени созвали до 7000 человѣкъ. Войско это было названо „озернымъ отрядомъ", начальникомъ ихъ былъ Эйтель Гансъ Цигенмюллеръ изъ Нижняго Тейрингена, а ихъ главная квартира находилась въ Берматингенѣ.

Когда до Кемптенскихъ крестьянъ дошли слухи о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, они вновь назначили народное собраніе на 27-го февраля въ Луибасѣ. Настроеніе крестьянъ было на сей разъ менѣе миролюбиво, а поведеніе владѣтельнаго аббата и его совѣтниковъ еще болѣе способствовало тому, чтобы недовольство достигло крайняго напряженія. Одинъ изъ этихъ совѣтниковъ, Гансъ фонъ-Фрейндсбергъ, опредѣленно заявилъ крестъ-

янамъ: „*Никакихъ правъ давать вамъ мы не желаемъ, а будемъ дѣйствовать противъ васъ мечомъ; ваши жены будутъ превращены во вдовъ, ваши дѣти—въ сиротъ и наши копья будутъ вашимъ кладбищемъ*". Вмѣсто отвѣта крестьяне рѣшили созвать 5-го марта союзный совѣтъ всего альгаускаго крестьянскаго населенія, въ городѣ Кемптенѣ. Былъ посланъ гонецъ за Кнопфомъ изъ Луибаса въ Тюбингенъ. „Пусть онъ больше не сидитъ въ Тюбингенѣ, въ тѣхъ мѣстахъ народъ уже достаточно силенъ, чтобы не нуждаться больше въ защитѣ закона", гласилъ приказъ.

Крестьяне верхняго Альгау соединились теперь въ одну армію, названную „верхне-альгаускимъ отрядомъ". 5-го марта ихъ начальники отправились въ Кемптенъ на союзный совѣтъ; тамъ было постановлено силою включить въ союзъ всю окрестную страну. Войско къ тому времени въ лагерѣ въ Оберндарфѣ, между Фюссенъ и Кауфбейреномъ, состояло изъ 8000 человѣкъ, въ томъ числѣ было также много подданныхъ Аугсбургскаго епископа. Оппозиціонные священники также входили въ значительномъ количествѣ въ составъ верхне-альгаускаго войска.

Городамъ Меммингену и Кауфбейрену удалось путемъ значительныхъ уступокъ удержать въ спокойствіи своихъ крестьянъ; такъ, между прочимъ, меммингенскій городской совѣтъ высказался за отмѣну крѣпостного права.

Въ нижнемъ Альгау въ концѣ февраля также возникло движеніе. Здѣсь находились владѣнія Трух-

зеса Георга фонъ-Вальдбургъ. Удивительнѣе всего, что крестьяне не были имъ недовольны. Сосѣдніе крестьяне должны были поэтому прибѣгнуть къ угрозѣ, что если они къ нимъ не присоединятся, то будетъ поступлено съ ними, какъ съ врагами. Тогда подданные Трухзеса потребовали, чтобы онъ явился къ нимъ для переговоровъ; Трухзесъ отклонилъ ихъ требованіе, ссылаясь на свои военныя служебныя обязанности у эрцгерцога и Швабскаго союза. Когда же послѣ этого возставшіе крестьяне, согласно своей угрозѣ вторгнулись въ область Трухзеса, то его подданные примкнули къ нимъ; „нижне-альгаускій отрядъ“, какъ они себя назвали, насчитывалъ около 5000 человѣкъ подъ начальствомъ Флоріана Грейзеля, Айхштеттенскаго пастора, извѣстнаго подъ именемъ „попъ Флоріанъ“.

Въ началѣ марта изъ крестьянъ Иллерталя, Ротталя и Биберталя и всѣхъ мѣстъ между Ульмомъ, Аугсбургомъ и Донаувертомъ образовалось новое войско въ 5000 человѣкъ, названное Лейпгеймскимъ отрядомъ, по имени мѣстечка Лейпгеймъ, возлѣ Ульма, гдѣ находилась ихъ главная квартира. Лейпгеймскій пасторъ, Гансъ Якобъ Веге, былъ всей душою преданъ народному дѣлу, считался однимъ изъ самыхъ ярыхъ послѣдователей Мюнцера и своими проповѣдями пріобрѣлъ себя горячія симпатіи всего окрестнаго населенія. Когда онъ въ 1524 г., въ день праздника тѣла Христова, съ кафедры заявилъ, что больше въ своей жизни не будетъ служить ни одной обѣдни, прибавивъ: „если бы это не противорѣчило духу братской любви, онъ предпо-

челъ бы, что бы имъ было убито столько враговъ, сколько обѣденъ онъ отслужилъ“, и сошелъ съ каѳедры, то весь народъ, затянулъ благодарственный молебенъ.

* * *

Бальтрингскій, верхне и нижне-альгаускіе и озерной отряды заключили между собой 7 марта оборонительно-наступательный союзъ. Сборнымъ пунктомъ для Бальтрингскаго отряда была назначена болотистая низменность у Бибербаха, для верхне-альгаускаго — Луибасъ, для нижне-альгаускаго — Райтенау, а для озернаго—Берматингенъ. Каждый приходъ, присягнувшій союзу, имѣлъ своего начальника, совѣтниковъ и сборный пунктъ, куда войско собиралось по приказанію начальника. При начальникахъ и совѣтникахъ, состояли выборные судьи, которые должны были разбирать всякіе споры. Отъ времени до времени происходили собранія начальниковъ, а иногда главный начальникъ созывалъ всѣхъ должностныхъ лицъ на главную квартиру. Было постановлено, что ни въ одной церкви или часовнѣ нельзя звонить въ большой колоколъ и онъ долженъ служить исключительно для набата; всякій подъ присягой обязался при звонѣ колокола явиться на сборный пунктъ съ оружіемъ въ рукахъ и повиноваться всѣмъ распоряженіямъ. Наконецъ, былъ принятъ еще цѣлый рядъ рѣшеній относительно доставки провіанта, орудій, о томъ, какъ поступать по отношенію къ монастырямъ и господамъ и вообще о мѣрахъ поддержанія порядка.

Между тѣмъ члены Швабскаго союза, а именно совѣтъ въ Ульмѣ, былъ сильно озабоченъ тѣмъ, какъ бы успокоить крестьянъ и удержать ихъ заманчивыми обѣщаніями. Высокопоставленые господа ѣздили во всѣ лагери крестьянъ, очень любезно обращались съ ними, увѣряя, что будетъ сдѣлано все возможное для благопріятнаго разрѣшенія крестьянскихъ требованій. Втайнѣ же они очень энергично готовились къ войнѣ и напрягали всѣ усилія, чтобы выступить противъ крестьянъ съ превосходными силами. Какъ обстояло дѣло у Швабскаго союза, видно изъ письма канцлера Эка баварскому герцогу, въ которомъ говорится: „Мы въ скоромъ времени примемъ такія рѣшительныя мѣры противъ крестьянъ, что проклятый евангелизмъ будетъ окончательно задушенъ; наивные и добрые люди изъ Эслингенскаго городского управленія серіозно желали бы, что бы мы уступили крестьянамъ, *но мы этого не сдѣлаемъ*, — мы бы только лишились тѣмъ своей репутаціи. Братская любовь крестьянъ мнѣ ни мало не улыбается. Я не особенно охотно дѣлился съ своими родными братьями и сестрами, тѣмъ менѣе я пожелалъ бы сдѣлать это съ чуждыми мнѣ крестьянами“.

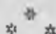
Крестьяне на самомъ дѣлѣ пустились въ переговоры и отъ отдѣльныхъ отрядовъ были отправлены послы въ Ульмъ для учрежденія третейскаго суда. Уполномоченные отъ крестьянъ предложили нѣкоторыхъ бургомистровъ и членовъ совѣта, къ которымъ они питали довѣріе, какъ третейскихъ судей. Ульмскіе бароны отклонили это предложеніе, подъ

предлогомъ, что оно могло затянуть дѣло какъ слишкомъ отдаленное. Внесено было новое предложеніе, состоявшее въ томъ, что господа и крестьяне каждой отдѣльной мѣстности выбираютъ по два третейскихъ судей. Всѣ четверо сообща выбираютъ пятаго, какъ предсѣдателя, и этотъ судъ выслушаетъ обѣ стороны и вынесетъ рѣшеніе. Во время переговоровъ военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ должны быть прекращены, крестьянскіе отряды распущены и освобождены отъ присяги и всѣ они должны разойтись по домамъ. Предложенія эти были приняты обѣими сторонами и должны были вступить въ силу въ восьмидневный срокъ. Въ воскресенье 2-го апрѣля крестьяне должны были дать отвѣтъ въ Ульмѣ. Напрасно наиболѣе дальновидные изъ нихъ ратовали противъ принятія этого предложенія, большинство согласилось съ нимъ на свою же погибель.

То, что дворянамъ удалось сдержать крестьянъ, избавило ихъ отъ страшнаго затрудненія. Герцогъ Ульрихъ Вюртенбергскій, который предполагалъ начать военныя дѣйствія противъ баварскаго герцога вынужденъ былъ отказаться отъ этого плана за отсутствіемъ средствъ. Въ концѣ февраля онъ двинулся прямо на свое герцогство черезъ Шпайхингенъ и Балингенъ съ нѣсколькими тысячами завербованныхъ швейцарцевъ и нѣсколькими отрядами крестьянъ, подъ начальствомъ Ганса Мюллера фонъ-Бульгенбаха, всего съ 6000 пѣшими и 200 конными солдатами и нѣсколькими орудіями. Трухзесъ слѣдовалъ за нимъ съ 300 всадниками и 700 пѣшими

ратниками. Въ дорогѣ ему удалось напасть въ окрестностяхъ Балингена на отрядъ гегаускихъ крестьянъ въ 60 человѣкъ и истребить его. Утромъ 1-го марта, ему также посчастливилось застичь врасплохъ въ деревни Вейльгеймъ 300 человѣкъ швейцарцевъ и крестьянъ изъ армiи Ульриха и изрубить изъ нихъ 133 человѣка. Самъ же онъ потерялъ только 15 лошадей. Вскорѣ послѣ этого Гансъ Мюллеръ фонъ-Бульгенбахъ съ своими крестьянами оставилъ Ульриха, въ виду того, что настроенiе въ Вюртенбергѣ оказалось не такимъ, какимъ представлялъ его герцогъ. Ульрихъ форсированнымъ маршемъ двинулся къ Штутгарту, надѣясь, что въ своей странѣ численность его войска скорѣе возрастетъ, такъ какъ австрiйскiя власти были всѣмъ ненавистны. Трухзесъ слѣдовалъ непосредственно за нимъ и благодаря полученнымъ сильнымъ подкрѣпленiямъ имѣлъ уже у Тюбингена въ своемъ распоряженiи 700 конныхъ и 14.000 пѣшихъ солдатъ. У Герренберга завязалось сраженiе, исходъ котораго оказался неопредѣленнымъ, такъ какъ призванное австрiйскимъ правительствомъ вюртенбергское ополченiе отказалось сражаться подъ начальствомъ Трухзеса. Ульрихъ, вмѣсто того, чтобы быстро двинуться теперь на Штутгартъ, нашелъ выгоднымъ остаться нѣсколько дней въ Зиндельфингенѣ. Трухзесъ воспользовался этимъ, чтобы осадить Штутгартъ. Когда герцогъ пожелалъ вступить въ городъ, оказалось, что нужно сперва его завоевать. Это рѣшило его пораженiе. Въ то время, какъ Ульрихъ находился передъ Штутгартомъ, швейцарцы внезап-

но отозвали свои войска. Они получили извѣстіе, что союзникъ Ульриха король Францискъ I французскій былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ императоромъ Карломъ V въ сраженіи при Павіи, и швейцарскіе владѣльцы опасались навлечь на себя месть императора. Въ Вюртенбергѣ только нѣсколько мѣстечекъ высказались за Ульриха, и онъ не былъ въ состояніи, послѣ ухода швейцарцевъ держаться противъ хорошо защищеннаго Штутгарта и войска Трухзеса. Съ нимъ чуть не приключилось еще большее несчастье. Швейцарцы не только приняли у австрійскаго эрцгерцога жалованье, которое не уплатилъ имъ Ульрихъ, но были готовы за деньги предать его самого въ руки враговъ. Герцогу сталъ извѣстенъ этотъ планъ и ему удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, избѣжать позора попасть въ плѣнъ къ своимъ собственнымъ солдатамъ.



Удачное устраненіе Ульриха развязало Швабскому союзу руки по отношенію къ крестьянамъ. То, что послѣдніе дали себя такимъ непростительнымъ образомъ удержать, вполнѣ объясняется характеромъ народа, неспособнымъ усмотрѣть предательство и обманъ за льстивыми рѣчами, завѣреніями и прекрасными обѣщаніями своихъ смертельныхъ враговъ. Кто знакомъ съ тѣмъ, съ какой довѣрчивостью народъ въ 1848 и 49 годахъ повсемѣстно принималъ обѣщанія королей, чтобы немедленно же испытать горькое разочарованіе, не будетъ удивляться, что

прямодушные и честные или невѣжественные и ограниченные крестьяне шестнадцатаго вѣка дали своимъ господамъ обмануть себя. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что во всякомъ революціонномъ лагерѣ обычно имѣются двѣ партіи. Одна, ставящая себѣ широкія задачи и желающая добиться всего, которая поэтому понимаетъ, что не должна вступать ни въ какіе компромиссы съ своими врагами, и другая, интересы которой не требуютъ столь рѣшительныхъ выступленій и склоняютъ ее къ миролюбивымъ соглашеніямъ. Первая партія состоитъ всегда изъ дальновидныхъ идеалистовъ, примкнувшихъ къ движенію безъ всякаго личнаго интереса и стремящихся къ полному достиженію своей цѣли. На ихъ сторонѣ низшіе и бѣднѣйшіе слои народа, интересы котораго могутъ быть удовлетворены только полной, а не половинной революціей. Вторую партію образуютъ умѣренные отъ природы элементы и тѣ, чье болѣе высокое соціальное и матеріальное положеніе заставляетъ ихъ опасаться какъ бы, зайдя слишкомъ далеко, не повредить самимъ себѣ; это тѣ „благоразумные и разсудительные" люди, которые желаютъ лишь воспользоваться массой для достиженія своихъ цѣлей, а когда движеніе принимаетъ размѣры, выходящіе за желательные имъ предѣлы, то они не прочь измѣнить ему, либо вступивъ въ соглашеніе съ своимъ недавнимъ врагомъ, либо посѣявъ недовѣріе и уныніе въ рядахъ самихъ революціонеровъ.

Такъ какъ вторая партія состоитъ обыкновенно изъ людей состоятельныхъ, пользующихся благода-

ря своему соціальному положенію большимъ вліяніемъ на бѣдныхъ и угнетенныхъ, то она всегда возьметъ верхъ если только событія не вызовутъ сильнаго возбужденія страстей и развитія самосознанія массъ. Въ частности же ея перевѣсъ обезпечивается характеромъ наиболѣе угнетенныхъ слоевъ. Послѣдніе до того привыкли въ своемъ рабскомъ положеніи довольствоваться малымъ, что ихъ очень легко удовлетворить. А страданія, которыя они всю свою жизнь терпѣли, дѣлаетъ ихъ особенно воспріимчивыми къ чужимъ страданіямъ и склоннымъ къ кротости и уступчивости часто во вредъ самимъ себѣ.

Къ послѣдовательному и энергичному выступленію противъ своихъ враговъ народъ еще не дошелъ ни въ одной революціи, за исключеніемъ великой Французской революціи; всѣ же розсказни о жестокости и мстительности народнаго характера—ложь и клевета.

Историки господствующихъ классовъ могутъ правда, утверждать противное, но доказать это они не въ состояніи. При всѣхъ революціяхъ народъ съ поразительной умѣренностью обращался съ своими врагами, хотя и имѣлъ сотни основаній проявить месть и возмездіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Народъ вообще долженъ быть уже доведенъ до крайности, чтобы рѣшиться употребить силу противъ силы. Только подъ вліяніемъ самаго сильнаго возбужденія страстей и доведенный до бѣшенства, онъ можетъ дать себя увлечь на такіе поступки, которые могли бы быть названы жестокими. И эти

жестокости едва ли могутъ сравниться съ тѣми, которыя ему пришлось претерпѣть, раньше чѣмъ прибѣгнуть къ самопомощи. Когда же, наоборотъ, побѣждаютъ враги революціи, тогда ихъ месть не знаетъ границъ, они безпощадно свирѣпствуютъ и сокрушаютъ все, что осмѣлилось стать на пути ихъ властнымъ и эксплуататорскимъ аппетитамъ.

Въ крестьянской войнѣ также существовали двѣ партіи, умѣренная и крайняя, которыя постоянно боролись между собой и смотря по положенію дѣлъ, то одна то другая брала верхъ. Между предводителями было не мало такихъ, которые примкнули къ движенію съ цѣлью отомстить за личныя обиды и завоевать утерянное положеніе, либо же такіе, которые расчитывали, хотя и безъ корыстныхъ соображеній, использовать движеніе не для полнаго уничтоженія существующаго строя, а для созданія такого, при которомъ положеніе отдѣльныхъ классовъ было бы нѣсколько улучшено. При такихъ скромныхъ стремленіяхъ на долю бѣдняковъ должно было прійтись меньше всего, а въ дальнѣйшемъ ходѣ войны выяснится до какихъ предѣловъ простирались эти умѣренныя и отсталыя стремленія. Къ упомянутымъ здѣсь предводителямъ примыкали въ первую голову присоединившіеся къ крестьянамъ городскіе элементы. Въ городахъ гнетъ никогда не былъ такъ силенъ, какъ въ деревнѣ, горожанъ поэтому легче было удовлетворить. Далѣе къ той же партіи принадлежали тѣ изъ крестьянъ, которые находились не въ личной крѣпостной зависимости отъ господъ, а въ вассальной или оброчной. Число ихъ

было довольно значительно и благодаря своему вліянію и союзу съ городскимъ элементомъ, они пріобрѣли преобладающее значеніе. Строго революціонный элементъ, представленный предикантами, находился въ меньшинствѣ, и ему удалось только тогда привлечь на свою сторону зрѣнія колеблющихся и провести свой взглядъ о необходимости энергичныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, когда враги своимъ поведеніемъ заставили массу убѣдиться, что другой путь невозможенъ.

Въ крестьянскомъ лагерѣ не было недостатка также и во всякомъ сбродѣ, особенно изъ городовъ, который присоединился къ походу только въ надеждѣ на добычу и роскошную жизнь и часто выдѣлялся самымъ непріятнымъ образомъ. Расхищеніе многихъ замковъ, а главнымъ образомъ монастырей съ ихъ богатыми запасами, привело къ тому, что крестьяне были деморализованы и теряли повсюду гораздо больше драгоцѣннаго времени, чѣмъ это требовалось обстоятельствомъ и было полезно для ихъ предпріятія. Какъ бы ни порицали нерѣдко безполезные грабежи и разрушенія, какъ бы ни резонировали противники крестьянъ по поводу многочисленныхъ поджоговъ замковъ и монастырей, упрекнуть крестьянъ въ жестокомъ обращеніи съ людьми удается только въ единичныхъ случаяхъ. Правда, они часто потѣшались и дразнили своихъ плѣнныхъ враговъ, а нѣкоторые изъ нихъ, именно у Вейнсберга, были прогнаны сквозь строй, но первое было совершенно безобидно и говоритъ скорѣе объ умѣренности крестьянъ, а второе было исклю-

чительно вызвано предательскимъ поведенiемъ самихъ плѣнныхъ. Послѣднихъ также не замучили до смерти, какъ то дѣлали впослѣдствiи господа съ своими врагами, но приговоръ былъ быстро приведенъ въ исполненiе по военному обычаю.

Большимъ недостаткомъ являлось неудовлетворительное завѣдованiе доставшимися въ добычу запасами и распредѣленiя ихъ по мѣрѣ потребности. Вслѣдствiе этого, продовольствiе массъ было крайне нерегулярно и естественно вызывало чрезмѣрное потребленiе въ тѣ дни, когда запасы имѣлись въ изобилiи, въ то время какъ не было увѣренности, что на слѣдующiй день будутъ располагать хоть самымъ необходимымъ. Еще два существенныхъ условiя привели къ гибели крестьянъ: недостатокъ въ орудiяхъ, снарядахъ къ нимъ и кавалерiи. Возможно, что артиллерiю удалось бы прiобрѣсть въ достаточномъ количествѣ, если бы высшее начальство позаботилось объ этомъ, энергично потребовавъ поставки таковой у владѣльцевъ и городовъ, присоединившихся изъ страха къ крестьянамъ. Но проклятая разсудительность помѣшала сдѣлать это. Хотя всякому должно было быть ясно, что всѣ тѣ благородные господа, которые такъ поспѣшно вступали въ союзъ съ крестьянами, когда сила была на сторонѣ послѣднихъ, немедленно же покинутъ ихъ какъ только крестьяне потерпятъ первое пораженiе, тѣмъ не менѣе у нихъ требовали только самое необходимое, причемъ и тутъ господамъ часто удавалось еще многое выторговать. Такъ, всѣ многочисленные форты и крѣпости сохранили въ изо-

били орудія, которыхъ такъ недоставало крестьянамъ. Сильная артиллерія уравновѣсила бы недостатокъ конницы, которая составляла главную силу непріятеля. Конница вполнѣ основательна была названа „крестьянской смертью“, послѣдніе съ своими аллебардами и копьями не могли противостоять ей при недостаткѣ огнестрѣльнаго оружія.

Дальнѣйшимъ зломъ являлся недостатокъ денегъ. Несомнѣнно, что взятыхъ въ церквяхъ золотой и серебряной утвари, денегъ изъ церковныхъ кружекъ и всѣхъ тѣхъ наличныхъ денегъ, которыя вообще можно было найти у господъ и монастырей хватило-бы на покрытіе необходимыхъ расходовъ; такъ и было рѣшено поступать, но недоставало должной организаціи. Вмѣсто того, чтобы передать добытыя деньги и цѣнности въ общую военную кассу, онѣ чаще всего распредѣлялись между отдѣльными маленькими отрядами, растаскивались отдѣльными людьми, а церковная утварь большей частью сбывалась за гроши, слѣдовавшимъ всегда въ большемъ количествѣ за отрядами евреямъ, которые и пожинали здѣсь обильную жатву.

Крестьяне повсемѣстно выработали опредѣленные пункты требованій къ своимъ господамъ, которые нѣсколько видоизмѣнялись сообразно мѣстнымъ условіямъ, но вполнѣ сходились въ основномъ. Извѣстныя главныя требованія встрѣчались во всѣхъ жалобахъ. Какъ Мюльгаузенскіе крестьяне пред-

ставили совѣту черезъ Пфейфера 16 пунктовъ требованій, также поступили въ началѣ 1525 года и крестьяне ландграфства Штюлингенъ и другихъ владѣній, и надо полагать, что это не обошлось безъ участія Мюнцера и Пфейфера, которые въ то время находились въ верхней Германіи. Въ концѣ февраля и началѣ марта требованія эти, формулированныя въ 12 статьяхъ, появились, какъ общій манифестъ крестьянъ, прежде всего въ Швабіи, а оттуда уже съ быстротой молніи распространились по всей Германіи. Заглавіе гласило: „основныя и правильныя требованія всѣхъ крестьянскихъ обществъ подданныхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣній, за осуществленіе которыхъ они клятвенно обязались стоять“. Послѣ длиннаго вступленія, направленнаго противъ упрека въ томъ, что новое евангеліе является причиной возстанія, посланіе гласитъ:

Пунктъ 1. Во-первыхъ, наша смиренная просьба и желаніе, какъ равно воля и мнѣніе всѣхъ насъ, чтобы впредь приходъ имѣлъ право и власть самъ избрать себѣ священника, а также и отказать ему, если поведеніе его будетъ признано недостойнымъ. Избранный священникъ долженъ ясно и точно проповѣдывать намъ евангеліе безо всякихъ людскихъ прибавленій къ нему, толкованій и указаній. Мы лишены истинной вѣры и это побуждаетъ насъ молить Бога о милости ниспослать и утвердить насъ въ живой вѣрѣ. Ибо если милость его въ насъ не внѣдрится, то мы вѣчно останемся лишь плотью и кровью и не можемъ надѣяться тогда, какъ ясно сказано въ писаніи, обратиться къ Богу черезъ истинную вѣру и обрѣсть

блаженство по его милосердію. Поэтому намъ необходимъ подобный представитель и пасторъ, и въ этихъ соображеніяхъ выставляется нами настоящее требованіе.

Пунктъ 2. Во-вторыхъ, хотя десятина установленная ветхимъ завѣтомъ и отмѣнена новымъ, мы тѣмъ не менѣе будемъ вносить справедливую хлѣбную десятину, какъ это положено. Она должна быть принесена Богу и его служителямъ. Такъ какъ десятина полагается священнику, который учитъ насъ слову Божію, то мы постановляемъ: наши пробсты, назначенные всѣмъ приходомъ, получаютъ и собираютъ десятину, изъ которой священнику, избранному всѣмъ обществомъ, выдается содержаніе, достаточное для существованія его и семьи по опредѣленію всего прихода; то, что останется должно быть выдано проживающимъ въ деревнѣ бѣднякамъ, согласно обстоятельствамъ дѣла и свѣдѣніямъ, имѣющимся у общины. Излишекъ же сохраняется на случай войны и общественной нужды; для того, чтобы не налагать никакихъ податей на бѣдняковъ, таковыя выплачиваются изъ этого излишка. Если бы оказалось, что одна или нѣсколько деревень продали изъ нужды право на десятину, то откупщикъ, пріобрѣвшій это право у всей деревни, не лишается его безъ вознагражденія, но мы входимъ съ нимъ въ соглашеніе соотвѣтственно съ положеніемъ дѣла объ обратномъ выкупѣ у него этого права въ извѣстный срокъ. Но тому, кто этого права не откупилъ у всей деревни мы больше ничего давать не желаемъ и не будемъ,

мы ничего ему больше не должны, а какъ выше сказано, будемъ содержать имъ нашихъ избранныхъ пасторовъ и распредѣлять между нуждающимися сельчанами. Малой же десятины мы вовсе давать не желаемъ ни духовнымъ, ни свѣтскимъ властямъ. Господь Богъ сотворилъ скотъ на свободное пользованіе человѣка. Десятину эту мы считаемъ незаконной, измышленной людьми; поэтому мы не желаемъ больше давать ее.

Пунктъ 3. Въ третьихъ, до сихъ поръ принято было считать насъ жалкими крѣпостными, а Христосъ избавилъ и искупилъ своей пролитой драгоцѣнной кровью всѣхъ насъ, послѣдняго пастуха точно также, какъ и самаго высокопоставленнаго господина, безъ всякаго исключенія. Поэтому въ писаніи говорится, что мы свободны, и мы хотимъ быть свободными. Не то, чтобы быть совершенно свободными, безъ всякой власти надъ собой, этому Богъ насъ не училъ; мы должны въ законѣ жить, а не въ плотскомъ своеволіи, любить Бога какъ повелителя нашего, почитать Его въ ближнемъ своемъ и охотно будемъ исполнять все, какъ Господь повелѣлъ на Тайной вечерѣ. Поэтому мы и должны жить согласно его заповѣдямъ. Заповѣди эти не говорятъ намъ, чтобы мы не повиновались властямъ. Мы должны смиряться не только передъ властями, но и передъ всякимъ человѣкомъ. Мы будемъ охотно повиноваться избраннымъ нами и назначеннымъ властямъ, какъ то Богомъ установлено во всѣхъ законныхъ и истинно-христіанскихъ распоряженіяхъ; мы въ свою очередь не сомнѣваемся, что вы, какъ

истые христіане, освободите насъ отъ крѣпостной зависимости, либо же докажете намъ изъ евангелія, что мы должны быть крѣпостными.

Пунктъ 4. Въ четвертыхъ, бѣднякъ не имѣлъ до сихъ поръ права охотиться на дичь, птицу или удить рыбу въ рѣкахъ, что намъ кажется совсѣмъ незаконнымъ и несоотвѣтствующимъ братской любви, а своекорыстнымъ и противнымъ слову Божію. Во многихъ мѣстахъ власти оберегаютъ дичь на зло и въ великій ущербъ намъ, мы вынуждены терпѣть какъ наше добро, то, что Богъ выростилъ на пользу человѣку, безполезно пожирается неразумными звѣрями, и на это противное Богу и ближнимъ дѣло мы должны молча смотрѣть. Ибо когда Богъ сотворилъ человѣка, онъ вручилъ ему власть надъ всѣми звѣрьми, надъ птицами въ воздухѣ и рыбой въ водѣ. Поэтому мы желаемъ: когда вода находится въ чьемъ либо владѣніи, то владѣлецъ обязанъ документально доказать, что она пріобрѣтена имъ путемъ купли; подобное владѣніе мы не будемъ отбирать силой, но разсудимъ дѣло согласно христіанскому воззрѣнію, въ духѣ братской любви. Тотъ же, кто не въ состояніи представить достаточныхъ доказательствъ, долженъ возвратить ее общинѣ.

Пунктъ 5. Въ пятыхъ, мы затруднены также въ пользованіи деревомъ, такъ какъ наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, а если бѣдняку что-либо понадобится, онъ вынужденъ покупать по двойной цѣнѣ. Наше мнѣніе, что лѣса, принадлежащіе духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ, должны вновь сдѣлаться достояніемъ всего общества, и всякій членъ общи-

ны долженъ имѣть право брать себѣ на домъ сколько необходимо для его потребностей, а равно безвозмездно получать въ случаѣ надобности лѣсъ для плотничьихъ подѣлокъ, но съ вѣдома избранныхъ общиной для этой цѣли лицъ, чѣмъ будетъ предохранено истребленіе лѣсовъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ другихъ лѣсовъ, кромѣ честно пріобрѣтенныхъ частными лицами, то слѣдуетъ по-братски и по-христіански притти къ соглашенію съ владѣльцами. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ кто-либо раньше присвоилъ себѣ имѣніе, а затѣмъ уже продалъ, равнымъ образомъ притти къ соглашенію съ купившимъ сообразно съ положеніемъ дѣла и требованіями братской любви и священнаго писанія.

Пунктъ 6. Въ шестыхъ, на насъ лежитъ тяжелое бремя барщинной службы, которое день ото дня становится все больше и больше. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено должное вниманіе и насъ не обремѣняли чрезмѣрной службой, но милостиво войдя въ наше положеніе, позволили бы намъ служить, какъ служили наши родители, согласно слову Божьему.

Пунктъ 7. Въ седьмыхъ, мы требуемъ, чтобы господа не обременяли насъ поборами сверхъ положеннаго, и всякій долженъ пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены по соглашенію господина съ крестьянами. Владѣлецъ не имѣетъ права налагать на нихъ новыхъ тяготъ ни требовать большой службы или чего либо иного, дабы крестьянинъ имѣлъ возможность пользоваться своимъ добромъ спокойно и легко; когда же владѣльцу очень понадобит-

ся работа крестьянъ, тогда послѣдніе должны добровольно выполнить ее въ первую очередь, но въ такое время, когда оно неубыточно для нихъ и за приличное вознагражденіе.

Пунктъ 8. Въ восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющіе землю, обременены еще непосильнымъ оброкомъ, котораго не можетъ выносить ихъ земля. Потому крестьянамъ часто приходится терять свое имущество или мириться съ его обезцѣненіемъ. Мы желаемъ, чтобы владѣльцы этихъ имѣній назначили честныхъ людей для ихъ осмотра и чтобы оброкъ взимался по настоящей цѣнности земли, дабы весь трудъ крестьянина не пропадалъ даромъ; ибо каждый работникъ достоинъ своего пропитанія.

Пунктъ 9. Въ девятыхъ, мы жалуемся на великое беззаконіе, такъ какъ насъ постоянно подвергаютъ все болѣе тяжелымъ наказаніямъ не сообразно съ нашей виной, а или по злобѣ или по пристрастію къ противной сторонѣ. Наше мнѣніе, что судить насъ должно по старымъ писанымъ законамъ, безпристрастно, соотвѣтственно совершенному поступку.

Пунктъ 10. Въ десятыхъ, мы жалуемся, что частныя лица присвоили себѣ луга и пашни, принадлежащіе общинамъ. Подобныя земли должны поступить обратно въ руки общины, если онѣ пріобрѣтены нечистымъ путемъ, если же земли пріобрѣтены справедливымъ путемъ, то слѣдуетъ сообразно съ обстоятельствами миролюбиво и братски уладить между собой это дѣло.

Пунктъ 11. Въ одиннадцатыхъ, мы желаемъ совершенно уничтожить обычай, называемый посмерт-

ной пошлиной и не станемъ больше терпѣть и позволять, чтобы вдовы и сироты такъ постыдно, противно Богу и чести, ограблялись и лишались своего достоянія, какъ это въ различныхъ мѣстахъ и подъ разными видами происходитъ. То, что господа должны оберегать и защищать, они расхищаютъ и грабятъ и если бы имѣли малѣйшую возможность, то совсѣмъ забрали бы все себѣ. Богъ этого больше терпѣть не хочетъ и оно должно быть совершенно отмѣнено, никто въ случаѣ смерти не обязанъ ничего давать будь то много или мало.

Пунктъ 12. Въ двѣнадцатыхъ, наше рѣшеніе и окончательное постановленіе, что если одна или многія изъ выработанныхъ статей не находятся въ соотвѣтствіи съ словомъ Божіимъ, то мы откажемся отъ нихъ, когда намъ будетъ доказано, что та или иная статья не подлежитъ удовлетворенію по священному писанію. И если бы нѣкоторыя требованія, которыя сейчасъ будутъ удовлетворены, впослѣдствіи оказались несправедливыми, то съ того самаго момента они считаются отмѣненными и болѣе не дѣйствительными. Точно также, если бы въ нашемъ прошеніи оказались пункты противные Богу или тягость ближнимъ, то мы рѣшили отказаться отъ нихъ и жить укрѣпляясь и утверждаясь въ христіанскомъ ученіи и молить Господа нашего, который одинъ только и можетъ исполнить наши просьбы и никто кромѣ Него. Благодать Христова да будетъ съ нами".

Никто не станетъ утверждать, что въ этихъ статьяхъ заключались невыполнимыя требованія, наоборотъ, онѣ были очень скромны, и если бы у гос-

подъ дѣло шло о справедливости, то они съ радостью возстановили бы миръ на этихъ основахъ. Но добровольный отказъ отъ своихъ привилегій противорѣчилъ бы характеру господствующаго класса, современные буржуа такъ же жестоки и глухи къ добру, какъ и средне-вѣковые феодалы.

Настоящій авторъ Двѣнадцати Статей неизвѣстенъ; вѣроятно, многіе принимали въ ихъ выработкѣ участіе. Мюнцеръ, которому онѣ предписывались подъ пыткой, передъ смертью показалъ: „Въ Гегау и Клеттгау онъ составилъ на основаніи евангельскаго текста нѣсколько статей о томъ, какъ должно править, а изъ этого другіе позднѣе выработали пункты требованій". На вопросъ о томъ, кто были авторы, онъ отвѣтилъ: „Нѣкоторыя статьи, авторъ которыхъ ему неизвѣстенъ, подняли братьевъ, а впослѣдствіи изъ нихъ уже получились 12 статей требованій шварцвальдскихъ и другихъ крестьянъ". И это вполнѣ вѣроятно, такъ какъ Мюнцеръ самъ формулировалъ бы требованія болѣе рѣзко и не столь дипломатически. На ряду съ Мюнцеромъ авторомъ Двѣнадцати Статей называютъ также священника Шаппелера изъ Меммингена, который позже оспаривалъ это; даже Фуксштейнеръ, засѣдавшій въ Кауфбейренѣ въ совѣтѣ христіанскаго братства, принималъ въ этомъ участіе. Какъ бы то ни было, требованія считались программой всѣхъ крестьянъ и какъ таковыя признавались во всѣхъ отрядахъ и распространялись по всей Германіи.

Если предшествующая редакція Двѣнадцати Статей ни въ коемъ случаѣ не исходитъ отъ Мюнцера,

то несомнѣнно его произведенiемъ является другое „письмо съ пунктами“, появившееся одновременно съ Двѣнадцатью Статьями и распространенное по всему Шварцвальду. Мюнцеръ въ то же время распространилъ одно изъ своихъ самыхъ революцiонныхъ произведенiй, въ которомъ онъ противопоставлялъ управленiе господъ тому, какъ управлять должно, онъ доказывалъ въ немъ тринадцатью цитатами изъ библiи, что народъ имѣетъ право удалять дурныхъ правителей. „Только не медлить. Всѣ господа, которые вводятъ новыя ограниченiя по произволу и собственной прихоти, не говоря уже о налогахъ, пошлинахъ, акцизахъ являются настоящими разбойниками и отъявленными врагами своей собственной страны. Свергнуть подобнаго Моава, Агога, Ахава, Фалариса и Нерона съ ихъ трона—истинно богоугодное дѣло“. Онъ призывалъ крестьянъ къ стойкости и рисовалъ картину того, что имъ предстоитъ, если они не доведутъ дѣла до благополучнаго конца. „Если вы оглянетесь на всю эту игру,—восклицаетъ онъ,—то ничего впереди себя не увидите, кромѣ горя, бѣды и ужасныхъ убiйствъ, которыя постигнутъ васъ и все крестьянство. Горе и бѣда вашимъ дѣтямъ, которымъ вы оставите такое несчастное наслѣдство; если вы теперь обязаны выполнять барщину съ киркой, мотыгой и лошадьми, то вашихъ дѣтей будутъ самихъ запрягать въ бороны; если до сихъ поръ вы вынуждены были огораживать ваши поля отъ дикихъ звѣрей, то теперь они останутся неогороженными; если до сихъ поръ вамъ выкалывали глаза, то впредь васъ самихъ

будутъ закалывать. Если до сихъ поръ вы уплачивали подушную подать и были крѣпостными, то теперь вы станете настоящими рабами, лишенными всякаго права надъ собой, надъ своимъ добромъ; васъ будутъ совсѣмъ, какъ въ Турціи, продавать словно скотъ, лошадей и воловъ. Если только кто осмѣлится поморщиться, то васъ будутъ пытать и мучить, и истязаніямъ и проклятьямъ не будетъ конца; тогда васъ измѣнниковъ мигомъ затащутъ въ первую башню, и одна пытка послѣдуетъ за другой,— будутъ сѣчь розгами, прожигать щеки, рубить пальцы, рвать языкъ, четвертовать, рубить головы". Мюнцеръ зналъ своихъ враговъ, и то, что онъ предсказалъ, сбылось въ точности.

* * *

Когда вторженіе герцога Ульриха въ свое герцогство окончилось неудачей, Швабскій союзъ отдалъ Трухзесу приказъ двинуться противъ крестьянъ на Дунай. Послѣднее произошло еще въ то время, когда переговоры о соглашеніи были въ полномъ ходу и раньше, чѣмъ началось, установленное 25 марта перемиріе. Когда ополченцамъ стало извѣстно, что ихъ отправляютъ противъ крестьянъ, они отказались повиноваться. Трухзесъ былъ вынужденъ обратиться къ нимъ съ умоляющей рѣчью, но безрезультатно. Только постепенно удалось переубѣдить отдѣльные отряды, констанцы же отказались отъ службы и разошлись по домамъ.

Вѣсть о коварномъ поведеніи Швабскаго союза и

о наступленіи Трухзеса очень скоро дошла до крестьянъ черезъ бѣжавшихъ ополченцевъ и вызвала у нихъ сильнѣйшее негодованіе. Во всѣхъ деревняхъ стали бить въ набатъ и трубить въ рогъ, призывая крестьянъ къ оружію. Въ послѣднихъ числахъ марта и началѣ апрѣля крестьяне поднялись не только въ Альгау, на Дунаѣ и верхней Швабіи, но и въ Тироли, Шварцвальдѣ, Брейсгау, въ вюртембергскихъ Альпахъ, въ области Гейльбронна и нѣмецкаго ордена, въ Оденвальдѣ, округѣ Гогенлоэ, Франконіи и Тюренгіи.

Бальтрингскій отрядъ открылъ враждебныя дѣйствія 26 марта тѣмъ, что разрушилъ и сжегъ нѣсколько замковъ, принадлежавшихъ самымъ ярымъ врагамъ крестьянъ. Такъ какъ послѣднее произошло близъ владѣній Трухзеса, то онъ рѣшилъ начать наступленіе на верхнюю Швабію, вмѣсто предположеннаго похода на Лейпгеймъ. Тридцатаго марта онъ попытался было двинуться съ 7800 пѣшими и 2000 конными солдатами черезъ Дунай, навстрѣчу крестьянамъ, которые расположились на правомъ берегу Дуная, въ болотѣ. Но мостъ не могъ выдержать орудій, а кавалерію нельзя было употребить на болотистой почвѣ. Нѣсколькими днями позже у Дельменфингена произошла небольшая стычка, въ которой крестьянами было убито свыше ста солдатъ и нѣсколько взято въ плѣнъ.

Въ виду того, что позиція крестьянъ въ болотѣ была неприступна, Трухзесъ переговорами старался выманить ихъ оттуда, а попутно произвести также развѣдки въ ихъ лагерѣ. Крестьяне поняли его планъ,

прервали всякіе переговоры, а когда стемнѣло, сняли свой лагерь, разбитый въ близъ лежащемъ лѣсу. Трухзесъ въ свою очередь только случайно избѣжалъ большихъ потерь; ночью въ его лагерѣ долженъ былъ вспыхнуть бунтъ среди ополченцевъ. Бунтъ былъ предупрежденъ тѣмъ, что барабанщикъ, посланный для переговоровъ съ крестьянами, боясь, чтобы послѣдніе не напали на него въ темнотѣ, забилъ въ барабанъ. Это вызвало ложную тревогу и подняло на ноги весь лагерь, такъ что бунтъ не могъ вспыхнуть. Крестьяне же, услышавши тревогу, обезпокоились, заподозрили измѣну и отошли обратно черезъ Дунай къ Альпамъ, куда войско не могло бы послѣдовать за ними.

Перваго апрѣля крестьянскіе отряды у Лянгенау, Лейпгейма и Иллертиссена также открыли враждебныя дѣйствія; послѣдній отрядъ состоялъ изъ 6000 человѣкъ, и оба первые вмѣстѣ – изъ 9000. Яковъ Веге двинулся во главѣ лейпгеймскаго отряда на Вейсенборнъ, чтобы взять его. Городское населеніе защищало городъ. Послѣ перестрѣлки въ теченіе часа безъ особыхъ потерь съ обѣихъ сторонъ, наступила ночь и сраженіе прекратилось. На слѣдующее утро крестьяне двинулись на богатый монастырь Роггенбургъ и разграбили его. Главнымъ образомъ старались уничтожить документы и акты, въ которыхъ были занесены условія аренды и повинности крестьянъ. Пріемъ этотъ сдѣлался обычнымъ при всѣхъ нападеніяхъ на монастыри во все время войны.

Часть лейпгеймскаго отряда хитростью овладѣла

городомъ Гюццбургомъ. Въ это время Яковъ Веге узналъ, что Трухзесъ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Веге послалъ ему письмо съ цѣлью вновь завязать переговоры и выиграть время, пока удастся стянуть отдѣльные отряды, но безуспѣшно. Колонна въ 1200 человѣкъ изъ лянгенаускаго отряда была настигнута непріятельскими всадниками у лѣса при Геппингенѣ, причемъ 50 человѣкъ было убито, часть сброшена въ Дунай, изъ которыхъ многіе утонули, а двѣсти пятьдесятъ человѣкъ взяты въ плѣнъ и увезены въ Ульмъ.

Лейпгеймскій отрядъ быстро привелъ себя въ оборонительное состояніе. Передъ Лейпгеймомъ дѣло дошло до сраженія. Такъ какъ превосходство было на сторонѣ Трухзеса, то крестьяне вынуждены были отступить; послѣднее было ими очень ловко выполнено и они забрали съ собой убитыхъ и раненыхъ. Но конницѣ Трухзеса удалось послѣ большихъ трудностей, связанныхъ съ неблагопріятными условіями почвы, зайти крестьянамъ въ тылъ и отрѣзать имъ отступленіе. Произошла кровавая схватка, причемъ 500 крестьянъ было убито, а 400 утонули въ Дунаѣ; 2000 удалось различными путями спастись и достичь Лейпгейма.

Вслѣдъ за этимъ Трухзесъ приступилъ къ штурму Лейпгейма; было ясно, что городъ не можетъ удержаться и онъ рѣшилъ просить милости. Трухзесъ потребовалъ, чтобы они сдались на милость побѣдителя и выдали бы своего проповѣдника. Городъ сдался. Яковъ Веге бѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ довѣренныхъ друзей по тайной

дорогѣ и скрылся въ пещерѣ на берегу Дуная. Собака, открывшая бѣглецовъ, стала лаять у пещеры и привлекла къ тому мѣсту нѣсколькихъ, сновавшихъ въ окрестностяхъ солдатъ, которые взяли бѣглецовъ въ плѣнъ и привели ихъ къ Трухзесу. Яковъ Веге, одинъ священникъ изъ Гюнцбурга, который тѣмъ временемъ также былъ захваченъ, и еще шестеро другихъ были приговорены къ смертной казни и 5 апрѣля вечеромъ они должны были быть казнены въ полѣ; казнь была приведена въ исполненіе надъ Яковомъ Веге и четырьмя другими, но наступившая ночь спасла жизнь остальнымъ, въ томъ числѣ и священнику изъ Гюнцбурга. Въ Лянгенау двое также были казнены; совѣтъ въ Ульмѣ равнымъ образомъ вынесъ много смертныхъ приговоровъ, другіе же подверглись подъ пыткой допросу. На всѣхъ же вообще участниковъ возстанія, попадавшихъ въ руки непріятеля, накладывались тяжелые денежные штрафы.

Въ воскресенье 2 апрѣля верхне-альгаускій отрядъ двинулся на замокъ Либентанъ, куда скрылся владѣтельный аббатъ изъ Кемптена, и осадилъ его. Прежде всего былъ основательно разграбленъ монастырь въ Кемптенѣ и всѣ документы уничтожены. За монастыремъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ замковъ, которые были сожжены. Крестьяне принялись за дѣло систематически.

Часть верхне-альгаусцевъ подъ начальствомъ Вальтера Баха подступила къ городу Фюссену, принадлежавшему епископу Аугсбургскому, чтобы захватить его; враждебное имъ городское населеніе взялось

за оружіе. Такъ какъ епископъ Аугсбургскій не могъ оказать имъ помощи, то они обратились къ эрцгерцогу Фердинанду, который заранѣе предвидѣлъ этотъ случай, такъ какъ предводитель крестьянъ Вальтеръ Бахъ, былъ имъ предварительно подкупленъ; онъ обѣщалъ городу помощь только въ томъ случаѣ, если онъ подчинится ему, какъ владѣльцу. Онъ надѣялся навсегда удержать его за собой. Нужда заставила фюссенцевъ согласиться на это. Крестьяне не хотѣли признать этотъ договоръ съ Австріей дѣйствительнымъ и объявили его обманомъ; тѣмъ не менѣе Вальтеру Баху удалось настоять на отступленіи. Но его игра была понята, онъ былъ смѣненъ и на его мѣсто избранъ Павелъ, пробстъ изъ Оберндорфа. Своеобразное отношеніе герцога къ крестьянамъ имѣло свои основанія. Съ того момента, какъ крестьяне повсюду поднялись, эрцгерцогъ усмотрѣлъ въ возстаніи средство увеличить свои владѣнія. Какъ ему удалось прибрать къ рукамъ Вюртенбергъ, подобнымъ же образомъ онъ надѣялся завладѣть верхней Швабіей, Зальцбургомъ и другими областями. Онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ такъ, какъ дѣйствовали другіе князья, именно Гогенцоллерны, которые пользовались затрудненіями мелкихъ владѣльцевъ, чтобы поживиться на ихъ счетъ. Въ конечномъ счетѣ послѣднихъ главнымъ образомъ и погубила крестьянская война.

Часть верхне-альгаускаго отряда, осаждавшая замокъ Либентанъ, дѣйствовала весьма успѣшно. Владѣтельный аббатъ вынужденъ былъ уступить, такъ какъ всякіе переговоры о болѣе выгодныхъ усло-

віяхъ встрѣчали отпоръ со стороны Кнопфа изъ Луибаса. Крестьяне даровали аббату и его совѣтникамъ жизнь, несмотря на то, что онъ съ ними жестоко обращался и сильно ихъ прижималъ, и разрѣшили ему даже оставить за собой двухъ лошадей, десять серебряныхъ чашъ, свою кроватъ и триста гульденовъ. Аббатъ и его совѣтники отправились въ Кемптенъ. Совѣтъ города Кемптена не преминулъ воспользоваться ихъ растерянностью и отсутствіемъ средствъ, чтобы пріобрѣсти за 32.000 гульденовъ у епископа всѣ привилегіи, которыми аббатство владѣло въ городѣ.

Тѣмъ временемъ нижне-альгаускій отрядъ осаждалъ принадлежавшіе Трухзесу замки Вальдзе и Вольфегъ. Въ первомъ находились — его жена и дѣти. Озерной отрядъ подъ командой Эйтель-Ганса Цигенмюллера взялъ богатый монастырь Залемъ и включилъ въ союзъ Маркдорфъ и Мерсбургъ. Замокъ Мерсбургъ вынужденъ былъ сдаться, уплатить большую контрибуцію и предоставить въ распоряженіе крестьянъ всѣ свои орудія.

11 апрѣля Трухзесъ двинулся изъ Лейпгейма и Гюнцбурга на верхнюю Швабію. У Бальтрингена ему удалось застичь врасхплохъ двѣсти крестьянъ, которые потеряли при этомъ 100 человѣкъ. На слѣдующій день онъ опять напалъ на отрядъ въ 600 человѣкъ въ окрестностяхъ своего замка Грюнентана, изъ которыхъ двадцат человѣкъ было убиты, а двѣсти взято въ плѣнъ. Слѣдующая стычка произошла за Эссендорфомъ съ 800 крестьянами и они вновь вынуждены были отступить передъ пре-

восходными силами Трухзеса и потеряли 141 человѣка плѣнными.

За Вурцахской часовней 8000 войско Трухзеса столкнулось съ 7000 нижне-альгаускимъ отрядомъ, выстроеннымъ въ боевомъ порядкѣ подъ начальствомъ попа Флоріана. Флоріанъ попробовалъ завязать переговоры, надѣясь тѣмъ временемъ стянуть остальные отряды; и дѣйствительно въ это время къ нему подоспѣло 1500 человѣкъ подкрѣпленія. Трухзесъ не вступилъ ни въ какіе переговоры, а приказалъ дѣйствовать противъ крестьянъ артиллеріей, что не причинило имъ, однако, особаго вреда. Флоріанъ, своевременно провѣдавшій, что конница Трухзеса старается его обойти, отступилъ. Во всемъ сраженіи у крестьянъ пало только сорокъ человѣкъ; болотистая почва дѣлала наступленіе кавалеріи невозможнымъ. При отступленіи же нѣсколько сотъ крестьянъ были изрублены, около ста потонули во рвахъ у города Вурцаха, а 400 человѣкъ попали въ плѣнъ и всѣ перебиты.

Въ странѣ распространился слухъ, очевидно, умышленно раздуваемый владѣльцами, что число погибшихъ достигаетъ 7000, и это обстоятельство побудило крестьянъ отомстить владѣльцамъ при взятіи Вейнсберга.

Въ то время, какъ происходило сраженіе у Вурцаха, озерной отрядъ, состоявшій изъ 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ Эйтель-Ганса Цигенмиллера, спѣшилъ туда на помощь форсированнымъ маршемъ и встрѣтился въ пути съ отступавшимъ нижне-альгаускимъ отрядомъ. Въ страстную субботу Трухзесъ на-

палъ у Гайсбейрена на оба соединившихся отряда, насчитывавшихъ теперь 17.000 человѣкъ. Крестьяне удачно расположились на возвышенности, впереди которой простиралось болото, такъ что доступъ непріятельской кавалеріи былъ невозможенъ. Въ три часа пополудни началась орудійная стрѣльба. Артиллерія крестьянъ была хорошо расположена и причиняла большой вредъ непріятельскому лагерю; кромѣ этого они взяли также деревню Гайсбейренъ и укрѣпились въ ней. Наступившій вечеръ временно положилъ конецъ сраженію. Ночью три слуги Трухзеса подожгли Гайсбейренъ. Крестьяне, расположенные тамъ, предполагали совершить нападеніе на лагерь Трухзеса и теперь, считая, что имъ измѣнили поспѣшно отступили въ Вейнгартену. Въ виду слуха о томъ, что на подкрѣпленіе къ крестьянамъ идутъ 8000 человѣкъ изъ верхняго Альгау и 4000 изъ Гегау, Трухзесъ счелъ благоразумнымъ вступить въ переговоры. Онъ надѣялся перехитрить крестьянъ, напасть на нихъ раньше, чѣмъ подоспѣютъ подкрѣпленія и разсѣять ихъ. Но крестьяне разгадали его планъ и онъ не удался. Они заняли передъ Вейнгартеномъ необыкновенно сильную позицію. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, Трухзесъ прекратилъ битву и началъ переговоры о мирѣ. Нѣкоторые подкупленные предводители крестьянъ уговорили склонное къ соглашенію большинство принять его предложеніе. Былъ заключенъ договоръ, по которому шесть незаинтересованныхъ городовъ образуютъ третейскій судъ и выносятъ рѣшенія по всѣмъ спорнымъ между крестьянами и владѣльцами пунктами, которому обѣ

стороны должны безусловно подчиниться. Если одна изъ сторонъ не пожелаетъ подчиниться, тогда города силою заставятъ ее выполнить рѣшеніе; далѣе крестьяне обязуются прервать сношенія съ остальными отрядами и вернуть все завоеванное до сихъ поръ; всѣ совершенныя несправедливости должны быть взаимно прощены и забыты. Договоръ этотъ, заключенный 17 апрѣля, былъ 22-го подписанъ. Настоящее соглашеніе имѣло рѣшающее вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны. Крестьяне должны были понять, что Трухзесъ никогда бы не согласился на подобный договоръ, если бы онъ не являлся для него громаднымъ преимуществомъ. Крестьяне верхней Германіи далеко превосходили числомъ его войско, они были самыми воинственными среди всѣхъ своихъ германскихъ братьевъ,—недаромъ они насчитывали въ своей средѣ нѣсколько тысячъ горныхъ стрѣлковъ, — и если бы Трухзесъ потерпѣлъ пораженіе, то бодрость духа князей и владѣльцевъ, которая и безъ того не была слишкомъ велика, пала бы еще больше, а въ той же степени поднялся бы духъ крестьянъ.

И не только это. Въ то время, какъ верхне-швабскіе крестьяне согласно договору разошлись по домамъ, у Трухзеса оказались развязанными руки и онъ могъ направить силы противъ ихъ братьевъ, а затѣмъ, нарушивъ договоръ съ ними самими, осилить также и ихъ. Здѣсь, какъ позже въ другихъ мѣстахъ, сказался тотъ гибельный не выходящій за узкіе предѣлы своей области партикуляризмъ, который нанесъ движенію смертельный ударъ. Вслѣдъ за за-

ключенiемъ договора съ нижне-альгаускимъ и озернымъ отрядами, Трухзесъ узналъ, что верхне-альгаусцы близки. Онъ быстро двинулъ свое войско между обоими отрядами, чтобы отрѣзать ихъ другъ отъ друга и сдѣлать невозможнымъ всякiя соглашенiя и заставилъ также и ихъ принять договоръ. На слѣдующiй день верхне-альгаусцы повернули обратно.

Изъ Вейнгартена Трухзесъ направился въ Гегау и атаковалъ гегаусцевъ и шварцвальдцевъ. Съ ними онъ также повелъ переговоры, но не доведя ихъ до конца, быстро двинулся на Гогентвиль, чтобы прогнать оттуда герцога Ульриха. Въ это время былъ присланъ изъ Ульма приказъ, по которому онъ долженъ былъ, противъ своей воли, немедленно отправиться въ Вюртенбергъ. Ловкими маневрами ему удалось удержать гегаусцевъ отъ преслѣдованiя. Въ то время, какъ Трухзесъ направился въ Вюртенбергъ, у Роттвейля, гдѣ собралось до 8.000 человѣкъ, шли споры между герцогомъ Ульрихомъ и Гансъ Мюллеромъ изъ Бульгенбаха. Послѣднiй не хотѣлъ подчиняться герцогу и дѣлить съ нимъ командованiе войсками Многiе изъ крестьянъ также не желали сражаться подъ начальствомъ герцога, такъ какъ они, по ихъ словамъ, стремятся низложить владѣльцевъ, а не насаждать новыхъ. Въ результатѣ, Гансъ Мюллеръ отдѣлился отъ герцога и ушелъ съ своимъ отрядомъ въ Брейсгау. Этимъ былъ нанесенъ сильный ущербъ вюртенбергскому отряду, который очень нуждался въ его помощи и черезъ курьеровъ просилъ о поддержкѣ.

* * *

Въ такъ называемомъ Ризѣ, на сѣверѣ отъ Дуная, крестьяне также возстали; тамъ въ началѣ апрѣля около 8.000 человѣкъ расположились лагеремъ у Дейнингена. И въ городѣ Нердлингенѣ стало также неспокойно. Здѣсь во главѣ недовольныхъ находился второй бургомистръ, Антонъ Форнеръ. Брошенный изъ совѣта прямо въ тюрьму, онъ былъ освобожденъ оттуда своей женой и частью горожанъ. Жена Форнера принимала очень дѣятельное участіе въ движеніи; въ Лангенау, Лейпгеймѣ и другихъ мѣстахъ женщины точно также были очень революціонны.

Городское населеніе Нердлингена свергнуло прежній совѣтъ и выбрало Форнера своимъ первымъ бургомистромъ; въ этой своей должности онъ оказывалъ крестьянамъ всевозможную поддержку. Но онъ не долго занималъ этотъ постъ и черезъ недѣлю настроеніе въ городѣ уже перемѣнилось, такъ какъ часть горожанъ была подкуплена духовными владѣльцами. Безхарактерность мѣщанства ясно выступила здѣсь наружу.

На сѣверѣ отъ Дуная возстаніе распространилось по всей Франконіи. Здѣсь не было ни одной мѣстности, не охваченной имъ. Владѣльцы повсюду были въ большомъ страхѣ и не знали, что предпринять. Въ аншпахской области образовались два отряда, въ Вейтлингенѣ и Гессельбергѣ. Въ княжествахъ Аншпахъ и Байрейтъ правили маркграфъ Казиміръ и его братъ Георгъ, но въ дѣйствительности правилъ только первый. Замѣчательно, какъ онъ этого

достигъ. Старикъ, отецъ его, впалъ въ меланхолію. На масленой, въ 1575 г., онъ съ своими двумя младшими братьями напалъ на слабаго старика, заставилъ его подписать отреченіе и посадилъ его плѣнникомъ въ башню въ Голассенбургѣ, гдѣ онъ томился уже 10 лѣтъ совершенно одинокій, отрѣзанный отъ міра и лишенный самыхъ необходимыхъ удобствъ. Черезъ монаховъ онъ распространилъ слухъ, что отецъ его слабоуменъ и вреденъ для страны; но этому слуху мало кто вѣрилъ.

Соединившись съ графомъ фонъ-Эттингеномъ, Казиміръ напалъ на крестьянъ у Гессельберга. Часть была перебита, остальные—разсѣяны. Недовольство однако не улеглось и оно ждало только болѣе благопріятныхъ условій, чтобы прорваться наружу.

Въ Бамбергѣ, гдѣ два предиканта уже долгое время проповѣдывали при большомъ стеченіи народа, вспыхнуло 11 апрѣля возстаніе, такъ какъ стало извѣстно, что епископъ назначилъ въ Бамбергѣ сборъ рыцарей всего епископства. Епископъ, вмѣстѣ съ канонниками своего капитула, бѣжалъ въ близъ лежащій Альтенбургъ, который, однако, совершенно не былъ приспособленъ для гостей и столь же мало могъ выдержать осаду. По предложенію города, крестьяне массами поспѣшили туда. Не имѣя помощи и поддержки извнѣ, епископъ долженъ былъ подчиниться требованію города и крестьянъ и явиться въ ратушу. Выборные отъ народа заявили ему, что онъ и впредь будетъ считаться властелиномъ, но всѣ имѣнія дворянъ и духовенства должны быть конфискованы въ пользу страны, а ихъ замки разрушены.

Епископъ не хотѣлъ согласиться на эти требованія. Тогда народъ самъ принялся приводить ихъ въ исполненіе. Разграбленіе монастырей и домовъ духовенства въ городѣ продолжалось цѣлыхъ два дня, при чемъ всѣ регистры и акты, которые только попали въ руки, были разорваны и сожжены. Когда епископъ увидѣлъ, что народъ не въ шутку затѣялъ дѣло, онъ уступилъ, и 20 апрѣля былъ заключенъ договоръ, по которому оброкъ и десятина отмѣняются, капитулъ упраздняется и править долженъ одинъ только епископъ.

Въ области имперскаго города Ротгенбурга *) на Тауберѣ движеніе началось очень рано, съ конца 1524 года; какъ въ городѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ, предиканты проповѣдывали тамъ въ строго революціонномъ духѣ. Карльштадтъ, изгнанный Лютеромъ изъ Саксоніи, также нашелъ тамъ пріютъ. То обстоятельство, что его бывшій другъ осмѣлился пойти дальше его въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, такъ обозлило противъ него Лютера, что онъ провозгласилъ его самымъ опаснымъ революціонеромъ. И хотя Карльштадтъ при встрѣчѣ съ Лютеромъ въ Іенѣ заставилъ послѣдняго отказаться отъ возведенныхъ на него обвиненій, тѣмъ не менѣе Лютеръ снова выдвинулъ ихъ. Разрушеніе иконъ, до котораго Карльштадта довелъ его религіозный

*) Циммерманнъ въ своей исторіи крестьянскихъ войнъ въ Германіи всегда пишетъ Ротенбургъ или Роттенбургъ, вѣроятно, по старинному правописанію. Городъ Роттенбургъ находится, какъ извѣстно, въ Шварцвальдѣ, выше Тюбингена, и не игралъ никакой роли въ крестьянской войнѣ.

фанатизмъ, придавало извѣстную реальность обвиненіямъ Лютера и возбудило противъ него, какъ и противъ Мюнцера, ненависть всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ. Это было очень несправедливо. Карльштадтъ ничего и слышать не хотѣлъ о политическомъ движеніи, онъ стоялъ совершенно вдали отъ него, и если онъ не выступилъ противъ него, какъ Лютеръ, то только потому, что его самого преслѣдовали и лишь у политическихъ радикаловъ онъ находилъ защиту и помощь. Какъ только Карльштадтъ прибылъ въ Ротгенбургъ, городской совѣтъ, который былъ, какъ вообще во всѣхъ городахъ, враждебенъ революціонному движенію, запретилъ ему остаться въ городѣ, какъ опасному, якобы, человѣку. Но нѣкоторые городскіе жители попеременно скрывали его въ своихъ домахъ, пока бюргерамъ не удалось получить въ свои руки господство въ городѣ. Тогда ему стало возможно выступать открыто съ своими проповѣдями, и разрушеніе иконъ и церквей началось также въ Ротгенбургѣ. Въ революціонномъ же движеніи Карльштадтъ не игралъ никакой роли.

Въ концѣ марта 1525 года въ Оренбахѣ собрались всѣ способные носить оружіе мужчины изъ десяти мѣстечекъ Ротгенбургской области и избрали депутатовъ. На слѣдующій день въ Брестгеймѣ также состоялось собраніе, куда сошлось свыше 800 вооруженныхъ крестьянъ. Оба отряда соединились вмѣстѣ. Эти собранія были особенно опасны для владѣльцевъ городовъ потому, что крестьяне собственно и составляли городское войско, почему они и называ-

лись Ротгенбургскимъ ополченіемъ. По понятіямъ того времени они были хорошо вооружены, ловко владѣли оружіемъ и даже имѣли въ своихъ рядахъ нѣкоторое количество всадниковъ и ружейныхъ стрѣлковъ. Выступленіе крестьянъ въ деревняхъ придало также мужества оппозиціи въ городахъ. Одинъ изъ городскихъ жителей, юнкеръ Стефанъ фонъ-Менцингенъ, воспользовался случаемъ, чтобы вызвать возмущеніе противъ дворянъ. Менцингенъ дѣйствовалъ не изъ чистыхъ побужденій. Раньше онъ состоялъ на службѣ у брандебургскаго маркграфа, затѣмъ поступилъ къ герцогу Ульриху Вюртембергскому и считался вліятельнымъ любимцемъ послѣдняго до самаго его изгнанія. Вѣроятно по его порученію онъ и старался поднять возстаніе въ Франконіи, какъ это дѣлали Фуксштейнеръ въ Альгау, а самъ герцогъ въ Шварцвальдѣ. Но Менцингенъ вступилъ въ соглашеніе также съ маркграфомъ Казиміромъ аншпахскимъ, который желалъ овладѣть Ротгенбургомъ, какъ австрійскій эрцгерцогъ Фюссеномъ. Всегда имѣлись безчестные люди, дѣйствующіе изъ личной корысти.

Населеніе города Ротгенбурга, во главѣ съ Менцингеномъ, добилось новыхъ выборовъ такъ называемой внѣшней комиссіи въ 48 человѣкъ изъ своей среды, которая вскорѣ совершенно оттѣснила городской совѣтъ. 26 марта крестьяне подали городскому совѣту жалобу, составленную нѣсколькими священниками. Послѣ многодневныхъ препирательствъ между внутреннимъ и внѣшнимъ совѣтами, послѣднему удалось настоять на посылкѣ комиссіи для

улаженія спора съ крестьянами. Признать полную справедливость требованій крестьянъ не была склонна даже городская оппозиція. Когда посредники выѣхали, они узнали, что крестьяне, число которыхъ возросло до 4.000 человѣкъ, уже открыли дѣйствія. Двѣ тысячи человѣкъ двинулись въ Таубергрундъ на соединеніе съ оденвальдцами, а остальные расположились лагеремъ въ трехъ четвертяхъ часа ходьбы отъ города и отправили 32 предводителя и совѣтника для переговоровъ съ послѣднимъ. Когда черезъ нѣсколько дней соглашеніе не было достигнуто, городъ, который главнымъ образомъ получалъ доходы изъ деревень, столь же мало былъ склоненъ удовлетворить крестьянскія требованія, какъ и духовные и свѣтскіе владѣльцы, крестьяне прервали переговоры и двинулись въ сосѣдній Мергентгеймскій округъ. Это произошло въ воскресенье 2 апрѣля, въ то воскресенье, которое было назначено для повсемѣстнаго возстанія тайнымъ союзомъ, образованнымъ руководителями движенія по всей Германіи.

Городъ Мергентгеймъ былъ резиденціей областного капитула нѣмецкаго ордена, господство котораго было особенно ненавистно, благодаря распутному и скандальному образу жизни рыцарей этого ордена. Ордену удалось накопить несмѣтныя богатства. Когда ротгенбургское ополченіе вторглось въ орденскую область, много мѣстечекъ примкнуло къ нему. Въ самомъ городѣ Мергентгеймѣ также говорили: „слѣдуетъ прогнать къ чертямъ нѣмецкій орденъ и сдѣлать нашъ городъ свободнымъ имперскимъ горо-

домъ“. Въ лагерѣ Шафтерсгеймѣ крестьяне Ротгенбурга и Нѣмецкаго ордена совмѣстно избрали своими начальниками большого Лингорда изъ Шварценбронна у Ротгенбурга и Фрица Бюттнера изъ Мергентгейма и назвали себя тауберскимъ отрядомъ.

Прежде всего они двинулись въ городъ Мергентгеймъ, гдѣ населенie предупредительно открыло имъ ворота. Богатые подвалы и сундуки Нѣмецкаго ордена были опустошены и все найденное оружiе и порохъ крестьяне забрали. Въ срединѣ апрѣля силы отряда возросли до 8.000 человѣкъ вслѣдствiе подкрѣпленiй, прибывшихъ изъ Гогенлоэнскихъ волостей Лянгсбурга, Шиллингсфюрста и Якстберга.

Въ пятницу на страстной недѣлѣ, 14 апрѣля, таубескiй отрядъ двинулся отдѣльными колоннами черезъ Оксенфуртъ къ мѣсту своей ближайшей цѣли, къ Вюрцбургу. По пути отрядъ безъ сопротивленiя овладѣлъ двумя вюртембергскими мѣстечками, Ляндой и Аубомъ, разрушилъ цѣлый рядъ замковъ, причемъ нѣкоторые владѣльцы были взяты въ плѣнъ и разграбилъ попавшiеся ему въ дорогѣ монастыри. Тѣ изъ дворянъ, которые нашли болѣе выгоднымъ для себя присоединиться къ крестьянамъ, были приняты въ союзъ, какъ „братья“. Каждый вновь вступившiй въ союзъ долженъ былъ принести присягу, которая гласила: „Вступая въ собранiе крестьянъ, я обязуюсь не вносить впредь ни духовнымъ, ни свѣтскимъ владѣльцамъ пошлинъ, оброка, податей и десятины до окончанiя и рѣшенiя спора и признавать только единаго Бога и единаго короля; да поможетъ мнѣ Богъ и святое евангелiе. Во имя Все-

могущаго“ Присяга швабскихъ крестьянъ была составлена подобнымъ же образомъ и только слова „единаго короля“ были замѣнены тамъ „императорскимъ римскимъ величествомъ“.

2.000 человѣкъ ротгенбургскаго ополченія, отдѣлившіеся отъ своихъ товарищей, которые вмѣстѣ съ крестьянами Нѣмецкаго ордена образовали вышеупомянутый тауберскій отрядъ, направились внизъ по Тауберу, мимо замка Гибельштадтъ, гдѣ къ нимъ присоединился человѣкъ, сыгравшій въ начинающейся войнѣ выдающуюся геройскую роль и кровью запечатлѣвшій свое участіе въ ней. Человѣкъ этотъ былъ Флоріанъ Гейеръ, отпрыскъ стариннаго дворянскаго рода Гейеровъ изъ Гейерсберга. Флоріанъ Гейеръ, о предшествовавшей жизни котораго ничего почти неизвѣстно, (знаютъ только, что онъ долгое время служилъ при императорскомъ дворѣ), принималъ участіе во многихъ походахъ, гдѣ онъ отличился,—душою и тѣломъ отдался дѣлу крестьянъ. Онъ принадлежалъ къ строго революціоннымъ членамъ союза; онъ не питалъ, какъ то бывало съ другими предводителями, никакихъ симпатій къ дворянству, отпрыскомъ котораго онъ самъ являлся, онъ требовалъ, чтобы дворянство было лишено всѣхъ своихъ привилегій и во всемъ уравнено въ правахъ съ бѣднымъ народомъ. Nulla crux, nulla corona,—ни креста, ни короны,—таковъ былъ его девизъ, вырѣзанный также на его командирской печати. Онъ считалъ столь же важнымъ разрушеніе укрѣпленій и разбойничьихъ гнѣздъ дворянъ, какъ и уничтоженіе монастырей, и надо отдать ему справедливость—онъ

сдѣлалъ въ этомъ направленіи все, что было въ его силахъ.

Флоріанъ Гейеръ, который тутъ же былъ поставленъ во главѣ ротгенбургскаго ополченія, образовалъ изъ этихъ воинственныхъ людей отрядъ, впослѣдствіи прославившійся и внушавшій страхъ, подъ названіемъ „черный отрядъ“, и отличавшійся передъ всѣми другими отрядами своей дисциплиной, воинской выправкой и мужествомъ. 26 апрѣля онъ двинулся съ 2.000 ротгенбургскаго ополченія и тѣми подкрѣпленіями, которыя онъ самъ имъ привелъ въ Шиферскую лощину, цвѣтущую долину Оденвальда, назначенную сборнымъ пунктомъ отрядовъ всѣхъ сосѣднихъ областей.

***

У самой границы области Нѣмецкаго ордена Мергентгейма находились владѣнія графа Гогенлоэ съ главнымъ городомъ Эрингенъ. Еще во времена „Бѣднаго Конрада“, настроеніе противъ графовъ было очень враждебное вслѣдствіе ихъ дурного управленія, а съ тѣхъ поръ положеніе подданныхъ не измѣнилось къ лучшему. Сѣмя возстанія нашло здѣсь благопріятную почву. Человѣкомъ, который ловкой рукой сѣялъ его, пользовался большимъ вѣсомъ и сыгралъ въ крестьянской войнѣ одну изъ самыхъ вліятельныхъ, а быть можетъ и наиболѣе вліятельную роль, былъ Вендель Гиплеръ.

Въ ту пору Вендель Гиплеръ имѣлъ около 60 лѣтъ отъ роду; человѣкъ большого ума, онъ былъ хитеръ, осмотрителенъ и честолюбивъ, въ лучшемъ смыслѣ

этого слова, обладалъ неутомимой работоспособностью и выдающимся организаторскимъ и административнымъ талантомъ. Въ молодости онъ поступилъ на службу секретаремъ къ графу Гогенлоэ и оставался на этой должности отъ 1490 до 1515 года. Враги обвиняютъ его въ алчности и указываютъ на это, какъ на причину споровъ съ графомъ Гогенлоэ и ухода его впослѣдствіи съ должности. По увѣреніямъ его противниковъ, Гиплеръ выстроилъ въ Эрингенѣ сукновальню и, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, вынуждалъ суконщиковъ валять сукно у него. Если разсказъ о заводѣ вѣренъ, то, надо полагать, суконщики были имъ вполнѣ довольны, такъ какъ именно въ Эрингенѣ онъ началъ въ 1525 году заговоръ и привлекъ все населеніе на свою сторону. Главной причиной спора съ графомъ послужило то, что Гиплеръ владѣлъ большой земельной собственностью и многими озерами, которыя онъ искусно запрудилъ, такъ что вода выступила изъ береговъ, затопила сосѣдніе луга и скрыла совершенно межевые знаки. Далѣе онъ провелъ старые каналы къ своимъ озерамъ и не позволялъ строить новыхъ, удерживалъ графскія арендныя деньги и многое другое. Вслѣдствіе этого у него возникли тяжбы съ графомъ и населеніемъ многихъ деревень, которыя были разрѣшены третейскимъ судомъ такимъ образомъ, что графы Гогенлоэ получаютъ за 2.000 флориновъ всѣ имѣнія Гиплера и всѣ требованія и претензіи этимъ уничтожаются. До уплаты всей суммы графы Гогенлоэ обязались ежегодно выдавать Гиплеру по 100 флориновъ, половину зо-

лотомъ, половину мѣдной монетой. Судя по всему, рѣшеніе третейскаго суда было крайне невыгодно для Гиплера, кромѣ того на слѣдующій же годъ графы нарушили договоръ и перестали выдавать ему ежегодные взносы, а кажется, что и покупная сумма также не была уплачена. Это ожесточило его противъ графовъ. Вскорѣ послѣ заключенія договора въ 1515 году, онъ отправился къ своимъ родственникамъ въ Вимпфенъ, а затѣмъ поступилъ на службу въ качествѣ земскаго писаря къ пфальцграфу въ Нейштадтѣ на Гаардтѣ. Въ 1524 году онъ снова оказывается въ Вимпфенѣ, гдѣ ведетъ многочисленные процессы графскихъ подданныхъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ пользовался ихъ довѣріемъ; упрекъ же въ алчности также, какъ видно изъ разсказа падаетъ не на него, а на графовъ Гогенлоэ.

Вендель Гиплеръ не принадлежалъ въ крестьянской войнѣ къ радикальной партіи; планы и воззрѣнія Мюнцера, какъ и Флоріана Гейера, были ему чужды. Соціальное положеніе Гиплера дѣлало его склоннымъ къ соглашеніямъ, а его умъ и знаніе дѣла сильно способствовали этому. Планъ его заключался въ установленіи такого государственнаго порядка, при которомъ всѣ классы, за исключеніемъ духовенства, были бы соотвѣтственнымъ образомъ представлены. Духовенство должно было стать жертвой, которую дворяне и князья вынуждены принести крестьянамъ. Поэтому онъ старался отвлечь гнѣвъ крестьянъ отъ дворянства и склонить дворянъ и города къ союзу съ крестьянами. Главнымъ образомъ, бла-

годаря его вліянію столько дворянъ было принято въ „евангелическое братство"; онъ также настоялъ, чтобы Гецъ фонъ-Берлихингенъ, шуринъ Зикингена, и одинъ изъ соучастниковъ его заговора противъ князей, былъ назначенъ главнымъ предводителемъ крестьянъ. Въ этой роли посредника съ Гиплеромъ произошло то, что обыкновенно происходитъ съ людьми компромисса; они невольно отклоняются вправо и для достиженія союза вынуждены дѣлать такія уступки, о которыхъ сами раньше и не думали. Это сказалось тотчасъ же, какъ только Гецъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, а нѣкоторыя другія лица, принадлежащія къ господствующимъ кругамъ, какъ, напримѣръ, Гейльбронскій совѣтникъ Берле *) получили доступъ въ крестьянскій совѣтъ. Хотя Гиплеръ съ самаго начала состоялъ членомъ тайнаго союза, руководившаго всѣмъ движеніемъ, и далъ, слѣдовательно, свое согласіе на извѣстные Двѣнадцать статей, онъ, тѣмъ не менѣе, одобрилъ такъ называемую декларацію, отмѣнявшую главныя требованія крестьянъ, и тѣмъ далъ послѣднимъ полное право кричать объ измѣнѣ. Несмотря на такую уступчивость ему пришлось дожить до того, какъ человѣкъ, которому онъ дольше всего довѣрялъ, а именно Гецъ фонъ - Берлихингенъ, самымъ безпощаднымъ образомъ его обманулъ. Остальные дворяне были

---

*) Циммерманнъ постоянно называетъ Гейльбронскаго совѣтника Берлиномъ; у Экседи, въ его „Очеркахъ по исторіи крестьянской войны въ пограничныхъ съ Швабіей земляхъ", послѣдній именуется Берле, что намъ кажется болѣе соотвѣтствующимъ для Швабіи, родины носителя этого имени.

столь же мало склонны, какъ и Гецъ, держаться присяги, данной ими крестьянамъ при вступленіи въ ихъ братство, несмотря на всю предупредительность Гиплера и его друзей. Какъ только крестьяне начали терпѣть пораженія, они не только поспѣшили оставить ихъ въ бѣдѣ, но и самымъ усерднымъ образомъ помогали наложить опять на крестьянъ прежнее ярмо. Это было вполнѣ понятно. Требовалась вся блаженная довѣрчивость посредника, чтобы желать помирить безнадежно противоположные интересы. Гиплеръ, очевидно, тоже чувствовалъ это и поэтому онъ предложилъ совѣту крестьянъ принуждать дворянъ принять участіе въ крестьянскомъ походѣ; предложеніе это не было принято. Да и что бы оно дало? Каждый дворянинъ, котораго силою таскали бы съ собой, былъ бы шпіономъ, а въ моменты сраженія — предателемъ. Гиплеръ своимъ желаніемъ примирить рѣзкія противоположности, какъ и еще въ одномъ отношеніи, очень походилъ на нашихъ конституціоналистовъ и собственно долженъ считаться ихъ отцомъ, родившимся на 300 лѣтъ слишкомъ ранѣе. Въ самомъ разгарѣ войны, когда еще рѣшительно ничего не выяснилось, была, по его предложенію, учреждена комиссія въ Гейльбронѣ, въ которую входили онъ и еще нѣкоторые, для обсужденія вопроса о государственной реформѣ. Кому здѣсь не приходятъ на умъ наши парламентаріи 48 года, которые спокойно засѣдали въ Франкфуртѣ въ то время, какъ революція свирѣпствовала вокругъ, и троны качались подъ напоромъ народа, и которые вырабатывали законы о государственныхъ

учрежденіяхъ, какъ будто въ Германіи ничего не происходило. Когда законы были готовы, ихъ дѣло было уже также готово, т.-е. князья къ тому времени снова получили верхъ и господа сочинители могли свое тонко раздушенное произведеніе продавать въ разносъ. Проектъ закона, составленный въ 1525 году Гиплеромъ и его товарищами, богатый матеріалъ для котораго былъ доставленъ келлеромъ Вейгандомъ изъ Мильтенберга, бывшемъ, какъ и Гиплеръ, интеллигентнымъ и тонкимъ дипломатомъ, былъ, правда, очень хорошъ на бумагѣ; онъ заключалъ даже почти все то, чего мы добились только теперь, спустя 350 лѣтъ, но онъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что былъ неосуществимъ, такъ какъ требовалъ отъ князей и дворянства того, на что, какъ слѣдовало предвидѣть, они никогда не могли добровольно согласиться, по крайней мѣрѣ, раньше, чѣмъ будутъ окончательно разбиты и подавлены. А этого-то какъ разъ и не было.

Черезъ довольно продолжительное время послѣ того, какъ Вендель Гиплеръ завязалъ сношенія въ гогенлоэнскомъ графствѣ, тамъ также вспыхнуло возстаніе въ воскресенье 2 апрѣля. Вечеромъ упомянутаго дня заговорщики, въ томъ числѣ и Гиплеръ, собрались въ Эрингенѣ, въ домѣ мясника Кляуса Сальва, и сговорились о способѣ дѣйствій. На собраніи присутствовало также много видныхъ горожанъ, примкнувшихъ къ возстанію главнымъ образомъ изъ личныхъ мотивовъ. Эрингенцы особенно жаловались на городскихъ канониковъ, которые систематически соблазняли ихъ женъ и дочерей и вообще очень надменно вели себя.

Возстаніе произошло такимъ образомъ. На слѣдующее утро заговорщики отобрали въ городѣ всю муку у владѣльцевъ и испекли изъ нея хлѣбъ. Вечеромъ они напали на келлера и старшину, забрали у нихъ ключи отъ города, а ихъ самихъ заперли въ свиной хлѣвъ. Затѣмъ стали бить въ набатъ и разослали гонцовъ во всѣ деревни, призывая крестьянъ явиться въ городъ. На слѣдующее утро множество крестьянъ прибыло туда. Крестьяне и горожане составили каждые отдѣльно прошенія, которыя были отправлены графамъ для отмѣны указанныхъ въ нихъ стѣсненій. Сначала послѣдніе отвѣтили очень высокомѣрно, но затѣмъ, замѣтивъ какіе размѣры приняло возстаніе, одумались и вступили въ переговоры; они обѣщали сдѣлать все то, что будетъ сдѣлано другими владѣльцами и вообще заговорили очень умѣреннымъ и примирительнымъ тономъ; только о Двѣнадцати статьяхъ они и слышать не хотѣли. Горожане были этимъ удовлетворены, но крестьяне нѣтъ. Они собрались въ одно мѣсто и двинулись 8.000-нымъ отрядомъ, собравшимся въ Шипферской лощинѣ, къ замку Нейенштейнъ, гдѣ находился графъ Альбрехтъ. Замокъ былъ взятъ ими безъ сопротивленія, причемъ въ плѣнъ попала жена графа, самъ же онъ бѣжалъ въ Лангенбургъ. Всѣ запасы, хранившіеся въ замкѣ, были забраны и, подъ угрозой сжечь замокъ и мѣстечко Нейенштейнъ, графы вынуждены были поѣхать на слѣдующій день въ крестьянскій лагерь и присягнуть тамъ христіанскому братству и Двѣнадцати статьямъ. Отрядъ былъ такъ обрадованъ легкой побѣдой и смиреніемъ графовъ, что ознаменовалъ это

событіе 2.000 ружейныхъ выстрѣловъ, — расточительность безполезная и неумная, такъ какъ у крестьянъ было очень немного пороха. Когда вскорѣ послѣ этого крестьяне потребовали у графовъ орудій и пороха, послѣдніе отказали, такъ какъ въ договорѣ ничего объ этомъ не было упомянуто. Только когда до нихъ дошла вѣсть о мести у Вейнсберга, они поспѣшили исполнить ихъ желаніе, но прислали всего два боченка и полцентнера пороху. Послѣ того, какъ графы присягнули союзу, они чувствовали себя гораздо болѣе увѣренно и давали только то, что они безусловно обязаны были давать. Крестьяне въ свою очередь были вынуждены щадить ихъ, какъ членовъ союза, и такимъ образомъ они, какъ друзья, были болѣе опасны, чѣмъ могли бы быть, оставаясь врагами. Съ многими другими дворянами дѣло обстояло не лучше. Послѣдствія не замедлили показать себя.

Въ области лимпургскаго винодѣлія, центромъ котораго являлся Гайльдорфъ, также ярко вспыхнуло пламя возстанія. Во всѣхъ деревняхъ происходили собранія, на которыхъ крестьяне призывались примкнуть къ объединеннымъ отрядамъ въ Шиперской долинѣ. Не соглашавшихся добровольно силою вынуждали присоединяться. Въ Гайльдорфскомъ отрядѣ было много отчаянныхъ парней и за свою враждебность къ дворянамъ онъ пользовался у послѣднихъ дурной славой.

Въ срединѣ марта возстали также крестьяне имперскаго города Галля. Сначала совѣту удалось ихъ успокоить, но это продолжалось недолго. Въ ночь

съ 2-го на третье апрѣля вспыхнуло возстаніе, а на слѣдующій день вожди насчитывали уже въ своихъ рядахъ 3000 человѣкъ. Галльскіе крестьяне отличались отъ другихъ, главнымъ образомъ ротгенбургскихъ, полнѣйшей неопытностью въ военномъ дѣлѣ и обращеніи съ оружіемъ, вообще они очень добродушно смотрѣли на революцію: главнымъ образомъ ихъ интересовала очистка поповскихъ шкатулокъ и сундуковъ и они принялись за это дѣло съ примѣрнымъ усердіемъ. Ружья же были свалены, какъ полѣнья, на телѣгу, которая слѣдовала позади отряда, а выставлять часовыхъ они считали вообще лишнимъ или неудобнымъ занятіемъ. Беззаботность эта была причиной одной изъ самыхъ комическихъ сценъ въ этой войнѣ, вообще столь богатой разными трагическими происшествіями. Въ понедѣльникъ ночью, третьяго апрѣля, крестьяне расположились у самаго Галля съ тѣмъ. чтобы на слѣдующее утро разграбить богатыя сокровища, хранившіяся въ галльскомъ „Саду розъ“ въ Вестгеймѣ. Подъ утро, когда все было погружено въ глубокій сонъ, надъ лагеремъ внезапно раздается выстрѣлъ, за которымъ быстро слѣдовали нѣсколько другихъ. Уже при первомъ выстрѣлѣ „среди крестьянъ поднялся трепетъ, какъ въ муравейникѣ и гоготанье, какъ будто-то было стадо гусей“. Одинъ кричитъ: бѣгите! спасайтесь! другой — стойте, собирайтесь вмѣстѣ! но когда вслѣдъ затѣмъ молнія снова прорѣзала темноту, всѣ сразу повалились на землю. „Здѣсь падаютъ шесть, тамъ десять, въ третьемъ мѣстѣ еще больше и можно было думать, что всѣ перебиты“. Послѣ

этого началось повальное бѣгство, черезъ нѣсколько минутъ всѣ рэзсѣялись въ различныя стороны и въ руки маленькой кучки галльцевъ, на угадъ произведшей нѣсколько выстрѣловъ и въ свою очередь пораженной происшедшимъ замѣшательствомъ, достался весь лагерь съ шестью повозками провіанта и аммуниціи, фруктами, мукой, виномъ, хлѣбомъ, курами, мясомъ и т. д. „Стефанъ-заяцъ,— разсказываетъ очевидецъ этой комической сцены,— еще недавно такъ радостно настроенный, бѣжалъ первымъ, равно какъ и остальные предводители отряда. Ни одинъ крестьянинъ не былъ раненъ, такъ какъ пули летѣли очень высоко. Только нѣсколько стариковъ, которымъ не удалось достаточно быстро удрать, были взяты въ плѣнъ. Въ жизни я не видалъ большаго чуда и болѣе стремительнаго бѣгства; ни одинъ не былъ раненъ, хромые выпрямились, старики помолодѣли, и всѣ дружно вмѣстѣ бросились изо всѣхъ силъ удирать“.

Участвовавшіе въ походѣ по принужденію просили и получили на слѣдующій день прощеніе у городского совѣта, остальные бѣжали и присоединились къ различнымъ отрядамъ въ сосѣднихъ областяхъ.

Въ нижней долинѣ Некара крестьяне также не отстали отъ своихъ братьевъ. Тамъ поднялъ возстаніе и руководилъ имъ Яковъ Рорбахъ, по швабскому діалекту Еклейнъ Рорбахъ, трактирщикъ въ Бекингенѣ въ недалекомъ разстояніи отъ Гейльбронна. Рорбахъ происходилъ изъ стариннаго вольнаго имперскаго рода былъ въ то время еще моло-

дымъ человѣкомъ, интеллигентнымъ, мужественнымъ, и отважнымъ; онъ былъ извѣстенъ во всемъ округѣ своими постоянными спорами съ попами и властями и пользовался, благодаря этому, большимъ уваженіемъ среди крестьянъ. Рорбахъ былъ однимъ изъ членовъ тайнаго союза и его трактиръ являлся сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ. Онъ основалъ во многихъ мѣстностяхъ нижне-некарской долины тайныя общества, слѣпо повиновавшіяся всѣмъ его приказаніямъ. Съ Венделемъ Гиплеромъ Еклейнъ былъ знакомъ уже давно, такъ какъ Гиплеръ, жившій съ 1524 года невдалекѣ оттуда, въ Вимпфенѣ, часто посѣщалъ по дѣламъ Гейльброннъ.

Не только въ деревнѣ, но и въ городѣ было много недовольныхъ. Домъ булочника Вольфа Лепгайма, содержавшаго, какъ и Рорбахъ, трактиръ, былъ постояннымъ мѣстомъ собраній недовольныхъ горожанъ и пріѣзжавшихъ въ городъ крестьянъ. Всѣ планы здѣсь же совмѣстно обсуждались.

Личный споръ Рорбаха съ монастырскимъ викаріемъ въ Вимпфенѣ изъ-за арендной недоимки послужилъ первымъ внѣшнимъ поводомъ къ возмущенію. Для разбора тяжбы между ними въ Бекингенѣ былъ назначенъ судъ, на который викарій долженъ былъ лично явиться. Но онъ своевременно былъ предупрежденъ, что дѣло его обстоитъ плохо и вся деревня на сторонѣ Рорбаха. Викарій обратился поэтому съ жалобой въ совѣтъ въ Гейльброннѣ. Послѣдній рѣшилъ отправить совѣтника Ферле въ Бекингенъ въ помощь фогту. Ферле нашелъ деревню занятой вооруженными людьми и вынужденъ былъ

отступить, не исполнивъ порученія. Послѣ этого деканъ монастыря попытался взять на себя посредничество между викаріемъ и Рорбахомъ, но получилъ грубый отвѣтъ: „Пусть онъ и всѣ капелланы цѣлуютъ его въ задъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; онъ ихъ скоро посѣтить и тогда уже онъ признаетъ только тотъ договоръ, который монастырь заключитъ съ крестьянами“.

Въ ночь на второе апрѣля, въ воскресенье, Еклейнъ отправился въ сосѣднее селеніе и далъ сигналъ къ возстанію. Восемьсотъ крестьянъ и заговорщики изъ Гейльбронна сошлись вмѣстѣ и устроили народное собраніе. Собраніе прошло очень бурно, причемъ особенно сильныя угрозы раздавались по адресу рыцарей нѣмецкаго ордена въ Гейльброннѣ „этихъ безбожныхъ людей, чьи дома являются притонами разврата“. Еклейнъ былъ избранъ начальникомъ крестьянъ некарской долины. Вечеромъ того же дня онъ вступилъ съ 300 крестьянъ въ Бекингенъ и разослалъ оттуда гонцовъ за подкрѣпленіями во всѣ окрестности, главнымъ образомъ въ Зонтгеймъ. Деревни, не желавшія примкнуть, угрозами вынуждались къ присоединенію. По просьбѣ эрингцевъ онъ явился къ нимъ на помощь съ 1500 людьми, а оттуда направился въ общій сборный пунктъ, въ Шипферскую долину въ Оденвальдѣ.

Въ отрядѣ Рорбаха находилась женщина, пользовавшаяся широкой извѣстностью подъ именемъ „Черной Гофманши“; она питала фанатическую ненависть къ дворянству и старалась возбудить ее также и въ другихъ. Черная Гофманша была довѣреннымъ

другомъ и совѣтчикомъ Еклейна, была посвящена во всѣ его планы, знала всѣ его связи и постоянно была занята завязываніемъ новыхъ. Ея вліяніе было очень сильно; всѣ считали ее волшебницей и ясновидящей; она сама дѣлала видъ, что находится въ сношеніяхъ съ высшими силами и дѣйствуетъ по ихъ внушенію, и народъ вѣрилъ ей. Она принимала дѣятельное участіе въ движеніи еще во времена „Бѣднаго Конрада“ и говорила тогда крестьянамъ: „Такъ оно и будетъ, такъ оно и должно быть, ибо Богъ этого хочетъ“.

Когда теперь отрядъ Еклейна вступилъ въ Эрингенъ, оттуда двинулся къ Шенталю въ Шиперской долинѣ, Черная Гофманша съ юношеской силой выступала впереди отряда и своими возгласами воодушевляла крестьянъ: „Будьте смѣлы, восклицала она, будьте бодры, я васъ благословила и васъ не коснется ни копье, ни аллебарда, ни пуля“.

Тѣмъ временемъ въ Шиперской долинѣ образовался сильный отрядъ, назвавшій себя „евангелическимъ войскомъ“ или „отрядомъ яркаго свѣта“. Главнымъ начальникомъ отряда былъ Георгъ Метцлеръ, трактирщикъ изъ Болленберга, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Краутгейма. Какъ трактиръ Еклейна являлся мѣстомъ сбора для заговорщиковъ некарской долины, точно также заведеніе Метцлера было сборнымъ пунктомъ для всѣхъ заговорщиковъ Оденвальда. Метцлеръ пользовался большимъ почетомъ во всемъ краѣ, вслѣдствіе чего онъ и былъ выбранъ главнымъ начальникомъ, что было несомнѣнно большой ошибкой, ибо онъ совершенно не

обладалъ никакими воинскими способностями. Повидимому Метцлеръ согласился занять этотъ постъ только по соглашенію съ Венделемъ Гиплеромъ, у котораго былъ планъ, поставить на мѣсто Метцлера Геца фонъ-Берлихингена, планъ къ которому склонялся также Метцлеръ и который во всякомъ случаѣ, долженъ былъ помѣшать Флоріану Гейеру стать главнокомандующимъ.

Георгъ Метцлеръ издалъ письменное распоряженіе объ общемъ собраніи на 4 апрѣля въ Шенталѣ, богатомъ цистерціанскомъ монастырѣ въ долинѣ Якстъ, и всѣ крестьянскія и городскія общины приглашались примкнуть къ „евангелическому войску". Монастырю при этомъ пришлось очень плохо. Всѣ запасы, въ томъ числѣ двадцать одинъ возъ вина, были увезены и церковь совершенно разрушена. Но напрасно крестьяне искали тамъ арендныя книги: хитрые монахи заблаговременно отправили ихъ во Франкфуртъ; послѣднее такъ озлобило крестьянъ, что они хотѣли было совсѣмъ сжечь монастырь.

Въ Шенталѣ на общемъ собраніи начальниковъ и совѣтниковъ былъ выработанъ планъ кампаніи и Вендель Гиплеръ назначенъ канцлеромъ союза. Часть отряда, согласно принятому рѣшенію, двинулась во Франконію, а главный отрядъ, въ томъ числѣ Флоріанъ Гейеръ съ своей черной бандой и Еклейнъ Рорбахъ съ некарцами направился въ находящійся въ сторонѣ отъ Вейнсберга въ двухъ часахъ разстоянія отъ него Некарсульмъ, который постановлено было взять

Въ то время какъ 6000 крестьянъ вступили въ

Некарсульмъ, австрійскія власти въ Штутгартѣ спѣшно двинули въ укрѣпленный Вейнсбергъ графа Людвига фонъ-Гельфенштейна съ 70 всадниками. Прибывши туда 12 го апрѣля, Гельфенштейнъ тотчасъ же написалъ, что не въ состояніи ничего подѣлать съ крестьянами, если немедленно не получитъ подкрѣпленія. За этимъ письмомъ послѣдовало много другихъ, одно настойчивѣе другого. Чтобы выиграть время, графъ завязалъ переговоры съ крестьянами, причемъ былъ настолько безсовѣстенъ, что во время переговоровъ разослалъ по окрестностямъ своихъ всадниковъ, которые убивали всякаго крестьянина, попадавшаго въ ихъ руки. Подобный образъ дѣйствій привелъ крестьянъ въ ярость.

Поступившія одновременно извѣстія о пораженіи ихъ братьевъ на Дунаѣ, о томъ, какъ Трухзесъ обращается съ плѣнными, какъ онъ все опустошаетъ огнемъ и мечомъ, какъ онъ казнилъ Якова Веге изъ Лейпгейма и другихъ и о прочихъ его безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, вызвало среди крестьянъ еще большее возбужденіе. Дворяне умышленно преувеличивали число убитыхъ и распустили слухъ, что при Вурцахѣ число павшихъ достигло 7000 человѣкъ, надѣясь этимъ запугать и устрашить крестьянъ. Въ дѣйствительности же оно привело къ совершенно противоположнымъ результатамъ.

Въ страстную пятницу крестьяне потребовали у графа Гельфенштейна сдачи города, но тотъ дерзко и высокомѣрно отклонилъ ихъ требованіе. Крестьяне рѣшили поэтому приступить къ штурму. Отъ жены одного вейнсбергскаго жителя, которой уда-

лось выбраться изъ города, крестьяне узнали, что могутъ расчитывать на часть городского населенія. Находившійся въ плѣну въ крѣпости и бѣжавшій оттуда Земмельгансъ изъ Нейенштейна сообщилъ имъ, что гарнизонъ замка состоитъ всего изъ восьми человѣкъ, всѣ же остальные расположены въ городѣ.

Въ пасхальное воскресенье восьмитысячное крестьянское войско подступило къ городу. Гельфенштейнъ былъ предупрежденъ однимъ гейльбронскимъ обывателемъ о намѣреніи крестьянъ и принялъ всѣ возможныя мѣры. Онъ увеличилъ на 13 человѣкъ составъ защитниковъ замка, въ которомъ находились его жена съ ребенкомъ и всѣ его сокровища; онъ вообще считалъ взятіе замка крестьянами невозможнымъ.

Въ девять часовъ утра крестъяне заняли Шемельскій холмъ, расположенный напротивъ Вейнсберга, и послали оттуда двухъ парламентеровъ въ городъ съ требованіемъ въ послѣдній разъ сдаться, угрожая въ противномъ случаѣ штурмовать городъ и замокъ и не пощадить никого изъ находящихся внутри. Вопреки всѣмъ обычаямъ войны, Дитрихъ фонъ-Вейлеръ встрѣтилъ парламентеровъ выстрѣлами, которыми одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ. Надменность рыцарей была еще до того велика, что они не допускали мысли о серьезности намѣреній крестьянъ.

Выстрѣлы въ парламентеровъ послужили сигналомъ къ приступу. Флоріанъ Гейеръ съ своей черной бандой отдѣлился отъ отряда и повелъ атаку

крѣпости. Авангардъ крестьянъ двинулся прямой дорогой въ городъ, а за нимъ бѣглымъ маршемъ слѣдовали главныя силы. Черная Гофманша, шествуя какъ всегда впереди крестьянъ, воодушевляла ихъ къ борьбѣ предсказаніями и пророчествами: „Непріятельскія ружья не причинятъ вамъ вреда", восклицала она, производя своей палкой какіе-то знаки въ воздухѣ.

Еклейнъ Рорбахъ атаковалъ нижнія ворота и попытался ихъ разбить; защитники на стѣнахъ крѣпости отчаянно оборонялись и нанесли крестьянамъ значительный уронъ, что вызвало еще большую ярость послѣднихъ. Между тѣмъ какъ здѣсь старались проникнуть въ нижнія ворота и изъ трехъ дверей двѣ уже были выбиты, Флоріану Гейеру съ его черной бандой, при поддержкѣ гейльброннцевъ, удалось взять приступомъ замокъ и оттуда въ знакъ побѣды развѣвались уже крестьянскія знамена. Въ то время крестьяне и горожане снаружи и изнутри старались проломать маленькую боковую дверь, и когда послѣдняя пала, крестьяне изъ замка ворвались черезъ нее, а одновременно и черезъ нижнія ворота въ городъ. „Ступайте по домамъ съ женами и дѣтьми и съ вами ничего не приключится", кричали крестьяне городскимъ жителямъ, и тѣ повиновались. Тѣмъ хуже пришлось рыцарямъ и всадникамъ. Кто изъ нихъ только попадался въ руки, того убивали; болѣе всего жестоко расправлялись крестьяне изъ Бекингена и Вейнсбергской долины. Часть рыцарей и всадниковъ заперлись въ церкви, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Дитрихъ

фонъ-Вейлеръ, взобрались на башню. Крестьяне разбили церковныя двери и перерѣзали всѣхъ, кого тамъ нашли, а затѣмъ ринулись вверхъ по лѣстницѣ на башню. Дитрихъ фонъ-Вейлеръ взобрался на карнизъ башни и заявилъ оттуда, что сдается въ плѣнъ и согласенъ уплатить 30.000 гульденовъ. Вмѣсто отвѣта онъ былъ смертельно раненъ пулей въ шею, а взобравшiеся за нимъ на башню крестьяне столкнули его еще хрипѣвшаго внизъ на церковный дворъ.

Георгъ Метцлеръ и Андрей Реми изъ Циммерна поспѣшили туда и отдали приказъ не убивать больше ни одного рыцаря или всадника, благодаря чему графъ фонъ-Гельфенштейнъ и небольшое количество всадниковъ попали въ плѣнъ. Въ десять часовъ утра штурмъ былъ конченъ, атака города не продолжалась и часа. Крестьяне разграбили городъ и замокъ и въ послѣднемъ огромную массу драгоцѣнностей; послѣ того, какъ онъ былъ совершенно опустошенъ, они его подожгли. Тѣмъ временемъ Андрей Реми съ товарищами держали совѣтъ въ мельницѣ какъ поступить съ плѣнниками. Было постановлено прогнать ихъ сквозь строй; наказанiе это считалось позорнымъ и примѣнялось только у ландскнехтовъ. Было немедленно приступлено къ дѣлу.

Людвигъ фонъ-Гельфенштейнъ съ другими тринадцатью дворянами и нѣкоторыми слугами были выведены на лугъ у нижнихъ воротъ и тамъ объявленъ имъ приговоръ. Графиня фонъ-Гельфенштейнъ, внѣбрачная дочь покойнаго императора Максимилiана, которая присутствовала при этомъ съ своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, услышавъ

приговоръ, упала передъ Еклейномъ на колѣни, простирала къ нему своего ребенка и со слезами умоляла сохранить жизнь графу. Но Еклейнъ и его товарищи были неумолимы. Звѣрства Трухзеса и предательскія нападенія графа на крестьянъ, которыя онъ еще всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ совершалъ, слишкомъ глубоко врѣзались имъ въ сердце и они жаждали крови и мщенія. Напрасно графъ предлагалъ выкупъ въ 30.000 гульденовъ. „Если бы ты намъ далъ даже двѣ тонны золота, ты все же долженъ бы умереть", былъ отвѣтъ Рорбаха.

По приказанію Еклейна крестьяне стали въ двѣ шеренги, а Гансъ Вальднеръ изъ Некаргартаха забилъ въ барабанъ. Крестьяне выставили впередъ копья; первымъ палъ одинъ ратникъ, за нимъ его господинъ, затѣмъ пришла очередь графа Гельфенштейна. Исповѣдавшись и попрощавшись съ женой и ребенкомъ, онъ сталъ у шеренги. Мельхіоръ Ноnненмахеръ, часто передъ тѣмъ игравшій у графа за столомъ, снялъ у него съ головы шляпу съ перомъ и одѣлъ ее себѣ восклицая: „Ты уже довольно долго ее носилъ, я тоже хочу хоть разъ быть графомъ". И со словами: „Я уже достаточно игралъ у тебя за столомъ и за танцами, теперь я хочу наконецъ сыграть тебѣ настоящій танецъ", онъ проводилъ его, играя въ рожокъ, до самой шеренги. Послѣ третьяго шага графъ былъ уже трупомъ. Остальныхъ постигла та же участь и только одинъ рыцарь былъ освобожденъ. Черная Гофманша, присутствовавшая при этой страшгой драмѣ, воткнула графу ножъ въ животъ, пихнула его ногой и обо-

звала канальей. Реми изъ Циммерна воткнулъ перья изъ графскаго шлема себѣ въ шляпу, а Еклейнъ Рорбахъ одѣлъ его воротникъ и плащъ изъ дамаской ткани и насмѣшливо обратился къ графинѣ: „Сударыня, какъ я нравлюсь вамъ теперь въ дамаскомъ плащѣ?“ У убитой горемъ графини забрали всѣ ея украшенія, сорвали съ нея драгоцѣнныя платья, усадили ее съ ребенкомъ и горничной на навозной телѣгѣ и отправили въ Гейльброннъ, напутствуя ее слѣдующими словами: „Въ золотой каретѣ ты въѣхала въ Вейнсбергъ, а въ навозной телѣгѣ ты выѣзжаешь изъ него“. Большая часть крестьянскаго войска и начальниковъ узнали о нроисшествіи съ плѣнными только послѣ того, какъ оно уже совершилось.

Въ то время какъ Еклейнъ Рорбахъ и другіе выполняли надъ плѣнными описанныя экзекуціи, начальники держали военный совѣтъ. Въ совѣтѣ Флоріанъ Гейеръ выставилъ требованіе, *не связываться съ дворянами*, а обращаться съ ними также, какъ съ попами. *Всѣ укрѣпленные замки должны быть сожжены и дворяне, какъ и попы, уравнены въ правахъ съ крестьянами.* Дворянинъ не долженъ имѣть больше одной двери, наравнѣ съ крестьяниномъ. Поэтому всѣ помѣстья, духовныя и свѣтскія, разрушиваются и устанавливается только одно единственное сословіе, сословіе свободныхъ гражданъ. Эта революціонная точка зрѣнія встрѣтила въ совѣтѣ сильный отпоръ, особенно со стороны Венделя Гиплера. Большинство начальниковъ желало только низложить духовенство; съ дворянствомъ же, которое, по ихъ мнѣнію, имѣетъ тѣ же основанія быть

недовольными князьями что и крестьяне, возможны соглашенія. Здѣсь опять всплыла мысль, высказанная уже въ Шенталѣ, поставить во главѣ Геца фонъ-Берлихингена, такъ какъ онъ сможетъ привлечь на ихъ сторону дворянъ, это было такимъ образомъ въ сущности новымъ изданіемъ Гуттенъ-Зикингенскаго плана, съ той разницей, что на сей разъ крестьяне должны были выгребать каштаны изъ огня, въ то время, какъ тамъ дворянство соглашалось взять главную работу на себя.

Рѣзкое принципіальное разногласіе между Флоріаномъ Гейромъ съ одной стороны и Венделемъ Гиплеромъ и большинствомъ крестьянскаго совѣта съ другой, послужило также причиной назначенія перваго на низшую должность по командованію арміей. Что крестьяне не могли найти лучшаго военачальника и болѣе честнаго человѣка, чѣмъ Флоріанъ Гейеръ, должно было быть ясно всѣмъ, такъ какъ онъ это достаточно доказалъ. Почему же въ такомъ случаѣ во главѣ былъ поставленъ Георгъ Метцлеръ, человѣкъ не обладавшій никакими военными познаніями? Почему старались замѣстить его, такъ какъ его негодность была очевидна, не Флоріаномъ Гейеромъ, а Гецомъ фонъ-Берлихингеномъ, къ которому сами вожди не питали достаточно довѣрія, а масса относилась даже враждебно? Отвѣтъ: потому что Флоріанъ Гейеръ заходилъ въ своихъ планахъ слишкомъ далеко, дальше, чѣмъ то было желательно руководителямъ и главнымъ образомъ Венделю Гиплеру. Георгъ Метцлеръ былъ только орудіемъ въ рукахъ Гиплера,

а съ Гецомъ фонъ-Берлихингеномъ послѣдній уже долгіе годы находился въ дружбѣ и сходился съ нимъ въ своихъ стремленіяхъ. Флоріанъ же Гейеръ обладалъ независимымъ, энергичнымъ характеромъ, не давалъ ослѣпить себя дипломатическими уловками и не желалъ ничего знать ни о какомъ посредничествѣ.

Такъ какъ Флоріанъ Гейеръ убѣдился, что онъ не можетъ дѣйствовать совмѣстно съ Гиплеромъ, а еще менѣе съ Гецомъ, то онъ предпочелъ отдѣлиться отъ „евангелическаго войска“ и присоединиться къ отряду въ Франконіи. Такимъ образомъ „ясный“ отрядъ потерялъ превосходнаго вождя и замѣнилъ его начальникомъ сомнительнымъ, ставшимъ впослѣдствіи измѣнникомъ.

Изъ Вейнсберга „отрядъ яснаго совѣта“ направился въ Гейльброннъ. Этотъ городъ долженъ былъ по расчетамъ предводителей стать главнымъ опорнымъ пунктомъ движенія въ южной Германіи. Предводители надѣялись, что удастся включить его въ союзъ, хотя совѣтъ, составленный на половину изъ представителей знатныхъ родовъ, наполовину изъ представителей цеховъ, меньше всего могъ считаться дружественнымъ крестьянамъ. Кромѣ того городъ состоялъ членомъ швабскаго союза и какъ таковой имѣлъ своего посланника въ Ульмѣ. Возмущеніе крестьянъ вокругъ и недовольство части городского населенія затрудняло дѣятельность совѣта и давало надежду предводителямъ крестьянъ найти въ Гейльброннѣ желательный и необходимый опорный пунктъ для движенія.

Изъ Некарсульма крестьяне, направляясь въ городъ, предъявили ему пять требованій: 1) позволить имъ (крестьянамъ) наказать въ городѣ духовныхъ, причемъ главнымъ образомъ имѣлись въ виду рыцари нѣмецкаго ордена, владѣвшіе въ городѣ богатымъ орденскимъ домомъ и убившіе многихъ крестьянъ; 2) снабдить ихъ пушками; 3) оказать имъ поддержку; 4) не принимать въ городъ никого, враждебнаго имъ (крестьянамъ), и 5) признать 12 статей.

Капитулъ ордена, которому угрожала серіозная опасность, въ страхѣ обратился къ городскому совѣту и послѣдній созвалъ общественный сходъ. Горожане заявили, что не желаютъ заступаться ни за капитулъ съ его канониками, ни за монаховъ, поповъ и монахинь; далѣе они заявили совѣту, что будутъ бороться противъ крестьянъ, если тѣ выставятъ несправедливыя требованія, съ своей же стороны совѣтъ долженъ ихъ о всемъ извѣщать и присягнуть дѣйствовать всегда только въ согласіи съ обществомъ.

Послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ и переговоровъ совѣтъ вынужденъ былъ исполнить желанія горожанъ. Капитулъ счелъ благоразумнымъ тайно убраться въ Гейдельбергъ, не передавъ дома нѣмецкаго ордена городу и не принявъ никакихъ мѣръ для охраны орденскаго имущества.

Когда отдѣльные отряды крестьянъ появились вблизи города, то совѣтъ попытался побудить бюргеровъ къ вылазкѣ; тѣ заявили, что не желаютъ выступить противъ крестьянъ; раздавались даже го-

лоса: „было бы хорошо сбросить совѣтниковъ съ зданія ратуши и прогнать господъ сквозь строй, какъ въ Вейнсбергѣ“. Были также бурныя выходки противъ совѣта, и волненіе все возростало по мѣрѣ того, какъ приближались крестьяне. Безпокойнѣе всѣхъ были многочисленные винодѣлы; нѣкоторые выходили навстрѣчу крестьянамъ и приглашали ихъ вступить въ городъ.

Совѣтъ заперъ всѣ ворота и выставилъ на стѣнахъ артиллерію. На стѣнахъ возникъ крупный споръ между партіей совѣта и крестьянской. Отказывались стрѣлять, заряжали ружья бумагой, лили воду въ порохъ, а жена Кляуса Креслина совсѣмъ столкнула внизъ со стѣны одного сторонника совѣта. Одному совѣтнику, который приказалъ охранять ворота, женщины кричали: „Мы предпочитаемъ помогать крестьянамъ“, а курьера совѣта онѣ грозили убить. Тѣмъ временемъ совѣтъ узналъ, что крестьяне злобно настроены противъ города и угрожаютъ все разрушить, если имъ не откроютъ воротъ. Это побудило его выслать гонцовъ навстрѣчу крестьянамъ для переговоровъ.

Крестьяне подступили совсѣмъ близко; во главѣ опять выступала Черная Гофманша; она произнесла проклятье надъ городомъ и обозвала совѣтниковъ „злодѣями и мошенниками“. Подступивши къ городу, Георгъ Метцлеръ потребовалъ провіанта; послѣ нѣкотораго промедленія совѣтъ согласился доставить его. Тогда Георгъ Метцлеръ потребовалъ впустить ихъ въ городъ. Совѣтъ отказался, но общество, частью запуганное, частью симпати-

зировавшее крестьянамъ, высказалось за это. Такимъ образомъ ворота были открыты и крестьяне вступили въ городъ.

Послѣдствіемъ этого вступленія было, что городъ принялъ 12 статей и присоединился къ крестьянскому союзу. Монастыри и дома духовенства были обложены тяжелой контрибуціей, а домъ нѣмецкаго ордена совершенно разграбленъ. Къ послѣднему Еклейнъ прибилъ извѣщеніе и оповѣстилъ также по городу, что вся добыча продается. Сбѣжались старъ и младъ, мужчины и женщины и растаскали по домамъ дешевыя пріобрѣтенія. Впослѣдствіи нѣмецкій орденъ оцѣнилъ свои убытки въ 20700 гульденовъ. Рорбахъ и Реми изъ Циммерна, виновники вейнсбергской кровавой расправы, отдѣлились съ своими отрядами при выступленіи изъ Гейльбронна отъ отряда „яснаго свѣта“ и направились въ Крайхгау, чтобы присоединиться къ вюртембергскому отряду.

Причиной этого отдѣленія былъ расколъ, возникшій между Рорбахомъ и Венделемъ Гиплеромъ и его партіей изъ-за вейнсбергскаго происшествія. Въ планахъ Венделя Гиплера, поддержать съ дворянствомъ по возможности дружественныя отношенія и стараться расположить къ себѣ, безпощадный поступокъ Рорбаха являлся грубымъ диссонасомъ. Пока Еклейнъ находился въ отрядѣ, Гиплеръ не могъ мечтать объ осуществленіи своего плана, такъ какъ происшествіе въ Вейнсбергѣ привело въ ужасъ все дворянство, и Гецу фонъ-Берлихингену было столь же немыслимо оставаться на ряду съ Рорбахомъ, какъ раньше вмѣстѣ съ Флоріаномъ Гейеромъ. Въ

совѣщаніяхъ, происходившихъ въ крестьянскомъ военномъ совѣтѣ въ Вейнсбергѣ и Некарсульмѣ расколъ обнаружился вполнѣ и вызвалъ отдѣленіе Еклейна.

Совѣщанія начальниковъ и совѣтниковъ „отряда яснаго свѣта" продолжались въ Гундерсгеймѣ, куда онъ теперь прибылъ. Для установленія лучшаго порядка въ отрядѣ и чтобы имѣть всегда въ распоряжении дѣльныхъ солдатъ, Вендель Гиплеръ внесъ два очень разумныхъ предложенія. Крестьяне послѣ четырехнедѣльной службы не должны расходиться по домамъ, какъ это было до тѣхъ поръ, но остаются въ отрядѣ до окончанія войны. Далѣе всѣ ландскнехты, которые будутъ предлагать свои услуги какъ опытные солдаты, должны приниматься за жалованіе на службу. Военный совѣтъ принялъ эти предложенія, но община не согласилась. Крестьяне ненавидѣли ландскнехтовъ, такъ какъ много отъ нихъ претерпѣли и кромѣ того опасались, что сократится ихъ доля въ добычѣ. Второе же предложеніе не нравилось имъ потому, что имъ такимъ образомъ приходилось бросать на произволъ судьбы семью, домъ и поле, а затѣмъ они полагали, что съ нихъ достаточно, если они расправились съ собственнымъ владѣльцемъ. Ихъ близорукость и мѣстный партикуляризмъ мѣшалъ имъ понять, что этимъ еще ничего не сдѣлано, что какъ владѣльцы во всей Германіи взаимно поддерживаютъ другъ друга, точно также слѣдуетъ поступать и имъ. Напрасно Вендель Гиплеръ доказывалъ это крестьянамъ: его предложенія были отклонены.

Зато ему удалось хотя и послѣ сильнаго противодѣйствія, провести другой, давно лелѣемый имъ планъ, а именно назначить Геца фонъ-Берлихингена предводителемъ „евангелическаго войска".

Гецъ фонъ-Берлихингенъ былъ однимъ изъ наиболѣе отважныхъ рыцарей-разбойниковъ своего времени. Въ одной изъ многочисленныхъ стычекъ онъ потерялъ руку и носилъ теперь желѣзную. Будучи шуриномъ Франца фонъ-Зикингена, онъ былъ замѣшанъ въ его предпріятіяхъ противъ князей; швабскому союзу онъ долженъ былъ дать клятву не мстить за обиды; союзъ былъ ему ненавистенъ потому, что главнѣйшей задачей союза было сохранить миръ въ странѣ и положить конецъ разбойничьему промыслу дворянъ. Благодаря своимъ многочисленнывъ распрямъ и походамъ, Гецъ создалъ себѣ извѣстность, и такъ какъ у него съ извѣстнымъ внѣшнимъ благородствомъ совмѣщалось стремленіе стать на сторону угнетенныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло ему подать поводъ къ распрѣ съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, то онъ пользовался даже нѣкоторой симпатіей неимущаго народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вендель и Гецъ давно уже состояли межъ собой въ тѣсныхъ сношеніяхъ и у нихъ втайнѣ существовалъ готовый планъ. Зикингенское предпріятіе должно было возродиться въ новомъ видѣ. Что само дворянство не въ состояніи провести этотъ планъ, доказалъ уже Зикингенскій походъ, и крестьянское возстаніе должно было быть использовано для достиженія этой цѣли.

Еще въ Шенталѣ въ Шинферской долинѣ Гецъ побывалъ у крестьянъ съ цѣлью добиться того, чтобы оставили въ покоѣ его брата, жившаго вблизи Шенталя въ замкѣ Якстгаузенъ, и подданные котораго присоединились къ крестьянамъ.

При помощи Венделя Гиплера ему это удалось. Гецъ и здѣсь выразился въ томъ смыслѣ, что будетъ помогать крестьянамъ противъ князей и желаетъ и можетъ привлечь дворянъ на ихъ сторону. Дѣло шло о томъ, чтобы подготовить почву для своего плана. Вскорѣ послѣ этого онъ пригласилъ франконскихъ дворянъ на собраніе, чтобы сговориться съ ними объ отношеніи къ крестьянамъ. Происшествія въ Вейнсбергѣ помѣшали осуществиться этому плану. Дворянство было сильно напугано и въ противоположность плану Геца рѣшило стать на сторону князей. Повидимому Гецъ сдѣлалъ тоже самое. Онъ предложилъ курфюрсту пфальцскому свои услуги и просилъ отправить подъ охраной въ Гейдельбергъ его имущество и запасы. Но это было только для виду, чтобы на всякій случай обезпечить себѣ тылъ; и когда курфюстъ прислалъ провожатаго, въ лицѣ Вильгельма фонъ-Габерна, съ нѣкоторымъ количествомъ всадниковъ, чтобы исполнить желаніе Геца, его не оказалось дома, жена находилась въ кровати и ни о чемъ не знала, почему и не позволила увести домашнее имущество. Габернъ такимъ образомъ принужденъ былъ вернуться обратно ни съ чѣмъ. Точно также Гецъ утверждалъ, что не получилъ письма курфюрста, въ которомъ тотъ принимаетъ предложеніе Геца

поступить къ нему на службу, по той будто бы причинѣ, что письмо это попало въ руки его тещи и та, усмотрѣвъ изъ него, что онъ желаетъ покинуть семью, домъ и помѣстье, по соглашенію съ его женой уничтожила письмо. Это тоже кажется пустой уловкой. Если бы Гецъ желалъ отправить свое имущество и запасы въ Гейдельбергъ, то онъ не могъ бы оставить въ пустомъ замкѣ жену и ребенка, тѣмъ болѣе тогда, когда онъ собирался поступить на службу къ курфюрсту, врагу крестьянъ. Это значило бы принести свою семью въ жертву крестьянской мести. Гецъ вынужденъ былъ поступать осторожно, когда онъ увидѣлъ какъ мало склонно дворянство пойти навстрѣчу его желаніямъ и поэтому онъ не только предпринялъ упомянутые уже шаги у курфюрста пфальцскаго; впослѣдствіи онъ сознался, что когда ему стало извѣстно въ Шенталѣ, что крестьяне думаютъ предпринять походъ противъ Вюрцбурга, онъ послалъ гонца съ предупрежденіемъ вюрцбургскому епископу, но гонецъ удивительно почему-то также не прибылъ туда. Гецъ велъ двойственную игру и старался все время обезпечить себѣ отступленіе.

24 апрѣля въ Гундерсгеймѣ Гецъ былъ принятъ въ „евангелическое братство“ и принесъ установленную присягу. Черезъ короткое время Вендель Гиплеръ и дружный съ нимъ и съ Гецомъ Гансъ Рейтеръ изъ Берингена провели въ крестьянскомъ совѣтѣ свое предложеніе объ избраніи Геца главнокомандующимъ. Было также постановлено обратиться къ дворянамъ за помощью и поддержкой.

Когда крестьянскій совѣтъ выступилъ передъ отрядомъ съ обоими предложеніями, поднялся большой крикъ и шумъ. „У насъ крестьянская война, зачѣмъ намъ дворяне? Зачѣмъ Геца главнокомандующимъ? Онъ намъ добра не желаетъ. Отчеге не повѣсить его на первомъ деревѣ“? Такія и тому подобныя восклицанія раздавались въ отрядѣ. Напрасно убѣждалъ ихъ Вендель Гиплеръ, его слова не встрѣчали сочувствія; только Георгу Метцлеру и Гансу Рейтеру удалось добиться согласія большинства. Послѣ этого къ Гецу была отправлена депутація, чтобы оповѣстить его объ избраніи и побудить принять его. Гецъ слыхалъ о противодѣйствіи, которое встрѣтило его избраніе; онъ сперва подъ различными предлогами отказывался отъ назначенія, отчасти онъ дѣйствительно колебался, отчасти, чтобы сдѣлать видъ, что крестьяне противъ воли навязали ему ихъ рѣшеніе. Но въ концѣ концовъ только послѣ сильнаго протеста согласился принять его.

Подлинная рыцарски-разбойничья натура Геца тотчасъ проявилась наружу. Онъ предложилъ крестьянскому совѣту вмѣсто предположеннаго похода на Вюрцбургъ взять сначала имперскій городъ Галль. Онъ такъ же ненавидѣлъ богатое бюргерство, какъ и князей, и смирить бюргерскую сволочь было особенно любезно его разбойничье-рыцарскому сердцу. Но его предложеніе не встрѣтило сочувствія среди крестьянскаго совѣта. Съ другой стороны Гецъ возставалъ противъ осады Вюрцбургскаго замка, и былъ совершенно правъ. Къ врагу надо обращаться грудью, а не спиной, говорилъ онъ, имѣя

этимъ въ виду швабскій союзъ. Вмѣсто того, чтобы двинуться на Вюрцбургъ и потерять время на осаду укрѣпленнаго замка Фрауенштейнъ, крестьяне должны были направиться противъ швабскаго союза, единственнаго въ то время врага, выставившаго противъ нихъ организованное войско, соединиться съ вюртембергскимъ отрядомъ, притянуть къ себѣ отряды изъ Шварцвальда, верхней Швабіи и Алльгау и попытаться разбить войско Трухзеса, раньше чѣмъ ему удалось соединиться съ другими князьями, главнымъ образомъ съ графомъ Пфальцскимъ, который заканчивалъ уже тогда свое снаряженіе, и получить такимъ образомъ превосходство надъ крестьянами.

Непонятно почему мысль эта не нашла сочувствія среди крестьянъ и былъ рѣшенъ походъ противъ Вюрцбурга.

Въ новой должности Гецъ сейчасъ же постарался использовать свое вліяніе, чтобы добиться нѣкоторыхъ мѣропріятій, встрѣчавшихъ сильное противодѣйствіе. Онъ усердно стремился именно охранить замки и дома дворянъ отъ поврежденій и разрушенія. Дома эти должны были остаться неприкосновенными, зато онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы крестьяне совершали нашествія на монастыри и онъ самъ не стѣснялся получать свою долю въ добычѣ и пріобрѣтать за безцѣнокъ у крестьянъ награбленное монастырское добро. Крестьяне совершенно не были согласны съ его отношеніемъ къ дворянскимъ замкамъ и помѣстьямъ и первые неоднократно отказывались исполнять распоряже-

нія Геца, причемъ дѣло доходило между ними до бурныхъ сценъ.

Расколъ, происшедшій между оденвальдскимъ и и некартальскимъ отрядомъ „яснаго свѣта“ и франконскимъ войскомъ, вѣрнѣе сказать, между Венделемъ Гиплеромъ и Гецомъ фонъ-Берлихингеномъ съ одной стороны и Флоріаномъ Гейромъ съ другой, также сталъ давать чувствовать себя. По пути черезъ Майнцскій Оберштифтъ въ Бухенъ свѣтлый отрядъ прибылъ въ область, гдѣ незадолго передъ тѣмъ проходилъ Флоріанъ Гейеръ и заставилъ всѣ деревни присягнуть франконскому отряду. Отрядъ „яснаго свѣта“ не захотѣлъ признать этотъ договоръ и въ свою очередь вынудилъ ихъ вновь присягнуть себѣ. Это еще больше углубило расколъ и привело къ открытой враждѣ.

Съ Рорбахомъ дѣло равнымъ образомъ дошло до досаднаго разрыва. Послѣдній созвалъ повстанцевъ изъ Цабергау и Крайхгау и расположился лагеремъ въ монастырѣ въ Маульброннѣ; на многочисленныя жалобы своихъ бекингенцевъ на мѣропріятія Гейльбронnскаго совѣта, онъ обратился къ послѣднему съ письмомъ, въ которомъ оспаривалъ его распоряженія, какъ противорѣчащія договору. Присутствовавшему въ свѣтломъ отрядѣ члену гейльбронскаго совѣта Гансу Ферле, удалось добиться, чтобы Гецъ фонъ-Берлихингенъ и Георгъ Метцлеръ, какъ высшіе начальники, сдѣлали Еклейну рѣзкое внушеніе, въ заключеніе котораго говорилось: „Если бы ты вновь подобнымъ образомъ поступилъ (т.-е. дѣйствовалъ бы противъ ихъ договоровъ), то мы вы-

нуждены были бы выступить противъ тебя, чего мы предпочли бы избѣгнуть; прими это къ руководству“.

Послѣ выступленія свѣтлаго отряда изъ Бухена, онъ избралъ главной квартирой богатѣйшій монастырь въ Оденвальдѣ, Аморбахъ. Вендель Гиплеръ, какъ и Гецъ фонъ-Берлихингенъ давно уже желали сдѣлать по возможности безвредными 12 статей и облегчить всѣмъ дворянамъ вступленіе въ союзъ. Но Вендель Гиплеръ не смѣлъ думать объ этомъ, а еще менѣе оно было возможно для Геца. Даже предводители, выбравшіе его, относились къ нему съ такимъ недовѣріемъ, что рѣшили самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за каждымъ его шагомъ. Гансъ Ферле, членъ гейльброннскаго совѣта, слывшій ловкимъ дипломатомъ, пришелся имъ какъ нельзя болѣе кстати, ему было поручено это щекотливое дѣло и въ вознагражденіе за его услуги послано Еклейну упомянутое уже письмо.

Ферле, Гиплеръ, Гецъ и Генрихъ Малеръ изъ Вимпфена образовали комиссію. Измѣненія заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: шестой, седьмой, восьмой и десятый пункты, трактующіе о барщинѣ, земельныхъ налогахъ, оброкѣ и помѣстномъ владѣніи, т.-е. самые важные пункты, совершенно выбрасываются. Второй, четвертый, пятый и одиннадцатый получили гораздо болѣе *мягкую* формулировку. Не удовольствовавшись этимъ, рѣшено было сдѣлать слѣдующее прибавленіе: во-первыхъ, никто подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія не имѣетъ права безъ общаго постановленія грабить, ни при-

нуждать кого-либо присоединяться къ отряду. Во-вторыхъ, оброкъ, подати и долги должны *безпрекословно вноситься впредь* до государственной реформы; въ третьихъ, никто не смѣетъ повреждать помѣстья духовныхъ и свѣтскихъ властей, а имѣнія духовенства должны поступить въ распоряженіе деревенскихъ властей (секвестрированы); въ четвертыхъ, нельзя наносить оскорбленія какому-либо духовному или свѣтскому владѣльцу; въ пятыхъ, наконецъ, каждый долженъ повиноваться городскимъ, деревенскимъ и сельскимъ властямъ, подчиняться заслуженнымъ наказаніямъ и содѣйствовать правосудію противъ своеволія и насилій.

Этими измѣненіями, названными „декларацiей", совершенно почти упразднялись 12 статей и уничтожалась та программа, которой они сами присягнули. Крестьяне такимъ образомъ должны были быть лишены плодовъ своей борьбы, благодаря своимъ собственнымъ же предводителямъ.

Составители деклараціи предчувствовали, какую бурю вызоветъ ихъ благородное произведеніе, когда оно станетъ извѣстнымъ. Поэтому, послѣ того, какъ большинство предводителей высказалось за измѣненія, Гансъ Ферле былъ посланъ въ позади лежащія мѣстности, чтобы заставить ихъ раньше принять декларацію, а затѣмъ уже надѣялись легче будетъ справиться съ отрядомъ. Когда Гансъ Ферле прибылъ со своей миссіей въ Бекингенъ, ему пришлось очень плохо. Черная Гофманша выступила ему навстрѣчу: „Это продѣлки гейльбронца,—воскликнула она.—Клянусь страстями Господними! Ферле же-

лаетъ васъ обмануть, васъ надуваютъ и обманываютъ; я сама воткну ему ножъ и кто со мной согласенъ, пусть присоединяется ко мнѣ, я начну первая“. Гансъ Ферле поспѣшно ретировался.

Многія общины отправили гонцовъ въ лагерь съ заявленіемъ: „имъ кажется страннымъ, что они теперь уже, едва только успѣвши свободно вздохнуть, вновь должны наложить на себя старое ярмо. Они полагали, что ведутъ войну за свою свободу; теперь же имъ пишутъ и предлагаютъ оставаться въ томъ же положеніи, что и раньше“. Тогда только въ лагерѣ стало извѣстно про декларацію и буря разыгралась. Гецъ, Ферле и Гиплеръ предусмотрительно отсутствовали. Отрядъ требовалъ, чтобы домъ Геца былъ сожженъ, а онъ самъ убитъ. Другіе обвиняли гейльброннскій совѣтъ и хотѣли вернуться обратно и расправиться съ нимъ. Часть оденвальдцевъ со злости вернулась и разрушила замки Вильденбергъ и Лимпахъ, которые были раньше пощажены ими по настоянію Геца. Другіе опять-таки предлагали убивать на зло Гиплеру и Гецу всѣхъ князей, поповъ и господъ, которые откажутся присягнуть 12 статьямъ. Гейльброннскій и нѣкоторые другіе отряды совершенно отдѣлились отъ войска и стали дѣйствовать на собственный страхъ и рискъ.

Когда Гецъ вернулся въ лагерь, начальникамъ съ большимъ трудомъ удалось защитить его отъ насилія, но ему пришлось все-таки выслушать много угрозъ и ругательствъ.

Начальники отряда яснаго свѣта обѣщали, что впредь, каждый графъ или владѣлецъ, который на

ихъ дальнѣйшемъ пути въ Вюрцбахѣ вступитъ въ союзъ, одновременно долженъ будетъ признать для себя обязательнымъ 12 статей и декларацію. Массы дали себя успокоить этимъ компромиссомъ, на который начальникамъ очень легко было согласиться.

* * *

По мѣрѣ того, какъ движеніе распространилось по верхней Швабіи, Шварцвальду, княжеству Гогенлоэ, нижне—некарской долинѣ и Оденвальду, не могло оставаться спокойнымъ находящееся посрединѣ Вюртембергское герцогство. Ненавистное владычество явилось лишнимъ поводомъ къ возстанію, жители Урахера, Мунзингера и Бляубейрскихъ Альповъ были первыми, среди которыхъ началось движеніе; 6 апрѣля у Перуллингена собралось до 1000 крестьянъ и вынудили городъ открыть имъ ворота.

Полная дезорганизація, въ которую австрійское управленіе повергло Вюртембергскую область благопріятствовала возстанію. Многочисленные замки и крѣпости, которыми была усѣяна страна, стояли большей частью безъ гарнизона, орудій и аммуниціи. Все то, что удавалось добыть по части средствъ и войска отправлялось въ Италію. Правительство въ Штутгартѣ получало со всѣхъ сторонъ отъ намѣстниковъ жалобы и требованія денегъ, людей и другихъ подкрѣпленій. Правительство было въ отчаяніи. Вѣсти о происшествіяхъ въ Вейнсбергѣ окончательно его поразили.

Въ пасхальное воскресенье, 16 апрѣля, въ день,

когда ясный отрядъ Некарталя и Оденвальда взялъ Вейнсбергъ, жители Боттвартской долины, среди которыхъ еще живы были воспоминанія о Бѣдномъ Конрадѣ, тысячами устремились къ Вунненштейну и разбили тамъ свой лагерь. Маттернъ Фейербахеръ, уважаемый и любимый трактирщикъ изъ Боттварталя, трактиръ котораго посѣщался даже дворянами, былъ вопреки своему желанію избранъ предводителемъ. Онъ предпочелъ бы остаться дома, но крестьяне не отпустили его. Подобнымъ же образомъ и одновременно съ Боттвартальцами на Гейхельбергѣ собрались жители многочисленныхъ и населенныхъ деревень Цаубергау и выбрали своимъ начальникомъ Ганса Вундерера изъ Пфаффенгофа. Факелы и сторожевые огни, бросавшіе въ теченіе многихъ ночей съ обоихъ холмовъ свѣтъ далеко по всей странѣ, проникавшій въ многочисленныя окрестныя дворянскія помѣстья, вселилъ въ нихъ ужасъ и страхъ. Они должны были казаться дворянству могильными факелами, освѣщавшими путь къ ихъ гибели; то были грозныя предзнаменованія, что порабощенный и угнетенный народъ усталъ носить свое ярмо и выступилъ, наконецъ, за свои человѣческія права.

Правительство въ Штутгартѣ, до котораго дошли слухи о собраніяхъ, поспѣшно отправило гонцовъ въ Вунненштейнъ, чтобы удержать крестьянъ при помощи стараго испытаннаго средства о переговорахъ. Послѣдніе не пустились въ переговоры, а изложивъ свои жалобы, отослали ихъ съ гонцами въ Штутгартъ, вмѣстѣ съ требованіемъ о признаніи

12 статей. Отрядъ, возросшій въ нѣсколько дней до 3000 человѣкъ, двинулся изъ Вунненштейна въ Ляуфень, чтобы устроить тамъ свою главную квартиру. По пути туда между Маттерномъ Фейербахеромъ и отрядомъ возникли пререканія, которыя привели къ его смѣщенію на короткое время. Онъ упорно противился разграбленію многихъ замковъ и это вызвало такое возмущеніе со стороны отряда, что большинство потребовало его смѣщенія, но на слѣдующій день въ лагерѣ въ Ляуфенѣ онъ вновь былъ избранъ.

Тѣмъ временемъ штутгартскіе послы снова вернулись въ лагерь и предложили крестьянамъ созвать ландтагъ для разбора ихъ жалобъ. Предложеніе было рѣшительно отклонено и послы должны были убраться ни съ чѣмъ.

Въ лагерѣ при Ляуфенѣ находились и цаубергауцы и къ нимъ присоединился также и Еклейнъ Рорбахъ. Соединившись вмѣстѣ около 6000 человѣкъ, они назвали себя „свѣтлымъ христіанскимъ отрядомъ". Комитетъ изъ 32 выборныхъ лицъ былъ приставленъ къ Маттерну Фейербахеру, какъ къ главнокомандующему, но всѣ важные вопросы должны были рѣшаться общимъ собраніемъ отряда. Были разосланы гонцы во всѣ стороны, призывая деревни и города присоединиться и примкнуть къ отряду. Послѣ этого отрядъ двинулся къ Штутгарту. Это послужило сигналомъ къ бѣгству для членовъ правительства; они поспѣшили въ Тюбингенъ.

Послѣ бѣгства правительства изъ Штутгарта, городской совѣтъ созвалъ собраніе гражданъ на

базарной площади и предложилъ выбрать изъ своей среды комиссію въ 27 человѣкъ. Имѣлось въ виду призвать на помощь противъ мятежниковъ всѣ сосѣднія волости, была также отправлена депутація въ крестьянскій лагерь въ Битигеймъ, чтобы вновь попытаться склонить ихъ къ созыву ландтага, указавъ имъ, что въ подобномъ случаѣ они могутъ расчитывать на поддержку города. Матвѣй Герберъ былъ ораторомъ депутаціи. Фейербахеръ отклонилъ эти предложенія и требовалъ, чтобы городъ призналъ 12 статей какъ основу для „христіанской реформаціи“.

На слѣдующій день, 23 апрѣля, крестьяне послали городу ультиматумъ и дали 36 часовъ на размышленіе. Имъ стало извѣстно, что совѣтъ хочетъ ихъ удержать пока подоспѣетъ находящееся въ пути войско Трухзеса. 25 впрѣля крестьяне подступили къ городу. Городъ поспѣшно выслалъ имъ навстрѣчу Матвѣя Гербера съ просьбой избавить ихъ отъ расквартированія войскъ. Разыгравшаяся гроза заставила крестьянъ предпочесть расположиться въ городѣ немедленно и отрядъ во главѣ съ Маттерномъ Фейербахеромъ и въ сопровожденіи Рорбаха и другихъ столь страшныхъ вейнсбергцевъ вступилъ въ городъ.

Крестьяне обошлись съ Штутгартомъ очень милостиво; только находившійся вблизи монастырь Бебенгаузенъ поплатился своими запасами и виннымъ погребомъ. Штутгартскіе попы уплатили всего 400 гульденовъ контрибуціи. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ городѣ, отрядъ выступилъ изъ Штут-

гарта по направленію къ Ремской и Фильцской долинамъ, чтобы воспрепятствовать гайльдорфскому отряду вторгнуться въ Вюртембергское герцогство.

Гайльдорфскій отрядъ, сначала рекрутировавшійся изъ мѣстностей лимпургскаго винодѣльческаго района и имперскаго города Галля, а впослѣдствіи присоединившій къ себѣ деревенское населеніе имперскаго города Гмюнда внушалъ своими грабежами страхъ не однимъ только дворянамъ и попамъ. Между прочимъ онъ разграбилъ богатый старинный монастырь Мурргартъ и не менѣе богатый монастырь Лорхъ, а послѣдній вдобавокъ и сжегъ. Участь Лорха постигла также и знаменитый императорскій замокъ Гогенштауфенъ, на который напалъ гмюнденскій отрядъ и въ теченіе одной ночи взялъ и превратилъ въ кучу пепла. Пожаръ замка Гогенштауфенъ, который виденъ былъ далеко по всей Швабіи, произвелъ такое ужасное впечатлѣніе на все дворянство, что многіе изъ нихъ поспѣшили вступить въ товарищество съ отрядомъ и спасти тѣмъ свои замки отъ подобной участи; даже Лимпургскіе князья послѣдовали этому примѣру.

Гайльдорфскій отрядъ, который въ отличіе отъ другихъ назывался простымъ *свѣтлымъ отрядомъ*, направился къ Шорндорфу и потребовалъ у города вступленія въ союзъ. Шорндорфскій совѣтъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, безрезультатно обращавшіеся за помощью къ властямъ въ Тюбингенѣ и Швабскому союзу, чтобы избавиться отъ гайльдорфскаго отряда, призвали въ городъ Маттерна Фейербахера съ его

отрядомъ, который и занялъ его. 29 апрѣля гайльдорфскій отрядъ встрѣтился съ свѣтлымъ христіанскимъ отрядомъ Маттерна въ Шорндорфѣ. Маттернъ потребовалъ у гайльдорфцевъ оставить Вюртембергъ, „такъ какъ вюртембергцы сами могутъ очистить свои монастыри и ихъ сундуки“. Такимъ образомъ и здѣсь сказался узкій партикуляризмъ и въ такой моментъ, когда вюртембергцамъ предстояло вскорѣ сраженіе съ войсками Трухзеса. Эта партикуляристская черта красной нитью проходитъ сквозь всю крестьянскую войну; жители одной мѣстности разсматривали всѣхъ остальныхъ какъ „чужія націи“, такъ буквально они ихъ называли—и это мѣшало всякимъ правильнымъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, что было особенно необходимо въ виду сплоченія ихъ непріятеля.

Свѣтлый христіанскій и гайльдорфскій отряды раздѣлились. Послѣдній отправился на присоединеніе къ Франконскому войску, которое между тѣмъ приняло названіе „черный отрядъ“. Свѣтлый христіанскій или вюртембергскій отрядъ, послѣ того какъ онъ принялъ въ братство еще цѣлый рядъ мѣстечекъ, въ томъ числѣ и Геппингенъ, двинулся въ Кирхгеймъ, Гогеннейфенъ и Урахъ. Матвѣй Герберъ, который присоединился къ свѣтлому христіанскому отряду съ небольшимъ отрядомъ, взялъ Кирхгеймъ. Вопреки категорическому приказанію Фейербахера, Вундереръ, второй по чину, распорядился сжечь замокъ Текъ; происходили равнымъ образомъ и грабежи, и Фейербахеръ не имѣлъ возможности препятствовать этому. Крестьяне не имѣли никакого желанія

оставить во владѣнiи господъ тѣ запасы, которые они потомъ кровью накопили.

3-го мая Маттернъ Фейербахеръ разослалъ изъ нюртингенскаго лагеря срочныя письма отрядамъ въ Алльгау, у Баденскаго озера и въ Шварцвальдѣ съ требованiемъ немедленно двинуться на подкрѣпленiе, такъ какъ Трухзесъ съ войсками Швабскаго союза быстро приближался къ нему.

Въ тотъ же день Маттернъ Фейербахеръ получилъ письмо отъ герцога Ульриха, въ которомъ тотъ спрашиваетъ, какъ относится къ нему отрядъ. Послѣ своего пораженiя въ февралѣ Ульрихъ вновь пытался завязать сношенiя съ крестьянами, но тѣ долгое время уклонялись. Наконецъ, 21-го апрѣля ему удалось получить доступъ въ одну часть гегаускаго отряда подъ начальствомъ Ганса Блейклера и онъ принесъ присягу евангелическому братству. По предложенiю Матвѣя Гербера свѣтлый христiанскiй отрядъ рѣшилъ дать герцогу уклончивый отвѣтъ.

Къ концу апрѣля движенiе въ Вюртембергѣ до того усилилось, что въ Нюртингенскiй лагерь ежедневно прибывало много новаго народа. Благодаря этому увѣренность крестьянъ значительно возросла.

Въ Гау, область, которая тянется у подошвы вюртембергскаго Шварцвальда, возстанiе было въ полномъ разгарѣ. Беблингенская и Леонбергская волости также были вовлечены въ движенiе и въ непродолжительномъ времени собралось 3000 человѣкъ, которые выступили 5 мая въ Нюртингенскiй лагерь.

Въ вюртембергскомъ Шварцвальдѣ, въ окрестностяхъ Сульца, Роттвейля и Туттлингена, собрался большой отрядъ подъ начальствомъ Майера изъ Фогельсберга. Отрядъ отдѣльными колоннами прорѣзалъ весь вюртембергскій Шварцвальдъ, включая въ союзъ города и деревни добровольно или силою. Каждое мѣстечко, сообразно съ количествомъ населенія, должно было поставить извѣстный контингентъ солдатъ въ отрядъ. Въ началѣ мая собралось 8000 человѣкъ, съ которыми Томасъ Майеръ двинулся на Сульцъ и взялъ городъ. Въ этотъ моментъ прибыли гонцы отъ Маттерна Фейербахера, который взялъ ихъ въ Нюртингенъ и они тотчасъ же тронулись въ путь, чтобы явиться на призывъ.

Въ то время, какъ свѣтлый христіанскій отрядъ расположился лагеремъ у Нюртингена, чтобы подготовиться къ сраженію съ Трухзесомъ, Еклейнъ Рорбахъ отправился созвать массы въ Цабергау и окрестности Асперга. Съ той же цѣлью явился Антонъ Эйзенгутъ въ Крайхгау и Брухрайнъ, принадлежавшій курфюрсту пфальцскому. Въ короткое время онъ собралъ 1200 человѣкъ, съ которыми двинулся въ Гейдельсгеймъ, между Брухзаломъ и Бреттеномъ, и взялъ его, а затѣмъ покорилъ также и Зинсгеймъ. Курфюрстъ пфальцскій своими добровольными уступками внесъ расколъ у Эйзенгута; онъ подписалъ общую амнистію и далъ твердое обѣщаніе разсмотрѣть жалобы крестьянъ на ближайшемъ ландтагѣ. Эйзенгутъ и крестьяне согласились на это. Позже мы увидимъ, какъ графъ пфальцскій сдержалъ свое обѣщаніе.

* * *

Духъ революціи охватывалъ все новыя и новыя области. Въ Вормсѣ бюргеры возстали противъ епископа, заставили капитулъ выдать имъ всѣ документы, разорвали ихъ и бросили въ грязь. Епископъ покинулъ городъ и вслѣдствіе этого крестьяне обратились за посредничествомъ къ пфальцграфу.

Серьезнѣе происходило дѣло въ Франкфуртѣ. Въ воскресенье 10 апрѣля тамъ собралось 600 бюргеровъ изъ Нейштадта и Заксенгаузена, чтобы протестовать противъ новаго налога въ геллеръ на пріѣзжавшія на ярмарки телѣги. Бургомистры, поспѣшившіе туда, чтобы успокоить народъ, не достигли цѣли и имъ пришлось вмѣсто этого выслушать цѣлый рядъ жалобъ. Примѣръ 600 подѣйствовалъ заразительно на другихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія большая часть бюргеровъ собралась съ оружіемъ въ рукахъ на конный рынокъ и выработала пункты своихъ жалобъ, числомъ не меньше 46, изъ которыхъ цѣлыхъ тринадцать противъ поповъ. Совѣтъ старался ставить имъ всевозможныя затрудненія; онъ до сихъ поръ пользовался всѣми привилегіями и набивалъ собственныя карманы общественными деньгами, словомъ управлялъ съ чисто патриціанскимъ произволомъ. Попы также подняли вопль. Но бюргеры не уступали, они угрожали силою отстоять свои права, и собравшіяся тысячи вооруженнаго народа указывали владѣльцамъ, что угрозы эти серьезны. Они поэтому съ сокрушеніемъ сердечнымъ покорились и

22 апрѣля издали грамоту, въ которой они принимаютъ требованія „за себя и за своихъ наслѣдниковъ на вѣчныя времена“. Бюргерами была утверждена выборная комиссія по одному отъ десяти человѣкъ, которая должна была наблюдать за выполненіемъ условія. Послѣдняя между прочимъ ходила изъ дома въ домъ къ священникамъ и приказывала, чтобы тѣ отпустили своихъ содержанокъ.

Въ Майнцѣ вечеромъ 25 апрѣля собралась толпа вооруженныхъ бюргеровъ и освободила изъ тюрьмы четырехъ проповѣдниковъ новаго ученія. На слѣдующее утро они призвали все населеніе къ возстанію противъ архіепископа и капитула. Бюргеры сбѣжались на призывъ, заперли ворота, стащили орудія съ валовъ на базарную площадь и грозили разстрѣлять всѣ дома духовенства, если капитулъ не удовлетворитъ ихъ требованія, составленныя ими въ 31 пунктѣ. Архіепископъ при началѣ движенія бѣжалъ изъ города и испуганный капитулъ немедленно принялъ всѣ требованія бюргеровъ.

Ниже по Рейну все также находилось въ возстаніи. 23 апрѣля крестьяне Рейнской области двинулись къ Мюцелау у св. Варѳоломея, изложили свои жалобы и требованія и представили ихъ майнцскому капитулу. Всего ими предъявленъ былъ 31 пунктъ, въ которыхъ они между прочими требовали: свободнаго изученія евангелія; установленія тридцатой доли вмѣсто десятины, чтобы помѣстья духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вносили беду *) и выполняли обще-

*) Беда—имперскій налогъ. *Пр. пер.*

ственныя повинности наравнѣ съ бюргерами; чтобы каждый привлекался къ суду только по мѣсту своего жительства; чтобы братства были упразднены и не получали впредь ни аренды, ни оброка; чтобы всякіе земельные налоги были отмѣнены; чтобы ни одинъ еврей, нищенствующій монахъ и сборщикъ на храмъ не былъ впредь терпимъ въ Рейнской области; чтобы монастыри были упразднены и сборы на паломничество уничтожены; чтобы вода, пастбища и дичь были свободны и каждый бюргеръ или крестьянинъ получали по мѣрѣ надобности топливо и строительный лѣсъ и т. д. Капитулъ просилъ три или четыре дня на размышленіе. Часть хотѣла согласиться на это, но большинство потребовало немедленнаго рѣшенія, такъ какъ имъ стало извѣстно, что населеніе Майнца уже 25 апрѣля добилось всѣхъ своихъ требованій.

Недовольные отправились на такъ называемое Вахгольдерское поле, безъ малого часа ходьбы отъ Рейна, и призывали рыцарей явиться къ нимъ и поддержать ихъ требованія. Рыцари, какъ и въ другихъ мѣстахъ очень враждебно настроенные противъ поповъ и надѣявшіеся извлечь также и для себя выгоды отъ союза съ бюргерами и крестьянами, явились туда и присягнули вмѣстѣ съ отрядомъ. Заступающій мѣсто архіепископа, епископъ Страсбургскій, явился по приглашенію крестьянъ на Вахгольдерское поле и вынужденъ былъ подписать всѣ ихъ требованія.

Точно также, какъ во Франкфуртѣ и Майнцѣ, весною 1525 года движеніе распространилось почти

по всѣмъ городамъ вдоль по Рейну и Мозелю и въ Вестфаліи. Глубокое недовольство городскимъ и сельскимъ управленіемъ создало особенно благопріятную почву для движенія въ Рейнской области. Безпорядки начались въ Поппартѣ, Кобленцѣ, Боннѣ, Трирѣ, Кельнѣ, Везелѣ, Дюссельдорфѣ, Клеве, Мюнстерѣ и другихъ городахъ, и народъ выступилъ за осуществленіе своихъ правъ. Нигдѣ все-таки дѣло не дошло тамъ до серьезнаго и могучаго взрыва.

Отъ Вормса внизъ по Рейну броженіе происходило главнымъ образомъ въ городахъ, а вверхъ по Рейну—наоборотъ. Въ Пфальцѣ—епископствѣ Шпейерѣ, въ верхнемъ и нижнемъ маркграфствѣ Баденѣ повсюду собирались многочисленные отряды крестьянъ. Было захвачено и разграблено, а мѣстами также разрушено, множество монастырей и замковъ. Курфюрстъ пфальцскій, которому удалось уже разъ погасить возстаніе въ Брухрайнѣ подъ предводительствомъ Эйзенгута, заключивъ съ послѣднимъ договоръ, согласно которому объявлялась общая амнистія и созывался ландтагъ для разбора и рѣшенія всѣхъ крестьянскихъ жалобъ, продолжалъ успѣшно дѣйствовать тѣмъ же путемъ по отношенію къ другимъ повстанческимъ отрядамъ своего княжества. У одного только Вохенгейма у Винцингена собралось 8000 человѣкъ, съ которыми ему удалось заключить миръ указаннымъ уже образомъ, и чтобы показать, что намѣренія его искренни, онъ тотчасъ же созвалъ ландтагъ на Троицу въ Гейдельбергѣ и предписалъ всѣмъ владѣльцамъ и должностнымъ лицамъ своего княжества „ни въ чемъ не

отступать отъ договора“. Въ дѣйствительности же все это было сдѣлано только для виду, и онъ рѣшилъ тотчасъ же нарушить договоръ, какъ только это окажется возможнымъ.

Въ епископствѣ Шпейеръ число вооруженныхъ крестьянъ возросло до 5—6000. Богатые монастыри епископства особенно сильно поплатились, крестьяне ходили отъ монастыря къ монастырю и устраивались тамъ въ свое удовольствіе. Такъ какъ въ Шпейерѣ броженіе также было очень сильно и можно было опасаться возстанія, то епископъ счелъ благоразумнымъ явиться по требованію крестьянъ въ ихъ лагерь изъ Гейдельберга, куда раньше онъ бѣжалъ, и заключить съ ними договоръ. Договоръ былъ заключенъ, и чтобы побудить крестьянъ скорѣй отступить, епископъ отправилъ имъ въ лагерь изъ Рейнгаузена 200 мальтеровъ хлѣба, 25 возовъ вина и на 100 флориновъ мяса. Отрядъ разошелся по домамъ, а начальники съ канцеляріей устроились въ Брунзалѣ, чтобы быть подъ рукой въ случаѣ надобности.

Маркграфу Филиппу Баденскому удалось точно также, какъ пфальцграфу и епископу Шпейерскому, потушить возстаніе, вспыхнувшее въ его владѣніяхъ, въ нижней части маркграфства. Двадцать второго мая въ Ренхенѣ состоялся договоръ, по которому крестьяне получаютъ удовлетвореніе своихъ главнѣйшихъ требованій: свободное проповѣдываніе евангелія, отмѣна малой десятины, пониженіе десятины съ сѣна и конопли до одной двадцатой, отмѣна платы за требы, свобода передвиженія, неограни-

ченная свобода брака, свобода охоты, возвратъ общественныхъ владѣній, отмѣна налога въ пользу владѣльца при переходѣ имущества къ наслѣдникамъ и цѣлый рядъ другихъ менѣе важныхъ уступокъ и облегченій. Маркграфъ былъ единственнымъ владѣльцемъ, который не нарушилъ договора съ крестьянами послѣ несчастнаго окончанія войны.

Въ Брейсгау дѣло не обошлось такъ мирно. Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха, который, какъ уже выше указано, отдѣлился отъ герцога Ульриха, рѣшилъ захватить главный городъ Брейсгау, Фрейбургъ, куда бѣжало множество духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ со своимъ имуществомъ, и заставить городъ присоединиться къ евангелическому братству. Подобно другимъ полководцамъ, онъ принуждалъ слѣдовать за собой способныхъ носить оружіе жителей тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходилъ, если они не соглашались добровольно, и его отрядъ поэтому сильно разросся. При походѣ на Фрейбургъ всякій отдѣльный отрядъ считалъ своимъ долгомъ по возможности опорожнить монастыри и дворянскіе замки. Особенно сильно поплатился монастырь св. Власія, извѣстный далеко по всей странѣ своимъ богатствомъ. Гауенштейнцы, подданные этого самого аббатства, провели шесть дней въ монастырѣ и пировали тамъ на славу. Все, что только можно, они унесли затѣмъ съ собой. Оловянныя рамы они употребили для ружейныхъ пуль, а изъ монастырскихъ колоколовъ были отлиты орудійные снаряды.

Одиннадцатаго мая отрядъ Ганса Мюллера тронулся въ путь, а 13 онъ прибылъ въ окрестность

Фрейбурга. Постепенно стекались туда и другіе отряды, образовавшіеся въ верхней части баденскаго маркграфства и въ Брейсгау. Здѣсь находился отрядъ, составившійся въ окрестностяхъ Кайзертуля, между Фрейбургомъ и Рейномъ, а къ нему присоединился также отрядъ мунцингенскаго Фохта. Оба отряда двинулись къ Кенцингену, гдѣ къ нимъ примкнулъ третій, составленный изъ сельскихъ жителей въ Ортенау, подъ начальствомъ Георга Гейда. Всѣ три отряда насчитывали вмѣстѣ 12000 человѣкъ. Четвертый отрядъ образовался въ верхней части маркграфства, въ области Баденвейлеръ; онъ разгромилъ нѣсколько замковъ маркграфа Эрнста, когда тотъ отказался признать 12 статей и бѣжалъ въ Фрейбургъ. Наконецъ, пятый отрядъ образовался у Гохберга и разграбилъ монастырь Тенненбахъ, который впослѣдствіи оцѣнилъ свои убытки въ 30000 гульденовъ.

Семнадцатаго мая всѣ отряды сконцентрировались у Фрейбурга; съ городскихъ башенъ можно было насчитать въ крестьянскомъ лагерѣ двадцать различныхъ знаменъ. Главнокомандующимъ былъ Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха. Пятнадцатаго мая онъ предложилъ городу сдаться, а 16 вторично писалъ и требовалъ присылки въ лагерь для переговоровъ шесть членовъ совѣта и шесть представителей общины, въ противномъ же случаѣ будетъ приступлено къ штурму города.

Такъ какъ совѣтъ не далъ отвѣта, то войско подступило ближе къ городу и такъ тѣсно обложило его, что никто не могъ ни войти, ни выйти. Кресть-

янамъ хитростью удалось овладѣть блокгаузомъ укрѣпленнаго замка передъ городомъ. Въ теченіе ночи они при помощи веревокъ подняли наверхъ орудія, окружили ихъ шанцами и на слѣдующее утро стали очень мѣтко обстрѣливать городъ. Дворянская молодежь попробовала сдѣлать вылазку, но была отбита. Цехи, созванные для защиты города, были ненадежны и совѣту осталось только капитулировать; 23 мая городъ сдался и вступилъ въ крестьянскій союзъ; онъ былъ обложенъ контрибуціей въ 3000 гульденовъ, которую должны были доставить скрывшіеся тамъ дворяне и священники. 24 мая крестьяне отступили уже отъ Фрейбурга; къ нимъ экстренно обратились за помощью ихъ братья въ Верхней Швабіи и у озера.

* * *

Возстаніе въ Брейсгау перекинулось также въ Базель и въ его область. Здѣсь, какъ и во всемъ Обергеймѣ и Эльзасѣ, предиканты разжигали пламя мятежа. 3-го мая значительная толпа крестьянъ изъ деревень, прилегающихъ къ Базелю, подступила къ городу. Желая отклонить бюргеровъ отъ союза съ крестьянами, совѣтъ обратился къ цехамъ съ торжественнымъ обѣщаніемъ дать удовлетворительное рѣшеніе по всѣмъ жалобамъ, поступающимъ на его управленіе. Подъ вліяніемъ угрозъ крестьянъ дѣйствовать силой, совѣтъ счелъ нужнымъ вступить съ ними въ переговоры. Посредниками явились уполномоченные отъ Цюриха, Берна, Люцерна и Золотурна. Большая часть крестьянъ удовлетво-

рилась этимъ и вернулась домой, заручившись обѣщаніемъ отмѣны малой десятины, пошлины на случай смерти, крѣпостного права и дарованія свободы передвиженія, сокращенія барщины и проч. Довольно внушительная толпа базельскихъ крестьянъ во главѣ съ вожаками направилась къ Эльзасу, объятому пламенемъ. Эльзасъ въ тѣ времена состоялъ изъ множества различныхъ владѣній, самымъ могущественнымъ изъ которыхъ было австрійское съ главнымъ городомъ Эйзисхеймомъ. Область Мемпельгардъ принадлежала герцогу Вюртембергскому; большія помѣстья находились во владѣніи епископа Страсбургскаго. Многіе имперскіе города владѣли многочисленными деревнями; кромѣ этого оставалась еще масса владѣній, принадлежащихъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ.

Эльзасскіе крестьяне выработали свои собственныя 12 статей, отличавшіяся отъ требованій крестьянъ по эту сторону Рейна, своимъ лаконизмомъ и большею опредѣленностью. По этимъ статьямъ они требовали: 1) свободу правильнаго толкованія библіи, 2) уничтоженіе большой и малой десятины, 3) уничтоженіе оброковъ и поборовъ; при долгѣ въ 20 фл. должно выплачиваться по гульдену въ годъ, до полнаго его погашенія, 4) свободнаго пользованія водами, 5) свободнаго пользованія лѣсами и дровами, 6) свободной охоты за дичью, 7) уничтоженія крѣпостного права, 8) низложенія князей и правителей, не пользующихся расположеніемъ народа, 9) возстановленія суда и правъ, существовавшихъ въ старину, 10) назначенія хотя бы одного чиновника по усмот-

рѣнію крестьянъ, 11) отмѣны поборовъ на случай смерти, 12) возвращенія альменды, а также луговъ и полей общинамъ.

Возстаніе началось въ Сундгау и въ графствѣ Мемпельгардъ. Сундгауцы получили подкрѣпленіе въ лицѣ 3-хъ тысячъ швейцарцевъ, перешедшихъ границу вопреки запрещенію своихъ городскихъ властей. Въ Энзисхеймѣ господствовала паника. Здѣсь, какъ и вездѣ правительство тоже ощущало нужду въ войскѣ и въ вооруженіи. Городъ этотъ служилъ убѣжищемъ для многихъ дворянъ, монаховъ и монахинь. Ландфогтъ эрцгерцога, нѣкій Рокольштейнъ, растерялся. Крестьяне же легкомысленно отказались отъ своего намѣренія обложить городъ, считая его сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и двинулись къ Сульцу и Гебвейлеру, которые 10-го и 12-го мая были взяты и присоединены къ союзу.

Въ Страсбургскомъ епископствѣ въ аббатствѣ Альтдорфъ уже на пасху собрался отрядъ численностью въ 1100 человѣкъ. Второй отрядъ образовался въ Дампахѣ; третій — въ Эберсхеймѣ — Мюнстерѣ, а четвертый—въ Виллерталѣ. Всѣ они размѣстились по монастырямъ. Жители деревень Миттельмейера, Беблена и Сигольсхейма, собравшись толпой, напали на монастырь Бухсъ. На увѣщеванія фогта Дейхенвейера, крестьяне сказали: „повѣрьте, лучше если это мы сдѣлаемъ, а то придутъ чужіе и сдѣлаютъ то же самое". Это была обычная логика въ продоложеніи всей войны. При ограбленіи любого замка или монастыря можно было съ увѣренностью сказать, что самыми дѣятельными участни-

ками въ этомъ дѣлѣ являлись собственные подданные феодальнаго владѣльца, чего въ сущности и нельзя было ставить въ вину, такъ какъ на ихъ обязанности лежала доставка мѣстныхъ припасовъ и вполнѣ естественно, что они не хотѣли уступить ихъ чужимъ.

Въ Баррѣ собралась также банда. Всѣ перечисленные здѣсь отряды соединились подъ именемъ альтдорфскихъ или нижнихъ отрядовъ. Ради привлеченія возможно большаго числа деревень къ союзу, весь отрядъ былъ раздѣленъ на части. 10-го мая по призыву ихъ главнаго полководца, Эрасмуса Гербера, всѣ отряды сошлись вмѣстѣ, числомъ 14 тысячъ человѣкъ и обложили Беркенъ, который немедленно же сдался.

Въ сильно укрѣпленномъ Раппосльвейлерѣ находился въ то время Ульрихъ фонъ-Раппольштейнъ, тщетно старавшійся успокоить взволнованное населеніе. Бюргеры завладѣли воротами города и такимъ образомъ какъ бы взяли землевладѣльцевъ въ плѣнъ. Комитетъ изъ 150 человѣкъ предъявилъ Ульриху свои жалобы, которыя онъ отослалъ своему отцу. Послѣдній посовѣтовалъ уступить и принять требованія. Но это не успокоило населеніе. Когда 13-го мая часть крестьянъ подошла къ городу, бюргеры несмотря на данное имъ Ульриху фонъ-Раппольштейну обѣщаніе, открыли ворота и впустили крестьянъ въ городъ. Какому-то крупному землевладѣльцу, сидѣвшему въ это время за стаканомъ вина въ одномъ домѣ, начертили мѣломъ на ставнѣ висѣлицу.

14-го мая крестьяне вышли изъ Раппольсвейлера въ Рейхенвейръ, который также немедленно сдался узнавши, что ни Бреттенъ, ни Раппольсвейлеръ не оказали сопротивленія. Эти три города принесли присягу союзу и дали обязательство доставить извѣстное количество людей.

Въ концѣ апрѣля, главный отрядъ, расположенный у Альтдорфа, пошелъ на Страсбургъ, чтобы, застигнувъ врасплохъ, завоевать его. Нѣсколько бюргеровъ готовы были открыть ворота, но предложеніе ихъ было отвергнуто. Отсюда отрядъ въ 20 тысячъ человѣкъ направился къ Эльзасъ-Цаберну, резиденціи страсбургскаго епископа.

Дворяне и духовенство послали депутацію къ герцогу лотарингскому съ предложеніемъ занять городъ, но бюргеры воспротивились этому и 13-го мая открыли ворота крестьянамъ и присягнули союзу.

Между тѣмъ въ это время въ Лотарингіи у Саргемюнда образовался отрядъ въ 4000 человѣкъ; а къ другому большому отряду, стоявшему лагеремъ у Нейбурга около лѣсной дачи Хагенауеръ, присоединился въ качествѣ аванпоста Кольбенскій, а близъ монастыря Штюрцельбруннъ и такъ называемый Бешорненскій и наконецъ у Вейсенбурга къ нему примкнулъ и Клейбургскій. Весь Эльзасъ и часть Лотарингіи представляли громадный крестьянскій лагерь, и страхъ передъ этимъ крестьянскимъ движеніемъ былъ такъ великъ, что являлись даже опасенія за вторженіе крестьянъ во Францію.

Мѣстные феодалы чувствовали себя безсильными

устоять передъ этой могучей крестьянской массой и обратились съ мольбой о помощи къ герцогу Антону Лотарингскому родомъ изъ извѣстнаго дома Гизовъ.

Этотъ кровожадный и мстительный человѣкъ откликнулся на ихъ призывъ; онъ привлекъ къ себѣ 30 тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ феодальныхъ владѣній, во главѣ которыхъ двинулся противъ крестьянъ. Въ составъ его войска входило между прочимъ около 2000 итальянскихъ стрѣлковъ и нѣсколько маленькихъ отрядовъ нидерландскихъ ратниковъ, очень много разбойниковъ изъ Оверни и Бургони, людей способныхъ на какое угодно преступленіе и пользовавшихся дурной славой далеко кругомъ. Наконецъ были еще альбанцы, греческіе—стратіоты и пьемонтцы.

6 мая герцогъ выступилъ изъ Нанси въ Эльзасъ. Какъ только узналъ объ этомъ Эрасмусъ Герберъ, онъ послалъ съ вѣстовымъ письмо герцогу, въ которомъ убѣждалъ его вступить въ евангелическое братство и обѣщалъ за это неприкосновенность его земель. Въ отвѣтъ на это посолъ былъ казненъ за „оскорбленіе величества". Нѣсколько дней спустя крестьяне взяли въ плѣнъ одного изъ его мелкихъ начальниковъ рыцаря фонъ-Браунбаха. Но не причинивъ ему никакого вреда, выпустили за 2000 гульденовъ. Часть лотарингскаго войска направилась изъ Зооргемюндъ. При его приближеніи крестьяне, находившіеся за окопами, отступили. Герцогъ сдѣлалъ перевалъ черезъ Вогезы и пошелъ на Цабернъ. Эрасмусъ Герберъ, несмотря на горькій опытъ, послалъ

второе письмо съ просьбой о свиданіи для переговоровъ. Но герцогъ отклонилъ это предложеніе, усматривая въ немъ политику какъ-нибудь задержать его.

Этому способствовалъ слухъ о приближеніи банды въ 30 тысячъ человѣкъ на помощь Цабернскому отряду, кромѣ того герцогъ былъ уже освѣдомленъ о вступленіи 4000 человѣкъ въ Монфштейнъ.

Противъ нихъ-то онъ и послалъ часть своего полка съ огнестрѣльными орудіями. Загорѣлся бой. Крестьяне проявили много мужества. Чтобы принудить ихъ къ отступленію, герцогъ Гизъ далъ приказъ обстрѣливать обозъ, за которыми крестьяне обнеслись шанцами. И дѣйствительно, они отступили, мужественно оказывая сопротивленіе. Только послѣ долгаго и упорнаго боя конница прорвалась въ деревню. Крестьяне бросились тогда въ церковь и въ дома, но рѣшительно отклонили предложеніе о сдачѣ; послѣ этого по распоряженію непріятельскихъ полководцевъ, деревня была съ четырехъ сторонъ подожжена и всѣ погибли въ пламени. Пытавшіеся же бѣжать были заколоты.

При первой же вѣсти о наступленіи лотарингца, Эрасмусъ Герберъ немедленно обратился ко всѣмъ за помощью. 18 мая призывъ Гербера дошелъ до Вольфа Вагнера, полководца небольшого отряда, расположеннаго у Аммерсвейлера. Часть отряда изъявила готовность немедленно же выступить, но другая часть воспротивилась этому изъ опасенія, что ихъ собственная родина останется безъ защиты и подвергнется опасности. Ударили въ набатъ, и да-

же тѣ, которые готовы были откликнуться на зовъ Гербера, принуждены были теперь остаться. Весь отрядъ, численностью въ 12000 человѣкъ, окружилъ Кайзербергъ, въ то время, какъ братья ихъ испытывали позорное пораженіе.

Нужда въ продовольствіи, боязнь разгрома отдѣльныхъ отрядовъ, благодаря превосходству силъ герцога, наконецъ, упадокъ духа, наступившій въ крестьянскомъ войскѣ послѣ пораженія въ Луперштейнѣ, побудили Гербера вступить въ малодушные переговоры съ герцогомъ объ условіяхъ свободнаго отступленія.

Условія герцога заключались въ требованіи сложенія оружія, въ доставкѣ 100 золожниковъ и возвращеніи крестьянъ на родину. Условія эти были приняты. 17 мая графъ фонъ-Салмъ вошелъ въ городъ и занялъ его. Въ это время вѣстники съ письмами Гербера попали въ руки герцога. Въ этихъ письмахъ онъ убѣждалъ своихъ союзниковъ по ту сторону Рейна, дожидаться его прихода, наготовить оружія, чтобы потомъ двинуться въ Эльзасъ и заново начать борьбу.

Розоблаченія эти явились желаннымъ предлогомъ для герцога къ расторженію договора. Во время прохожденія безоружныхъ крестьянъ мимо выстроенныхъ въ ряды ратниковъ, одинъ изъ нихъ вступилъ въ споръ съ крестьяниномъ. Отъ словъ скоро перешли къ дракѣ, послужившей сигналомъ къ всеобщему нападенію на безоружныхъ.

Крестьяне ринулись въ городъ за своимъ оружіемъ, за ними послѣдовали ратники, къ которымъ

присоединился и гарнизонъ, и началась страшная рѣзня, жертвами которой пали 16—18000 человѣкъ. Городъ былъ разгромленъ лотарингскими бандами, женщины и дѣвушки обезчещены на глазахъ мужей и отцовъ; мужчины частью изувѣчены, частью убиты.

Вѣсть о побѣдѣ лотарингцевъ доставила большую радость Трухзесу. Однако, его совѣтъ стянуть лотарингцевъ по эту сторону Рейна и двинуть ихъ въ Альгау былъ отклоненъ эрцгерцогомъ, но не изъ чувства человѣколюбія, а въ силу вѣскихъ политическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что лотарингцевъ, особенно послѣ одержанной побѣды, не такъ-то легко было вывести вновь изъ родины.

Вѣсть о цабернскомъ пораженіи вызвала раскаяніе къ сожалѣнію слишкомъ поздно, въ отрядѣ стоявшемъ подъ Кайзербергомъ; они всѣ выражали теперь готовность дружно итти на врага. Такъ называемый Ландграбенъ, былъ выбранъ пунктомъ для встрѣчи съ непріятелемъ. Нижне-эльзасцы, вслѣдствіе ли недоразумѣнія, или изъ лишняго усердія прошли черезъ Ландграбенъ до самыхъ окрестностей Шлетуштадта и понятно, что на другой день верхне-эльзасцы не нашли ихъ въ условленномъ мѣстѣ.

Нижне-эльзасцы столкнулись съ лотарингскимъ войскомъ подъ Шегвейлеромъ. Тотчасъ же крестьяне укрѣпились въ прекрасной позиціи и выстроились въ боевомъ порядкѣ, многочисленныя орудія привезенныя съ ними были также хорошо установлены. Но участіе дворянъ въ союзѣ и назначеніе ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полководцами имѣло свое роковое значеніе. Дворяне въ рѣшительную

минуту оказались измѣнниками. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь своею властью полководца, располагали отрядъ такимъ образомъ, что онъ утрачивалъ всѣ преимущества своей позиціи. У верхне-эльзасцевъ измѣна проявилась въ другомъ видѣ. Какъ только они узнали черезъ своихъ пословъ о нападеніи на своихъ братьевъ, они немедленно же поспѣшили къ нимъ черезъ Ландграбенъ на помощь, несмотря на то, что представляли незначительную силу въ 1800 человѣкъ.

Крестьяне на этотъ разъ не поддались на удочку, прискакавшаго Фогта, пытавшагося пустой болтовней какъ-нибудь удержать крестьянъ, напротивъ они разоблачили его и онъ вынужденъ былъ бѣжать, спасая свою жизнь. Когда крестьяне подошли, бой былъ уже во всемъ разгарѣ. Онъ начался съ 7 часовъ вечера. Лотарингцы, незнакомые съ мѣстностью, и видя сильную позицію непріятеля, не рѣшились сначала на наступленіе. Но тутъ пришли имъ на помощь рейхенвейерскій Фогтъ и другіе измѣнники изъ дворянъ и убѣждали ихъ обойти крестьянъ. Всѣ старанія лотарингцевъ взять штурмомъ проходъ Шервейлеръ не увѣнчались успѣхомъ, причемъ подожгли деревню, чтобы освѣтить себѣ бой. Штурмъ былъ дважды отбитъ, несмотря на то, что плохія орудія мало причиняли вреда непріятелю. Въ то время, какъ ландскнехты штурмовали проходъ спереди, непріятельская конница обошла крестьянъ и напала на нихъ съ тылу. Это вызвало страшную панику; въ темнотѣ крестьяне давили другъ друга. Сражаясь они отступили и скрылись за своимъ обо-

зомъ. Итальянцы между тѣмъ пробрались въ лотарингское войско подползли подъ телѣги и приподняли ихъ на своихъ спинахъ въ воздухѣ, указывая такимъ образомъ наступленіе конницы. Послѣ трехчасового упорнаго боя, пораженіе крестьянъ было явно, несмотря на всю проявленную ими ярость. Превосходство силъ непріятеля было уже слишкомъ значительно. На разстояніи сажени другъ отъ друга лежали цѣлыя кучи труповъ крестьянъ. Число убитыхъ простиралось до 5000 человѣкъ, изъ которыхъ было 3000 перебито войскомъ герцога. 2000 крестьянъ удалось таки прорваться. Такимъ образомъ 7000 крестьянъ оказали геройское сопротивленіе 30000 лотарингцамъ и только уже слишкомъ неровное соотношеніе силъ было причиной такого пораженія.

Въ продолженіе всей ночи конница не сходила съ лошадей въ ожиданіи нападенія. Герцогъ, испуганный оказаннымъ ему сопротивленіемъ и громадными потерями, прискакалъ на слѣдующій день, казнивъ предварительно своихъ людей въ цабернскомъ лагерѣ 300 человѣкъ. Только растерянностью крестьянъ послѣ пережитаго пораженія можно объяснить тотъ фактъ, что они не воспользовались возможностью совершить нападеніе на герцога въ вогезскомъ проходѣ и совершенно уничтожить его со всѣмъ его войскомъ. Возможность подобныхъ перспективъ нагнали сильный страхъ на герцога. Упавшіе духомъ вслѣдствіе этихъ страшныхъ неудачъ— верхній Эльзасъ и Сундгау отдали себя во власть австрійскаго правительства въ Энзисхеймѣ. По до-

говору зачинщики предавались безпристрастному суду, а крестьянамъ были гарантированы слабыя наказанія. Но договоръ былъ нарушенъ правительствомъ и начались многочисленныя казни, пытки и висѣлицы. Дворянство, выказавшее сначала такую трусость, теперь обрушилось на крестьянъ всей силой своего гнета. Эти притѣсненія были причиной новаго возстанія въ Сундгау. Швейцарцы въ громадномъ количествѣ примкнули къ этому возстанію и осада Энзисхейма была уже рѣшена, но благодаря вмѣшательству союзниковъ и маркграфа Филиппа Баденскаго былъ заключенъ новый договоръ.

*
* *

Мюнцеръ вернулся въ началѣ марта 1525 г. въ Мюльгаузенъ, куда еще нѣсколькими мѣсяцами ранѣе прибылъ Пфейферъ. Мюнцеръ, выступая теперь въ качествѣ народнаго проповѣдника въ городѣ и и за предѣлами его, разоблачалъ при этомъ самымъ энергичнымъ образомъ князей и дворянъ. Сельское населеніе своими постоянными передвиженіями изъ деревни въ городъ и обратно приходило въ соприкосновеніе съ бюргерствомъ и вызывало въ немъ сильное броженіе. Тщетны были всѣ обращенія совѣта о содѣйствіи къ эрцгерцогу Австрійскому и союзнымъ городамъ Эрфурту, Гослеръ и Нордгау: отвѣтомъ на нихъ были только пустыя обѣщанія и пожиманіе плечъ. 17 марта бюргеры собрались въ полномъ вооруженіи и свергли старый совѣтъ. Его замѣнилъ новый совѣтъ, извѣстный подъ названіемъ „вѣчнаго“, получившій это наименованіе вслѣдствіе

того, что онъ составлялъ единую коллегію въ противоположность старому совѣту, состоявшему изъ 4 смѣнявшихся членовъ. Ни Мюнцеръ, ни Пфейферъ не участвовали въ этомъ новомъ совѣтѣ, хотя производили громадное давленіе на его рѣшенія. Пфейферъ остался проповѣдникомъ при церкви св. Николая, Мюнцеръ при церкви Маріи. Мюнцеръ вмѣстѣ съ молодой женой и ребенкомъ переселился въ Іохониторхофъ и тутъ обосновался. Здѣсь онъ имѣлъ возможность быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками движенія всей Германіи. Это былъ центръ, откуда и куда присылались и отсылались во всѣ стороны съ письмами и порученіями. Мюнцеръ проявлялъ дѣйствительно лихорадочную дѣятельность. Своей ближайшей цѣлью онъ ставилъ организацію, руководство и усиленіе революціоннаго движенія средней Германіи, охватившаго Гессенъ, Тюрингенъ и Саксонію до Эльбы. Отлично понимая, что исходъ зависитъ не только отъ настроенія массъ, но и отъ хорошаго вооруженія, онъ устроилъ при монастырѣ Барфюссенъ въ Мюльгаузенѣ литейную мастерскую огнестрѣльныхъ орудій, гдѣ изготовлялись орудія самыхъ большихъ калибровъ. Пфейферъ между тѣмъ обучалъ крестьянъ военному искусству и дѣлалъ набѣги на помѣстья окрестныхъ феодаловъ и сосѣдніе монастыри.

Положеніе въ средней Германіи обрисовывалось такимъ образомъ. Въ Фульдской области Бухенѣ, въ мѣстности пересѣкаемой отрогами Гарца, покрытой прекрасными буками, откуда она и получила свое названіе, даже въ Гессенѣ въ окрестностяхъ Фаха,

Фридвальда и Херсфельда всего насчитывалось въ различныхъ группахъ 10000 крестьянъ. Въ Фульдскомъ округѣ главнымъ полководцемъ отряда, какъ онъ себя величалъ, былъ Гансъ Дольхонтъ или Дольхоферъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ. Настоятель монастыря Фульда, коадьюторъ Іоаннъ, одинъ изъ сыновей графа фонъ-Хейнеберга, вступилъ въ братство. Бюргеры Фульда примкнули къ крестьянамъ и вмѣстѣ съ ними разрушили, разграбили монастыри въ городѣ, и въ его окрестностяхъ. Банда въ 5000 человѣкъ окружила Херцфельдъ, завоевала и заставила его вступить въ союзъ; а затѣмъ съ подобнымъ же требованіемъ обратилась и ко всѣмъ гессенскимъ городамъ. Филиппъ Гессенскій прислалъ крестьянамъ гонца съ требованіемъ разойтись, но они категорически отказались исполнить это требованіе, и въ свою очередь настаивали на его вступленіи въ братство. Часть Фульдскаго отряда двинулась въ Фахъ на Веррѣ, къ нему примкнули крестьяне изъ мѣстечекъ Сальцутенъ, Брейтенбахъ, Герстунгенъ, Крейцбургъ и окрестностей Эйзенахъ. Этотъ отрядъ въ 8000 человѣкъ, пошелъ вдоль Верри, разрушая и грабя попадавшіеся ему на пути монастыри и замки. У Ихтерсгаузена въ Готскомъ округѣ стоялъ другой отрядъ въ 4000 человѣкъ. Бюргеры Вальтерсхаузена соединились еще на Ѳоминой недѣлѣ съ крестьянами прилегающихъ къ городу деревень, напали и совершенно разрушили богатое аббатство Рейнхордсхорнъ, опустошили семейный склепъ тюрингенскихъ ландграфовъ, и сожгли библіотеку монастыря со всѣми документами. Другой крестьянскій отрядъ

въ 8—9 тысячъ человѣкъ стоялъ у монастыря Ильменъ въ Шварцбурттенѣ.

28 апрѣля 4000 эйхсфальдскихъ крестьянъ подошли къ Эрфурту, принадлежавшему майнцскому архіепископству и потребовали пропускъ, который и былъ имъ данъ, благодаря тому, что часть бюргеровъ перешла на ихъ сторону. Монастырямъ и домамъ священниковъ приходилось плохо, майнцскіе гербы всюду срывались, судъ и таможня были разрушены. Мюнцеръ разослалъ своихъ гонцовъ въ Фойгшландъ, въ округъ Цвикау и въ Рудные Горы и вездѣ старанія его увѣнчались успѣхомъ. У Ольтерлейнъ 1500 крестьянъ и горцевъ совершили набѣгъ на помѣстья грюнхайнскаго аббата. Аннсбергъ былъ взятъ, а замокъ разрушенъ. Другой отрядъ изъ окрестностей Цвикау, напалъ на монастырь Ауэ и совершенно разграбилъ его, уничтоживъ даже церковь. Крестьяне окрестностей Волькенштейна, Маріенберга и Аннсберга составили особый отрядъ, который доставилъ много хлопотъ духовенству и дворянству.

У Геры и Ронненберга собралась банда въ 4000 крестьянъ, другая банда въ 2000 человѣкъ у Сальфельда, и третья въ 3000 у Нейштадта и Посспека. Какъ и всюду эти банды направляли свою дѣятельность противъ помѣстій духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ. Въ кобургскомъ округѣ всего за нѣсколько недѣль было сожжено болѣе 24 монастырей и замковъ.

Вблизи Мюльгаузена, въ графствѣ Гогенштейнъ, шварцбургскомъ, клеттенбургскомъ и мансфельдскомъ округахъ, всюду крестьяне были охвачены возстаніемъ, туда же, гдѣ дѣло не совсѣмъ ладилось,

Мюнцеръ посылалъ своихъ пословъ съ письмомъ и подстрекалъ къ возстанію. Горнымъ жителямъ мансфельдскаго округа, находившимся подъ вліяніемъ своего господина, онъ послалъ со своимъ другомъ письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Не будьте слабы, не льстите болѣе сумасшедшимъ фантазіямъ, безбожнымъ злодѣямъ. Вступайте же впередъ въ борьбу съ дворянами. Давно уже пришла пора. Не позволяйте же своимъ братьямъ издѣваться надъ божескими законами, иначе имъ предстоитъ гибель. Вся Германія, Франція и Швейцарія объята возстаніемъ. Господь поднялъ карающую десницу и злодѣи должны погибнуть. Въ Фульдѣ, они разрушили на Пасхѣ много монастырскихъ (земель) церквей. Въ Клеттгау, въ Хегау, въ Шварцвальдѣ возстали 30000 крестьянъ, и съ каждымъ днемъ увеличивается эта армія, но я очень боюсь какъ бы глупые люди не заключили новогодняго договора, такъ какъ они не понимаютъ еще вреда... *) Только впередъ, впередъ, впередъ... Настало время. Злодѣи пріуныли, какъ собаки. Повліяйте же на своихъ братьевъ, чтобы они дѣйствовали дружнѣе и чтобы оставались вѣрны данной клятвѣ. Чаша переполнена, впередъ, впередъ, впередъ! Есть много, съ чего вамъ нужно брать примѣръ. Впередъ, впередъ, впередъ: настало время. Вальтасакъ и Бартель, Крумъ, Фельтенъ и епископъ, придите скорѣе!

---

*) Этотъ намекъ относится къ договору, о которомъ мы уже упоминали, заключенномъ въ Вейнгартенѣ между верхне-швабскими и алльгаускими крестьянами и Трухзесомъ.

„Это письмо передайте горцамъ. Я бы самъ хотѣлъ внушить братьямъ, чтобы сердца ихъ стали обширнѣе всѣхъ замковъ и орудій безбожныхъ злодѣевъ на землѣ. Впередъ, впередъ, впередъ; огонь еще горячъ. Не давайте мечамъ вашимъ остыть отъ крови; куйте молотомъ наковальню Нимрода, разрушьте его твердыню. Пока они живы вы не избавитесь отъ страха“.

Когда Лютеръ увидѣлъ, что движеніе вокругъ все усиливается, онъ рѣшился самъ выступить. Онъ объѣздилъ Штольбергъ, Нордхейленъ, Эрфуртъ, Веймаръ, Орламюнде, Кала, Іену и другія мѣста, всюду громя „пророковъ призывающихъ къ убійству“.

Но онъ долженъ былъ скоро со страхомъ убѣдиться, что вліяніе его исчезло. Ему пришлось услышать много горькихъ словъ; въ Орламюнде, гдѣ его встрѣчали съ восторгомъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ—теперь его забросали грязью и ему пришлось бѣжать.

Планъ Мюнцера заключался въ томъ, чтобы отложить выступленіе, пока не удастся хорошо вооружиться и перетянуть на свою сторону опытныхъ въ военномъ дѣлѣ горцевъ Мансфельда. Тюрингенскіе, какъ и франконскіе, швабскіе и эльзасскіе крестьяне совершенно не умѣли обращаться съ оружіемъ; нужно было хоть немного обучить ихъ этому. Наконецъ, чувствовался недостатокъ въ порохѣ, и Мюнцеръ послалъ за этимъ въ Нюрнбергъ гонца съ 900 гульденами, но послѣдній въ рѣшительную минуту не явился. Противъ воли пришлось Мюнцеру выступить раньше, чѣмъ онъ

предполагалъ и виной этому былъ Пфейферъ. Послѣднiй находился въ такомъ возбужденiи, что утратилъ способность разсуждать, и при такихъ условiяхъ дальнѣйшее выжиданiе было ему совершенно не въ моготу. Доводы Мюнцера не дѣйствовали на него; Пфейферъ прямо заявилъ ему, что если онъ помѣшаетъ ему выступить, то онъ самъ пойдетъ противъ него. Пфейферъ своей горячностью привлекъ къ себѣ массу приверженцевъ, которые только и ждали момента, чтобъ ринуться на замки и монастыри, уничтожить ихъ и разграбить. Такимъ образомъ Мюнцеръ вынужденъ былъ уступить вопреки своему глубокому убѣжденiю. Пфейферъ пошелъ въ Эйхсфельдъ, гдѣ было очень много монастырей и дворянскихъ помѣстiй и вскорѣ вернулся оттуда съ добычей. Мюнцеръ же съ 400 крестьянами направился въ Лангензальцу, оттуда въ Хейлигенстадтъ, который былъ принятъ имъ въ союзъ, и наконецъ, въ Дудерштадтъ, также примкнувшiй къ союзу. Пфейферъ же между тѣмъ опять двинулся въ обратную сторону, гдѣ завладѣлъ нѣсколькими замками, которые были тутъ же разрушены. Послѣ 12-го мая не было уже ни одного монастыря отъ Гарца до впаденiя Унструтъ въ Заале, который остался бы не тронутымъ крестьянами.

Въ это время двадцатилѣтнiй ландграфъ, Филиппъ Гессенскiй, преданный другъ Лютера и Меланхтона, отправилъ своихъ людей въ Альсфельдъ и оттуда во главѣ прекраснаго войска пошелъ въ Херсфельдъ. При его приближенiи крестьяне отступили къ Фульдѣ. 3-го мая ландграфъ подошелъ къ городу,

крестьяне между тѣмъ расположились лагеремъ на Франценбергѣ. Они приняли оборонительное положеніе, но сильный огонь непріятеля заставилъ ихъ опять отступить въ городъ, гдѣ они оказали храброе сопротивленіе. Однако, разрушенія нѣсколькихъ домовъ, по приказанію ландграфа, было достаточно, чтобы привести въ уныніе бюргеровъ и они поспѣшили открыть ему ворота. Большая часть крестьянъ бѣжала. 1500 человѣкъ бросились въ замковые склепы, гдѣ они были по приказанію ландграфа заперты и оставлены безъ пищи и воды въ продолженіе 2 дней. Только на третій день ихъ освободили, причемъ они такъ проголодались, что вступили въ драку въ замковой кухнѣ изъ-за помоевъ. Ихъ главный полководецъ Гансъ Дольхонтъ и еще нѣсколько вожаковъ были пойманы и казнены, а головы ихъ посажены на колья у воротъ. Остальные, обезсиленные голодомъ отпущены домой. Епископство Фульда приговорено было къ уплатѣ въ 4000 гульденовъ золотомъ контрибуціи и 15000 на военные расходы; всѣ подданные были обложены тяжелымъ денежнымъ штрафомъ и у всѣхъ отобранъ скотъ. Кромѣ того монастырь долженъ былъ признать себя вассаломъ ландграфа.

Ландграфъ, проявившій такую жестокость, получилъ въ исторіи имя „Великодушнаго". Онъ очень любилъ блеснуть и похвастаться своимъ знаніемъ библіи. Очень характеренъ для него и для его друзей Лютера и Меланхтона слѣдующій фактъ. Когда онъ при жизни своей первой жены пожелалъ вступить въ бракъ съ болѣе молодой женщиной и обра-

тился за разрѣшеніемъ на этотъ союзъ, реформаторы не представили никакихъ препятствій *этому двоеженству*. Едва ли даже непогрѣшимый папа обошелся бы болѣе безцеремонно съ законовѣдами евангелія, какъ поступили въ данномъ случаѣ реформаторы. Но правда, религія существуетъ только для народа, богатымъ же классамъ она служитъ только средствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Пораженіе при Фульдѣ опять выставило въ истинномъ свѣтѣ всю ограниченность и недальновидность крестьянъ. Во время разгрома фульдскихъ крестьянъ, на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ часовъ отъ нихъ, на Гогенренъ собрались 4000 человѣкъ, которые даже и не двинулись на помощь своимъ братьямъ; а въ Нейштадтѣ, въ 6—7 миляхъ разстоянія, происходило въ то время совѣщаніе верхнефранкскихъ крестьянъ.

Изъ Фульды ландграфъ отправился въ Эйзенахъ, гдѣ онъ соединился съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, оба сообща взяли городъ и казнили на рыночной площади 24 бюргера и крестьянъ, въ томъ числѣ одного священника. Затѣмъ наступила очередь Лангензальца; здѣсь Георгомъ Саксонскимъ было казнено 41 человѣкъ и наложено 7000 гульденовъ штрафу.

Пораженія въ Фульдѣ, Эйзенахѣ и Лангензальцѣ навели ужасъ на всю Тюрингію. Графу Альбрехту Мансфельдскому удавалось до сихъ поръ съ помощью всевозможныхъ обѣщаній удержать рудокоповъ отъ союза съ Мюнцеромъ, что ставило послѣдняго въ очень затруднительное положеніе. Его

приготовленія были далеко не закончены, чтобы думать объ удачномъ столкновеніи съ такимъ хорошо вооруженнымъ противникомъ. Самъ онъ лично не имѣлъ понятія о военномъ искусствѣ, вдобавокъ въ его распоряженіи не было ни одного знакомаго съ этимъ дѣломъ человѣка, которому можно было поручить руководство. Мюнцеръ заранѣе предвидѣлъ пораженіе, и потому, разумѣется, находился въ сильномъ раздраженіи, которое особенно ярко выступаетъ въ его письмахъ къ графамъ Альбрехту и Эрнсту Мансфельдскимъ, написаннымъ за нѣсколько дней до рѣшительной битвы. Онъ сознательно старался ввести себя въ заблужденіе относительно собственнаго положенія и, отдаваясь порывамъ въ нѣкоторомъ родѣ безумнаго гнѣва, думалъ этимъ увлечь окружающихъ. Одно мѣсто въ письмѣ къ графу Эрнсту подтверждаетъ это: „Подъ гарантіей неприкосновенности личности, ты долженъ предстать передъ нами, чтобы оправдаться отъ обвиненія въ открытой тираніи. Если же ты не явишься, то погибнешь. Если ты не смиришься передъ малымъ, то говорю тебѣ по велѣнію животворящаго Бога, ты будешь свергнутъ данной намъ силой съ своего трона. Ты не нуженъ христіанской церкви — ты являешься только вредной метлой для друзей Бога. О тебѣ и подобныхъ тебѣ Богъ сказалъ, что гнѣздо твое должно быть разорено и уничтожено...“ При данныхъ обстоятельствахъ это былъ языкъ человѣка, старающагося по адресу своего врага замѣнить крѣпкимъ словцомъ недостающую ему реальную силу.

Отрядъ, организованный въ Фахѣ пошелъ на Франкенгаузенъ, туда же отправлены были Мюнцеромъ тѣ силы, которыя ему удалось собрать въ торопяхъ. Такимъ образомъ у него набралось едва 8000 человѣкъ, большей частью плохо вооруженныхъ и недисциплинированныхъ, между тѣмъ надвигающееся войско мощныхъ князей состояло изъ 2600 всадниковъ, 6000 пѣхотинцевъ и соотвѣтствующаго числа орудій, кромѣ того подъ предводительствомъ Іоанна Саксонскаго приближалось болѣе 800 всадниковъ и 2400 пѣхотинцевъ. Эта была сила, съ которой не могъ бы справиться самый хорошо вооруженный и дисциплинированный крестьянскій отрядъ, даже несравненно болѣе сильный, чѣмъ Мюнцерскій.

Мюнцеръ занялъ своимъ отрядомъ высоты у Франкенгаузена, съ тѣхъ поръ получившія названія Шлихтенбергъ, и укрѣпился съ сильнымъ отрядомъ въ глубокихъ окопахъ.

Князья, расположивъ свои войска въ боевомъ порядкѣ, обратились къ крестьянамъ съ требованіемъ выдать вожаковъ во главѣ съ Мюнцеромъ и взамѣнъ этого обѣщали помилованіе. Страшное войско князей вызвало такую панику у большинства крестьянъ, что нѣкоторые готовы были уже согласиться на это требованіе. Нѣсколько дворянъ, по принужденію вступившіе въ отрядъ Мюнцера, старались теперь по мѣрѣ возможности поддержать это настроеніе. Подъ ихъ давленіемъ была послана депутація въ княжескій лагерь съ просьбой о помилованіи всѣхъ безъ исключенія. Князья, успѣвшіе во

время переговоровъ окружить своей конницей весь крестьянскій лагерь, требовали уже теперь сдачи на волю побѣдителя, обѣщая по возможности смягченныя наказанія всѣмъ, за исключеніемъ Мюнцера и его приближенныхъ. Дано было 3 часа на размышленіе. Тогда крестьяне послали вторую депутацію, ходатайствующую о помилованіи и Мюнцера, но князья категорически отклонили эту просьбу и пригрозили немедленнымъ наступленіемъ. Въ результатѣ крестьяне пришли въ такое возбужденіе и колебаніе, что одинъ дворянинъ и одинъ священникъ осмѣлились даже открыто призывать къ измѣнѣ, за что по приказанію Мюнцера оба были немедленно казнены. Тутъ-же Мюнцеръ выступилъ съ горячей рѣчью, чтобы ободрить массу и воодушевить ее къ бою. Въ это время, очень кстати для него, появилась на небѣ радуга, знакъ, который былъ на его знамени и онъ воспользовался этимъ, чтобы указать на нее, какъ на предзнаменованіе Божьей помощи и благоволенія къ крестьянамъ.

Въ это время и ландграфъ Филиппъ ораторствовалъ передъ своими ландскнехтами, уснащая свою рѣчь библейскими текстами. Она заключала въ себѣ очень интересныя мѣста: „*Богъ велитъ почитать начальство и его нужно особенно почитать потому, что оно особенно нуждается въ почитаніи. Оно особенно нуждается въ почитаніи, когда на него клевещутъ или же когда оно само клевещетъ и обязанность подданныхъ помочь правительству нести свой* позоръ съ честью и прикрывать его, какъ сдѣлалъ это Симъ по отношенію къ злому Ною... Что же дѣлаютъ

эти злодѣи? Они не только не стараются замять наши ошибки, но, напротивъ, выводятъ ихъ на чистую воду, и вдобавокъ еще клевещутъ. Это ложь и клевета, что судъ бездѣйствуетъ, что не предпринимается никакихъ мѣръ къ предупрежденію убійствъ и грабежей въ странѣ. Напротивъ, мы сильно озабочены возстановить миръ въ странѣ. Бремя, лежащее на нашихъ поддапныхъ въ видѣ податей и налоговъ, ничтожно въ сравненіи съ трудами и заботами, выпадающими на нашу долю. „Но всякій склоненъ считать свой крестъ самымъ тяжелымъ. Какъ видно и ландграфъ ученикъ Лютера, а что касается его разсужденія, что труды и заботы подданныхъ ничтожны въ сравненіи съ тяжелой долей князей, то оно сильно пополнитъ увѣренія нашихъ буржуа, ежедневно доказывающихъ, что рабочіе ведутъ райскую жизнь въ сравненіи съ ними.

Но еще до истеченія условленнаго трехчасового срока, княжескія войска окружили крестьянскій обозъ и сейчасъ же открыли огонь изъ всѣхъ орудій. Это произвело такую панику среди крестьянъ, что многіе съ перепугу повалились на землю, другіе же такъ оторопѣли что и не знали на что рѣшиться — итти въ бой или бѣжать. Непріятельскому войску не стоило никакого затрудненія прорваться черезъ обозъ и тутъ произошла страшная кровавая бойня. Часть крестьянъ отступила къ Франкенгаузену, часть убѣжала въ сосѣдній лѣсъ, и только незначительная часть приняла оборонительное положеніе и оказала отчаянное сопротивленіе. Княжескіе всадники пустились въ погоню за убѣгавшими въ городъ

крестьянами и въ монастыряхъ, церквахъ и домахъ началась форменная рѣзня. Протекающій въ городѣ ручей сдѣлался совершенно кровавымъ, 5000 крестьянъ были убиты, 300 плѣнныхъ были отведены къ ратушѣ, гдѣ безъ всякаго суда должны были быть казнены. Женщинамъ, хлопотавшимъ о помилованіи ихъ мужей, взятыхъ въ плѣнъ, одинъ всадникъ крикнулъ:—„ваши мужья могли бы быть пощажены, если бы только согласились убить стараго священника вмѣстѣ съ его капелланомъ, находящихся среди нихъ“. Этого было достаточно и несчастныя женщины бросились съ дубинами исполнить это приказаніе. 300 плѣнныхъ за исключеніемъ тѣхъ, за которыхъ хлопотали ихъ жены, были казнены.

Мюнцеръ былъ также въ числѣ бѣжавшихъ въ городъ; здѣсь онъ скрылся на чердакѣ одного дома, гдѣ легъ въ кровать, обвязавъ себѣ голову платкомъ, какъ тяжело больной. Его нашелъ слуга одного рыцаря, также остановившагося въ этомъ самомъ домѣ и на вопросъ его, кто онъ, Мюнцеръ отвѣтилъ: больной человѣкъ, давно страдающій лихорадкой. Къ несчастью слуга нашелъ въ его карманѣ письма графа Альбрехта Мансфельдскаго, и такимъ образомъ личность Мюнцера была установлена и его препроводили къ князьямъ. Здѣсь послѣ цѣлаго ряда издѣвательствъ, онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ отданъ во власть своего смертельнаго врага графа Эрнста Мансфельдскаго, который велѣлъ приковать его къ телѣгѣ и отправилъ въ свой замокъ Хельдрунгенъ, гдѣ заточилъ его въ башнѣ. Здѣсь была повторена пытка, съ цѣлью добиться

отъ него признаній. Но его показанія никому не принесли вреда. Даже изъ своего подземелья онъ нашелъ возможность написать своимъ мюльгаузенскимъ друзьямъ, умоляя ихъ прекратить дальнѣйшее кровопролитіе и сдать городъ. Въ томъ же письмѣ онъ умоляетъ свою жену, отдать, но только „ради Бога“ безвозмездно принадлежащее ей помѣстье и всѣ его книги и одежду. Лютеръ и его приверженцы распускали про Мюнцера слухъ, что онъ присвоилъ себѣ денежную добычу, благодаря чему разбогатѣлъ.

Послѣ пораженія при Франкенгаузенѣ, мюльгаузенцы сейчасъ же обратились по всѣмъ тюрингенскимъ отрядамъ за немедленной помощью. Но крестьяне, поглощенные спорами о второстепенныхъ вопросахъ, не откликнулись на этотъ призывъ, и не пришли на помощь мюльгаузенцамъ; 19-го мая началась осада города. Послѣ первой же бреши большинство бюргеровъ, не видя ни откуда помощи, склонялись къ сдачи. Князья же гарантировали имъ цѣлость города при условіи немедленной сдачи и выдачѣ зачинщиковъ. При такихъ условіяхъ Пфейферу ничего не оставалось—какъ бѣжать. Въ ночь съ 24-го на 25-е мая онъ бѣжалъ въ сопровожденіи 400 человѣкъ, въ надеждѣ прорваться въ Верхнюю Франконію. Это привело въ смущеніе бюргеровъ и они на слѣдующее же утро послали въ княжескій лагерь 600 женщинъ босикомъ въ изорванныхъ одеждахъ и 500 дѣвушекъ съ вѣнками на головѣ ходатайствовать о помилованіи. Князья приняли этихъ челобитчицъ довольно благосклонно, но заявили,

что требуютъ прихода самихъ мужей. Въ полдень того же дня отправились и сами бюргеры босикомъ, съ непокрытыми головами и съ бѣлыми посохами въ рукахъ. Они прибыли въ княжескій лагерь и передали ключи отъ города, причемъ трижды преклонили колѣни передъ князьями. Но князья, какъ видно, иначе понимали великодушіе, чѣмъ бюргеры. Сдѣлавшись господами положенія, они приступили къ репрессіямъ—предали смерти бургомистра и нѣсколькихъ бюргеровъ, обезоружили населеніе, опустошили казначейство, совершенно срыли наружныя укрѣпленія города, и низвели имперскій городъ до положенія города, находящагося подъ покровительствомъ князей. Кромѣ ежегодной контрибуціи въ 300 гульденовъ въ пользу каждаго изъ 7 союзныхъ князей, взыскали еще 4000 гульденовъ золотомъ за причиненное разрушеніе и сверхъ того еще въ возмѣщеніе убытковъ дворянамъ Эйхсфельда и Шварцбурштена. По тѣмъ временамъ это была страшная, невѣроятная кара.

При взятіи города одинъ дворянинъ позволилъ себѣ недостойную безтактность—онъ оскорбилъ жену Мюнцера позорнымъ предложеніемъ. Лютеръ, на свидѣтельство котораго въ данномъ случаѣ можно вполнѣ положиться, пишетъ по этому поводу: „Я узналъ, что въ Мюльгаузенѣ, одинъ дворянинъ изъ знатнаго дома призвалъ къ себѣ бѣдную жену Томаса Мюнцера, оставшуюся теперь вдовой и вдобавокъ беременной, и преклонилъ передъ нее колѣни со словами: „Дорогая женщина, позволь мнѣ наглядѣться на тебя.“ Какой рыцарскій,

какой благородный поступокъ по отношенію къ несчастной покинутой, беременной женщинѣ, вотъ это дѣйствительно смѣлый поступокъ достойный рыцаря".

Мюнцеръ былъ переведенъ изъ башни замка Хельдрунгенъ въ лагерь Мюльгаузена и тутъ же у телѣги, къ которой онъ былъ прикованъ, казненъ въ присутствіи самихъ князей. Даже въ послѣднія его минуты князья сочли умѣстнымъ вызвать его на религіозный диспутъ, ввиду его религіозныхъ воззрѣній. Но Мюнцеръ остался непоколебимъ и спокойно встрѣтилъ смерть. Голова его была посажена на колъ на Шадсбергѣ, а тѣло поднято на колья. Одновременно съ нимъ пала и голова Пфейфера, который въ Эйзенахѣ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ съ 92 союзниками. Голова Пфейфера была насажена на колъ и выставлена на дорогѣ въ Бюльштедтъ. Смерть Мюнцера доставила большое удовлетвореніе Лютеру; такимъ образомъ его ненавистный врагъ былъ, наконецъ, устраненъ

Такъ погибъ въ лицѣ Мюнцера самый смѣлый, самый революціонный дѣятель крестьянской войны. Достигнутые имъ результаты погибли благодаря неподготовленности эпохи, но зерно его идей не умерло, оно продолжаетъ жить и даже на пути къ своему осуществленію.

Ложь и клевета преслѣдовали его и за могилой; Лютеръ и его друзья продолжали обливать его помоями и послѣ его смерти. Имъ-то главнымъ образомъ обязанъ Мюнцеръ репутаціей жалкаго безумца въ глазахъ людей, знающихъ его лишь по имени и

по истеченіи многихъ столѣтій. Смѣшеніе съ грязью памяти борцевъ за свободу народа, людей, всѣмъ пожертвовавшихъ для него, униженіе ихъ, только потому что они не побѣдили, свойственно не только нашему времени, но какъ видно, не чуждо и прошлымъ вѣкомъ. Реакція грязнитъ память людей, которыхъ она имѣла основаніе бояться, а народъ, лишенный правильнаго руководства и по невѣжеству, въ которомъ его искуственно держатъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто вѣритъ своимъ притѣснителямъ и подражаетъ имъ. Судьба Мюнцера, его униженіе, клевета его памяти дало поводъ сказать одному правдивому историку Хаммерсдорферу еще въ прошломъ столѣтіи: „Если бы счастье улыбнулось Мюнцеру, то имя его стояло бы теперь на ряду съ именами Штауффахера и Телля. Счастье измѣнило ему и онъ палъ отъ руки палача. Если бы Лютеру не повезло, то мы, конечно, не видѣли бы его теперь въ томъ ореолѣ, въ которомъ онъ является по крайней мѣрѣ въ глазахъ Европы. *Воистину приходится часто стыдиться званія историка*".

Почувствовавъ за собой силу, князья, какъ это всегда бываетъ, сейчасъ же стали мстить и начался цѣлый рядъ казней. Въ герлирскомъ лагерѣ было казнено 26 человѣкъ, въ Тунгедскомъ—50, въ Сангергаузенѣ—12, а въ Лейпцигѣ—8 казнено, 15 наказаны розгами и изгнаны изъ города и 300 человѣкъ брошено въ тюрьму. Въ Цвикау было также нѣсколько казней. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ хлопоталъ у курфюрста саксонскаго о ихъ помилованіи; *Лютеръ, узнавъ объ этомъ, былъ внѣ се-*

бя. Въ Арнштадтѣ—кромѣ 9 казней 44 человѣка было заключено въ тюрьму; городъ потерялъ всѣ свои вольности и былъ приговоренъ къ уплатѣ 4000 флориновъ, а ближайшія окрестности къ 15000 флориновъ штрафу. Въ Мейссинскомъ округѣ и вдоль Эльбы - населеніе было обложено тяжелымъ денежнымъ штрафомъ, а въ Рудныхъ горахъ—именно въ Аннабергѣ и Грюнхайнѣ по личному усмотрѣнію дворянъ казни чередовались съ висѣлицей, заключеніемъ въ тюрьму, розгами и изгнаніемъ изъ города. У многихъ конфисковались имѣнія, другіе штрафовались большими суммами. То же самое повторялось въ каждомъ городѣ, до котораго только достигала рука побѣдоноснаго князя.

* * *

Вся Франконія какъ къ югу, такъ и къ сѣверу отъ Майнца была охвачена возстаніемъ. Въ серединѣ апрѣля бюргеры Мюнстерштадта и окрестные крестьяне расположились сильнымъ лагеремъ близъ билдхаузенскаго монастыря. *Гансъ Шнабель* изъ Мюнстерштадта и *Гансъ Шааръ* изъ Бурглаура были выбраны полководцами. Въ Ашахѣ и Киссингенѣ сорганизовались меньшие отряды, которые какъ и билдхаузенскій совершали частые набѣги на монастыри.

Епископъ Вюрцбургскій, чувствуя себя не въ безопасности благодаря возстанію, охватившему всю страну, созвалъ съѣздъ князей и дворянъ въ Вюрцбургѣ 6-го апрѣля. Явились не всѣ. Среди отсутствующихъ находился графъ фонъ-Хенненбергъ, наслѣдственный маршалъ соборнаго капи-

тула. Онъ долженъ былъ также пріѣхать въ Вюрцбургъ въ пятницу послѣ Пасхи, но въ назначенный день онъ не явился, несмотря на данныя имъ обѣщанія. На вопросъ какъ ему живется, онъ отвѣтилъ, что страдаетъ отъ безденежья, что никто не хочетъ итти къ нему въ услуженіе, и что сейчасъ очень нуждается въ 4000 гульденовъ. Эта сумма была ему послана епископомъ и она прибыла 27-го апрѣля въ Шлейзингенъ, гдѣ онъ жилъ. Но графа въ это время не было дома, и деньги эти приняла его жена послѣ нѣкотораго колебанія. *Въ это время Хеннебергъ находился въ билхайзерскомъ лагерѣ и велъ переговоры съ крестьянами, а 3-го мая онъ вступилъ въ союзъ.* Но въ данномъ случаѣ имъ руководила не симпатія къ движенію, а эгоистическій расчетъ. Графъ фонъ-Хеннебергъ былъ вассаломъ епископа Вюрцбургскаго и онъ теперь спекулировалъ на его низверженіи, надѣясь съ помощью крестьянъ сдѣлаться независимымъ имперскимъ княземъ. Онъ послѣдовалъ примѣру маркграфа Казиміра фонъ-Аншепаха, эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго и имъ подобныхъ, — онъ постарался использовать крестьянскую революцію для своихъ цѣлей.

Даже въ самомъ Вюрцбургѣ было совершено въ короткое время нѣсколько набѣговъ подъ предводительствомъ *Ганса Берметера* и другихъ; это и побудило епископа запастись провіантомъ и перебраться въ находящуюся за городомъ крѣпость со всѣмъ своимъ капитуломъ и со своими совѣтниками. Посредничество командированнаго имъ посла Ротенхапа и пущенные имъ въ ходъ угрозы не при-

вели ни къ чему. Разгнѣванные бюргеры поспѣшили занять ворота города, завладѣли орудіями и воспользовались съѣстными припасами изъ хорошо набитыхъ погребовъ духовенства.

Перепуганный этимъ епископъ поспѣшилъ созвать на 30-е апрѣля ландтагъ, который долженъ былъ заняться вопросомъ объ уничтоженіи повинностей. 2-го мая онъ самъ прискакалъ въ городъ въ сопровожденіи магистратовъ, совѣтниковъ, сдѣлавъ предварительно всѣ необходимыя распоряженія для защиты Фрауенберга. Всѣ представители власти числомъ 13 были представлены въ ландтагѣ. Епископъ принужденъ былъ привлечь также крестьянъ къ участію въ ландтагѣ, но на его приглашеніе получился слѣдующій отвѣтъ отъ предводителей тауберскаго отряда: некогда заниматься совѣщаніями, отрядъ вскорѣ самъ вступитъ въ Вюрцбургъ. Одновременно съ этимъ и билдхаузенцы получили приказъ итти на Вюрцбургъ. Такимъ образомъ ландтагъ не состоялся. Бюргеры гарантировали епископу неприкосновенность личности для возвращенія въ его замокъ. Когда узнали объ этомъ женщины, онѣ пришли въ ярость и воскликнули: *если бы мы только знали, что наши мужья будутъ настолько глупы, чтобы отпустить епископа въ свой замокъ, мы сами собрались и взяли бы его въ плѣнъ.* 5-го мая епископъ тайно уѣхалъ изъ Фрауенберга, передавъ замокъ съ 244 чел. гарнизона въ распоряженіе Ротенхапа.

Походъ различныхъ отрядовъ на Вюрцбургъ навелъ крестьянъ въ маркграфствѣ Аншпахъ Эйхштадтскаго округа въ окрестностяхъ Нюрнберга на серьез-

ныя размышленія. Въ Эйхштадскомъ округѣ сошлись 5000 крестьянъ, но герцогъ Баварскій очень скоро разсѣялъ ихъ. Маркграфъ же Казиміръ не такъ легко справился съ своими крестьянами. Хитрый и безсовѣстный, онъ и тутъ пустился на хитрость: что бы только какъ-нибудь успокоить крестьянъ, онъ въ ландтагѣ обѣщалъ имъ всевозможныя уступки. Но не всѣ попались на эту удочку. Въ нижнемъ Айшѣ къ сѣверу отъ Швабаха сорганизовался отрядъ въ 3000 человѣкъ, который на пути своемъ, частью разрушилъ, частью сжегъ нѣсколько десятковъ монастырей и усадьбъ. Въ Остховенѣ также сорганизовался отрядъ въ 1500 человѣкъ. Возстаніе охватило также округа Бейрейтъ, Вунзидель и Ховъ. Подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ маркграфъ вступилъ въ мирные переговоры съ руководителями Вюрцбургскаго отряда. Онъ сдѣлалъ видъ, что желаетъ вступить въ союзъ. Такимъ пріемомъ онъ надѣялся скорѣе справиться съ возставшими.

Такую же политику повелъ и Нюрнбергскій Совѣтъ. Расточая во всѣ стороны хорошія слова, онъ поспѣшилъ облегчить главныя повинности бюргеровъ, обѣщалъ и крестьянамъ нѣкоторыя облегченія; такимъ образомъ онъ сумѣлъ предупредить открытое возстаніе.

Въ Бамбергскомъ округѣ крестьяне расправлялись очень энергично съ монастырями и замками. Въ продолженіи недѣли они разрушили однихъ только замковъ не менѣе 70-ти; они не пощадили также ни одного монастыря во всемъ епископствѣ. Въ Бам-

бергскомъ округѣ крестьяне сорганизовались въ 4 различныхъ отряда. Одинъ расположился у Альтенберга близь Бамберга, другой—Гохштетта на Айшѣ, третій у Эберманнстадта и Кирхеренбаха, четвертый у Лихтенфельса на Майнѣ.

„Тауберскій отрядъ“, извѣстный еще подъ названіемъ *„франконскаго войска“* вышелъ 28-го апрѣля изъ Оксенфурта. Съ неслыханной до сихъ поръ суровостью нападали теперь крестьяне на замки и монастыри и уничтожали ихъ. Руководилъ этими нападеніями Флоріанъ Гейеръ. Каждую ночь небо обагрялось заревомъ отъ горящихъ замковъ и монастырей; 6-го мая Флоріанъ Гейеръ вступилъ во главѣ *франконскаго войска* въ Вюрцбургъ. За нимъ послѣдовалъ на другой день *свѣтлый, ясный отрядъ* изъ Некарталя и Оденвальда подъ предводительствомъ Геца фонъ-Берлихингена и Георга Метцлеръ. Изъ Киссингена и его окрестностей также двинулась банда въ 2000 человѣкъ.

Въ тотъ же самый день, когда Флоріанъ Гейеръ и франконское войско подходили къ Вюрцбургу, бильдхаузенскій отрядъ на совѣщаніи въ Нейстадтѣ 6-го мая высказался за походъ на Вюрцбургъ. Мейнингенцы звали его на помощь. Курфюрстъ Саксонскій вышелъ изъ Франкенхаузена и во главѣ своего войска пошелъ на Кобургъ черезъ Эйзенахъ и Мейнингенъ. Въ Кобургѣ съѣхались измѣнившіе епископу Вюрцбургскому дворяне, между которыми былъ и Хеннебергъ. Какъ только до него долетѣла вѣсть о пораженіи крестьянъ, и планамъ его стала угрожать серьезная опасность, этотъ вѣро-

ломный дворянинъ поспѣшилъ перейти на сторону епископа. Но пока что, ему удалось скрыть свою измѣну отъ крестьянъ. Бильдхаузенскій отрядъ изъ 7000 человѣкъ, ничего не предчувствуя, двинулся къ Мейнингену, пославъ впередъ обозъ съ небольшимъ прикрытіемъ, но у Дрейсиганеръ на него врасплохъ напалъ графъ фонъ-Хеннебергъ, забралъ его, причемъ убилъ 40 человѣкъ прикрытія. Тогда отрядъ отступилъ къ Бильдштейнъ, но не успѣлъ онъ еще окопаться, какъ ему пришлось выдержать нападеніе со стороны войска курфюрста. Крестьяне вернулись въ Мейнингенъ, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ и нѣсколько орудій, но трусливые мейнингенцы измѣнили теперь крестьянамъ и вступили въ переговоры съ курфюрстомъ о сдачѣ города. Когда объ этомъ узналъ Гансъ Шнабель, предводитель отряда, онъ рѣшилъ бѣжать. Но благодаря полученному подкрѣпленію, мейнингенцамъ удалось его арестовать и онъ былъ отданъ курфюрсту, который въ свою очередь передалъ его Хеннебергу, а этотъ заключилъ его въ тюрьму. Взятіе въ плѣнъ полководца повлекло за собой распаденіе отряда. Крестьяне бросили на произволъ судьбы орудія и поспѣшили домой. Такимъ образомъ побѣда дворянъ очень облегчилась.

Гарнизонъ Франценберга въ Вюрцбургѣ объявилъ крестьянскимъ главарямъ черезъ посредниковъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ принятія ихъ 12 статей крестьянскихъ требованій, но предварительно проситъ дать ему время для переговоровъ съ епископомъ. Вюрцбургскіе бюргеры и слышать объ

этомъ не хотѣли. Они настаивали на разрушеніи замка и превращеніи своего города въ свободный имперскій городъ. Флоріанъ Гейеръ также стоялъ за разрушеніи замка. Напротивъ, Гецъ фонъ-Берлихингенъ, питавшій личную ненависть противъ епископа Бамбергскаго и противъ нюрнбергцевъ, какъ противъ горожанъ, богатство которыхъ вѣроятно соблазняло его, былъ за принятіе предложенія, что и было сдѣлано, вѣроятно, благодаря ему. Но онъ впрочемъ не настаивалъ на своемъ. Гарнизонъ же нашелъ другой исходъ. Единомысліе, чтобы не сказать соглашеніе между Гецемъ фонъ-Берлихингеномъ и гарнизономъ, было внѣ всякаго сомнѣнія. Находящійся въ крестьянскомъ лагерѣ графъ Вертхеймъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Геца. Съ графомъ Вертхеймомъ и вступилъ въ сношенія владѣтельный въ Фрауенбергѣ соборный протоіерей, добившійся въ концѣ концовъ разъединенія оденвальдскаго отряда отъ франконскаго. Онъ предложилъ главарямъ оденвальдскаго отряда 3000 гульденовъ и полмѣсячную плату каждому крестьянину съ условіемъ оказать защиту крѣпости и этимъ повліять на епископа противъ принятія 12 статей крестьянскихъ требованій. Легкость, съ которой вступили дворяне въ союзъ, доказываетъ какъ мало придавалось ими значенія этой формальности; они разсуждали, и съ своей точки зрѣнія вполнѣ правильно, что вступая въ союзъ, который обезпечивалъ имъ неприкосновенность ихъ собственности, они всегда найдутъ возможность и выступить изъ него. И чѣмъ ихъ было больше, тѣмъ большую опасность представля-

ли они для крестьянскаго движенія. Благодаря и своей внѣшности и соціальному положенію они постоянно пріобрѣтали большое вліяніе, а близкое знакомство съ положеніемъ крестьянскаго войска давало имъ возможность оказывать цѣнныя услуги своимъ товарищамъ по сословію и предательствомъ погубить движеніе. Таковъ былъ и расчетъ Фраценбергскихъ дворянъ.

Попытка къ подкупу вскорѣ дошла до всеобщаго свѣдѣнія и вызвала страшное возмущеніе. Здѣсь-то во всей силѣ обнаружилось несогласіе между Гецомъ фонъ-Берлихингеномъ и Флоріаномъ Гейеромъ и разногласія между двумя предводителями не прошли безслѣдно и для крестьянъ. Во избѣжаніе бунта въ крестьянскомъ войскѣ, Гецъ и его сторонники должны были отклонить повторенное предложеніе Фраценбергскаго гарнизона.

Крестьяне между тѣмъ укрѣпились за окопами на Никласбергѣ напротивъ Фрауенберга и 14-го мая открыли огонь. Но разстояніе оказалось слишкомъ большимъ, а орудія недальнобойными и недостаточно тяжелыми, чтобы принести существенный вредъ замку. Онъ болѣе пострадалъ отъ обстрѣливанія изъ города съ башенъ Блейентурнъ и изъ августинскаго монастыря; но за то въ свою очередь и находившіеся въ замкѣ имѣли возможность свободно обстрѣливать городъ.

Вечеромъ 15-го мая между 9—10 часами кучка крестьянъ, съ топорами, веревками и т. подобными всякаго рода разрушительными снарядами напала на замокъ и, не сдѣлавъ еще ни одной бреши, рѣши-

лась взять его штурмомъ. Самое дѣятельное участіе принимали въ этой атакѣ люди изъ чернаго отряда Флоріана Гейера. Произошелъ страшный бой. Осажденные обсыпали съ замка нападавшихъ паклею, пропитанной смолой и сѣрой, метательными снарядами, начиненными порохомъ и камнями и обстрѣливали ихъ со всѣхъ сторонъ. Штурмъ былъ отбитъ. Второй штурмъ былъ также неудаченъ. Къ двумъ часамъ ночи все уже было кончено. Въ замковыхъ склепахъ и въ шанцахъ лежало 400 убитыхъ или тяжело раненыхъ, лежащіе за шанцами поволокли за собой штурмовавшихъ. На другое утро явились изъ лагеря гонцы съ предложеніемъ перемирія до 2-хъ часовъ пополудня, чтобы извлечь раненыхъ изъ глубокихъ ямъ и похоронить убитыхъ. Гарнизонъ же требовалъ перемирія до полуночи съ условіемъ, чтобы крестьяне не подходили близко къ замковымъ склепамъ. Но условія эти были отклонены и такимъ образомъ раненые обрекались на страшное страданіе и смерть.

Штурмъ такого крѣпкаго замка, до пробитія бреши, былъ безуміемъ и кончился такъ, какъ долженъ былъ кончиться. На комъ лежитъ отвѣтственность? Исторія умалчиваетъ объ этомъ. Но *фактъ тотъ, что Флоріанъ Гейеръ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ.* Онъ напротивъ, понимая невозможность справиться съ замкомъ безъ тяжелыхъ орудій, предложилъ послать въ Ротенбургъ за двумя прекрасными орудіями этого города. Порученіе это возложено было на самого Флоріана и старосту Оксенфурта. Вернулись они не только съ орудіями

и со всѣми необходимыми снарядами, но съ подкрѣпленіемъ въ 600 человѣкъ. Въ отсутствіе Флоріана Гейера и начался этотъ безсмысленный штурмъ, дѣятельными участниками котораго явились его собственные люди. Гецъ находился во главѣ отрядовъ подъ Вюрцбургомъ; безъ его согласія этотъ штурмъ не могъ состояться и, какъ опытный въ войнѣ человѣкъ, онъ отлично понималъ его безполезность, но въ виду его извѣстной симпатіи къ фраценбергцамъ, вполнѣ понятно, что онъ счелъ лишнимъ помѣшать. Напротивъ же, при извѣстныхъ шансахъ на успѣхъ, въ его интересахъ было бы не допустить штурма. Фактъ тотъ, что это не случилось и что штурмъ произошелъ въ отсутствіе Флоріана Гейера, что его люди, лучшіе во всемъ войскѣ были посланы на это дѣло, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что поступками Геца руководило чувство мести къ Гейеру и желаніе подавить крестьянское движеніе. Онъ расчитывалъ на гибель чернаго отряда во время штурма и на панику въ крестьянскомъ лагерѣ вслѣдствіе тяжелыхъ потерь, чтобы доказать свою правоту, когда онъ утверждалъ, что осада Фраценберга—безуміе, что цѣлесообразнѣе было бы принять условія гарнизона и итти затѣмъ на Нюрнбергъ и Бамбергъ. Но для приведенія этого плана, нужно было предварительно удалить Флоріана Гейера, и этого удалось достигнуть, отославъ его въ Ротенбургъ.

На другой день послѣ штурма 16-го мая вернулся въ лагерь Флоріанъ Гейеръ съ орудіями и съ 600 ротенбургцами. Ему устроили здѣсь очень восторженную встрѣчу. 18-го числа орудія были уже

установлены и вскорѣ большая часть стѣны была выбита. Но въ это время прибылъ изъ Гейльброна Вендель Гиплеръ съ очень печальными извѣстіями и весь планъ долженъ былъ измѣниться.

* * *

Еще во время похода на Вюрцбургъ аморбахскій отрядъ принялъ рѣшеніе созвать съѣздъ депутатовъ отъ всѣхъ крестьянскихъ отрядовъ для обсужденія „имперской реформы". Еще до достиженія какихъ-либо реальныхъ успѣховъ задавались такими планами. Гейльброннъ, мѣстожительство Ганса Берле, былъ избранъ мѣстомъ для съѣзда. Вендель Гиплеръ, Лохеръ изъ Рюльсхейма и Гансъ Шикнеръ изъ Вейсленбурга составили „ученый крестьянскій комитетъ", который долженъ былъ заняться выработкой „писанной конституціи". Курмайнцкій келлеръ Вейгандъ въ Милтенбергѣ доставилъ массу цѣннаго матеріала—онъ прислалъ цѣлыя груды документовъ съ проектами. Кромѣ того комитетъ былъ заваленъ массой вопросовъ со стороны крестьянскихъ вожаковъ объ организаціи войска, веденіи войны, составѣ отрядовъ и т. д., на которые нужно было дать отвѣтъ. Игнорируя всѣ происходящія вокругъ событія, крестьянскій комитетъ приступилъ къ составленію проекта имперской реформы, которая заключила въ себѣ 14 пунктовъ:

1) Преобразованіе духовнаго сословія, какъ высшаго, такъ и низшаго званія, при оставленіи ему необходимыхъ средствъ къ существованію; всѣ помѣстья духовенства конфискуются въ общую пользу.

2) Преобразованія феодальнаго сословія, съ цѣлью лишить его возможности свыше мѣры, прикрываясь христіанской свободой, эксплоатировать бѣдняковъ. Одинаковыя права какъ для высшихъ, такъ и для низшихъ сословій. Князья и дворяне обязаны защищать бѣдняковъ и оказывать имъ братскую помощь, довольствуясь скромными доходами отъ нихъ.

3) Преобразованія всѣхъ городовъ и общинъ согласно божескому и естественному праву и христіанской свободѣ. Всѣ земельные оброки должны подлежать выкупу.

4) Доктора римскаго права не имѣють права засѣдать въ судѣ или княжескомъ совѣтѣ. Въ каждомъ университетѣ допускаются только 3 доктора имперскаго права.

5) Духовные лица, высшаго или низшаго ранга не имѣютъ права засѣдать въ имперскомъ совѣтѣ или отправлять обязанность судьи по назначенію князей или общинъ; они не имѣютъ права занимать свѣтскихъ должностей.

6) До сихъ поръ дѣйствующее свѣтское право— отмѣняется; остается въ силѣ только божеское и естественное право, по которому богатый и бѣдный равенъ. Въ государствѣ учреждается 64 свободныхъ судилища, 16 земскихъ судовъ, 6 надворныхъ судовъ, 1 имперскій высшій судъ, который долженъ составляться изъ засѣдателей отъ всѣхъ 4 сословій, но такимъ образомъ, чтобы народъ былъ представленъ на 4 голоса болѣе остальныхъ сословій.

7) Уничтоженіе всѣхъ пошлинъ и конвойныхъ де-

негъ за исключенiемъ налоговъ съ мостовъ, дорогъ и тропинокъ.

8) Всѣ дороги свободны. Акцизы отмѣняются.

9) Одинъ только налогъ—имперскiй налогъ, который взимается одинъ разъ черезъ каждыя 10 лѣтъ.

10) Одинъ образецъ монетъ въ государствѣ.

11) Одинаковая мѣра и вѣсъ въ государствѣ.

12) Ограниченiе процентовъ въ большихъ банкирскихъ домахъ.

13) Право выхода дворянамъ изъ духовнаго феодальнаго союза.

14) Уничтоженiе всѣхъ союзовъ князей, дворянъ и городовъ: король единый защитникъ и заступникъ.

Это не было, конечно, республиканская конституцiя, за которую боролись Мюнцеръ и Флорiанъ Гейеръ. Князья, дворяне и духовенство теряли свои привилегiи—доходы и независимость—съ собственнаго согласiя. Многiе крестьяне оказались умнѣе ученыхъ господъ полагая: „Нельзя надѣть на волка овечью шкуру. Природа препятствуетъ соединенiю коршуна съ голубкой". Это и теперь неоспоримая истина, которую многiе не хотятъ понять, хотя съ тѣхъ поръ прошло 350 лѣтъ.

Но какъ разъ во время совѣщанiй съѣзда въ Гейльброннѣ пришла печальная вѣсть о страшномъ разгромѣ вюртембергскаго отряда у Боблинга. Ее привезъ одинъ бѣжавшiй полководецъ. Вендель Гиплеръ и другiе участники совѣщанiя немедленно же вскочили на своихъ коней, проявивъ при этомъ такую поспѣшность, что забыли даже сѣдла. Они бѣжали

въ Вейнсбергъ. Отсюда же Гиплеръ далъ знать въ Вюрцбургъ, а затѣмъ въ Орингенъ, въ Яксталь, Кохерталь и во всѣ окрестныя мѣстечки, требуя немедленной помощи. Онъ также обратился къ графу фонъ-Гогенлоэ съ просьбой доставить ему скорѣе орудія и военные снаряды. Но графъ не исполнилъ его просьбы, такъ какъ уже было понятно, съ какой стороны подулъ вѣтеръ. Изъ Вейнсберга Гиплеръ поѣхалъ въ Лайфенъ, предполагая устроить тамъ сборный пунктъ для разбитаго вюртембергскаго отряда и свѣжихъ подкрѣпленій, но въ концѣ концовъ пришлось остановиться на Вейнсбергѣ, такъ какъ выяснилось, что города во главѣ съ Гейльбронномъ уже принесли повинную Трухзесу. Получивъ точныя извѣстія о пораженіи подъ Боблингомъ, комитетъ немедленно же командировалъ Ганса Берле, такъ недавно еще засѣдавшаго въ этомъ комитетѣ въ сопровожденіи съ другимъ засѣдателемъ къ Трухзесу для переговоровъ. Вотъ новое доказательство, что либерально-буржуазная безпринципность не есть явленіе не только новѣйшаго времени. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія въ Вейнсбергѣ, Гиплеръ уѣхалъ въ Вюрцбургъ, надѣясь найти тамъ подкрѣпленіе. Пріѣхалъ онъ сюда, какъ было уже сказано, 18-го мая.

* * *

Мы разстались съ Трухзесомъ въ тотъ моментъ, когда онъ по заключенію вейнгартенскаго договора съ верхне-швабцами и озернымъ отрядомъ собрался двинуться противъ герцога Ульриха; но вслѣдствіе

полученныхъ вѣстей отъ швабскаго союза въ Ульмѣ, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и немедленно же пошелъ въ вюртембергскій округъ, гдѣ, какъ намъ извѣстно, стоялъ лагеремъ у Нюртингена Маттернъ Фейербахеръ во главѣ „яснаго христіанскаго отряда", и энергично хлопоталъ о подкрѣпленіи.

Трухзесъ форсированнымъ маршемъ пошелъ въ вюртембергскій округъ и расположился у вурмлингерской горы между Ротгенбургомъ и Тюбингеномъ. Здѣсь его задержалъ цѣлыхъ три дня бунтъ среди ландскнехтовъ. Задержка ихъ мѣсячнаго жалованья въ связи съ послѣднимъ походомъ форсированнымъ маршемъ озлобила ихъ. Вюртембергскій отрядъ между тѣмъ двинулся изъ Нюртингена въ Герренбургъ черезъ Денрлохъ. Среди вожаковъ былъ разладъ. Маттернъ Фейербахеръ, который никогда не былъ всецѣло преданъ дѣлу и чувствовалъ большое тяготеніе къ дворянамъ, настаивалъ какъ и Теусъ Гербергъ на необходимости вступленія въ переговоры съ Трухзесомъ, послѣдній же подъ давленіемъ бунта своихъ ландскнехтовъ и самъ не прочь былъ отъ этого. Но благодаря энергичному протесту Ганса Вундерера фонъ-Штонсбергъ переговоры не состоялись. Вундереръ перевелъ отрядъ на Герренбергъ, чтобы облегчить себѣ соединеніе съ шварцвальдцами. Къ нему примкнули также здѣсь вюртембергскіе шварцвальдцы съ Томасомъ Мейеромъ во главѣ. Герренбергъ, не хотѣвшій сдаться крестьянамъ, былъ взятъ послѣ 6-ти часоваго боя. Узнавъ о штурмѣ Герренберга, Трухзесъ пошелъ 9-го мая съ большими силами навстрѣчу крестья-

намъ. Вечеромъ явился въ лагерь посолъ отъ крестьянъ съ извѣщеніемъ о назначенномъ на слѣдующіи день сраженіи; но на другой день — крестьяне исчезли. Оказалось, что они прибѣгли къ этой хитрости, чтобы облегчить себѣ отступленіе и получить возможность дождаться подкрѣпленія. Трухзесъ пошелъ въ Вейль въ Шенбузи, предавая на своемъ пути все огню и мечу.

Во время отступленія крестьяне подняли въ Боблингенѣ вопросъ о допущеніи въ союзъ герцога Ульриха, и большинствомъ голосовъ высказались утвердительно. Маттернъ Фейербахеръ настаивалъ на вступленіи въ переговоры съ Трухзесомъ и на принятіи предложенія созвать ландтагъ. Но онъ встрѣтилъ сильный отпоръ и былъ даже объявленъ измѣнникомъ и временно отстраненъ отъ своихъ обязанностей. Въ концѣ концовъ большинствомъ голосовъ рѣшили послать депутацію къ Трухзесу. Въ нее вошли: Теусъ Герберъ, Томасъ Майеръ и 4 бургомистра. Трухзесъ не уклонялся отъ переговоровъ несмотря на то, что располагалъ силой въ 2500 всадниковъ, 8 - 10000 пѣхотинцевъ и прекрасной артиллеріей, а крестьянское войско, хотя достигавшее 15 тысячъ человѣкъ, имѣло очень мало орудій и почти совсѣмъ не имѣло конницы. Планъ его былъ все тотъ же — успокоивъ сначала крестьянъ, подавить ихъ затѣмъ, и планъ этотъ вполнѣ удался, благодаря предательству.

12-го мая въ 7 часовъ утра, отряды должны были собраться для обсужденія условій соглашенія. Но утромъ, когда крестьяне явились, они вдругъ уви·

дѣли надвигающуюся на нихъ конницу. Немедленно выстроившись въ боевомъ порядкѣ, они заняли хорошія позиціи, несмотря на всю неожиданность нападенія. Борьба продолжалась съ успѣхомъ болѣе двухъ часовъ, пока предательская сдача Боблингена, который служилъ опорнымъ пунктомъ первой боевой линіи крестьянъ, не рѣшила ихъ участи. Фогтъ Боблингена впустилъ въ городъ Трухзеса съ частью войска, а непріятельская конница, воспользовавшись произведеннымъ этимъ замѣшательствомъ, напала на нихъ съ двухъ сторонъ. Крестьянское войско было прорвано и обратилось въ дикое бѣгство. И здѣсь какъ и въ другихъ лагеряхъ произошла также страшная рѣзня. Показанія количества убитыхъ очень расходятся между собой, число убитыхъ достигало по меньшей мѣрѣ 4—5000 человѣкъ. Въ самомъ разгарѣ бѣгства показался вдругъ вдали герцогъ Ульрихъ во главѣ конницы и банды крестьянъ. Но пораженіе вюртембергцевъ заставило его повернуть назадъ.

Негодованіе крестьянъ и бюргеровъ противъ измѣнника—боблингскаго Фогта достигло такихъ размѣровъ, что онъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ въ Пфорцеймъ. Томасъ Майеръ былъ захваченъ въ плѣнъ и казненъ въ Тюбингенѣ; Маттернъ Фейербахеръ былъ пойманъ въ Роттвеймѣ, но не выданъ. Раненому Теусу Герберу удалось бѣжать. Нѣсколько сотъ скомпрометированныхъ бѣжали въ Швейцарію и въ Страсбургскій округъ. Но зато Трухзесъ захватилъ въ плѣнъ одного человѣка, на которомъ онъ и его рыцари выместили всего свою

злобу. Это былъ Мельхіоръ Нонненбергъ, который позволилъ себѣ играть на рожкѣ въ то время, когда прогоняли сквозь строй графа Гельфенштейна въ Вейнсбергѣ.

Въ Зидельфингенѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Его отвели къ дворянамъ, а затѣмъ приковали желѣзной цѣпью къ дереву такимъ образомъ, что онъ не могъ ступить и двухъ шаговъ. Кругомъ него развели костеръ, на который самъ Трухзесъ и его рыцари спилили дрова, его зажгли, и господа, смѣясь, смотрѣли, какъ „свистунъ", крича отъ боли, бѣгаетъ все быстрѣе вокругъ дерева, пока наконецъ онъ медленно не изжарился и не упалъ мертвымъ.

Та же самая жестокая игра повторилась нѣсколько дней спустя въ Некаргартахѣ надъ Еклейномъ Рорбахомъ. Послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ Фогтомъ Асперга во время своего переѣзда изъ вюртембергскаго отряда въ Цабергау и въ окрестности Асперга, гдѣ онъ надѣялся получить подкрѣпленіе. Онъ былъ выданъ Трухзесу и 20-го мая такимъ же образомъ какъ свистунъ, привязанъ цѣпью къ дереву и медленно изжаренъ. Барабанъ и свистъ раздавались кругомъ него, а „благородные" забавлялись.

21-го мая Трухзесъ пошелъ на Вейнсбергъ. Женщины, дѣти и старики были насильно вытащены изъ города, а городъ со всѣмъ добромъ и скотомъ обывателей зажженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и сгорѣлъ на глазахъ несчастныхъ жителей. Той же участи подверглись многія мѣстечки въ долинѣ Вейнсберга.

Побѣда Трухзеса придала нежданно опять муже-

ства всѣмъ крупнымъ и мелкимъ дворянамъ, которые до того времени заигрывали съ крестьянами и старались поддерживать съ ними хорошія отношенія; они мстили теперь за испытанный страхъ и униженіе. Пфальцграфъ, надававшій съ три короба всевозможныхъ обѣщаній своимъ крестьянамъ, въ то же время въ тиши энергично вооружался. Но такъ какъ онъ былъ прежде всего вѣрующимъ лютераниномъ, то нашелъ вполнѣ умѣстнымъ заручиться предварительно отпущеніехъ грѣховъ и обратился за благословеніемъ на дальнѣйшую дѣятельность къ Меланхтону, повѣдавъ ему свое горе. Вотъ что отвѣтилъ ему на это христіанскій реформаторъ: *„Было бы хорошо, если бы такой дикій, некультурный народъ, какъ германцы, имѣлъ бы еще меньше свободы, чѣмъ имѣетъ; правительство въ правѣ поступать такъ, какъ поступаетъ и когда оно отнимаетъ общинныя земли и лѣса, то никто не долженъ этому противиться;* когда оно беретъ десятинный налогъ съ церкви и передаетъ его другимъ, то и этому нѣмцы должны подчиниться, подобно евреямъ, которыхъ принуждали отдавать свои храмовыя богатства римлянамъ. *То, что крестьяне сбросили съ себя крѣпостное право и не хотятъ болѣе платить существовавшія до сихъ поръ подати большой грѣхъ. Это такой невоспитанный, дерзкій, кровожадный народъ, что нужно его еще крѣпче держать въ рукахъ*".

Эта проповѣдь имѣла успѣхъ: 23-го мая пфальцграфъ съ 1800 всадниками и 4500 человѣкъ пѣхоты вторгся въ Брухрайнъ, напалъ на Мальшь, главное гнѣздо повстанцевъ, и сжегъ его до тла. Всѣ де-

ревни были разграблены и скотъ угнанъ. Въ замкѣ Кисслау — 4 крестьянина обезглавлены, Брухзаль — взятъ и 70 бюргеровъ заключены въ тюрьму. Антонъ Эйзенгутъ, съ которымъ незадолго передъ этимъ былъ торжественно заключенъ договоръ, былъ взятъ со многими другими въ плѣнъ и казненъ. Брухрайнъ обложенъ штрафомъ въ 4000 флориновъ. Затѣмъ пфальцграфъ двинулся на помощь Трухзесу для совершеній такихъ же подвиговъ въ духѣ Меланхтона.

***

По пріѣздѣ въ Вюрцбургъ, Гиплеръ приложилъ всѣ усилія уладить крупныя разногласія между двумя партіями въ крестьянскомъ войскѣ съ цѣлью объединенія ихъ для скорѣйшаго совмѣстнаго выступленія. Послѣ долгихъ совѣщаній, продолжавшихся нѣсколько дней, было принято, наконецъ, рѣшеніе выступить съ войскомъ къ Краутхейму и укрѣпиться здѣсь сильнымъ лагеремъ, оставивъ въ Вюрцбургѣ только 4000 человѣкъ.

23-го мая выступилъ въ Вюрцбургъ „свѣтлый, ясный отрядъ“ въ количествѣ 7000 человѣкъ подъ предводительствомъ Геца фонъ-Берлихингена и Георга Метцлера. Флоріанъ Гейеръ обѣщалъ по первому же клику примкнуть къ нимъ со своими франконцами.

Деморализація въ оденвальдскомъ отрядѣ стала сказываться, чувствовалось недовѣріе къ себѣ и также къ вожакамъ. Пораженіе братьевъ дѣйствовало также на многихъ угнетающимъ образомъ, такъ

что часть отряда очень охотно откликнулась на требованія своихъ же вернуться домой и откололась. Ночью 24-го мая прибылъ въ Краутхеймъ „свѣтлый, ясный отрядъ", но тотчасъ же выступилъ по полученія извѣстія о приближеніи Трухзеса. Предводители разослали курьеровъ во всѣ концы, въ франконскія села, къ Хегауцамъ, къ герцогу *Ульриху*, даже по ту сторону Рейна въ Пфальцъ и Эльзасъ. Часть войска укрѣпилась въ Некарсульмѣ, расчитывая здѣсь встрѣтиться съ Трухзесомъ и удержать его до прихода ожидаемыхъ подкрѣпленій. Другая же часть отряда, подъ предводительствомъ Геца фонъ-Берлихингена, *была самымъ предательскимъ образомъ отведена фланговымъ маршемъ въ Левенштейнъ, и оттуда обратно въ Эрингенъ; такимъ образомъ, отрядъ разошелся съ 5000 франконцами, шедшими къ нему на подкрѣпленіе; послѣ этого Гецъ бѣжалъ въ сопровожденіи 10 человѣкъ, бросивъ на произволъ судьбы заблудившихся.*

Трухзесъ, освѣдомленный о положеніи дѣлъ измѣнникомъ Гецомъ фонъ-Берлихингеномъ, поспѣшилъ въ Некарсульмъ, надѣясь найти городъ пустымъ. Но онъ ошибся. Начался бой, длившійся 5 часовъ. Трухзесъ сдѣлалъ попытку взять городъ штурмомъ. Штурмъ былъ отбитъ. Только наступившая ночь заставила прекратить бой. Ночью подошли 5000 франконцевъ съ цѣлью нападенія на войско Трухзеса. Но разбросанные на далекое пространство сторожевые огни непріятельскаго войска, ввели ихъ въ заблужденіе относительно непріятельскихъ силъ, и франконцы не осмѣлились итти въ

атаку. Когда же на другое утро находившіеся въ Некарсульмѣ не увидали ожидаемаго подкрѣпленія, они капитулировали. Значительной части удалось прорваться; изъ взятыхъ въ плѣнъ — 60 человѣкъ, отличавшихся главнымъ образомъ въ Вейнсбергѣ, были попарно связаны веревками и 13 изъ нихъ тутъ же казнены, а остальные на другой день. Бекингенъ, Соптхейма и Кирхайзенъ—были преданы огню, а люди, спасавшіеся изъ сгорѣвшихъ домовъ, заколоты. Орингенъ былъ обложенъ штрафомъ въ 2000 гульденовъ, а домъ Клауса Сальва, служившій въ началѣ мѣстомъ сборища заговорщиковъ, былъ разрушенъ и нѣсколько бюргеровъ и крестьянъ—казнены. То же самое повторялось по всему пути Трухзеса— сожженныя деревни и валявшіеся на большихъ дорогахъ трупы указывали пройденный его войскомъ путь.

Трухзесъ двинулся на Мекмюль съ цѣлью перерѣзать путь на Вюрцбургъ „свѣтлому отряду". Но Гиплеръ и Метцлеръ опередили его и заняли Кенигсгофенъ на Тауберѣ. 2-го іюня въ 4 часа пополудни, во время обѣда крестьянъ, явился вдругъ совершенно неожиданно Трухзесъ. Крестьяне числомъ въ 8 тысячъ человѣкъ съ 33 орудіями поспѣшно схватились за оружіе и заняли высоты надъ Кенигсгофенъ. Начался бой, но орудія въ рукахъ подкупленныхъ артиллеристовъ такъ скверно дѣйствовали, что конницѣ удалось пробраться до самыхъ высотъ, занятыхъ крестьянами, и въ удобномъ мѣстѣ напасть на нихъ. Вторженіе конницы „гибель крестьянъ" произвело такое смятеніе, что отрядъ разсѣялся,

2—3000 человѣкъ добѣжали до густого лѣса и, укрѣпившись здѣсь, причинили много вреда непріятелю. Между тѣмъ непріятельская конница окружила лѣсъ и туда сейчасъ же проникли 1500 стрѣлковъ, убивая и избивая рѣшительно всѣхъ, попадавшихся имъ подъ руку. Всякаго убѣгавшаго изъ лѣсу крестьянина, рыцари разрубали на куски. 500 плѣнныхъ были по приказу кровожаднаго Трухзеса, *вопреки военному праву, зарублены.*

***

Франконцы между тѣмъ продолжали осаду Фрауенберга, но безъ всякихъ результатовъ. Значительная часть крестьянъ была въ отпуску на полевыхъ работахъ, а оставшіеся въ большинствѣ случаевъ никуда не годились. Продолжительная бездѣятельная осада крѣпости дѣйствовала деморализирующимъ образомъ. Къ довершенію всѣхъ золъ бамбергскіе крестьяне позволили своему епископу одурачить себя и заключили 27-го мая договоръ, вслѣдствіе котораго 10 тысячъ человѣкъ покинули ряды возставшихъ. Въ концѣ мая въ Швейнфуртѣ открылся ландтагъ франконскихъ городовъ, засѣданія котораго проходили очень вяло. Сюда явился Флоріанъ Гейеръ въ качествѣ уполномоченнаго отъ франконскаго войска. Онъ былъ избранъ посломъ къ маркграфу Казиміру, для привлеченія его въ евангелическое братство; какъ видно, хитрый Гогенцоллернъ умѣлъ овладѣть всеобщимъ довѣріемъ. По дорогѣ къ маркграфу, Флоріанъ Гейеръ узналъ о пораженіи у Кенигсгофена и о приказѣ вернуться. Отрядъ осаждающей арміи, числомъ

въ 4 тысячи человѣкъ, командованіе которымъ должно было перейти къ Флоріану Гейеру, отправился изъ Вюрцбурга на Фридрихсфельдъ. Благодаря предательству. гарнизонъ Фрауенберга былъ прекрасно освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ городѣ и въ крестьянскомъ отрядѣ. Какъ только до свѣдѣнія гарнизона дошла вѣсть о наступленіи на Оденвальдъ Флоріана Гейера, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ и остатковъ чернаго отряда, гарнизонъ немедленно же послалъ навстрѣчу Трухзесу, походъ котораго ему былъ также извѣстенъ, епископскаго маршала съ цѣлью предупредить его о приближеніи Гейера. На разстояніи двухъ часовъ по эту сторону отъ Гибельштадта произошла встрѣча маршала съ Трухзесомъ и союзными князьями во главѣ ихъ войскъ.

Флоріанъ Гейеръ все еще продолжалъ относиться съ недовѣріемъ къ пораженію у Кенигсгофена за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній. Онъ также не имѣлъ понятія о близости Трухзеса. Послѣдній же извѣщенный о походѣ Гейера устроилъ съ своей конницей засаду въ лѣсу и совершилъ оттуда неожиданное нападеніе съ тылу на отрядъ Гейера. Крестьянское войско пришло въ такое смятеніе отъ этого внезапнаго нападенія непріятельской конницы, что большая часть отряда разсѣялась во всѣ стороны, жестоко преслѣдуемая всадниками. Только 600 человѣкъ изъ чернаго отряда осталось вокругъ Гейера и сомкнутыми рядами отступило въ село Ингольштадтъ, храбро отражая всѣ нападенія кавалеріи. 200 человѣкъ бросились къ кладбищу и въ церковь,

остальные скрылись въ замокъ. И здѣсь произошелъ самый ужасный, самый кровавый бой въ продолженіе всей войны. Каждая пядь земли защищалась самымъ упорнымъ образомъ чернымъ отрядомъ. Наконецъ кладбище было взято штурмомъ, церковь сожжена, но даже объятые пламенемъ, крестьяне продолжали сопротивляться, пока всѣ до одного не погибли.

Взятіе замка потребовало не меньше усилій, чѣмъ взятіе церкви. По приказу пфальцграфа, находившагося въ непріятельскомъ войскѣ, были выставлены передъ замкомъ всѣ орудія. И подъ страшнымъ огнемъ очень скоро была выбита брешь шириной въ 24 фут., но этотъ штурмъ, затѣянный князьями, былъ отбитъ съ большими потерями для нихъ же— болѣ 100 осаждавшихъ пали. Стали готовиться ко второму штурму. Черный отрядъ, у котораго почти весь запасъ пороха вышелъ, допустилъ осаждающихъ войти въ замковый дворъ и только тогда обрушился на нихъ всей своей силой и вторично отбилъ штурмъ опять съ большими потерями для непріятеля. Непріятельскія орудія возобновили стрѣльбу и разрушили цѣлыя стѣны. Третій штурмъ долженъ былъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ чернотрядцы не имѣли уже больше пороха. Но тѣмъ не менѣе онъ дорого обошелся врагу. Послѣ долгой борьбы замокъ былъ, наконецъ, завоеванъ; 206 труповъ защитниковъ легло на маленькомъ пространствѣ. Но Флоріану Гейеру удалось подъ покровомъ ночи бѣжать съ 200 человѣкъ. Онъ проникъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ во владѣнія города

Галль (Hall), надѣясь застать тамъ въ цѣлости гайльдорфскій отрядъ. Но тотъ, подъ вліяніемъ слуховъ о тяжелыхъ пораженіяхъ, разсѣялся. Флоріанъ Гейеръ укрывался вмѣстѣ съ своими людьми въ лѣсу, надѣясь еще разъ вызвать возстаніе, но 9 іюня былъ выслѣженъ въ лѣсистыхъ холмахъ близь Галля. Онъ палъ мертвый, сражаясь съ горсточкой преданныхъ ему людей, противъ превосходящихъ силъ врага; непріятельскимъ отрядомъ командовалъ его собственный зять Вильгельмъ Грумбахъ.

Такъ умеръ въ бою за дѣло угнетеннаго народа, за дѣло которому онъ посвятилъ жизнь и за которое боролся до послѣдняго издыханія, величайшій герой крестьянской войны. Память о немъ должна быть тѣмъ болѣе дорога народу и тѣмъ выше онъ долженъ помнить его, что самъ Гейеръ, будучи дворяниномъ, сыномъ правящаго класса, всей кровью своего сердца боролся за дѣло бѣдныхъ и угнетенныхъ, и въ этой борьбѣ сложилъ свою голову.

Какъ бѣшеный двинулся Трухзесъ на Вюрцбургъ, убивая, предавая огню, все на своемъ пути. Чувствовалъ онъ себя неважно; войско его въ различныхъ бояхъ порядкомъ таки пострадало. Несмотря на подкрѣпленія, полученныя имъ по дорогѣ въ лицѣ присоединившихся къ нему дворянъ — войско его подъ Вюрцбургомъ не превышало 6000 человѣкъ; правда, это была вполнѣ достаточная сила, чтобы безъ затрудненія справиться съ находящимися еще на полѣ крестьянскими отрядами.

Въ самомъ Вюрцбургѣ и его окрестностяхъ можно было въ общемъ еще набрать 5 тысячъ человѣкъ. 5-го іюня Трухзесъ подошелъ къ городу. Крестьяне вмѣсто того, чтобы отступить и искать подкрѣпленіе ввиду превосходства непріятеля, остались по настоянію совѣта въ городѣ. Вюрцбургскій совѣтъ преслѣдовалъ только одну цѣль—выдачей крестьянъ, въ частности ихъ вождей, добиться для себя и для города по возможности лучшихъ условій. На каждомъ шагу проявлялась подлость и предательство. Совѣтъ заключилъ тайный договоръ съ Трухзесомъ.

Въ 7 часовъ городъ былъ окруженъ его конницей, а въ 8 часовъ утра онъ уже вступалъ въ него. Бюргеровъ и крестьянъ раздѣлили на 3 группы, которыя тотчасъ же были оцѣплены непріятельской конницей—и тогда Трухзесъ открылъ свой судъ. Полководцы были схвачены, другіе же обезоружены и затѣмъ отпущены, 81 человѣкъ казнены; многіе заключены въ тюрьму и обложены тяжелымъ денежнымъ штрафомъ. Городъ обложенъ въ 8 тысячъ гульденовъ. Духовенство и дворяне епископства оцѣнили свои убытки въ 218715 гульденовъ, которые путемъ контрибуціи были взысканы съ ихъ подданныхъ. Въ продолженіе недѣли князья взимали сборъ съ окрестностей Вюрцбурга.

Въ Анспахскомъ округѣ неистовствовалъ маркграфъ Казиміръ не хуже Трухзеса. Въ Кицингенѣ онъ велѣлъ запереть 100 крестьянъ въ подвалъ. *На слѣдующее утро онъ приказалъ 62-мъ изъ нихъ выколоть глаза и выселить ихъ за 10 миль отъ Кицингена*, гдѣ они, несчастные, слонялись по большой

дорогѣ, живя подаяніемъ и горько жалуясь на свою судьбу. Многіе изъ нихъ скоро погибли ужасной смертью. Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали остановиться на каждой отдѣльной жестокости, проявленной побѣдителями по отношенію къ побѣжденнымъ крестьянамъ. Казни, выкалываніе глазъ, отрубаніе пальцевъ, сжиганіе жилищъ, ссылки, контрибуціи продолжались еще цѣлые мѣсяцы, даже цѣлые годы. Дворяне, заигрывавшіе во время возстанія съ крестьянами, теперь въ большинствѣ случаевъ оказались самыми жестокими. Многія деревни были совершенно сожжены, крестьяне разорены, а скотъ ихъ угнанъ. Убійство и разрушеніе достигло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такихъ размѣровъ, что сами дворяне почувствовали на себѣ послѣдствія ими же произведеннаго опустошенія, — сталъ ощущаться недостатокъ рабочихъ рукъ для обработки ихъ полей, затрудненіе въ доставкѣ припасовъ со стороны обѣднѣвшаго населенія, не говоря уже о трудностяхъ при взиманіи оброка. Въ Анспахскомъ округѣ братъ маркграфа, по приказанію послѣдняго, совершалъ такія жестокости, что вдовы и сироты убитыхъ, бѣгая за нимъ въ догонку и посылая ему проклятія, кричали: „не всѣ еще крестьяне убиты". *Гансъ Шнабель*, полководецъ бильдхайзерскаго отряда, былъ казненъ епископомъ Вюрцбургскимъ; въ общемъ, этотъ богобоязненный человѣкъ совершилъ во время объѣзда своего епископства 256 казней; къ этому числу надо еще прибавить 13 въ самомъ Вюрцбургѣ, по пріѣздѣ его туда.

Въ то время, какъ въ Франконіи происходили такія звѣрства, въ Рейнскомъ Пфальцѣ только что

сорганизовались 8000 крестьянъ, которые при приближенiи пфальцграфа бросились въ Пфедерсгеймъ. Пфальцграфу удалось хитростью заманить ихъ изъ города въ засаду, гдѣ онъ перебилъ 1500 человѣкъ, остальные же бѣжали въ городъ. Но городъ тоже принужденъ былъ на слѣдующiй день, 24 iюня, сдаться послѣ страшной бомбардировки. Когда крестьяне, подъ конвоемъ всадниковъ пфальцграфа, шли въ городъ, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали попытку бѣжать, что послужило поводомъ къ страшной рѣзнѣ надъ безоружными, жертвой которой пали 800 человѣкъ. Изъ оставшихся были выбраны еще 80 и казнены пфальцграфомъ. Послѣ этого онъ совершилъ опустошительный разбойничiй объѣздъ своей же собственной страны, не скупясь ни на казни, ни на висѣлицы. Онъ привезъ съ собой въ Гейдельбергъ 200.000 гульденовъ, украденныхъ у своихъ подданныхъ, на кутежи съ своими любовницами и придворными. Такъ дѣйствовалъ одинъ изъ благочестивыхъ друзей Лютера и Меланхтона.

Въ Оберландѣ, съ самаго дня отъѣзда Трухзеса въ Вюртембургъ въ концѣ апрѣля, шла непрерывная партизанская война. Отряды, достигающiе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, появлялись въ окрестностяхъ Ульма, въ Ризѣ, въ Оберальгау и другихъ мѣстахъ и совершали нападенiя на монастыри и замки. Необходимо отмѣтить, что альгауцы не признали договора, заключеннаго ихъ уполномоченными съ Трухзесомъ. Швабскiй союзный комитетъ въ Ульмѣ выслалъ противъ крестьянъ маленькiе отряды конницы, которые то и дѣло приходили въ столкновенiе съ ними. Но въ общемъ тактика крестьянъ

заключалась въ уклоненіи отъ открытаго боя: при приближеніи конницы они укрывались въ лѣса. Союзные князья, въ отместку за опустошеніе монастырей и замковъ, грабили деревни и очень часто сжигали ихъ. Война эта, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, носила опустошительный характеръ, въ худшемъ смыслѣ этого слова.

Изъ Вюрцбурга Трухзесъ пошелъ въ Альгау черезъ Ротенбургскій и Анспахскій округи, на Нердлингенъ черезъ Ризъ, всюду оставляя страшные слѣды своей мести. Цѣлью его похода было подавленіе возстанія въ Альгау.

У Шраттенбаха онъ неожиданно напалъ съ своимъ авангардомъ на отрядъ изъ 6.000 альгауцевъ, готовыхъ къ бою. Численный перевѣсъ и выдержка крестьянъ заставили его поколебаться; зная, что имѣетъ дѣло съ опытнымъ врагомъ, онъ предпочелъ отказаться отъ дальнѣйшаго нападенія и рѣшилъ стянуть къ себѣ главную армію. Послѣ непродолжительнаго боя крестьяне отступили и заняли сильную позицію на одномъ холмѣ за Луибазомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней силы ихъ возросли до 29.000 человѣкъ, среди которыхъ было много опытныхъ и хорошо вооруженныхъ людей; орудій было много и хорошаго качества. Съ своей стороны Трухзесъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 14.000 человѣкъ. Крестьянамъ еще разъ представилась возможность дать рѣшительное сраженіе, но до этого дѣло не дошло. Предательство, сыгравшее такую роль во время всей войны, и на этотъ разъ было причиной неудачи. Непріятелю удалось крупной суммой денегъ подкупить Вальтера Баха, глав-

наго полководца, и еще нѣсколькихъ вліятельныхъ вожаковъ. Послѣдніе, взорвавъ пороховой складъ, предательски распространили слухи, что складъ взорванъ непріятельскимъ огнемъ во время обстрѣливанія лагеря Трухзесомъ ночью. 21 іюня, подъ предлогомъ обхода Трухзеса, Вальтеръ Бахъ, съ подкупленнымъ же Каспаромъ Шнейдеромъ, вывелъ ночью двѣ трети войска; одновременно съ этимъ и подкупленные артиллеристы покинули орудія, послѣ чего измѣнники скрылись

Крестьяне догадались объ измѣнѣ только тогда, когда увидѣли близко отъ себя Трухзеса. Объятые ужасомъ, они въ какіе-нибудь полчаса разсѣялись по долинамъ, лѣсамъ и горамъ. Только третій отрядъ, находившійся подъ началомъ Кнопера изъ Луибаза, узнавъ о предательствѣ, отступилъ въ полномъ порядкѣ и дошелъ до Колленберга подъ Кемптеномъ. Тамъ, наверху, крестьяне были въ безопасности, но Трухзесъ нашелъ средство одолѣть ихъ. Онъ велѣлъ угнать скотъ и рѣшительно все живое изъ окрестныхъ деревень и сжегъ свыше 200 дворовъ и нѣсколько деревень, въ которыхъ жили родственники крестьянъ, и, наконецъ, отрѣзалъ доступъ припасовъ. Голодъ, а также несчастье, обрушившееся на голову ихъ родственниковъ, принудили крестьянъ сдаться. Ихъ разоружили и заставили пройти съ бѣлыми посохами въ рукахъ черезъ непріятельскій лагерь, затѣмъ обложили каждый дворъ сборомъ въ 6 гульденовъ въ пользу погорѣльцевъ и еще разъ привели къ присягѣ своимъ господамъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ, считавшіеся главарями, были казнены. Кнопфу изъ Луибаза удалось бѣжать, но

въ Блузенцѣ онъ былъ пойманъ и послѣ тяжелаго и продолжительнаго заключенія въ Брегенцѣ, гдѣ нѣсколько разъ его пытали, въ концѣ - концовъ повѣшенъ на деревѣ.

Возстаніе у Баденскаго озера и въ Хегау было подавлено въ одно время съ альгаускимъ. Гансъ Мюллеръ фонъ - Бульгенбахъ двинулся съ частью войска изъ Фрейбурга въ Брейсгау къ Баденскому озеру. Но когда эрцгерцогъ австрійскій послалъ ему навстрѣчу сильный отрядъ войска, онъ, вѣроятно, тоже подкупленный, предпочелъ бѣжать. Большинство крестьянъ разбрелось по домамъ, а небольшая горсточка, которая укрѣпилась у Гильдинга, была послѣ двухчасового тяжелаго боя разбита и разсѣяна. Гансъ Мюллеръ фонъ - Бульгенбахъ былъ впослѣдствіи пойманъ и казненъ въ Лауффенбургѣ: онъ слишкомъ стѣснялъ дворянъ. Финаломъ же здѣсь на Баденскомъ озерѣ, какъ и по ту сторону, были грабежи, опустошенія, казни, контрибуціи и проч.

Такимъ образомъ была вездѣ подавлена освободительная война, начатая съ такими надеждами; только въ Тироли, въ австрійскихъ герцогствахъ и въ зальцбургскомъ архіепископствѣ она длилась еще нѣкоторое время. Ради точнаго обзора мы только теперь приступимъ къ изслѣдованію причинъ и теченія этой войны.

Крестьянское возстаніе 1515 г. въ герцогствахъ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, начатое подъ лозунгомъ „Stara Prouwa“, что значитъ въ переводѣ старое правосудіе, тогда же такъ жестоко подавленное

императорскимъ полководцемъ Зигмундомъ фонъ-Дитрихштейномъ, не привело къ улучшенію положенія крестьянъ. Послѣ смерти Максимиліана въ 1519 г. наслѣдовалъ ему его внукъ, король Карлъ V; вслѣдствіе обширности своего могущественнаго государства, въ составъ котораго, рядомъ съ Германіей и Италіей, входила и испанская территорія, съ ея громадными американскими колоніями, онъ передалъ управленіе своимъ австрійскимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ своему брату, эрцгерцогу Фердинанду, которому впослѣдствіи оно перешло въ собственность.

Но и при новомъ правительствѣ оставалась въ силѣ прежняя старая система, то же старое живодерство и притѣсненіе. Правительство не могло отрицать тяжелаго положенія народа и оно даже сдѣлало попытку ввести новые порядки, попытку, которая, впрочемъ, такъ и осталась лишь на бумагѣ. Достаточно сказать, что Зигмундъ фонъ-Дитрихштейнъ, извѣстный своей жестокой расправой съ виндскимъ союзомъ, продолжалъ еще занимать должность главнаго правителя въ Штиріи.

Въ началѣ 20-хъ годовъ новое ученіе начало все болѣе и болѣе распространяться. Предиканты объѣздили всю южную Германію и заглянули также въ Зальцбургскій округъ, австрійскія герцогства, Штирію, Верхнюю и Нижнюю Австрію, Каринтію и Крайну; послѣднія также представили плодотворную почву для новыхъ идей. Въ австрійскомъ эрцгерцогствѣ, между Вѣной и ея предмѣстьями, движеніе особенно развилось между виноградарями. По исчисленію вождей, можно было въ какіе-нибудь нѣсколько ча-

совъ собрать толпу въ 8 — 10 тысячъ человѣкъ. Много сторонниковъ оно пріобрѣло среди многочисленныхъ рудокоповъ въ желѣзныхъ, серебряныхъ и ртутныхъ рудникахъ и солеварняхъ.

Эрцгерцогъ, очень занятый въ Тироли успокоеніемъ волнующагося населенія и подавленіемъ возстанія въ западныхъ частяхъ въ Швабіи, Брейзгау и Эльзасѣ, стремился съ помощью соглашенія предотвратить грозное возстаніе въ своихъ герцогствахъ. Онъ созвалъ государственные чины въ своихъ герцогствахъ для обсужденія мѣръ къ облегченію повинностей и къ предотвращенію неизбѣжнаго возстанія.

Въ ландтагахъ засѣдали враги крестьянства и бѣднаго люда — дворяне, духовенство и представители отъ городовъ. Изъ нихъ только послѣдніе являлись до нѣкоторой степени защитниками интересовъ крестьянъ; въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ было много бѣднаго люда, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы представить для нихъ опасность, а потому они на-отрѣзъ отвергли предложеніе чиновъ „примѣнить къ крестьянамъ силу, въ случаѣ, если тѣ не подчинятся добровольно порядку.“ Въ концѣ-концовъ восторжествовало мирное настроеніе; но не потому, что была признана правота крестьянъ и не изъ-за искренняго желанія притти на помощь народу, а лишь благодаря увѣренности въ нецѣлесообразности дѣйствовать сейчасъ силой. Притѣснители и эксплоататоры народа уступаютъ только силѣ и очень ошибаются тѣ, кто полагается на человѣколюбіе, на благоразуміе и чувство справедливости своихъ враговъ.

Такъ и эрцгерцогъ Фердинандъ, несмотря на душившій его гнѣвъ и злобу, счелъ болѣе умѣстнымъ притвориться ласковымъ и доброжелательнымъ властелиномъ, не поскупился на всевозможныя обѣщанія. И въ то же время онъ принялъ всѣ мѣры для организаціи необходимой ему вооруженной силы, издавая тайные приказы о примѣненіи самыхъ строгихъ мѣръ противъ полководцевъ и вожаковъ гдѣ бы они не появлялись. Рекомендовалось выступать противъ нихъ съ рогатинами, четвертовать, сдирать съ нихъ кожу. Здѣсь вполнѣ проявилась въ Фердинандѣ его кровожадная натура, жаждущая крови и мести.

Въ виду того, что эрцгерцогъ находился въ то время въ очень безпомощномъ положеніи, Зигмундъ фонъ-Дитрихштейнъ рѣшился на свои собственныя средства набрать достаточную военную силу для борьбы съ крестьянами. Послѣдніе, между тѣмъ, основали „христіанскій союзъ“, вооружились, соединились и захватили нѣсколько замковъ и мѣстечекъ. Дитрихштейнъ хотѣлъ сначала итти въ Юденбургъ, но угрожающее поведеніе крестьянъ около Любена и рудокоповъ, которые немедленно возстали бы при его появленіи, заставило его отказаться отъ своего намѣренія. Ему стоило большихъ усилій успокоить фордербергскихъ и иннербергскихъ крестьянъ. Иннербергскіе крестьяне захватили въ плѣнъ нѣсколько уполномоченныхъ Дитрихштейна и выпустили ихъ только послѣ полученія обѣщанія, что никакія репрессіи не будутъ къ нимъ примѣнены и что села ихъ не будутъ предаваться огню.

Вскорѣ послѣ этого до Дитрихштейна дошла

вѣсть о выступленіи энстальскихъ крестьянъ, о возстаніи каммертальскихъ и объ образованіи банды въ 10.000 человѣкъ близъ Шладминга. Онъ рѣшился расправиться съ этими послѣдними съ своими 5.000 человѣкъ. Онъ засталъ крестьянъ въ лагерѣ у Гонса. Направивъ часть своего войска противъ одного, стоявшаго въ сторонѣ на горѣ, крестьянскаго отряда, онъ самъ обрушился съ остальнымъ войскомъ на ихъ главныя силы, но крестьяне встрѣтили его такимъ залпомъ, что непріятельская конница пришла въ замѣшательство и обратилась въ бѣгство; вторымъ залпомъ, направленнымъ въ богемцевъ, входившихъ въ составъ его войска, тяжело ранило ихъ главнаго полководца, послѣ чего и эта часть войска обратилась въ бѣгство, увлекая за собой и всѣ остальные отряды. Во время отступленія войску Дитрихштейна пришлось пройти черезъ узкую скалистую долину; крестьяне заняли этотъ проходъ, устроивъ надъ нимъ нѣчто въ родѣ крыши изъ кустарника, откуда они осыпали цѣлымъ градомъ тяжелыхъ камней убѣгающаго непріятеля. Самъ Дитрихштейнъ при этомъ былъ раненъ и вернулся въ очень плачевномъ состояніи въ Эренау. Его потери были значительны. Получивъ, между тѣмъ, вскорѣ подкрѣпленіе изъ Каринтіи, онъ повернулъ обратно. Рейстлъ, крестьянскій полководецъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи только 6.000 человѣкъ, видя, что перевѣсъ на сторонѣ непріятеля, отступилъ и занялъ сильную позицію. Въ этомъ мѣстѣ Дитрихштейнъ не рѣшился на нападеніе, а предпочелъ начать переговоры. Рейстлъ же, отлично понимая, куда онъ клонитъ, энергично воспротивился имъ,

но большинство, будучи иного мнѣнія, настояло на заключеніи договора, послѣ чего Рейстлъ, во главѣ меньшей части отряда, направился въ Лунгау черезъ Тауеръ, гдѣ онъ соединился съ зальцбургцами.

Зальцбургское епископство считалось уже издавна одной изъ самыхъ угнетенныхъ странъ среди всѣхъ нѣмецкихъ княжествъ и областей въ концѣ среднихъ вѣковъ. Духовная власть проявила себя здѣсь во всемъ безобразіи. Уже въ 1462 г. пинцгауцы поднялись противъ архіепископа и разрушили нѣсколько его замковъ. Они были подавлены и понесли жестокія наказанія. Въ 1478 г. возстало графство Ортенбургъ и было усмирено съ помощью самихъ пинцгауцевъ, которые принесли въ Шергенѣ повинную архіепископу. Въ 1510 г. Зальцбургъ былъ близокъ къ возстанію, но тамошній архіепископъ сумѣлъ справиться съ недовольными, къ числу которыхъ принадлежалъ и весь совѣтъ. Онъ пригласилъ всѣхъ членовъ совѣта на роскошный ужинъ въ свой дворецъ, но едва только они собрались, на нихъ напали вооруженные люди, связали и повезли ихъ въ легкихъ придворныхъ одеждахъ холодной зимней ночью въ крѣпость Верфенъ. Городъ, лишенный своихъ главныхъ привилегій, подпалъ подъ неограниченную власть архіепископа. Взятые въ плѣнъ члены совѣта, сначала приговоренные къ смертной казни, были освобождены за большой денежный выкупъ; нѣсколько изъ нихъ умерло отъ послѣдствій жестокой расправы.

Въ 1519 г. власть перешла въ руки кардинала Маттеуса Ланга, который, подобно своему предшественнику, былъ развратнымъ, расточительнымъ,

лживымъ и безсовѣстнымъ человѣкомъ и не пользовался ни чьимъ довѣріемъ. Ярый противникъ новаго ученія, онъ невольно содѣйствовалъ его распространенію, выписавъ для болѣе интенсивной эксплоатаціи своихъ рудниковъ рудокоповъ изъ Саксонскаго и Мансфельдскаго округовъ. Тяжелое матеріальное положеніе, въ связи съ жестокимъ преслѣдованіемъ новаго ученія, вызвало серьезное броженіе. Архіепископъ счелъ своимъ долгомъ предупредить возстаніе. Онъ поспѣшно уѣхалъ въ Тироль и, набравъ тамъ солдатъ, быстро возвратился въ городъ. Застигнутый врасплохъ городъ сдался безъ всякихъ условій и выдалъ акты и документы, которые, по усмотрѣнію архіепископа, были уничтожены или видоизмѣнены. Участи Зальцбурга подверглись и другіе мѣстечки архіепископства.

Нѣкоторые поступки архіепископа вызывали особенно сильное раздраженіе. Между прочимъ онъ захватилъ въ плѣнъ одного лютеранскаго священника и приговорилъ его къ пожизненному заключенію, которое этотъ долженъ былъ отбывать въ Файльтурмѣ въ Миттерзимѣ въ Пинцгаузскомъ округѣ. Для большей вѣрности онъ приказалъ приковать его къ лошади и далъ ему конвой изъ приказныхъ служителей; по пути черезъ одну деревню имъ пришлось проходить мимо харчевни, гдѣ какъ разъ шелъ пиръ горой. Конвойные сдѣлали остановку, чтобы зайти туда; между тѣмъ возлѣ священника собралась толпа народа, которая сжалилась надъ нимъ и по его просьбѣ освободила его, несмотря на всѣ противодѣйствія его охраны. По приказанію архіепископа, главные участники этого дѣла, молодой

крестьянинъ, по имени Штекль, и еще другой крестьянинъ были схвачены и безъ всякаго суда тайно казнены въ Зальцбургѣ. Братъ Штекля сдѣлался послѣ этого смертельнымъ врагомъ архіепископа. Не зная покоя ни днемъ, ни ночью, онъ обѣжалъ всѣ высоты, всѣ мѣстечки въ горахъ, подстрекая всюду крестьянъ къ возстанію.

Вторымъ его поступкомъ, вызвавшимъ недовольство населенія, былъ новый и тяжелый налогъ. Сначала зажиточные бюргеры Зальцбурга приговорены были къ штрафу въ 10.000 гульденовъ подъ видомъ ссуды, затѣмъ была отобрана различная золотая церковная утварь и сверхъ того было взыскано еще акцизу 30.000 гульденовъ по совѣту приближенныхъ архіепископа.

Эти два поступка довели раздраженіе до высшей точки. Прежде всего выступили цехи и рудокопы Гаштейна и его окрестностей и предъявили свои требованія. Они разослали гонцовъ въ Раурисъ, Радштадтъ по всѣмъ направленіямъ, призывая всюду бюргеровъ и крестьянъ къ вступленію въ христіанскій союзъ евангелическаго братства.

Призывъ гаштейнцевъ встрѣтилъ живой откликъ въ населеніи епископства. Всюду въ горахъ засвѣтились сигнальные огни, всюду стали раздаваться сигнальные выстрѣлы и въ каждой деревушкѣ ударили въ набатъ. Со всѣхъ долинъ, со всѣхъ высотъ стекались крестьяне, вооруженные чѣмъ попало. Въ деревнѣ Голлингъ, въ пяти часахъ отъ Зальцбурга, устроили они лагерь. Каспаръ Прасслеръ, Вельтмозеръ, Михаилъ Груберъ, Мельхіоръ Шпетъ и Людвигъ Альтъ были назначены ихъ полковод-

цами. Каспаръ Праcслеръ былъ назначенъ главнокомандующимъ отряда.

Испуганный архіепископъ прислалъ вѣстовщиковъ въ крестьянскій лагерь, въ вѣжливой формѣ прося ихъ разойтись и предъявить ему свои жалобы через депутатовъ. Бюргеры же Зальцбурга, съ своей стороны, завязали тайныя сношенія съ крестьянами, стараясь поддержать въ нихъ такое настроеніе и побудить ихъ къ наступленію на городъ. Крестьяне отклонили предложеніе архіепископа и двинулись къ Галлейнъ, бюргеры котораго примкнули къ нимъ.

Архіепископъ бѣжалъ въ замокъ, построенный на скалахъ близъ Зальцбурга, запасшись предварительно провіантомъ. Отсюда, въ случаѣ нужды, онъ могъ съ удобствомъ обстрѣливать городъ.

Въ пятницу передъ Троицей, когда бюргеры собрались на рыночной площади для совѣщанія, нѣкоторые вдругъ замѣтили городского судью Гольда, одного изъ самыхъ ненавистныхъ послѣдователей архіепископа. Его схватили въ тотъ моментъ, когда онъ собирался уже бѣжать, стащили съ коня и сильно избили. Для прекращенія дальнѣйшихъ истязаній совѣтъ велѣлъ заключить его въ тюрьму. Подвергнутый пыткѣ онъ разоблачилъ планы архіепископа, которые привели народъ въ страшное озлобленіе и заставили его еще энергичнѣе искать помощи у крестьянъ. На второй день Троицы крестьяне двинулись въ городъ. Первымъ шагомъ было нападеніе на архіепископскій дворъ, гдѣ всѣ его бумаги, документы и т. д. попали въ руки крестьянамъ и были ими уничтожены. Вскорѣ послѣ этого вторженія крестьянъ въ городъ подошли и рудокопы

изъ Рауриса, Гастейна Китцбюля и другихъ мѣстечекъ. Согласно принятому рѣшенію крестьяне возвращались къ своимъ полевымъ работамъ, а рудокопы за плату обязывались оставаться подъ оружіемъ и приступить къ осадѣ крѣпости.

Въ Тироли также уже издавна господствовало недовольство, существующимъ порядкомъ, проявлявшееся то тамъ, то здѣсь въ небольшихъ набѣгахъ и отдѣльныхъ актахъ насилія. Одинаковыя природныя свойства со Швейцаріей породили также большое сходство и въ спеціальныхъ условіяхъ между этими двумя сторонами. Гористая мѣстность содѣйствуетъ развитію независимости человѣка, препятствуетъ распространенію крѣпостного права и не позволяетъ ему проявляться въ такихъ формахъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Гористыя страны, большею частью представляющія удобныя пастбища, только изрѣдка, кое-гдѣ даютъ возможность воздѣлывать узкія пахотныя поля и то съ большими затрудненіями, что обусловливало собой здѣсь разбросанность населенія. Горы и лѣса представляли неисчислимыя лазейки для бѣглецовъ. Нерѣдко жилище крестьянина оказывалось такимъ же неприступнымъ, какъ и крѣпкій замокъ феодала. Эти данныя представляли большія неудобства для дворянъ и духовенства; бѣдные тирольскіе горцы не могли служить имъ матеріаломъ для обильной жатвы и для услады жизни, какъ жители долинъ. Только впослѣдствіе, когда все расширяющаяся реформація упразднила тысячи монастырей и церковныхъ имѣній, Тироль, въ которомъ Габсбурги искореняли ересь съ помощью самыхъ варварскихъ и насиль-

ническихъ пріемовъ, служилъ главнымъ убѣжищемъ для духовенства, господству котораго благопріятствовало и благопріятствуетъ еще и теперь, ограниченное матеріальное развитіе страны и изолированность ея отъ мірового обмѣна. Величіе окаменѣлой альпійской природы, заставляя какъ то особенно чувствовать свое ничтожество, вызываетъ въ человѣкѣ сознаніе безсилія и слабости и будитъ въ немъ потребность къ религіозности и къ мистицизму, идущее на руку церкви и ея служителямъ.

Бѣдность и недоступность страны была причиной сравнительной малочисленности рыцарскихъ замковъ и монастырей въ средневѣковомъ Тиролѣ, причиной малаго развитія крѣпостного права и отсутствія многихъ повинностей, лежащихъ бременемъ на крестьянахъ въ другихъ мѣстахъ. Но изъ этого нельзя еще сдѣлать заключенія, что положеніе ихъ было завидное,—хотя они несли меньше повинностей, но зато съ другой стороны они имѣли меньше доходовъ, полученіе ихъ требовало гораздо большей затраты силъ, чѣмъ у сосѣдей, а потому малѣйшее увеличеніе повинностей отражалось на нихъ гораздо чувствительнѣе. А такія увеличенія происходили здѣсь какъ и тамъ довольно легко. Правительство, духовенство и дворянство значительно повысили свои требованія въ послѣднія десятилѣтія; всѣ предметы благодаря барышничеству Фуггеровъ и другихъ большихъ торговыхъ домовъ страшно вздорожали. Тироль былъ любимымъ мѣстомъ охоты австрійскаго княжескаго дома; дичь поэтому усиленно оберегалась, отчего сильно страдали убогіе посѣвы. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы вызвать не-

довольство. По мѣрѣ того, какъ въ сосѣдней Швабіи броженіе все болѣе и болѣе разросталось, въ Тирольскія горы все чаще стали проникать лютеранскіе проповѣдники и Мюнцеровскіе предиканты, имѣвшіе большой успѣхъ среди галльскихъ и швабскихъ рудокоповъ. Вскорѣ возбужденіе достигло такихъ размѣровъ, что эрцгерцогъ лично поспѣшилъ въ Иннсбрукъ, чтобы предупредить грозящій пожаръ.

Все сказанное здѣсь относится главнымъ образомъ къ верхнему или нѣмецкому Тиролю и Форалбергу, но въ совершенно иныхъ условіяхъ находился нижній Тироль. Въ плодоносныхъ, винодѣльныхъ мѣстностяхъ этого района свило себѣ гнѣздо и духовенство на ряду съ многочисленнымъ дворянствомъ и крѣпко тутъ присосалось. Кромѣ тріентскихъ и бриксенскихъ епископовъ съ ихъ капитулами и многочисленными монастырями они владѣли громадными помѣстьями членовъ нѣмецкаго ордена. Свободное крестьянство составляло здѣсь исключеніе, крѣпостное право преобладало, такъ что весь гнетъ феодальной системы и господство духовенства ложился тяжелымъ бременемъ на крестьянъ.

Но революціонный весенній воздухъ въ 1525 году проникъ также и въ тирольскія горы. Крестьяне сговаривались и слагали съ себя повинности. Ихъ требованія были изложены въ 19 статьяхъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ, мало отличавшихся отъ требованій другихъ мѣстностей; они протестовали столько же противъ притѣсненія духовенства, сколько противъ дворянскаго сословія и правительства. Тирольцы уже въ самомъ началѣ возстанія

оказали своимъ братьямъ въ Германіи, особенно въ Швабіи, большую услугу. По окончаніи войны между Карломъ V и Францискомъ I въ Италіи эрцгерцогъ вызвалъ оттуда сильные отряды, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ Швабію и Эльзасъ. Тирольцы не разрѣшили имъ прохода черезъ свои ущелья и эрцгерцогъ принужденъ былъ покориться и отправить ихъ обходнымъ путемъ черезъ Граубюнденъ.

Эрцгерцогъ, отлично понимая, какой оборотъ можетъ принять для него возстаніе въ Тироли съ его недоступными скалами и упрямымъ, храбрымъ и владѣющимъ оружіемъ населеніемъ, перемѣнилъ тактику и тотчасъ же даровалъ имъ требуемыя свободы, и упразднилъ повинности, насколько это было въ его власти; остальные вопросы предоставлялись на рѣшеніе будущаго ландтага. Верхне-тирольцы удовлетворились этимъ, но форальбергцы, которые благодаря близости съ альгауцами и верхне-швабами, были очень революціонно настроены — протестовали. На предложеніе эрцгерцогскихъ пословъ повременить до рѣшенія ландтага, ихъ вожаки отвѣтили: черезъ нѣсколько дней мы сами пришлемъ отвѣтъ въ Иннсбрукъ.

Еще хуже обстояли дѣла въ южномъ Тиролѣ. Тамъ ненависть противъ упитаннаго и надменнаго духовенства была велика. Въ окрестностяхъ Бриксена крестьяне соединились, послѣ чего разгромили епископскій дворецъ и всѣ дома духовныхъ лицъ въ городѣ. И резиденція мѣстнаго округа (Ballei) нѣмецкаго ордена*) подверглась нападенію

*) Ballei—называлась извѣстная территорія, провинція нѣмецкаго ордена; ихъ насчитывалось въ Германіи 11. Каждая изъ нихъ имѣла

крестьянъ, а домъ нѣмецкаго ордена въ Боцнѣ былъ разграбленъ и разрушенъ.

Во главѣ движенія въ южномъ Тиролѣ находился Михаилъ Гайзмайеръ, бывшій секретарь бриксенскаго епископа, а потомъ таможенный чиновникъ въ Клаузенѣ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей крестьянской войны. Гайзмайеръ былъ въ высшей степени интеллигентный человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и большимъ мужествомъ, очень свѣдующій какъ въ государственныхъ, такъ и въ военномъ дѣлахъ и къ тому же еще очень революціонно настроенный. Назначенный полководцемъ южныхъ тирольцевъ, онъ тотчасъ же устроилъ военную кассу изъ денегъ, отнятыхъ у духовенства. Петръ Пресслеръ и Севастьянъ (Вастлъ) Майеръ были назначены его помощниками.

На службѣ у эрцгерцога находились нѣкоторые высшіе чиновники, какъ напримѣръ испанецъ Габріэль фонъ-Саламанка и тайный совѣтникъ Фабри, прозванный народомъ контрольнымъ кузнецомъ, которые заслужили всеобщую ненависть своими притѣсненіями. Гайзмайеръ выпустилъ манифестъ, въ которомъ онъ очень искусно использовалъ ненависть къ этимъ двумъ чиновникамъ и къ тріентскому и бриксенскому епископамъ. „Тріентскій и бриксенскій епископы, пышащій высокомѣріемъ еретическій африканскій злодѣй Габріель фонъ-Саламанка и контрольный кузнецъ котораго зовутъ Фабри—вотъ че-

своего Landkommanthur (резиденцію) и распадалась на коттенденъ. Члены отдѣльныхъ общинъ ордена назывались Kommenthrren. Какъ было уже выше сказано, нѣмецкій орденъ обладалъ громадными богатствами, а отдѣльные члены его были извѣстны своимъ развратомъ.

тыре человѣка, управляющихъ изъ своихъ личныхъ выгодъ народомъ,—пишетъ онъ въ своемъ манифестѣ,— И мы не хотимъ ихъ терпѣть въ княжескомъ совѣтѣ, ибо и помимо этихъ двухъ измѣнниковъ достаточно плутовъ, благородныхъ и неблагородныхъ, съ помощью которыхъ хотятъ водворить порядокъ. Если кузнецъ (Фабри) хочетъ пріобрѣсти деньги гнусными средствами, живодерствомъ, такъ ему слѣдовало бы обчистить и обобрать монастыри и духовенство, но послѣдніе не хотятъ допустить по отношенію къ себѣ такого насилія и также не хотятъ позволить вывоза денегъ и имущества изъ страны. Злодѣй Саламанка изъ крови народной создалъ себѣ въ 3 года княжество и купилъ имѣніе въ Бургундіи за 10000 фл., перетянулъ своихъ друзей съ собой ко двору и сдѣлалъ ихъ могущественными." Въ заключеніи Гайзмайеръ говоритъ, что нужно зорко слѣдить, чтобы Фабри и Саламанка не скрылись изъ страны. Гайзмайеръ счелъ болѣе тактичнымъ не касаться пока личности эрцгерцога, ввиду отношенія тирольцевъ къ послѣднему и сваливалъ всю отвѣтственность только на его совѣтниковъ. Этимъ объясняется фактъ, что во время нападенія крестьянъ на замки, замки эрцгерцога оставались нетронутыми.

Гайзмайеръ и крестьянскіе комитеты назначили на 22-е мая въ Меранѣ большое народное собраніе. Эрцгерцогъ запретилъ его. Но зато онъ ускорилъ созывъ ландтага; назначенный вначалѣ на 16-е іюня, онъ созывался теперь 23-го мая въ Иннсбрукѣ. Послы разъѣзжали по всѣмъ долинамъ и отрядамъ, призывая къ порядку и предлагая разойтись по до-

мамъ; въ то же время, на всякій случай, вооруженіе войска продолжалось. Эрцгерцогъ заложилъ свои наслѣдственныя вещи и имѣнія, а серебро перечеканилъ въ монету. Подъ предлогомъ защиты страны отъ вторженія швабскихъ крестьянъ и венеціанцевъ, эрцгерцогъ приказалъ созвать всеобщее ополченіе, насчитывающее въ своихъ рядахъ 20 т. человѣкъ, изъ которыхъ 5 тысячъ было немедленно вызвано въ Иннсбрукъ.

Крестьяне изъ Нейштифта на Эйзакѣ, Пустерталя, Эшталя и его окрестностяхъ—долинъ приняли договоръ, согласно которому они обязывались повременить; но видя, что правительство продолжаетъ вооружаться, они сочли себя въ правѣ расторгнуть договоръ и вновь загудѣлъ набатъ по всѣмъ долинамъ.

Созванный на 23-е мая ландтагъ уничтожилъ общія повинности, всѣ его постановленія были приняты эрцгерцогомъ. Эти постановленія касались мѣры и вѣса, торговли, пошлинъ, податей и проч. Малая десятина съ полей и двойные оброки упразднялись; право охоты и рыбной ловли—объявлены свободными отъ налога, барщина, если только она существовала менѣе 50 лѣтъ — уничтожалась; давалась свобода проповѣди евангелія. Общины освобождались отъ наказанія за участіе въ возстаніи. Что касается другихъ жалобъ, то онѣ подлежали разсмотрѣнію на слѣдующемъ ландтагѣ, который долженъ былъ открыться въ день св. Михаила въ Боценѣ.

Сѣверный Тироль покорился, а южный — нѣтъ. Инсургенты въ тріентскомъ епископствѣ подъ на-

чальствомъ своихъ полководцевъ Симона изъ Падейло и Николо-дель-Викторъ переходили съ мѣста на мѣсто, захватывая замки и монастыри, причемъ многіе высшіе чиновники были убиты. Но перевѣсъ былъ на сторонѣ эрцгерцога—и крестьяне были побѣждены. Взятые въ плѣнъ вожаки — были повѣшены или обезглавлены, ихъ дома разрушены и всѣ участники возстанія обложены тяжелой контрибуціей. Въ тріентскомъ округѣ наказанія были еще болѣе жестоки — плѣннымъ отрѣзывали носы и уши, другихъ четвертовали, сажали на колъ, вырѣзывали сердце, а тѣло разрѣзали на куски; отпускаемымъ же на свободу накладывали клеймо на лбу. Гайзмайеръ, собиравшійся отправиться въ Иннсбрукъ для представленія отчета ландтагу, рѣшилъ бѣжать, видя какъ мало считается эрцгерцогъ съ договоромъ.

Мы разстались съ штирійскими крестьянами послѣ того, какъ они раскололись на 2 части — одна, съ своимъ полководцемъ Рейстль во главѣ, пошла послѣ сраженія у Гонсъ въ Зальцбургскомъ округѣ черезъ Тауэръ и тамъ соединилась съ зальцбургцами, между тѣмъ какъ другая приняла договоръ Дитрихштейна. Вскорѣ послѣ этого Дитрихштейнъ обратился въ Вѣну за деньгами, чтобы расплатиться съ своими заграничными наемниками (Богемія, Венгрія, Ратцель). Деньги были ему обѣщаны, но только подъ условіемъ примѣненія самыхъ строгихъ мѣръ противъ главарей и обложенія всѣхъ безъ исключенія страшной контрибуціей. Это предписаніе было въ точности исполнено Дитрихштейномъ, несмотря на то, что оно шло въ разрѣзъ съ договоромъ. Его войско неистовствовало, какъ каннибалы, —людей четверто-

вали, калѣчили, сажали на колъ, женщинамъ и дѣвушкамъ вырѣзывали груди, беременнымъ женщинамъ вспарывали животъ. Какъ потомъ выяснилось, эти кровавыя расправы не только встрѣчали полное соизволеніе со стороны эрцгерцога, но совершались по его приказанію. — Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ жестокостей было то, что многіе штирійскіе крестьяне и рудокопы соединились съ зальцбургцами, стоявшими лагеремъ у самой границы подъ предводительствомъ Михаила Грубера. Дитрихштейнъ, находившійся съ своими бандами въ штирійскомъ городкѣ Шладмингъ, обратился отсюда къ Груберу съ требованіемъ выдать австрійскихъ подданныхъ, на что Груберъ отвѣтилъ, что онъ можетъ это сдѣлать только по приказанію высшаго начальства—главнаго штаба въ Зальцбургѣ. Отсюда же послѣдовало предложеніе восьмидневнаго перемирія, которое было принято Дитрихштейномъ въ томъ расчетѣ, что главнокомандующій, который долженъ былъ черезъ нѣсколько дней замѣстить его, не связанъ договоромъ, а потому въ правѣ совершить внезапное нападеніе на крестьянъ. 3-го іюня Дитрихштейнъ собирался прислать свой отвѣтъ. Но на этотъ разъ рыцари попали въ просакъ. Ночью крестьяне сдѣлали черезъ горы обходъ, считавшійся страшно труднымъ, и утромъ въ 5 часовъ врасплохъ напали на стоявшій у самаго города лагерь и на самый городъ. Крестьянамъ посчастливилось; они захватили всѣ орудія, большую часть войска перебили или взяли въ плѣнъ, остальныхъ обратили въ бѣгство. Всѣ неговорившіе по нѣмецки были заколоты, 3000 человѣкъ убито, между ними

много штирійскихъ и каринтійскихъ дворянъ. 18 дворянъ были взяты въ церкви и самъ Дитрихштейнъ попалъ въ плѣнъ.

Одинъ рудокопъ явился въ крестьянскомъ лагерѣ обвинителемъ противъ Дитрихштейна; перечисливъ всѣ его преступленія, онъ потребовалъ въ наказаніе проведеніе его сквозь строй. Въ знакъ согласія весь крестьянскій отрядъ въ 4000 человѣкъ поднялъ руки вверхъ, за исключеніемъ только Михаила Грубера и перешедшихъ на сторону крестьянъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, благодаря которымъ онъ избѣжалъ этого позорнаго, но вполнѣ заслуженнаго наказанія. Дитрихштейнъ и 18 дворянъ, переодѣтые въ крестьянскую одежду и въ крестьянскихъ шляпахъ, были перевезены верхомъ на рабочихъ лошадяхъ, какъ плѣнные въ замокъ Верфель. 32 богемскихъ и руссинскихъ плѣнныхъ были обезглавлены въ отместку за 32 человѣка, казненныхъ Дитрихштейномъ. Снисходительность, проявленная крестьянами по отношенію къ поджигателю Дитрихштейну и его сообщникамъ плѣннымъ дворянамъ была впослѣдствіе плохо вознаграждена. Такова уже судьба угнетенныхъ массъ.

Подъ давленіемъ событій въ Шладмингѣ эрцгерцогъ принялъ безъ промедленія всѣ предложенія государственныхъ чиновъ 5 герцогствъ, что послужило причиной быстраго водворенія порядка. Далѣе, контрибуція, которой такъ добивался эрцгерцогъ была отвергнута чинами и большей частью дворянъ, изъ боязни, что подобная мѣра при всеобщемъ возбужденіи можетъ оказаться слишкомъ опасной.

Дѣла въ Зальцбургѣ были почти въ томъ же по-

ложенін. Осада крѣпости не могла вестись очень энергично вслѣдствіе недостатка въ осадныхъ орудіяхъ и проведеніе мины подъ скалу подвигалось слишкомъ медленно, чтобы можно было возлагать какія-нибудь надежды на успѣхъ. Михаилъ Груберъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ вмѣсто Праcслера Въ это время пришло неожиданное извѣстіе о наступлени Георга фонъ-Фрейндсберга и герцога Баварскаго во главѣ десятитысячнаго войска и о ихъ приближеніи къ городу. Крестьяне немедленно же взялись за оружіе и окопались въ своемъ лагерѣ на горѣ. Герцогъ Баварскій стоялъ за немедленное нападеніе, но отказался отъ своего намѣренія по совѣту опытнаго Фрейндсберга, которому такое нападеніе показалось слишкомъ рискованнымъ. Позиція, занятая крестьянами, была не только очень сильна, но и очень удобна въ томъ отношеніи, что въ случаѣ пораженія они могли спокойно уйти въ горы, не опасаясь преслѣдованія непріятеля. Эти соображенія послужили основаніемъ полюбовной сдѣлки, къ чему содѣйствовали и еще другія причины. Ни для герцога Баварскаго. ни для Фрейндсберга не составляли тайны начавшіеся переговоры зальцбургцевъ со швейцарцами и, наконецъ, эрцгерцогъ Австрійскій былъ очень заинтересованъ въ умиротвореніи Зальцбурга, такъ какъ не могъ расчитывать на успокоеніе своей собственной страны до прекращенія возстанія въ Зальцбургѣ.

Договоръ между герцогомъ Баварскимъ и Фрейндсбергомъ съ одной стороны и зальцбургцами съ другой заключалъ слѣдующія главныя постановленія: всеобщая амнистія, не исключая главарей, если они

сами явятся въ продолженіи мѣсяца по заключенію договора, удовлетвореніе всѣхъ справедливыхъ жалобъ, введеніе ненарушимаго гражданскаго права, упраздненіе всѣхъ беззаконныхъ раскладокъ. Кромѣ того, архіепископъ долженъ былъ допустить къ себѣ 3 человѣкъ облеченныхъ довѣріемъ населенія въ качествѣ совѣтниковъ. Населеніе съ своей стороны обязывалось выдать всю переписку братскаго союза, вернуть похищенное, вносить всѣ законныя подати, заплатить 14000 флориновъ военныхъ расходовъ и войти въ соглашеніе относительно возмѣщенія убытковъ за причиненный вредъ. Архіепископъ остался неособенно доволенъ подобнымъ договоромъ, но благоразуміе заставило принять его. Ему было также не безызвѣстно, что Баварія, какъ и Австрія расчитываютъ на присоединеніе архіепископства, выдѣляющагося, какъ и по красотѣ природы, такъ и по богатству почвы. Эрцгерцогъ, которому не удалось захватить такихъ лакомыхъ кусковъ, какъ архіепископства аугсбурское, бриксенское и тріентское, съ тѣмъ большей жадностью обращалъ свои взоры на прекрасный Зальцбургъ, такъ что отклоненіе договора архіепископомъ сыграло бы ему только въ руку. Аналогичны были и расчеты Баваріи: послѣднею былъ даже поднятъ вопросъ о сверженіи архіепископа, и въ самой странѣ стали раздаваться голоса за раздѣленіе архіепископства, если только это давало возможность избавиться отъ настоящаго господина. Такимъ образомъ договоръ былъ принятъ архіепископомъ. Что касается до исполненія его, то этотъ вопросъ вызывалъ во всѣхъ сильное сомнѣніе, такъ какъ, даже во время веденія переговоровъ, этотъ

коварный попъ позволилъ себѣ нѣсколько разъ обстрѣливать городъ изъ своей крѣпости.

Къ 1-му сентябрю договоръ между крестьянами и архіепископомъ былъ заключенъ. Крестьяне, не принадлежащіе къ Зальцбургу, бѣжали, такъ какъ они не были включены въ число амнистируемыхъ. Вожаковъ же удалось перетянуть на свою сторону. Каспаръ Праcслеръ получилъ назначеніе горнаго судьи въ Гастейнѣ, Михаилъ Груберъ, главный руководитель шладмингскаго нападенія — начальника отряда тѣлохранителей.

Эрцгерцогъ, какъ авторъ зальцбургскаго договора, принялъ отвѣтственность за проведеніе его въ жизнь, съ своей стороны, населеніе согласно договору освободило безвозмездно заключенныхъ въ Верфенѣ дворянъ, вассаловъ эрцгерцога, но этотъ послѣдній поступилъ совершенно по своему. Онъ отказывался теперь отъ утвержденія договора до выдачи ему лично 100000 флориновъ и возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ въ его герцогствахъ во время возстанія зальцбургскихъ крестьянъ Онъ требовалъ далѣе, возвращенія захваченныхъ во время шладмингскаго сраженія орудій, выдачу шладмингскихъ бѣглецовъ и руководителей нападенія и многаго другого, что стояло въ прямомъ противорѣчіи съ договоромъ. Его кровожадность и жажда мести заставляли его итти еще дальше. Уже по заключенію мира осенью 1525 г. городъ Шладмингъ по его приказу былъ взятъ графомъ Сальмомъ, замѣстителемъ Дитрихштейна и подложженъ со всѣхъ сторонъ. Обывателей, пытавшихся спастись — мужчинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ, хватали и вновь бросали

въ пламя. Городъ со всѣми жителями былъ уничтоженъ; крестьяне окрестныхъ мѣстностей, почему-либо не бѣжавшіе, повѣшены на деревьяхъ цѣлыми сотнями, а имѣнія бѣжавшихъ—конфискованы. Это была месть деспота, месть за совершенное согласно всѣмъ нормамъ военнаго права нападенія у Шладминга, въ благодарность за пощаду крестьянами плѣнныхъ дворянъ. Эрцгерцогъ заслужилъ плохую славу; по жестокости его считаютъ еще хуже Трухзеса и маркграфа Казиміра.

Безчестность эрцгерцога, не уступавшая двусмысленному поведенію архіепископа при заключеніи договора, вызвала вновь броженіе среди крестьянъ. Въ Понгау на Эннѣ и въ Пинигау происходили тайныя собранія и вновь начались приготовленія къ возстанію. Крестьяне встрѣтили большое сочувствіе и поддержку со стороны тирольцевъ, съ которыми эрцгерцогъ, почувствовавшій, что опасность миновала, поступилъ не менѣе вѣроломно. Ни одного изъ условій предписанныхъ договоромъ имъ не было исполнено. Ландтагъ, который долженъ былъ быть созванъ осенью 1525 г., не собрался и обѣщанное новое гражданское право такъ и не было введено.

Эрцгерцогъ Австрійскій нашелъ себѣ вѣрнаго последователя въ лицѣ зальцбургскаго архіепископа. Этотъ послѣдній созвалъ въ концѣ января 1526 г. въ Зальцбургѣ ландтагъ, составленный изъ преданныхъ ему людей. Этотъ такъ называемый ландтагъ, кромѣ того, что назначилъ ему 100000 флориновъ вознагражденія за понесенные убытки и разрѣшилъ ему содержаніе 2000 кнехтовъ на общественный счетъ, выпустилъ еще адресъ, въ кото-

ромъ старался обѣлить архіепископа, взваливая отвѣтственность за всѣ несправедливости на „пришлыхъ, безпокойныхъ, мятежныхъ людей“. Понятно, что вопросъ о введеніи новаго гражданскаго права и прочемъ не поднимался. Ландтагъ разошелся, ничего не измѣнивъ въ существующихъ условіяхъ.

* * *

Гайзмайеръ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ энергично дѣйствовалъ въ кругу многочисленныхъ бѣглецовъ другихъ крестьянскихъ обществъ и вырабатывалъ новые планы. Поведеніе эрцгерцога было ему очень на руку. Его проектъ заключался въ отдѣленіи Тироля, Зальцбурга и проч. альпійскихъ странъ и въ образованіи свободной республики, на подобіе швейцарской. Переговоры, которые онъ велъ съ смертельными врагами габсбургскаго дома, венеціанской республикой и французскимъ дворомъ еще болѣе укрѣпляли его въ его намѣреніи.

Въ началѣ 1526 г. онъ издалъ брошюру, въ которой излагалъ новое гражданское Уложеніе въ духѣ своей программы. По этому произведенію видно, что Гайзмайеръ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и разностороннимъ развитіемъ, не уступающій на поприщѣ государственнаго управленія самымъ выдающимся людямъ своего времени, человѣкъ, глубоко понимавшій потребности своей страны, за благо которой онъ боролся и работалъ и, что еще не менѣе важно, несомнѣнно обладавшій способностью осуществлять свои планы, поскольку это, разумѣется, отъ него зависѣло.

Въ своемъ манифестѣ онъ требовалъ *полнаго ра-*

венства всѣхъ подданныхъ, разрушенія всѣхъ замковъ, укрѣпленій и обводныхъ стѣнъ въ городахъ, съ цѣлью отнять у дворянъ возможность дѣлать какіе бы то ни было подвохи, упраздненія картинъ въ церквахъ и часовняхъ и свободной проповѣди евангелія. Каждая община выбираетъ ежегодно своихъ судей, которые еженедѣльно, въ понедѣльникъ творятъ судъ; ни одна тяжба не должна откладываться больше, чѣмъ на два судебныхъ понедѣльника. Центральное правительство должно было составляться изъ правительственнаго органа, выбираемаго всѣми округами; въ Бриксенѣ учреждалась высшая школа, три профессора которой привлекались въ качествѣ совѣтчиковъ къ участію въ управленіи. Всѣ несправедливые оброки и подати уничтожались; десятинный налогъ шелъ на уплату проповѣдникамъ и вспомоществованіе бѣднымъ; монастыри закрывались и обращались въ госпитали, больницы и дѣтскіе пріюты. Манифестъ заключалъ въ себѣ кромѣ этого еще совѣтъ по улучшенію скотоводства, полеводства, осушенія болотъ, разведенія маслиничнаго и шафраннаго дерева, выдѣлки хорошаго вина и хорошихъ сортовъ зерна, затѣмъ правилъ для контроля надъ доброкачественностью товара и дешевыми цѣнами, правила противъ лихоимства и порчи монеты, постройки и содержанія улицъ, дорогъ, мостовъ, проходовъ, сухопутныхъ и водныхъ путей, устройства и эксплоатаціи рудниковъ и военной защиты. Какъ видно, Гайзмайеръ не упустилъ здѣсь изъ виду рѣшительно ни одного вопроса, имѣющаго хоть малѣйшее значеніе для благосостоянія народа. Его проекты государственнаго

устройства отличаются отъ гиплеровскихъ рѣшительностью и опредѣленностью и возможностью примѣненія ихъ къ жизни. Разумѣется, что касается послѣдняго пункта, нужно сознаться, что отношенія въ германскихъ Альпахъ было упрощеннѣе, чѣмъ въ имперіи.

Гайзмайеръ жилъ большею частью въ Тафасѣ, на самой тирольской границѣ и отсюда возобновилъ свои старыя связи; онъ сдѣлалъ своего брата Ганса Гайзмайера, который жилъ въ Штерцингѣ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, главою заговора. Михаилъ Гайзмайеръ собирался при первой же вспышкѣ возстанія, энергично расправиться съ дворянствомъ и духовенствомъ; онъ намѣренъ былъ также привлечь къ отвѣтственности города, оказавшіе поддержку дворянству, духовенству, а также и правительству въ ихъ притѣсненіяхъ и ихъ мщеніи народу.

Планъ Михаила Гайзмайера заключался въ слѣдующемъ: съ хорошо вооруженнымъ отрядомъ и съ орудіями онъ проникаетъ въ Обериннталь черезъ Финтшгау, между тѣмъ какъ Освальдъ Цейгерль направляется на Швацъ и въ Унтериннталь, а изгнанные изъ своей родины жители Нонзерталя спускаются съ своихъ горъ и нападаютъ и во всѣхъ деревняхъ гудитъ набатъ.

На 31-ое марта вечеромъ было назначено нападеніе на городокъ Глурнсъ во время обѣдни, но участники этого дѣла не явились. Распространившіеся ложные слухи о томъ, что возстаніе откладывается, были причиной крушенія всѣхъ плановъ. Отъ задержанныхъ гонцовъ, правительство ознакомилось съ замыслами крестьянъ. Гансъ Гайзмайеръ былъ аре-

стованъ въ Штерцинѣ, подвергнутъ жестокой пыткѣ и 9-го апрѣля, какъ „государственный измѣнникъ" *четвертованъ* въ Иннсбрукѣ. Но убійство брата еще болѣе озлобило Михаила Гайзмайера. Съ тремя маленькими отрядами хорошо вооруженныхъ ландскнехтовъ онъ тайно пробрался черезъ горы и явился въ концѣ апрѣля къ зальцбургцамъ, къ большой неожиданности своихъ враговъ.

Архіепископъ Зальцбургскій еще въ началѣ апрѣля 1526 г. послалъ гофмаршала Вигеліюса фонъ-Турна съ отрядомъ конницы и ландскнехтовъ противъ пинцгауцевъ. Между Целлемъ и Саальфельдомъ крестьяне вышли къ нему навстрѣчу и обратили его въ бѣгство. Въ короткое время уже вся страна до баварской границы примкнула къ возстанію. 20-го апрѣля крестьяне нанесли второе и на этотъ разъ почти полное пораженіе епископскому войску. Оно стояло лагеремъ подъ Голлингомъ, крестьяне напали на него ночью и нанесли ему большой уронъ. Цагерскій мостъ и важный въ стратегическомъ отношеніи для той мѣстности проходъ Луэгъ были взяты. Нѣсколько дней спустя послѣ этого, Гайзмайеръ явился къ зальцбургцамъ съ своимъ отрядомъ и въ сопровожденіи своихъ друзей Петера Пасслера и Вастля Майера, Гайзмайеръ принялъ на себя главное руководство осады Радштадта, находившагося на границѣ Зальцбурга и австрійскихъ герцогствъ и вслѣдствіе этого имѣвшаго большое значеніе; кромѣ того въ немъ были спрятаны орудія эрцгерцога.

Раурнскіе и понгаускіе крестьяне разрушили между тѣмъ цѣлый рядъ альпійскихъ замковъ и завоевали Гаштейнъ. Вдругъ пришла вѣсть о наступле-

ніи на Пинцгау бывшихъ крестьянскихъ вожаковъ Каспера Праcслера и Михаила Грубера, находившихся теперь на службѣ у архіепископа. Но походъ этотъ не былъ почетнымъ для измѣнниковъ. 800 крестьянъ вышли ему навстрѣчу и у Кицбюхеля разбили и заставили бѣжать. Вскорѣ послѣ этого архіепископское войско потерпѣло второе еще большее пораженіе; онъ отправилъ 1000 человѣкъ черезъ Лунгау на выручку Радштадта и для снабженія его провіантомъ. Дорога шла черезъ обледенѣлые отъ снѣгу и дождя Альпы черезъ Тауеръ. Крестьяне устроили засаду, но непріятель, видя, что крестьянскій аванпостъ спѣшно отступаетъ уже при его приближеніи, набрался мужества и сталъ перелѣзать черезъ засѣку. Наполовину замерзшіе и озябшіе отъ снѣгу и дождя, они были внезапно окружены со всѣхъ сторонъ и отброшены. Изъ 1000 человѣкъ 800 погибло и въ томъ числѣ много дворянъ.

Швабскій союзъ, усмиривъ у себя возстаніе, искоренивъ мятежниковъ, пришелъ теперь на помощь эрцгерцогу. 8 отрядовъ самыхъ отборныхъ солдатъ направились къ Зальцбургу верхъ по Заальзаху. У Кюхель у нихъ произошло столкновеніе съ Гайзмайеромъ. Онъ нарочно отступилъ и такимъ образомъ заманилъ непріятеля въ одну узкую боковую долину, гдѣ внезапно и разбилъ ихъ, и обратилъ въ бѣгство, въ то же время ихъ осыпали градомъ тяжелыхъ камней. Потери у нихъ достигали нѣсколько сотенъ человѣкъ. Такой же тяжелый уронъ потерпѣлъ непріятель при нападеніи у луэгскаго прохода.

Наканунѣ штурма непріятеля у только что упомянутаго ущелья, крестьяне взяли въ плѣнъ своего

бывшаго главнокомандующаго Кристофора Зеценвейка, послѣдовавшаго примѣру Грубера и Праслера и завязавшаго сношенія съ архіепископомъ. Его судили вмѣстѣ съ его профосомъ военнымъ судомъ, вынесли обвиненіе въ измѣнѣ и приговорили къ прохожденію сквозь строй. Съ этого момента Гайзмайеръ получилъ офиціальное назначеніе главнокомандующаго, хотя фактически былъ имъ давно.

Побѣда крестьянъ навела такой страхъ на архіепископа, что онъ бѣжалъ изъ Зальцбурга и только подъ давленіемъ герцога Баварскаго вернулся обратно. Подобно ему многіе были сильно напуганы. Побѣда зальцбургцевъ вызвала восторгъ у крестьянъ всей южной Германіи, и пробудила новыя надежды, а швабскій союзъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что зальцбургцы разсылаютъ во всѣ стороны своихъ гонцовъ, прося поддержки и призывая къ возстанію. Общая опасность объединила враждующихъ между собой дворянъ и они стали стекаться со всѣхъ концовъ во главѣ значительныхъ отрядовъ, чтобы подавить возстаніе.

31-го іюня Георгъ Фрейндсбергъ съ сильнымъ отрядомъ напалъ на пинцгауцевъ на ярмаркѣ Целль. Крестьяне были разбиты и потеряли 600 человѣкъ. При отступленіи они разрушили мостъ черезъ Зальцу, что только и спасло ихъ отъ полнаго разгрома. Съ другой стороны къ Радштадту приближалось сильное австрійское войско. За неимѣніемъ осадныхъ орудій крестьяне не могли взять Радштадтъ и осада такимъ образомъ должна была прекратиться. Наступленіе съ трехъ сторонъ сильнаго непріятеля побудило Гайзмайера обратиться къ отряду съ совѣтомъ бѣжать.

Крестьяне расположились лагеремъ у Альтенмарктъ; надвигающійся непріятель былъ увѣренъ, что Гайзмайеръ сдѣлаетъ отчаянную попытку и приметъ сраженіе, въ которомъ онъ въ концѣ концовъ будетъ побитъ.

Такая перспектива ихъ радовала. Многочисленные сторожевые огни въ лагерѣ Гайзмайера въ ночь съ 4-го на 5-е іюля еще болѣе подтверждали ихъ предположеніе. Въ ожиданіи нападенія они поставили караулъ. Утромъ же къ ихъ большому удивленію лагерь оказался пустымъ. Большая часть крестьянъ бѣжала ночью въ свои долины. Гайзмайеръ и Прасслеръ съ 600-ми крестьянъ ушли въ горы по дорогѣ, считавшейся непроходимой. Разозленные тѣмъ, что страшный врагъ ускользнулъ изъ-подъ рукъ, они сожгли Альтенмарктъ. Гайзмайеръ пошелъ черезъ Раурисскій Тауэръ въ Тироль и оттуда черезъ Брюнекенъ въ Пустерталь—резиденцію Бриксенскаго епископа. Онъ надѣялся застигнуть его врасплохъ, но ошибся въ расчетѣ. Въ то время, какъ онъ стоялъ уже у Брюнекена подошелъ Фрейндсбергъ съ 8000 человѣкъ. Съ подобной силой Гайзмайеръ не рѣшился вступить въ бой; онъ снялъ свой лагерь и безпрепятственно пошелъ черезъ Ріенцъ, Гахельштейнъ, аббатство Бухенштейнъ и Агортъ въ Венеціанскія владѣнія. Фрейндсбергъ, который не былъ въ состояніи преслѣдовать его въ этомъ опасномъ походѣ, принужденъ былъ оставаться лишь пассивнымъ зрителемъ. Смѣлый походъ Гайзмайера, вызывая у враговъ удивленіе и страхъ, радостно волновалъ народъ. Даже заграницей цѣнили по достоинству таланты и смѣлость Гайзмайера.

Венеціанская республика назначила ему 400 дукатовъ годового дохода и отдала въ его распоряженіе дворецъ въ Падуѣ; кромѣ того она брала на свой счетъ содержаніе солдатъ. Венеція видѣла въ Гайзмайерѣ опору и неоцѣнимаго союзника, а онъ также съ своей стороны не отказался отъ намѣренія воспользоваться помошью Венеціи, Швейцаріи, а въ случаѣ необходимости даже Франціи для превращенія своей альпійской родины въ свободную республиканскую страну. Зальцбургскіе крестьяне принуждены были вновь покориться... Участники возстанія въ мѣстечкахъ и долинахъ были разоружены и каждый домъ обложенъ контрибуціей въ 8 флориновъ. 27 человѣкъ изъ всего числа возставшихъ мятежниковъ, явившихся въ Данценбахъ въ Пинсхау по официальному предложенію было казнено.

Въ другихъ мѣстахъ также происходили казни. Жилища казненныхъ и бѣжавшихъ были разрушены и колокола во всѣхъ мѣстахъ сняты съ колоколенъ, чтобы воспрепятствовать набатному звону. Дворяне оказались побѣдителями, но разбитый крестьянскій полководецъ въ Падуѣ не давалъ имъ покою и мѣшалъ насладиться плодами своихъ побѣдъ.

Слухи о новомъ походѣ не прекращались. Гайзмайеръ сталъ героемъ въ глазахъ народа. Какъ въ самыхъ бѣдныхъ горныхъ альпійскихъ хижинахъ, такъ и въ долинахъ по окраинамъ страны имя его произносилось съ глубокимъ уваженіемъ; восторженные разсказы о его смѣлыхъ походахъ передавались изъ устъ въ уста и народъ не переставалъ надѣяться, что онъ вновь явится и на этотъ разъ

освободитъ ихъ. Слухи о новомъ походѣ были небезосновательны.

Весной 1528 г. Гайзмайеръ пріѣхалъ въ Цюрихъ, куда одновременно съѣхались уполномоченные Венеціи, герцога Ульриха Вюртембергскаго, различныхъ швейцарскихъ кантоновъ и нѣсколькихъ представителей евангелическихъ и имперскихъ чиновъ. Заключеніе союза противъ короля Карла V составляло вопросъ дня, хотя этотъ замыселъ не былъ осуществленъ. Гайзмайеръ лежалъ тяжелымъ бременемъ на австрійскомъ правительствѣ и южно-тирольскихъ епископахъ, одинъ изъ которыхъ даже сказалъ какъ-то, что „будь онъ низкаго происхожденія онъ давно-бы освободилъ правительство отъ Гайзмайера". Эти слова кровожаднаго попа ясно указываютъ на то, что замышлялось. Была сдѣлана попытка подкупить на убійство одного изъ слугъ Гайзмайера. Слуга хотя и взялъ деньги, но убійство не совершилъ. Тогда прибѣгли къ другимъ орудіямъ. Два испанца пробрались въ квартиру Гайзмайера въ Падуѣ, отрубили ему во время сна голову и повезли ее въ Иннсбрукъ, чтобы тамъ изъ рукъ австрійскаго правительства получить награду за свое преступленіе. Такая же участь постигла и его товарища Праcслера. Онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Гайзмайеровскаго отряда въ Фріулѣ. Одинъ изъ его солдатъ—тиролецъ Лука Визеръ былъ подкупленъ; онъ застрѣлилъ Праcслера, отрубилъ ему голову и также отвезъ ее въ Иннсбрукъ, въ награду за что получилъ деньги и помилованіе. Такимъ образомъ серія кровавыхъ преступленій герцога пополнились еще убійствами. Этими двумя убій-

ствами и закончилась революціонная драма, носящая названіе крестьянской войны.

Заключеніе.

Крестьянская революція въ Германіи была подавлена. Изъ всѣхъ германскихъ владѣній, находящихся въ районѣ, охваченномъ волной революціи, одно только Баварское герцогство осталось незатронутымъ, на что были свои причины. Положеніе крестьянина въ Баваріи было сравнительно сноснымъ. Крѣпостного права въ истинномъ смыслѣ этого слова тамъ не существовало, а если оно и было, то на такомъ органиченномъ пространствѣ, что не имѣло серьезнаго значенія. Земля была большею частью свободна отъ податей, а существующіе всякаго рода поборы и налоги въ пользу духовенства не были все же настолько обременительны, чтобы вызвать народное возстаніе. Главныя жалобы крестьянъ касались двухъ пунктовъ—пастбищъ и охоты, но эти два требованія нетрудно было удовлетворить. Если и встрѣчались мѣстности, гдѣ недовольство принимало угрожающій характеръ, то обыкновенно баварскимъ герцогамъ (герцогствомъ управляли два брата), и канцлеру Эку удавалось угрозой военной силы запугать недовольныхъ.

Какъ только возникло крестьянское движеніе въ южной Германіи, Баварія немедленно позаботилась

о созданіи могущественной военной силы. Средства для этого были очень энергично добыты отъ духовенства и монастырей—источника, хотя и бывшаго въ распоряженіи правительства, но тщательно оберегаемаго до сихъ поръ отъ его посягательствъ. Монастыри были обложены сообразно ихъ доходности контрибуціей. Уже въ концѣ февраля 1525 г. они доставили налоговъ 30000 флориновъ, но этого все же было недостаточно. Впослѣдствіе вся дорогая утварь, серебро, всѣ драгоцѣнности были отняты подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ берутъ на храненіе, отправлены въ Мюнхенъ и обращены въ деньги. На жалобы монаховъ и монахинь правительство заявило: „настоящее положеніе дѣлъ насъ принуждаетъ къ этому. Вы въ свое время дѣлали вѣдь то же самое“.

Кромѣ того на обязанности духовенства еще по старинному обычаю лежала доставка обозовъ, упряжи, прислуги, лошадей, оружія и необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Когда при взиманіи второго сбора съ монастырей духовенство проявило недовольство по поводу этого противнаго обычаю новшества, ему вполнѣ основательно отвѣтили: „обложеніе имущества духовенства дѣйствительно неслыханное новшество, но и крестьянская революція—новое и неслыханное явленіе, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ и духовенство не безъ грѣха. Это вполнѣ оправдываетъ наши сборы“.

Эти мѣры, въ связи съ сравнительно сноснымъ матеріальнымъ положеніемъ значительнаго большинства крестьянъ, и были помѣхой возникновенія возстанія въ Баварскомъ герцогствѣ; съ другой стороны,—онѣ давали возможность, какъ мы видѣли,

оказывать сосѣднимъ правительствамъ различныя и подчасъ очень существенныя услуги. Такое спокойствіе въ Баваріи было очень выгодно правительству. Баварія служила связующимъ звеномъ между Швабіей и остальными округами всей Германіи — съ одной стороны и Зальцбургомъ, Австрійскими герцогствами и Тиролемъ — съ другой. Движеніе сдѣлалось бы неизмѣримо сильнѣе отъ присоединенія Баваріи, но этого не случилось, что имѣло роковыя послѣдствія для всей войны.

Сѣвера и Востока Германіи движеніе по причинамъ, указаннымъ нами выше, почти не коснулось. Только въ Силезіи и особенно въ теперешней провинціи Пруссіи, въ Самогитіи, въ Лифляндіи и Эстляндіи были частичныя вспышки.

Теперешняя провинція Пруссія была до 1525 г. собственностью нѣмецкаго ордена. Въ этомъ году гофмейстеръ нѣмецкаго ордена Альбрехтъ фонъ-Бранденбургъ превратилъ страну въ свѣтское княжество подъ своимъ скипетромъ и въ видахъ усиленія своей власти пригласилъ въ Пруссію лютеранскихъ священниковъ для распространенія новаго ученія. Съ лютеранскими священниками проникли также и предиканты. Ученіе о евангельскомъ равенствѣ и братствѣ, воспринимаемое вездѣ народомъ въ земномъ и матеріальномъ смыслѣ, упало на благодатную почву и устраненіе дворянства сдѣлалось теперь главнымъ требованіемъ крестьянъ, осуществленія котораго они энергично добивались. Особенно энергичную агитацію противъ дворянъ повели крестьяне Самогитіи. Эта страна находилась въ продолженіи многихъ вѣковъ подъ управленіемъ нѣмец-

каго ордена, который своимъ невѣроятно жестокимъ правленіемъ возбудилъ страшную ненависть крестьянъ. „Они не только смотрѣли на народъ какъ на барановъ, которыхъ можно стричь, какъ на дойную корову,—они сосали его кровь, они пожирали его мясо“,—таково мнѣніе одного современнаго писателя. Крестьяне организовались подъ руководствомъ различныхъ главарей, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ духовному сословію, но къ насильственнымъ дѣйствіямъ не прибѣгали. Своею цѣлью они ставили возстаніе противъ дворянъ и устраненіе ихъ, противъ же князей они ничего не имѣли.

Герцогъ Альбрехтъ, братъ свирѣпаго маркграфа Казиміра фонъ-Анспахъ, не довѣрялъ такому миролюбивому отношенію, съ другой стороны – онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ лишиться дворянства, главной опоры своего трона. Гдѣ была гарантія, что народъ, устранивъ предварительно дворянство, не захочетъ въ заключеніе свергнуть и его. Если привилегія и первенствующее значеніе дворянства являются главными мотивами къ стремленію уничтожить это сословіе, то на какомъ основаніи пощадятъ его, самаго привилегированнаго изъ нихъ?! Прорвавъ плотину, стремленіе къ свободѣ не знаетъ ужъ границъ. Народъ не можетъ заглядывать такъ далеко, онъ добивается лишь ближайшей цѣли, но тѣмъ прозорливѣе его враги; интересы, поставленные на карту, дѣлаютъ ихъ очень проницательными. Они никогда не ошибаются, только народъ ошибается, когда по свойственной ему простотѣ и добродушію удовлетворяется полумѣрами, неболь-

шими уступками, постоянно забывая или не зная, что вопросы права являются вопросами силы и что недостаточно одной готовности привилегированныхъ классовъ отказаться отъ своихъ правъ. необходимо еще лишить ихъ возможности возвратиться къ прошлому.

Во главѣ 300 рыцарей герцогъ объѣхалъ въ ноябрѣ 1525 г. всю страну, не пропуская ни одного города и даже села, выхватывая всюду подозрѣваемыхъ участниковъ возстанія — крестьянъ и бюргеровъ, подвергая ихъ пыткѣ, казни или высылкѣ. Такъ, въ Кенигсбергѣ казнили 30 крестьянъ и нѣсколько бюргеровъ; въ другихъ мѣстахъ повторялось то же самое. Многіе подозрѣваемые бѣжали. Всякая попытка къ обширному возстанію была оставлена.

Месть и жестокость - характерныя свойства господствующихъ классовъ въ подавленіи освободительнаго движенія угнетеннаго народа. Исторія не знаетъ ни одной подавленной революціи, гдѣ бы эти характерныя свойства вернувшихся къ власти людей не проявились во всей своей силѣ. И крестьянамъ XVI-го вѣка пришлось испытать на себѣ въ слишкомъ тяжелой формѣ эти черты природы господствующаго класса. Недостаточно того, что они, упоенные побѣдой, казнили, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, пытали, убивали, палили, жгли и налагали контрибуцію, выкалывали глаза и отрубали пальцы мужчинамъ, женщинъ и дѣвушекъ безчестили и били, но еще долго спустя послѣ подавленія возстанія всевозможные акты мести не прекращались. Подозрительные привлекались спустя много времени, подвергались пыткѣ и несли самыя строгія

наказанія; были случаи, что подобные факты повторялись по истеченіи 10–15 л.

Какъ неистовствовалъ швабскій союзъ видно изъ того, что онъ одинъ казнилъ всего 10.000 крестьянъ и бюргеровъ; во всей Германіи же потери крестьянъ въ бояхъ и сраженіяхъ и массовыхъ казняхъ достигаютъ свыше 100.000 человѣкъ. Но казни и прочія наказанія являлись не только актами мести, но служили еще средствомъ обогащенія дворянъ. Состоянія казненныхъ, какъ и ссыльныхъ или бѣглецовъ, всюду конфисковывались въ пользу дворянъ. Непомѣрныя подати и контрибуціи, которыя бѣдные крестьяне не въ состояніи были выплатить въ продолженіи десятилѣтій, налагались подъ видомъ сбора за возмѣщеніе убытковъ. Вдовы и сироты, которыя насчитывались тысячами, бродили по дорогамъ голодныя, живя подаяніемъ, и проклиная свою судьбу.

Въ Швейцаріи образовались буквально цѣлыя колоніи бѣглецовъ, которые устраивали періодическіе съѣзды и совѣщанія, поддерживая тайныя сношенія съ родиной, въ надеждѣ вызвать второе возстаніе и вернуться на родину. Нѣсколько лѣтъ подрядъ провелъ Ремми фонъ-Циммернъ, отличившійся вмѣстѣ съ Еклейномъ Рорбахомъ въ Вейнсбергѣ у герцога Ульриха въ Гогентвилѣ. Самъ герцогъ поддерживалъ дружескія сношенія со всѣми бѣглецами Швейцаріи и другихъ странъ, расчитывая съ ихъ помощью опять вернуться на родину, что, впрочемъ, случилось только въ 1534 г. благодаря союзу съ ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ послѣ болѣе 15-лѣтняго изгнанія. Другіе бѣглецы скрывались въ дремучихъ густыхъ лѣсахъ. Тамъ они собирались,

организовывались въ разбойничьи шайки и въ такомъ видѣ вели борьбу съ обществомъ, такъ жестоко выбросившимъ ихъ изъ своей среды и лишившимъ ихъ отечества.

Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ главарей возстанія, избѣгнувшихъ смерти или заключенія, попъ Флоріанъ жилъ вмѣстѣ со многими агитаторами и священниками въ Швейцаріи, Георгъ Мецлеръ, бѣжавшій вмѣстѣ съ Венделемъ Гиплеромъ послѣ пораженія при Кенигсгофенѣ, исчезъ безслѣдно—о немъ не было никакихъ извѣстій. Вендель Гиплеръ, бѣжавшій въ Ротвейль, возбудилъ тамъ дѣло противъ графа Гогенлоэ, присвоивавшаго себѣ его имѣніе. Но тотъ привлекъ его, въ свою очередь, въ качествѣ одного изъ главныхъ зачинщиковъ возстанія, и Гиплеръ вынужденъ былъ покинуть Ротвейль. По дорогѣ на сеймъ въ Штейеръ въ 1526 г. онъ былъ пойманъ сыщиками курфюрста Пфальскаго и заключенъ въ тюрьму въ Нейштадтѣ, гдѣ и умеръ въ томъ же году до окончанія слѣдствія. Маттерну Фейербахеру, начальнику Вюртембергскаго отряда, удалось бѣжать въ Швейцарію изъ Ротвейля, гдѣ онъ находился въ заключеніи. Его помощникъ, предводитель штутгардцевъ, скрывался въ имперскомъ городкѣ Эслингенѣ. Обоимъ удалось, послѣ многихъ лѣтъ, вернуться на родину въ свои покинутыя помѣстья. Противъ Геца фонъ-Берлихенгена былъ возбужденъ процессъ, который, впрочемъ, кончился довольно благопріятно для него. Онъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе не мстить за понесенное оскорбленіе, не переходить за предѣлы своего округа и не проводить ночи внѣ своего дома. Но Карлъ V

освободилъ его впослѣдствіи отъ этой присяги, давъ ему охранительную и покровительственную грамоту.

Дворяне также отчасти понесли убытки и потери. Число разрушенныхъ крестьянами монастырей и помѣстій превышало 1000, многіе изъ нихъ такъ и не были возстановлены. Низшее дворянство сильно обѣднѣло и легло всей тяжестью на попеченіе князей, которые приспособили ихъ къ придворной службѣ. Изъ всѣхъ сословій только одни владѣтельные князья извлекли выгоду изъ существующаго положенія вещей. Они расширили свои владѣнія и усилили свою власть, подчинивъ себѣ города, секуляризовывая церковныя имущества и заставляя дворянъ въ силу необходимости поступать къ себѣ на службу. Пораженіемъ крестьянъ проявленіе народной силы было подавлено на цѣлое столѣтіе. Здѣсь ясно выступила тѣсная связь религіозныхъ запросовъ съ соціально-политическими. Всюду во время возстаній крестьяне выставляли на первомъ планѣ своихъ требованій свободу проповѣди евангелія. Они инстинктивно чувствовали, что ихъ политическо соціальныя завоеванія могутъ быть прочны лишь при условіи свободы совѣсти, иначе говоря, когда религія перестанетъ быть средствомъ насилія.

Но когда осуществленіе ихъ соціально политическихъ требованій, благодаря ихъ пораженію, сдѣлалось невозможнымъ, *пропалъ и всякій интересъ къ религіозной реформѣ. Народъ чувствовалъ, что послѣдняя, безъ спеціально политическаго преобразованія — ложь и обманъ.* Реформація, которая до начала крестьянской войны не безъ основанія могла надѣяться быстро завоевать всю Германію, *сдѣла-*

лись после войны безразличной народу; она являлась только лишнимъ козыремъ въ рукахъ князей: подъ ея прикрытіемъ они захватили церковныя и монастырскія владѣнія, и подъ видомъ борьбы за свободу совѣсти, скрыли стремленіе уничтожить королевскую власть и завоевать себѣ полную независимость.

Народъ сталъ равнодушнымъ свидѣтелемъ борьбы между протестантскими князьями и католическою королевской властью. По приказу князя сегодня его дѣлали реформаторомъ, завтра—обращали въ лютеранство и наоборотъ. Борьба изъ-за религіозныхъ ученій и убѣжденій съ тѣхъ поръ, какъ они утратили свою матеріальную подкладку, перестала быть борьбой для тѣхъ, кого она раньше интересовала; борьба эта обратилась въ простую поповскую ссору, которая, не затрагивая нисколько народъ, служила лишь средствомъ князьямъ для достиженія ихъ цѣлей.

Шмалькальденская война, вспыхнувшая черезъ 21 годъ послѣ крестьянской войны и тридцатилѣтняя война, имѣвшая мѣсто почти черезъ 100 лѣтъ, обѣ эти войны, хотя и извѣстны въ исторіи подъ именемъ религіозныхъ и хотя повидимому велись во имя религіозной свободы народа, на самомъ дѣлѣ преслѣдовали только интересы князей. Народъ за исключеніемъ состоятельнаго бюргерства имперскихъ городовъ, видѣвшихъ въ реформаціи подобно князьямъ, опеку своихъ соціально-политическихъ интересовъ, оставался равнодушнымъ зрителемъ, и какъ во всѣхъ войнахъ, страдающей стороной. Его посѣвы въ продолженіи цѣлыхъ десятилѣтій опустошались, поля приводились въ негодность, хижины

предавались пламени, скотъ угонялся. Вмѣстѣ съ тѣмъ его женъ и дочерей—безчестили, его же самого, въ случаѣ сопротивленія, убивали. Вотъ все, что онъ извлекалъ для себя изъ этой борьбы. При подобныхъ условіяхъ трудно было ожидать съ его стороны одушевленія. Его одинаково притѣсняли, обирали, грабили, какъ ярый католикъ и ревностный лютеранинъ, такъ и благочестивый реформаторъ. Всѣ они, безъ различія вѣроисповѣданія, сосали его кровь, ѣли его мясо. Цѣлыя столѣтія продолжался еще гнетъ, сбросить который несмотря на всѣ усилія не удалось въ первой четверти XVI вѣка. Только революція XVIII вѣка разбила оковы—послѣднюю опору феодальной власти. Натуральныя повинности были упразднены, за что крестьяне должны были внести выкупъ.

Но, избавившись отъ одного врага, они стали жертвой другого. Мѣсто феодала занялъ современный капиталистъ, который съ ипотечной книгой въ рукахъ беретъ себѣ большую часть труда этого, ставшаго „свободнымъ", человѣка. Капиталистъ присваиваетъ себѣ его собственность, низводитъ его до положенія неимущаго бобыля или поденщика, если тотъ въ состояніи аккуратно исполнять свои прежнія обязанности и заставляетъ его — „свободнаго рабочаго"—продавать себя—капиталисту, его рабочую силу. И то, что не можетъ закончить современный капиталистъ, завершаетъ государство. Милитаризмъ, военные и всякіе другіе налоги, церковные и коммунальные сборы, давятъ его, превращая этого „свободнаго" человѣка въ пролетарія.

Конечно, крестьянинъ XIX вѣка культурнѣе и циви-

лизованнѣе своего собрата XVI вѣка: какъ не пренебрегали его духовнымъ развитіемъ, все же прогрессъ цѣлыхъ столѣтій не могъ не коснуться и его. Но положеніе его по отношенію къ современному крупному землевладѣльцу нисколько не улучшилось. Новѣйшее культурное развитіе сопровождалсь громаднымъ прогрессомъ человѣчества, выставивъ въ яркомъ свѣтѣ 1) противоположность интересовъ капиталистовъ съ одной стороны и сельскихъ и индустріальныхъ рабочихъ съ другой, 2) указавъ общность интересовъ послѣднихъ и какъ слѣдствіе этого — необходимость для нихъ совмѣстныхъ дѣйствій, 3) доказавъ необходимость преобразованія общества въ организацію, исключающую всякое господство, а значитъ и всякое угнетеніе. Словомъ, необходимость въ пересозданіи человѣческаго общества на основаніи равенства и братства стала теперь неизбѣжной для всѣхъ мыслящихъ умовъ.

Смутныя предчувствія и неясныя стремленія передовыхъ людей XVI вѣка, приняли вполнѣ реальную форму въ послѣдней четверти XIX вѣка, сдѣлавшись всеобщимъ достояніемъ всѣхъ стремящихся къ устраненію препятствій въ движеніи человѣчества по пути къ всеобщему счастью и благополучію.

Неясный религіозный мистицизмъ XVI вѣка, способный только къ мечтамъ о всеобщемъ счастьѣ и водвореніи „Царства Божія“ на землѣ, развился въ сознательное ученіе научно-матеріалистическаго соціализма, который, отдавая должное религіи и Богу, тѣмъ болѣе не отрывается отъ земли, стараясь замѣнить существующій только въ воображеніи небесный рай—реальнымъ земнымъ.

Пусть крестьяне, рабочіе и всѣ стремящіеся изъ чисто идеалистическихъ побужденій къ освобожденію человѣчества изъ узъ матеріальной нужды и духовнаго рабства, подадутъ другъ другу руки для борьбы самой благородной, самой великой, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ.

Новый міръ только въ зародышѣ, старый же обреченъ на гибель.

Общественное равновѣсіе нарушено. Никогда въ исторіи человѣчества законодательная машина правящихъ классовъ не работала такъ усердно, какъ теперь и тѣмъ не менѣе нигдѣ не замѣчается сейчасъ ни устойчивости дѣйствій, ни даже способности отдаваться наслажденію. Общественныя отношенія переросли рамки, въ которыхъ вращается общество.

Оно не въ силахъ при данной организаціи разрѣшить задачи, поставленныя современнымъ человѣчествомъ.

Современное государство и общественныя отношенія не удовлетворяютъ болѣе матеріальныхъ и интеллектуальныхъ потребностей массъ, т. к. всѣ господствующія формы стоятъ въ прямомъ противорѣчіи со всѣми истинно-культурными интересами.

Будемъ работать, бороться и добиваться замѣны отжившихъ формъ новыми, лучшими, высшими. Эта цѣль достойна самыхъ неимовѣрныхъ усилій,—и побѣда несомнѣнна.

КОНЕЦЪ.

400-00

400

пр. С. Н. Булгаковъ Вѣнецъ терновый (памяти Ѳ. М. Достоевскаго). *Пр. С. Н. Булгаковъ.* Воскресеніе Христа и современное сознаніе.

Серія (для народа).

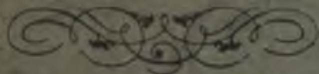
Вал. Свенцицкій Что нужно крестьянину? ц. 3 к. *А. В. Ельчаниновъ.* О самоуправленіи, ц. 1 к. *В. Марковъ.* Положеніе евреевъ въ Россіи, ц. 2 к. *Дм. Рябининъ.* Восьмичасовой рабочій день, ц. 3 к. *Вл. Эрнъ.* Семь свободъ, ц. 3 к. *А. В. Ельчаниновъ.* Житіе св. Франциска Ассизскаго, ц. 8 к. *Вл. Эрнъ.* Какъ нужно жить христіанамъ? ц. 3 к. *Дм. Рябининъ.* Зачѣмъ нужны рабочимъ союзы? ц. 3 к. *Вл. Эрнъ.* Христіане и революція. *Вал. Свенцицкій.* Правда о землѣ. *Омега.* Солдатъ задумался (три разсказа). *свящ. Іона Брихничевъ.* „Вы все еще спите"!

Серія (переводная).

1 *Пр. А. Брентано.* Христіанско-соц. движеніе въ Англіи, съ пред. проф. С. Н. Булгакова, ц. 40 к. 2) *пр. Зомъ.* Церковный строй въ первые вѣка христіанства. 3) *Гарнакъ.* Сущность христіанства. 4) *Флоберъ.* Искушеніе Св. Антонія.

Изданія Д. П. Ефимова.

Беллами. Черезъ сто лѣтъ, (сокращ.), ц. 10 к. *В. Линдъ.* Что дѣлалось въ русской землѣ до начала русскаго государства, ц. 8 к. *Б. И. Александровскій.* Народное правленіе въ древней Руси, ц. 15 к. *О. Линдъ.* Князь Владиміръ Мономахъ ц. 10 к. *О. Линдъ.* Тверь и Москва въ пер. пол. XIV вѣка, ц. 10 к. *Т. Линдъ.* Никонъ и Аввакумъ, ц. 10 к.



Складъ изданій: Москва, Моховая, домъ Бекендорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова.